

**БЕГЛЫЕ ПЛАНЕТЫ
ТЕМНЫЕ НОЧИ**

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

BOB
SHAW

THE FUGITIVE WORLDS

DARK NIGHT

БОБ
ШОУ

БЕГЛЫЕ ПЛАНЕТЫ

ТЕМНЫЕ НОЧИ

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2003

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
Ш81

Серия основана в 1999 году

Bob Shaw
THE FUGITIVE WORLDS
DARK NIGHT
1989

Перевод с английского

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинин

Печатается с разрешения издательства Victor Gollancz Ltd.,
an imprint of The Orion Publishing Group Ltd.
и литературного агентства Synopsis.

Подписано в печать 26.02.03. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 9000 экз. Заказ № 536.

Шоу Б.

Ш81 Беглые планеты: Фантаст. роман; Темные ночи: Рассказы:
Пер. с англ. / Б. Шоу. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. —
602, [6] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-017534-5

Перед вами — один из оригинальнейших миров за всю историю
существования жанра научной фантастики.

Здесь вокруг друг друга вращаются две планеты, соединенные общей
атмосферой...

Здесь межпланетные путешествия совершаются НА ВОЗДУШНЫХ
ШАРАХ, а главным оружием в межпланетной войне являются ЛУК и
СТРЕЛЫ.

Здесь привычные нам вещи используются весьма НЕПРИВЫЧНЫМИ
способами — и используются УДАЧНО!

Здесь происходит действие бесконечно увлекательной фантастической
трилогии Боба Шоу!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

© Bob Shaw, 1989
© ООО «Издательство АСТ», 2003

БЕГЛЫЕ ПЛАНЕТЫ

The Fugitive Worlds.

© Перевод. Жикаренцев А.В., 2003.

ЧАСТЬ I

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА МИР

ГЛАВА 1

Преодолев наконец зону невесомости, одинокий астронавт углубился в тысячемильный слой постепенно уплотняющейся атмосферы и начал падение, которому суждено было продлиться не один день. Спустившись пониже, человек попал в воздушные потоки, которые отнесли его далеко к западу от столицы. Возможно, по причине элементарной неопытности, а быть может, желая побыстрее выбраться из неудобного кокона, он раскрыл парашют слишком рано. Купол, затрепетав, развернулся, но до поверхности планеты оставалась еще добрая дюжина миль, и в результате астронавта унесло еще дальше — в малонаселенные области, раскинувшиеся за Белой рекой.

Толлер Маракайн-младший патрулировал этот район вот уже восемь дней. Он поднес к глазам мощный бинокль и внимательно изучил серую каплю парашюта, практически незаметную на фоне неба, усеянного дневными звездами. Человек был словно приколот под огромным диском планеты-сестры, заполняющей всю центральную часть небосвода. Постоянная качка воздушного корабля мешала как следует рассмотреть цель, но все-таки Толлер различил кро-

шечную фигурку, ухватившуюся за стропы, и почувствовал радостное предвкушение.

Какие известия несет этот астронавт?

Как считал лично Толлер, сам факт того, что экспедиция продлилась дольше ожидаемого, уже был хорошим признаком, и теперь оставалось лишь побыстрее подобрать агента и оттранспортировать его в Прад. Часами висеть над бесконечно однообразной равниной, время от времени обмениваясь приветствиями с редкими фермерами, — занятие не из веселых, и Толлер страстно желал поскорее вернуться в город, где всегда можно пропустить глоток доброго вина в хорошей компании. Кроме того, он не довел до конца кое-какое дельце во время последней встречи с Харианой, красавицей блондинкой из Гильдии Ткачей. Толлер столько дней преследовал ее, и надо же было такому случиться: он уже чувствовал, что она вот-вот сдастся, как вдруг его срочно отослали в этот весьма утомительный патруль.

Судно легко мчалось на крыльях восточного бриза, изредка используя реактивные двигатели, чтобы держать курс на несомого ветром парашютиста. Несмотря на тень от нависшего над головой эллиптического газового баллона, жара на верхней палубе была невыносимой, и Толлер видел, что всем двенадцати матросам ничуть не меньше, чем командиру, не терпится покончить с этой миссией. Их шафрановые форменные рубашки насквозь пропитались потом, а настроение команды упало до критической отметки, дозволяемой кодексом бортовой дисциплины.

Под гондолой, двумя сотнями футов ниже, степенно проплывали возделанные поля, превращаясь в бесконечные полосы, уходящие за горизонт. Прошло чуть больше пятидесяти лет со времен переселения на Верхний Мир, а колкорронские фермеры уже успели разукрасить своими

рисунками естественный ландшафт. На планете, где смена времен года отсутствует, всевозможные злаки и овощи представлены во всем великолепии, причем каждая культура плодоносит в свое время. Фермерам пришлось немало потеть, но они все же рассортировали их по группам и теперь собирали до шести урожаев в год, как испокон веков на Старой планете. Каждое поле состояло из нескольких разноцветных полос, демонстрируя нежную зелень всходов, золото налившегося зерна и чернь вспаханной земли.

— К югу от нас еще один корабль, сэр, — крикнул Нискодар, рулевой. — Следует на нашей высоте, может, чуть выше. Примерно в двух милях.

Толлер нашел глазами судно — темный штрих на оза-ренном пурпуром горизонте — и навел бинокль. На корабле стояли голубовато-желтые эмблемы Небесной Службы, чему Толлер немало подивился. За прошедшие восемь дней всего несколько раз вдалеке мелькал экипаж, патрулирующий соседний, расположенный к югу, сектор, но встречи эти были мимолетны, и команды успевали обменяться лишь традиционными приветствиями. Этот же корабль вторгся на территорию, закрепленную за Толлером, и приближался на всех парах, видимо, намереваясь перехватить возвращающегося парашютиста.

— Включите мигалку. — Толлер повернулся к лейтенанту Фиру, облокотившемуся на поручни рядом с ним. — Передайте командиру судна мои приветствия и посоветуйте изменить курс — я исполняю волю королевы и вмешиваться не позволю никому.

— Есть, сэр, — бодро ответил Фир, довольный, что небольшая стычка хоть немного оживит погоню за несомым ветром парашютистом. Открыв рундук, он вытащил оттуда солнечный телеграф новой, облегченной конструк-

ции с посеребренными зеркальными пластинами вместо обычного многослойного стекла. Фир настроил прибор и заработал клавишей — послышалось быстрое резкое пощелкивание. Примерно с минуту после передачи послания корабли следовали своим курсом, а потом на неизвестном судне в свою очередь ожило крохотное солнышко.

«Добрый утренний день, капитан Маракайн, — гласил ответ. — Графиня Вантара также приветствует вас. Она решила лично принять участие в этой операции. Ваша помощь больше не требуется. Настоящим вам предписывается немедленно возвращаться в Прад».

Толлер подавил уже готовое вырваться проклятие, вызванное наглостью послания. Он никогда не встречался с графиней Вантарой, но прекрасно знал, что она, являясь капитаном Небесной Службы, приходится внучкой самой королеве и частенько пользуется этим, дабы подкрепить свою власть. Многие командиры в подобной ситуации немедленно развернули бы корабли, опасаясь за свою карьеру — ну, может, поспорили бы чуть-чуть для приличия, — но Толлер не привык отступать при столь явном нарушении правил. Рука его легла на рукоять меча, когда-то принадлежавшего деду; нахмурившись, он мрачно разглядывал нарушителя границ, составляя в уме ответ на высокомерное требование графини.

— Сэр, должен ли я подтвердить прием? — Голос лейтенанта Фира звучал бесстрастно, но яркие искорки, мелькавшие у него в глазах, выдавали удовольствие от того, что начальник попал в весьма затруднительное положение. Несмотря на субординацию, лейтенант, будучи несколько старше возрастом, считал, как, впрочем, и многие другие, что Толлер так быстро получил звание капитана только потому, что происходил из влиятельного семейства. Было видно, что стычка между двумя привилегированными персонами доставляет ему истинное наслаждение.

— Разумеется, подтвердите, — кивнул Толлер, скрывая раздражение. — Из какого семейства происходит графиня?

— Она урожденная Дервонай, сэр.

— Хорошо, отбросьте в сторону все эти графские ужимки и обращайтесь к ней как к капитану Дервонай. Передавайте. «Искренне благодарим за любезное предложение, но на данный момент присутствие в районе еще одного экипажа может скорее помешать, нежели помочь. Возвращайтесь на прежний курс и не препятствуйте исполнению приказов, данных самой королевой».

Фир с выражением явного удовлетворения на узком лице принялся пульсировать слова Толлера в сторону другого судна — он сам не ожидал, что неповиновение капитана проявится столь открыто. Ответ не заставил себя ждать.

«Отмечу неучтивость, если не сказать наглость вашего послания. Обещаю не докладывать бабушке о нашей беседе, если вы немедленно удалитесь. Советую быть благоразумным».

— Самоуверенная сучка! — Толлер выхватил у Фира мигалку, настроил ее и защелкал клавишей: — «Считаю более благоразумным предстать перед Ее Величеством по обвинению в неучтивости, нежели в предательстве, которое немедленно вменят мне в вину, стоит нашему кораблю сойти с курса. Вам же от души советую оставить мужские дела и вернуться к вышиванию».

— Вернуться к вышиванию! — довольно фыркнул лейтенант Фир, прочитавший послание. Он принял из рук Толлера мигалку. — Подобного совета эта небесная леди не простит, сэр. Интересно, каков будет ее ответ.

— Собственно, она уже ответила, — заметил Толлер, поднеся к глазам бинокль как раз вовремя, чтобы различить клуб дыма, вырвавшийся из кормовой части корабля. — Либо она в гневе покидает сцену, либо набирает ход, чтобы достичь

цели первой — а если то, что я слышал о графине Вантаре, правда... Точно! Гонки начинаются!

— Отдать приказ «полный вперед»?

— А есть другой выход? — поинтересовался Толлер. — И велите команде надеть парашюты.

При упоминании о парашютах ликующее выражение на лице Фира сменилось гримасой озабоченности.

— Сэр, неужели вы считаете, что может дойти до...

— Когда два корабля начинают спорить из-за клочка небосвода, случиться может что угодно. — Толлер намеренно добавил в голос нотку веселья, наказывая лейтенанта за неподобающее отношение к командному составу. — Столкновение легко может закончиться гибелью как судна, так и команды, а я предпочитаю, чтобы потери понесла противоположная сторона.

— Так точно, сэр. — Фир отвернулся, подавая соответствующие сигналы инженеру, и мгновение спустя главные двигатели гулко заурчали, набирая обороты. Нос продолговатой гондолы задрался, и судно чуть не закрутилось вокруг центра тяжести, но рулевой быстро исправил ситуацию, умелым движением изменив угол машин. Он проделал это чуть ли не одной рукой, потому что на борту были установлены особые облегченные двигатели, состоящие из заклепанных металлических труб.

До недавнего времени на каждую машину требовалось по целому стволу молодой бракки, поэтому вся конструкция представляла собой громоздкое и весьма трудноуправляемое устройство. Источник энергии оставался прежним — пикон плюс кристаллы халвелла, вытягиваемые из почвы корневой системой бракки. Теперь, однако, при помощи метода химической очистки, разработанного отцом Толлера, Кассиллом Маракайном, кристаллы добывались непосредственно из земли.

Химическая промышленность и металлургия стали не только краеугольным камнем необъятного состояния и безграничной власти семейства Маракайнов, но и источниками постоянных разногласий Толлера с родителями. Те надеялись, что наследник пойдет по стопам отца, дабы в скором времени взять управление семейной промышленной империей в свои руки, но самого Толлера подобная перспектива никогда не прельщала. Отношения в семье осложнились еще больше после того, как в погоне за романтикой и волнующими приключениями Толлер поступил в Небесную Службу. Вот только романтики там оказалось меньше, чем он ожидал, и это, кстати, стало одной из причин его нежелания уступать в сегодняшнем состязании...

Он снова обратил внимание на астронавта, летевшего высоко в небе, — по крайней мере до холмистых фермерских угодий ему оставалось еще не меньше мили. Не было никакого смысла мчаться наперегонки до предполагаемой точки посадки парашютиста, но если Вантара прибудет на место первой, это послужит лишним оправданием ее действиям. Как догадывался Толлер, благодаря чистой случайности она перехватила послание, направленное им во дворец за несколько часов до этого, и решила поучаствовать в самой захватывающей стадии прежде весьма скучной и утомительной миссии.

Он колебался, посылать последнее предупреждение или нет, когда на горизонте появилась темно-голубая полоска. Разглядев в бинокль внушительное водное пространство впереди и сверившись с картами, Толлер обнаружил, что сия стихия носит название озера Амблараат. Протяженность его от края до края превышала пять миль, а это означало, что без посторонней помощи астронавт вряд ли выберется на сушу; однако озеро пересекала полоска не-

больших плоских островков, на одном из которых опытный парашютист мог приземлиться без особого труда.

Толлер вызвал Фира и указал ему на карту.

— Похоже, нам предстоит пережить несколько волнующих минут, — объяснил он. — Вряд ли эти островки можно считать подходящим местом для посадки. Если наш одуванчик вознамерился посеяться на одном из них, вызволить его оттуда может оказаться не так-то легко. Интересно, будет ли эта небесная леди, как вы ее окрестили, по-прежнему настаивать на такой чести?

— Сейчас главное — доставить посланца к королеве целым и невредимым, — ответил Фир. — Неужели действительно так важно, кто это сделает?

— О да, лейтенант, очень важно, — одарил его широкой улыбкой Толлер.

Он облокотился на поручни гондолы, наслаждаясь обдувающим ветерком, и принялся внимательно изучать идущее наперерез судно. Точка увеличилась, однако не настолько, чтобы можно было разглядеть команду корабля, но Толлер и без бинокля знал, что на борту соперника находятся одни лишь женщины. Королева Дасина лично настояла на том, чтобы женщинам разрешили вступать в Небесную Службу. Случилось это двадцать шесть лет назад, во времена, когда над Верхним Миром нависла угроза вторжения со Старой планеты, но традиция сохранилась и по сей день, хотя из некоторых чисто практических соображений было решено не создавать смешанные команды. Толлеру, который нес службу по преимуществу на окраинах Верхнего Мира, до сих пор не приходилось сталкиваться с кораблями, укомплектованными женщинами, да и неудивительно, ведь таких команд были единицы. Теперь он с интересом ждал ответа на вопрос, играет ли какую-нибудь роль при управлении судном пол экипажа.

Как он и думал, оба корабля достигли озера Амблараат намного раньше парашютиста. Толлер выбрал один из островов, наиболее благоприятный для посадки, приказал рулевому снизиться до ста футов и начал курсировать вокруг треугольника зеленого клочка суши. Назло ему Вантара избрала аналогичную тактику, пристроившись прямо напротив. Два судна кружились, словно привязанные к концам невидимой жерди, и перемежающиеся выхлопы двигателей поднимали в воздух целые колонии птиц, гнездившихся на островах.

— Только кристаллы зря тратим, — пробурчал Толлер.

— Подсудное дело, — кивнул Фир, шутливо намекая на то, что его командир не раз получал выговор от начальника снабжения Службы за постоянный перерасход пикона и халвелла: нетерпеливый Толлер тратил горючего куда больше любого другого капитана.

— Этой женщине лучше приземлиться... — Толлер оборвал себя на полуслове. Парашютист, по-видимому, разделив мнение встречающих насчет выбора места посадки, резко подтянул стропы, увеличивая скорость и угол падения.

— Вниз, и как можно быстрее! — выкрикнул Толлер. — Как только коснемся земли, палите сразу из всех якорных пушек — мы должны приземлиться с первого раза.

По лицу Толлера вновь скользнула улыбка — он заметил, что критический момент настал, когда его судно находилось несколько к западу от острова, а следовательно, исполнив маневр, корабль зайдет с подветренной стороны. Похоже, воздушное колесо фортуны не благоволит Вантаре. Он снова бросил взгляд на судно графини и был поражен, увидев, что оно тоже резко снижается к острову, намереваясь таким образом совершить незаконную наветренную посадку.

— Сука, — прошептал Толлер. — Сука и дура к тому же.

Он беспомощно смотрел, как корабль-соперник, подгоняемый бризом, пронизывает нижние слои воздуха и сво-

рачивает прямо к центру острова. «Слишком быстро, — подумал он. — Якорные канаты не выдержат!» Корпус гондолы, выпустив с боков клубы дыма, заскользил по траве, и четыре пушки разом выпалили, вгоняя гарпуны глубоко в землю. Судно резко замедлило ход, газовый баллон смялся, и на какой-то момент Толлеру даже показалось, что он ошибся в своем предсказании, но тут раздался громкий треск, и оба каната с левого борта гондолы лопнули. Корабль дернуло и развернуло, а кормовой якорь с легкостью вылетел из земли. Судно непременно сорвалось бы, ибо теперь с островом его связывал один-единственный канат, если бы один из членов экипажа не начал лихорадочно вытравливать линь, ослабляя натяжение. Благодаря какому-то чуду канат выдержал и не порвался, но все это произошло буквально в считанные секунды, и Толлер просто-напросто был не в состоянии прервать посадочный маневр, а между тем раскачивающийся из стороны в сторону корабль Вантары преградил ему путь.

— Отставить посадку! — завопил он. — Поднимаемся! Быстрее!

Немедленно сработали главные двигатели, и, следуя правилам поведения в экстремальных ситуациях, свободные от вахты члены экипажа кинулись на корму, чтобы своим весом помочь поднять нос. Но даже несмотря на то что необходимые меры были приняты практически незамедлительно, инерция многих тонн газа, заключенного в плывущем над головами баллоне, замедлила коррекцию маневра. Кошмарные секунды растянулись в вечность, корабль продолжал неуклонно нестись вперед, а прямо по курсу надвигалась громада замешкавшегося противника. Медленно-медленно, вытягивая все нервы, линия горизонта пошла вниз.

Перегнувшись через поручень, Толлер заметил развевающиеся локоны графини Вантары — эта картинка сто-

яла перед его глазами лишь мгновение, и тут же ее сменили изгибы газового баллона, скользнувшие настолько близко, что он свободно мог различить все швы в местах соединений ткани. Толлер затаил дыхание, жалея, что его судно не может подниматься вертикально, и только-только начал надеяться, что столкновения не будет, как снизу донесся громкий скрежет. Визгливый, дрожащий, укоризненный звук поведал Толлеру, что корпусом они пропоролли верхний слой газового баллона.

Он резко развернулся и увидел, как из-за кормы медленно выплывает корабль Вантары. Сшитый из ткани и покрытый лаком баллон был поврежден по меньшей мере в двух местах, и драгоценный газ уходил в атмосферу. Однако последствия, хоть и были серьезными, катастрофой не грозили — баллон терял форму постепенно и опадал, потихоньку опуская гондолу на землю.

Толлер отдал приказ выровнять судно и, описав еще один круг, снова заходить на посадку. Этот маневр предоставил ему и его команде великолепную возможность во всех подробностях рассмотреть поверженного противника — корабль графини бессильно опустился на землю, а сверху на него позорно рухнул сморщенный баллон. Как только стало очевидно, что никто не погиб и даже не ранен, Толлер облегченно расхохотался. Фир и остальная команда последовали его примеру, а когда парашютист — о чьем существовании все позабыли — спланировал на поле брани и, неловко приземлившись, шлепнулся мягким местом прямо в одну из болотистых луж, общее веселье дошло чуть ли не до истерики.

— Так, теперь можно не торопиться, поэтому я хочу, чтобы посадка прошла без сучка без задоринки, — скомандовал Толлер. — Снижаемся медленно и плавно.

Исполняя приказ, рулевой развернул судно против ветра и начал опускать его, плавно замедляя ход. Мягко коснув-

шись травы, корабль едва заметно вздрогнул. Как только якоря были закреплены, Толлер одним движением перемахнул через поручень и прыгнул на траву. Из-под складок газового баллона, опутавшего корабль графини, начали выбираться первые члены экипажа. Подчеркнуто не замечая их, Толлер прямым направлением к посланцу, который уже поднялся на ноги и теперь собирал раскинувшийся на земле купол парашюта. Он поднял голову и, увидев приближающегося Толлера, отдал честь. Это был худощавый светлокожий юнец, выглядевший так, словно только вчера впервые решился надолго расстаться со сводами родного дома. Однако, напомнил себе Толлер, проныкаясь невольным уважением, этот парнишка совершил двойной перелет между планетами-сестрами.

— Добрый утренний день, сэр, — начал паренек. — Капрал Стинамирт, сэр. Имею срочное донесение Ее Величеству.

— Ничуть не сомневаюсь, — улыбнулся Толлер. — Мне отдан приказ без промедлений доставить вас в Прад, но, думаю, мы все-таки можем потратить несколько секунд и освободить вас от небесной экипировки. Вряд ли вы предпочитаете сухой одежде мокрый зад.

Ответной улыбкой Стинамирт приветствовал легкость, с которой Толлер отверг напыщенную официальность.

— Признаюсь, посадка была не из лучших.

— Похоже, нынче день неудачных посадок, — ответил Толлер, бросая взгляд за спину Стинамирта.

К ним направлялась графиня Вантара, высокая черно-волосая женщина, чья грудь и фигура производили неизгладимое впечатление, тем более что сейчас, выражая гнев и ярость, графиня держала себя нарочито подтянуто. По пятам за ней, стараясь идти след в след начальству, семенила невысокая и куда более пухленькая девушка, одетая в

форму лейтенанта. С растущим изумлением Толлер вновь повернулся к Стинамирту — подумать ведь, этот мальчишка только что вернулся из небывалого путешествия. Несмотря на свою юность, Стинамирту довелось увидеть и пережить нечто такое, чего Толлер даже представить себе не мог. Маракайн откровенно завидовал ему и вместе с тем горел желанием узнать результаты этого полета на Мир — первого с тех самых пор, как пятьдесят лет назад началась колонизация Верхнего Мира.

— Скажите, капрал, — обратился он к юноше, — как там, на Старой планете?

Стинамирт на секунду замялся:

— Сэр, я обязан отчитаться лично перед Ее Величеством.

— Да забудьте вы про отчеты! Как мужчина мужчине, расскажите, что вы видели? Что пережили?

Стинамирт тем временем освобождался от своей экипировки. При этих словах лицо его приняло мечтательное выражение — было видно, что ему самому не терпится поговорить о своих приключениях.

— Пустые города! Огромные города, мегаполисы, по сравнению с которыми Прад выглядит невзрачной деревушкой, — и все они пусты!

— Пусты? А как же...

— Господин Маракайн! — Графиня Вантара находилась еще по меньшей мере в дюжине шагов, но голос ее был достаточно силен, чтобы Толлер замолчал, так и не закончив фразы. — Пока вы будете дожидаться отставки по обвинению в преднамеренной порче одного из воздушных кораблей Ее Величества, командование вашим судном я принимаю на себя! Вы же помещаетесь под арест!

От такой самоуверенности и абсолютного безрассудства Толлер на мгновение лишился дара речи. Им овладе-

ла ярость настолько всепоглощающая, что по здравом размышлении ни в коем случае нельзя было дать ей вырваться наружу. Нацепив одну из своих небрежных улыбочек, он не торопясь развернулся к графине — и немедленно пожалел, что не встретился с ней при более располагающих к знакомству обстоятельствах. Она относилась к созданиям, чья внешность наполняет мужчин безнадежным восхищением, а женщин — беспомощной завистью. Овальная форма лица, серые глаза — совершенство; в ней не было ни одного изъяна, благодаря чему обладательница подобной красоты сразу выделялась на фоне всех женщин, с которыми Толлер встречался до нынешнего дня.

— Чему вы так радуетесь? — Сердитый голос Вантары вернул его на землю. — Может, вы не расслышали, что я сказала?

Толлер постарался на время позабыть о своих внутренних терзаниях.

— Не глупите, — сказал он. — Вероятно, вам требуется помощь в починке судна?

Несколько секунд графиня гневно взирала на подчиненную, которая наконец нагнала ее, а затем вновь перенесла свою злость на Толлера.

— Господин Маракайн, кажется, вы не в состоянии оценить всю серьезность положения. Вы арестованы.

— Послушайте меня, капитан, — горестно вздохнул Толлер. — Вы повели себя крайне опрометчиво, но, к счастью, никто не пострадал, поэтому нужда в официальном рапорте как с вашей, так и с моей стороны отпадает. Давайте разойдемся по-мирному и позабудем сей прискорбный инцидент.

— О да, вам бы этого очень хотелось!

— Это будет куда разумнее, нежели выслушивать ваши бредни.

Рука Вантары опустилась на рукоятку пистолета, висевшего у нее на поясе.

— Повторяю, господин Маракайн, вы арестованы.

С трудом веря в происходящее, Толлер инстинктивно сжал рукоять меча.

Улыбка графини полыхнула ледяным совершенством.

— И что вы намереваетесь сотворить с этим музейным экспонатом? — осведомилась она.

— Раз уж вы спросили, так и быть, я вам объясню, — беспечным, ровным голосом ответил Толлер. — Вы даже свой пистолет поднять не успеете, как ваша голова отделится от тела, а если у вашего лейтенанта хватит глупости угрожать мне, то и ее постигнет подобная участь. Более того, будь рядом с вами еще парочка матросов... и даже если бы каждый успел всадить в меня по пуле... я бы все равно настиг их и порубил на части. Надеюсь, я выразился ясно, капитан Дервонай. Я исполняю приказы, полученные непосредственно от Ее Величества, и если хоть кто-нибудь попыбует помешать мне в исполнении этих указаний, дело может закончиться настоящим кровопролитием. Примите это как простой и неоспоримый факт.

Сохраняя маску спокойствия, Толлер ждал, какой эффект произведет его речь на Вантару. Телосложение, унаследованное им от деда, служило живым напоминанием о тех днях, когда военные составляли отдельную, привилегированную касту в Колкорроне. Он словно гора возвышался над графиней и смотрелся раза в два ее тяжелее, однако утверждать, что дальнейший ход событий будет соответствовать его желаниям, он не мог. Было очевидно, что графиня не относится к женщинам, которые легко позволяют помыкать собой.

В воздухе застыло напряженное молчание. Толлер чувствовал, что в эту минуту все его будущее висит на волос-

ке, но затем — совершенно неожиданно — Вантара вдруг весело расхохоталась.

— Ты только посмотри на него, Джерин! — пихнула она свою компаньонку. — Похоже, он и в самом деле принял все всерьез.

Лицо лейтенанта на мгновение изумленно вытянулось, но она сразу взяла себя в руки и изобразила слабую улыбку.

— Это очень серьезно...

— Где ваше чувство юмора, Толлер Маракайн? — перебила ее Вантара. — А, ну да, припоминаю, вы и раньше предпочитали держаться строго и неприступно.

Толлер был ошеломлен:

— Вы хотите сказать, что мы уже встречались?

— Неужели вы не помните те приемы в День Переселения, что проводились во дворце? — снова расхохоталась Вантара. — Ваш отец все время брал вас с собой, когда вы были еще маленьким мальчиком. Уже тогда вы везде таскались с этим мечом... хотели быть похожим на своего знаменитого деда...

Толлер не сомневался, что над ним насмехаются, но, если графиня избрала именно этот способ сохранить лицо, он с готовностью пойдет ей навстречу. Все равно это лучше, чем продолжать никому не нужную склоку.

— Признаюсь, я не припоминаю вас, — ответил он, — но подозреваю, причиной тому ваша необыкновенная внешность. Вы, вероятно, изменились куда в большей степени, нежели я.

Вантара покачала головой, отвергая комплимент.

— Нет. Просто у вас плохая память на лица... Да, кстати, что насчет этого пилота, ради которого считанные минуты назад вы готовы были рисковать безопасностью аж двух кораблей?

Толлер повернулся к Стинамирту, с явным интересом следившему за ходом диалога.

— Поднимайтесь на борт и прикажите повару приготовить что-нибудь поесть. Мы продолжим наш разговор в более подходящей обстановке.

Стинамирт отдал честь, поднял парашют и потащил его в сторону судна.

— Думаю, вы уже спросили у него, почему экспедиция продлилась дольше, чем предполагалось, — поинтересовалась Вантара так непринужденно, словно столкновения между ними не было и вовсе.

— Да. — Толлер не знал, как вести себя с графиней, но решил попробовать наладить взаимоотношения и сделать их как можно более дружественными и неофициальными. — Он сказал, что Мир опустел. Там одни мертвые города.

— Мертвые?! Но что случилось с так называемым Новым Человечеством?

— Объяснение, если таковое имеется, будет изложено в официальном отчете.

— В таком случае я постараюсь встретиться с Ее Величеством, то есть с бабушкой, как можно скорее, — кивнула Вантара. Обращение к родственным связям было вовсе не так уж и необходимо, и Толлер воспринял его как указание соблюдать должную дистанцию.

— Я тоже намерен возвратиться в Прад как можно скорее, — сказал он, стараясь говорить отрывисто и четко. — Вы уверены, что помощь в ремонте не требуется?

— Абсолютно! Швы будут зашиты еще до наступления малой ночи, а затем я направлюсь вслед за вами.

— Да, вот еще что, — произнес Толлер вслед возмущившейся уйти Вантаре. — Строго говоря, наши суда столкнулись, а следовательно, мы должны заполнить рапорта с подробным описанием происшедшего. Что вы об этом думаете?

Она хладнокровно встретила его взгляд.

— Лично я нахожу всю эту бумажную волокиту довольно занудной, а вы?

— Более чем занудной. — Толлер улыбнулся и отдал честь. — До свидания, капитан.

Проводив графиню и ее младшего офицера взглядом, он повернулся и направился к своему кораблю. Огромный диск планеты-сестры заполнял небо, и мерцание солнечного серпа поведало Толлеру, что до дневного затмения, так называемой малой ночи, осталось не больше часа. Сейчас, расставшись с графиней, он ясно осознавал, что позволил Вантаре манипулировать им, как она того хотела. Будь на ее месте мужчина и поведи он себя так возмутительно в воздухе и столь нагло на земле, Толлер задал бы ему такую словесную взбучку, что исходом ее вполне могла бы стать дуэль, и уж непременно составил бы официальный рапорт. Но невероятное совершенство графини ошеломило его, лишило сил и выставило форменным молокососом. Он действительно разбил Вантару по всем главным пунктам, но, оглядываясь назад, понимал, что скорее пытался произвести на нее впечатление, нежели исполнить прямой долг.

Когда Толлер добрался до судна, члены команды уже сустились вокруг четырех якорей, готовясь к отправлению. Он взобрался по трапу, перепрыгнул через поручни, но затем обернулся и еще раз посмотрел на лежащий на земле корабль Вантары: под руководством графини экипаж отсоединил газовый баллон и разложил его на траве.

К нему подошел лейтенант Фир.

— Полный вперед, сэр, курс на Прад?

«Если я когда-нибудь женюсь, — подумал Толлер, — то только на этой женщине».

— Сэр, я спросил...

— Разумеется, возвращаемся в Прад, — подтвердил Макайн. — И приведите ко мне Стинамирта, я хочу переговорить с ним наедине.

Он прошел к каюте, расположенной на главной палубе, и стал ждать парашютиста. Судно вновь ожило, такелаж и шпангоуты затрещали, корабль поднялся и вошел в один из воздушных потоков. Толлер сидел за столом и с отсутствующим видом перебирал навигационные приборы. Ему никак не удавалось выбросить из головы образ графини Вантары. Как он мог забыть, что встречался с ней еще ребенком? Толлер хорошо помнил, как отец таскал его на церемонии Дня Переселения — в том возрасте он презирал всех девчонок, но как он мог не заметить ее среди этих хихикающих, облаченных в пышные платья созданий, играющих в дворцовых садах...

От раздумий его отвлек стук в дверь. В маленькую каютку, смахивая с губ хлебные крошки, вошел Стинамирт.

— Вы посылали за мной, сэр?

— Да. Мы прервали разговор на самом интересном месте. Расскажите мне об этих пустующих городах. Неужели вы не встретили ни одной живой души?

— Ни единой, сэр! — кивнул Стинамирт. — Множество скелетов, целые тысячи, но, насколько я могу судить, Нового Человечества больше не существует. Не иначе чума обернулась против них самих и стерла с лица земли.

— Какую территорию вы успели обследовать?

— Весьма небольшую — максимум две сотни миль. Как вы знаете, у нас было всего три корабля... да еще и без двигателей... поэтому нам пришлось отдаться на волю ветра. Но мне и этого хватило, сэр. Через некоторое время мною овладело какое-то жуткое предчувствие, и я голову даю на отсечение, что на планете ни души не осталось.

Перво-наперво мы высадились в паре миль от Ро-Атабри, прежней столицы. Мы находились в самом сердце древнего Колкоррона. Если бы на Море кто и выжил, то, несомненно, пришел бы туда. — Стинамирт говорил с таким жаром, словно убедить Толлера было делом первостепенной важности.

— Вероятно, вы правы, — согласился Толлер. — Если, конечно, это как-то не связано с птертой. Насколько я знаю, основная ее масса обитала в Колкорроне, тогда как другая сторона планеты была практически не заражена.

Стинамирт разгорячился еще больше:

— И второе важное открытие, которое мы сделали, заключается в том, что птерта Мира стала бесцветной — точно-точно как у нас на Верхнем Море. Такое впечатление, что она вернулась к нейтральному состоянию, сэр. Я думаю, это потому, что яд, который она выработала против людей, сделал свое дело, и теперь птерта готова объявить войну любому другому виду, посмевавшему покуситься на бракку.

— Очень интересно, — кивнул Толлер, но на самом деле его мысли были заняты другим — перед его глазами стояла графиня Вантара. «Увижу ли я ее снова? И когда?»

— Мне кажется, — продолжал Стинамирт, — что сейчас логичнее всего будет снарядить настоящую, большую экспедицию из множества хорошо оснащенных судов, с поселенцами, и заново освоить Старую планету — тогда все случится точно так, как предсказывал король Прад.

Толлер еще раньше подсознательно отметил, что Стинамирт изъясняется весьма изысканно для обыкновенного рядового, и теперь он видел, что этот человек куда более образован, нежели могло показаться на первый взгляд. Он с интересом посмотрел на Стинамирта.

— Вы для себя, похоже, уже все взвесили и решили, — заметил он. — Хотите вернуться на Мир?

— Так точно, сэр! — Гладкая кожа Стинамирта слегка покраснела. — Если королева Дасина решит послать туда флот, я первый вызовусь добровольцем. И если вы тоже настроены принять участие в этой экспедиции, сэр, я пошел бы за честь служить под вашим началом.

Толлер обдумал это предложение. Он представил себе довольно мрачную картину — горстка кораблей плывет над равнинами: поросшие сорняками руины, среди которых лежат миллионы человеческих скелетов. И еще менее привлекательной эта затея выглядела, потому что в ней не было места Вантаре. Если Толлер отправится в это путешествие, они с графиней в буквальном смысле слова окажутся в разных мирах. Он с потрясением обнаружил, что безо всяких на то оснований отводит ей значительное место в своей жизни, и с горечью убедился, что она весьма глубоко проникла за его эмоциональные заслоны.

— Увы, но я не смогу помочь вам вернуться на Старую планету, — сказал он Стинамирту. — К сожалению, у меня много дел здесь, на Верхнем Миров.

ГЛАВА 2

Лорд Кассилл Маракайн спустился с крыльца своего дома, расположенного в северной части Прада, и с удовольствием глубоко вздохнул. Незадолго до рассвета прошел дождь, и свежесть воздуха бодрила, вливая в тело новые силы — Кассилл вновь пожалел, что придется провести такое замечательное утро в тесноте королевского дворца. Дворец располагался примерно в миле, и его стены из розового мрамора посылали во все стороны яркие блики, пробивающиеся даже сквозь густые ряды деревьев. Кас-

силл был бы не прочь прогуляться пешком, но в последние дни у него не хватало времени даже на эту маленькую радость. Королева Дасина с возрастом стала весьма раздражительной, и если он опоздает на прием, она, без сомнения, очень и очень рассердится.

Он подошел к своему экипажу, забрался внутрь и кивнул кучеру. Запряженная четверкой синерогов карета немедленно тронулась. Подобная упряжка лишний раз подчеркивала привилегированный статус Кассилла. Еще лет пять назад закон запрещал запрягать в повозку более одного синерога, так как животные были крайне необходимы развивающейся экономике планеты, и даже теперь редко можно было встретить экипаж, запряженный целыми четырьмя синерогами.

Эту карету лорд Кассилл получил в дар от самой королевы и для поездок во дворец всегда, из вежливости, избирал именно этот экипаж, хотя жена и сын частенько пошучивали насчет того, что к старости он чересчур размяк. Кассилл не принимал их насмешки всерьез, хотя и сам начал подозревать, что слишком уж пристрастился к роскоши и помпезности в обыденной жизни. Неугомонность и тяга к приключениям, свойственные его отцу, казалось, перепрыгнули через поколение и воплотились в юном Толлере. Лорд Кассилл неоднократно спорил с мальчиком по поводу его безрассудства и старомодной привычки таскать повсюду меч, но старался не доводить дело до конфликта: его постоянно преследовала мысль, что им движет обыкновенная ревность, ведь Толлер буквально боготворил давным-давно умершего деда.

Размышления о сыне напомнили Кассиллу, что мальчик уже командует целым кораблем, который не далее как вчера доставил посыльного, отправленного вперед экспедицией на Мир. По правилам, отчеты экспедиции должны

были храниться в строгой тайне, но секретарь Кассилла уже успел передать своему хозяину распространившийся слух — Мир превратился в необитаемую планету, а смертельный птертоз, который вынудил человечество бежать на соседнюю землю, отступил. Королева Дасина спешно созвала избранных советников, и тот факт, что Кассилл был приглашен на это собрание, ясно свидетельствовал о характере чаяний Ее Величества. Его полем деятельности было производство, а в данном контексте — строительство небесных кораблей, и это означало, что Дасина намеревается вновь освоить Старую планету и таким образом стать первой в истории правительницей сразу двух миров.

Ко всяким захватническим идеям Кассилл питал инстинктивное отвращение, и неудивительно — ведь его отец погиб во время тщетной попытки колонизировать третью планету местной системы. Однако в данном случае обычные философские или гуманистические доводы не помогут. Планета-сестра Верхнего Мира принадлежала народу Колкоррона по праву рождения, а поскольку туземному населению ни рабство, ни гибель не угрожали, Кассилл не видел никаких моральных препятствий для второй межпланетной миграции. Как он понимал, основным вопросом собрания будет «сколько»: сколько судов понадобится королеве Дасине и сколько времени уйдет на их подготовку.

«Толлер наверняка захочет принять участие в этой экспедиции, — подумал Кассилл. — Их будут поджидать опасности, но это только еще больше распалит сына».

Вскоре карета достигла реки и свернула на запад, в сторону моста магистра Гло, ведущего прямо ко дворцу королевы. За те несколько минут, пока экипаж катился по извилистой набережной, Кассиллу встретились целых две повозки с паровым двигателем, но ни одна из них не была выпущена его фабрикой, и он в который раз пожалел о

невозможности поэкспериментировать с подобными транспортными средствами. В них предстояло внести немало изменений и улучшений, и особое внимание следовало обратить на привод, однако управление промышленной империей Маракайнов отнимало уйму времени и сил.

Карета пересекла богато украшенный мост, и впереди показался дворец — прямоугольное строение, чью совершенную симметрию нарушали лишь восточная пристройка и башня, которые Дасина возвела в память о муже. Стражники у центральных ворот отдали Кассиллу честь. У парадного подъезда по причине раннего часа стояла лишь пара-другая экипажей, поэтому ему сразу бросилась в глаза карета Небесной Службы, принадлежащая Бартану Драмме, старшему научному помощнику главы воздушной обороны. К своему удивлению, вскоре Кассилл увидел и самого Бартана — тот расхаживал неподалеку. Несмотря на солидный, уже за пятьдесят, возраст, Драмме сохранил гибкую и крепкую фигуру, и лишь легкая скованность в области левого плеча — результат старой боевой раны — мешала ему двигаться, словно двадцатилетнему юноше. Интуиция подсказала Кассиллу, что Бартан ждет именно его, надеясь переговорить до начала официального собрания.

— Добрый утренний день! — крикнул Кассилл, выходя из кареты. — Смотрю и тихонько завидую, вот бы мне побродить по округе и подышать свежим воздухом.

— Кассилл! — улыбнулся Бартан и, протягивая руку, двинулся навстречу. Годы практически не коснулись его по-детски юного округлого лица. Вечно насмешливая улыбка зачастую обманывала людей, и тот, кто впервые сталкивался с Драмме, принимал его за очень недалекого человека, но за минувшие годы Кассилл достаточно близко сошелся с ним и ценил его живой ум и упорство.

— Ты меня ждал? — поинтересовался Кассилл.

— Великолепно! — Бартан в изумлении поднял брови. — Откуда ты узнал?

— Ты выглядел как мальчишка, дежурящий у кондитерской лавки. В чем дело, Бартан?

— Давай-ка немного пройдемся, до совещания у нас еще есть время. — Бартан провел его в пустующую часть двора, укрывшись от посторонних взглядов за клумбой копытцев.

— Мы что, участвуем в заговоре против трона? — усмехнулся было Кассилл.

— Мое дело не менее серьезно, — сказал, останавливаясь, Бартан. — Тебе известно, Кассилл, что официально моя должность называется «помощник по науке главы Небесной Службы». Кроме того, ты прекрасно знаешь, что мне удалось выжить в экспедиции на Дальний Мир, и теперь все считают, будто я обладаю даром магического прорицания и вижу, что происходит на небесах. В случае возникновения угрозы извне я немедленно обязан представить подробный доклад Ее Величеству.

— Даже я что-то забеспокоился, — нахмурился Кассилл. — Что-нибудь связанное с Миром?

— Вовсе нет, с другой планетой.

— Дальний Мир? Говори же быстрее! Не тяни!

На лбу у Кассилла выступил холодный пот, и мрачные предчувствия зародились в его душе. Дальний Мир — так называли третью планету системы, вращающуюся примерно в два раза дальше от Солнца, чем связанные друг с другом Мир и Верхний Мир. На протяжении практически всей истории Колкоррона этот мир был не более чем незначительной зеленой искоркой среди великолепия ночных небес. Но совсем недавно, двадцать шесть лет назад, необычайное стечение обстоятельств привело к тому, что одно-единственное судно с Верхнего Мира отправилось в

ужасное путешествие и, преодолев миллионы миль враждебной пустоты, достигло-таки последней планеты системы. Экспедиция закончилась неудачно — на просторах этого влажного, дождливого мира погиб не только отец Кассилла, но и многие другие. Выжили лишь трое, и они вернулись на родную планету, неся тревожные известия.

Дальний Мир населяла раса гуманоидов, настолько продвинутая во всяческих технологиях, что цивилизация Верхнего Мира могла быть уничтожена одним ударом. К счастью для человечества, дальнемирцы представляли собой замкнутую, ориентированную исключительно на собственные нужды расу и к событиям, происходящим за вечной пеленой облаков, нависшей над Дальним Миром, не проявляли ровно никакого интереса. Людям, склонным к расширению своих территорий, сложно было понять подобное мировоззрение. Шли годы, тянулись десятилетия, но никаких признаков готовящегося вторжения с загадочной третьей планеты не наблюдалось. Однако, несмотря на это, боязнь внезапного опустошительного нападения с небес все еще ютилась в сердцах некоторых верхнемирцев. И как только что убедился Кассилл Маракайн, не так уж глубоко этот страх прятался...

— Дальний Мир? — как-то странно улыбнулся Бартан. — О нет — я имею в виду совсем другую планету. Четвертую планету системы.

Наступила тишина. Кассилл молча изучал лицо друга, словно надеялся прочесть на нем решение загадки.

— Надеюсь, это не шутка? Ты хочешь сказать, что открыл новую планету?

— Лично я ее не открывал, — хмуро покачал головой Бартан. — Ее даже мои помощники не заметили. Одна женщина — переписчица из архива на Хлебной набережной — сказала мне о ней.

— Какая разница, кто первым ее обнаружил?! — воскликнул Кассилл. — У тебя в руках важнейшее и интереснейшее научное открытие и... — Он прервался, внезапно поняв, что так и не дослушал приятеля до конца. — Старина, почему ты так мрачен?

— Когда Дайвар рассказывала мне о планете, она отметила ее необычно голубой цвет; естественно, первым делом я подумал, что произошла какая-то ошибка. Ну, ты же знаешь, в небе множество голубых звезд — сотни, тысячи. Поэтому я сразу спросил у нее, каким телескопом она пользовалась, и Дайвар ответила, что самым обыкновенным. По сути дела, добавила она, планету нетрудно увидеть даже невооруженным глазом. И Дайвар была права, Кассилл! Прошлой ночью она показала мне ее... голубую планету... видимую без всякой оптики... она вошла на западе сразу после заката...

— Ты рассмотрел ее повнимательнее в телескоп? — нахмурился Кассилл.

— Да. Даже в обыкновенном навигационном телескопе ее диск выглядит весьма внушительно. Самая настоящая планета.

— Но... — Кассилл был ошеломлен. — Почему же ее не замечали раньше?

Бартан еще раз продемонстрировал странную улыбку:

— Единственный разумный ответ, который я могу дать, заключается в том, что раньше ее просто не было.

— Но это же нарушение всех астрономических законов, такого не может быть! Я не раз слышал о новых звездах, загорающихся то там, то тут и мгновенно гаснущих, но откуда появилась целая планета? Она что, взяла и материализовалась?

— Вот и королева Дасина задаст мне в точности такой же вопрос, — понурился Бартан. — Еще она спросит, сколь-

ко эта планета там пробудет, а мне придется ответить, что я не знаю; тогда она поинтересуется, что нам с этой планетой делать, и мне снова придется лишь развести руками; после этого королева сильно призадумается над практической пользой научного советника, который ничего не знает...

— Мне кажется, ты преувеличиваешь, — попытался успокоить друга Кассилл. — Скорее всего королева отнесется к этому как к весьма любопытному астрономическому феномену, и не более того. А с чего ты взял, что голубая планета представляет для нас какую-то угрозу?

Бартан несколько раз мигнул.

— У меня предчувствие, Кассилл! Инстинктивный страх. И только не говори мне, что тебя ее появление ничуть не взволновало.

— Мне интересно, да — и я хочу, чтобы ты показал мне планету сегодня же ночью. Но с чего мне тревожиться?

— А с того... — Бартан оглядел небо как бы в поисках вдохновения. — Кассилл, это неправильно! Это неестественно... это знамение... Что-то вот-вот произойдет.

— Ты самый суеверный человек, которого я когда-либо встречал! — громко расхохотался Кассилл. — Теперь ты заявляешь, будто бы этот блуждающий мир объявился на нашем небосводе с единственной целью предупредить тебя.

— Ну... — Бартан выдавил неуклюжую улыбку, еще более подчеркнувшую его мальчишескую внешность. — Может, ты и прав. Наверное, мне следовало сразу обратиться к тебе. Пока не умерла Бериза, я не понимал, насколько я зависим от нее. Она держала меня в колее.

Кассилл сочувственно кивнул. Ему до сих пор не верилось, что Беризы Драмме уже четыре года как нет с ними. Черноволосая, живая и неутомимая — казалось, что Бериза будет жить вечно, но неведомая, непонятно откуда

взявшаяся хворь источила ее за считанные часы и еще раз продемонстрировала медикам, насколько мало они знают о жизни.

— Это был большой удар для всех нас, — согласился Кассилл. — Ты снова начал пить?

— Да. — Бартан заметил мелькнувшее во взгляде Кассилла беспокойство и коснулся его руки. — Но не так, как в те времена, когда впервые повстречался с твоим отцом. Здесь я Беризу не подведу. Вечерком пропускаю пару стаканчиков вина из хмельных ягод — теперь мне больше и не требуется.

— Приходи сегодня вечером ко мне и приноси телескоп помощнее. Вкусим по чаше чего-нибудь согревающего, полюбуемся на... Да, вот тебе еще одно задание — придумать этой таинственной планете имя. — Кассилл хлопнул друга по спине и кивнул на арку парадного входа во дворец, намекая, что пришло время идти на собрание.

Очутившись в тени пустующих коридоров, они последовали напрямик в залу заседаний. Во времена короля Чаккела во дворце постоянно заседало правительство, поэтому каждый уголок кишмя кишел разными чиновниками, но указом королевы Дасины административные органы переселили в отдельные здания, а дворец объявили королевской резиденцией. Только таким учреждениям, как служба воздушной обороны, к деятельности которой она проявляла особый интерес, было разрешено отвлекать Ее Величество по всяческим пустякам.

У дверей в залу под тяжестью традиционных доспехов из бражки дружно потели двое стражников. Мгновенно признав подходящих мужчин, они без лишних слов расступились в стороны. Воздух в комнате был настолько нагрет, что Кассилл сначала даже задохнулся. Стареющая королева постоянно жаловалась на холод, и покои, в которых она

часто бывала, обычно прогревали до температуры, практически невыносимой для обычного человека.

В комнате, помимо вошедших Кассилла и Бартана, присутствовал лорд Сектар, финансовый советник, отвечающий за благосостояние государства и следящий за расходом казны. Его присутствие послужило еще одним признаком, что королева планирует заново освоить Старую планету. Лорд Сектар был крупным мужчиной шестидесяти лет, чье толстое, с двойным подбородком лицо, даже в обычных условиях страдающее от излишнего притока крови, в жарко натопленной комнате приобрело ярко-пурпурный оттенок. Он кивнул вновь прибывшим, молча указал на пол, в котором были замурованы отопительные трубы, мученически закатил глаза и, смахнув со лба капельки пота, пододвинулся поближе к полуоткрытому окну.

В ответ на эту пантомиму Кассилл демонстративно пожал плечами, изображая беспомощность, и опустился на одну из изогнутых скамей, повернутых в высокому трону. Мысли его сразу вернулись к загадке голубой планеты Бартана. Только сейчас ему пришло на ум, что он слишком уж спокойно отреагировал на сообщение о столь необычном феномене. Целая планета материализовалась из ниоткуда и пожаловала к ним в гости. Астрономы и раньше отмечали появление новых звезд, и точно так же целые звезды иногда бесследно пропадали с неба, вероятно, взрывались, бросая на произвол судьбы свиты своих планет. Кассилл представил себе, как эти миры потерянно бродят в межзвездном пространстве, но шансы на присоединение одной из таких планет-бродяг к местной солнечной системе бесконечно малы. Вероятно, он нисколько не удивился этому сообщению просто потому, что на самом деле в глубине души не поверил ему. Кроме всего прочего, на проверку эта голубая планета могла оказаться обыкновенным газовым облаком, издавна похожим на небесное тело...

Дверь открылась, в залу вошел дворецкий и металлическим жезлом трижды постучал по полу, объявляя о прибытии королевы. Кассилл поспешно поднялся. В покои вплыла королева, кивком отпустила двух фрейлин, сопровождавших ее до дверей, и направилась к трону. Она была худощавой, на вид очень хрупкой особой, изрядно отягощенной весом зеленых шелковых одеяний, но в жесте руки, которым она повелела советникам занять места, промелькнула величественная грация.

— Благодарю всех присутствующих за то, что вы сочли возможным явиться сюда сегодняшним утром, — произнесла она пронзительным, но твердым голосом. — Мне известно, что у всех вас имеются неотложные дела, поэтому без лишних церемоний приступим к главному вопросу собрания. Как вы уже знаете, совсем недавно в Прад прибыл пилот, посланный экспедицией на Мир. Мне хотелось бы познакомить вас с основным содержанием его рапорта.

Не обращая внимания на шепоток присутствующих, Дасина в подробностях описала находки экспедиции. Закончив, она обвела советников пристальным взглядом, а глаза ее, полускрытые локонами жемчужно-белого парика, без которого она никогда не появлялась на публике, внимательно изучали выражения лиц. Кассилл еще раз отметил про себя, что, если бы потребовалось, Дасина в любой момент могла принять от мужа власть над Колкорроном и прекрасно справилась бы с этой задачей. Тот факт, что обычно она предпочитала держаться в тени, казался даже удивительным. Голос она поднимала всего несколько раз, когда речь заходила о правах женщин.

— Думаю, вы уже поняли, какую цель я преследую, собирая вас здесь, — продолжила она, переходя на высокий стиль официального Колкоррона. — Ввиду того, что полный рапорт от командующих экспедицией я получу

только через три дня, вы, вероятно, сочтете мои действия несколько преждевременными — но я уже достигла такого возраста, когда задержка даже на час непростительна.

Я намереваюсь как можно скорее снарядить на Мир флот.

Также я намереваюсь еще до своей смерти объявить Ро-Атабри действующей столицей; а следовательно, ваши мнения мне необходимо услышать сегодня же. Помимо этого, я ожидаю от вас немедленных действий — воплощение вынесенных на этом собрании решений должно начаться еще до окончания малой ночи. Поэтому за работу, господа! Первый мой вопрос к вам заключается в следующем: каково будет число кораблей во флотилии? Прошу вас, лорд Кассилл, вам слово.

Поднимаясь на ноги, Кассилл пару раз мигнул. Речь королевы словно была заимствована из эпохи позднего правления короля Чаккела, когда пионеров, осваивающих новый мир, необходимо было постоянно подбадривать, и Кассиллу показалось, что в нынешней ситуации этот стиль несколько неуместен.

— Ваше Величество, как истинные верноподданные мы целиком и полностью разделяем ваши взгляды на повторное покорение Старой планеты, но да позволено мне будет заметить, те ужасные времена, которыми славился период Переселения, давным-давно канули в Лету. На данный момент у нас нет никаких доказательств, что Мир снова пригоден для обитания, поэтому благоразумнее будет вслед за первой экспедицией снарядить обыкновенный военный флот из воздушных судов, который высадится на Море, облетит всю планету и тщательно изучит ее.

— Это решение чересчур благоразумно, — покачала головой Дасина. — У меня слишком мало времени — ваш отец никогда бы не дал мне подобного совета.

— Дни моего отца остались далеко в прошлом, Ваше Величество, — возразил Кассилл.

— Может быть, да, а может быть, нет, однако я согласна с вашим предложением насчет воздушных судов. Я считаю, что нужно послать... четыре корабля. Вы согласны с этим числом?

Кассилл чуть поклонился, выражая иронию.

— Согласен, Ваше Величество.

Дасина одарила его легкой улыбкой, показывая, что уловила насмешку, и обратилась к Бартану Драмме:

— Будут ли у нас какие-нибудь затруднения с транспортировкой воздушных судов на борту небесных кораблей?

— Никаких, Ваше Величество, — ответил Бартан, поднимаясь. — Мы можем приспособить маленькие гондолы воздушных кораблей под небесные баллоны — за один переход ничего опасного не случится. По прибытии на Мир надо будет просто отсоединить баллоны и заменить их обычными газовыми шарами.

— Замечательно! Что я ценю в моих советниках, так это практический склад ума. — Дасина многозначительно взглянула в сторону Кассилла. — Еще один вопрос, милорд, сколько небесных кораблей будет готово к перелету, скажем, через пятьдесят дней?

Прежде чем Кассилл ответил, Бартан кашлянул и сказал:

— Простите, что прерываю вас, Ваше Величество, но я должен доложить о... о новом открытии... Мне кажется, о нем необходимо упомянуть в данной ситуации.

— Оно имеет какое-нибудь отношение к обсуждению?

Бартан бросил на Кассилла обеспокоенный взгляд.

— Скорее всего да, Ваше Величество.

— В таком случае, — нетерпеливо приказала Дасина, — говорите, но только побыстрее.

— Ваше Величество, я... В нашей солнечной системе обнаружена еще одна планета.

— Еще одна планета? — нахмурилась Дасина. — Господин Драмме, что вы болтаете? Откуда могла взяться новая планета?

— Я собственными глазами наблюдал ее, Ваше Величество. Голубой мир... четвертая планета в нашей системе... — Обычно многословный и велеречивый Бартан запинаясь и лепетал, как младенец. В таком состоянии Кассилл его ни разу не видел.

— Большая планета?

— Этого нельзя сказать, не определив, на каком расстоянии от нас она находится.

— Что ж, — вздохнула Дасина. — И на каком же расстоянии от нас находится этот ваш новорожденный мирок?

— Мы не можем рассчитать этого, пока не... — начал было несчастный Бартан.

— Пока не узнаем его истинных размеров, — закончила за него королева. — Господин Драмме! Мы все в неоплатимом долгу перед вами за этот небольшой экскурс в замечательно точную науку астрономию, но я бы на вашем месте сначала произвела все необходимые расчеты. Я ясно выразилась?

— Да, Ваше Величество, — промямлил Бартан, бесильно опускаясь на скамью.

— А теперь... — Дасина внезапно передернулась, плотнее закуталась в свои одеяния и осмотрела залу. — Вот уж неудивительно, что мы здесь замерзаем до смерти! Кто открыл окно? Немедленно закрыть, пока все мы не превратились в сосульки.

Лорд Сектар, молча пожевав губами, поднялся и закрыл окно. Спина его вышитого камзола насквозь пропи-

талась потом; возвращаясь на место, он с нарочитой усталостью вытер лоб.

— Вы плохо выглядите, — заметила Дасина. — Вам следует обратиться к врачу.

Она вновь повернулась к Кассиллу и повторила вопрос о точной цифре небесных кораблей, которые могут быть готовы через пятьдесят дней.

— Двадцать, — моментально ответил Кассилл, решив, что, поскольку королева пребывает в дурном настроении, лучше дать оптимистический прогноз.

Возглавляя Департамент Обеспечения Небесной Службы, он легко мог судить о состоянии материальной части и количестве кораблей — кое-какие суда специально для межпланетного перелета будут переделаны, другие можно привлечь со стороны. После того как обнаружилось, что Дальний Мир обитаем, в зону невесомости, расположенную как раз между двумя планетами-сестрами, вывели сразу несколько оборонительных станций. В течение ряда лет на этих деревянных громадинах жили и работали люди, но вскоре страх перед угрозой извне отступил, и команды вернулись на Верхний Мир. Лишь время от времени станции и закрепленные за ними группы истребителей поднимались в зону невесомости для обычного патрулирования. Расписание полетов было свободным, поэтому Кассилл считал, что примерно половину судов из Небесной Службы спокойно можно привлечь к экспедиции.

— Двадцать судов, — слегка разочарованно повторила Дасина. — Что ж, для начала вполне достаточно.

— Да, Ваше Величество, — тем более что мы планируем отнюдь не вторжение. Мало-помалу наладим постоянное движение между Миром и Верхним Миром. Сначала будут курсировать одно-два судна, постепенно их численность разрастется до...

— Оставьте пустые разговоры, лорд Кассилл, — перебила его королева. — Вы опять выступаете за планомерный подход, и опять я повторяю вам, что у меня нет на это времени. Возвращение на Мир должно превратиться в настоящие шествие, мощное и триумфальное... чтобы последующие поколения отнесли к нему именно с этой точки зрения... Может быть, вы поймете мои чувства, когда узнаете, что полчаса назад я дала одной из своих внучек — графине Вантаре — разрешение на участие в этом рейде. Она не раз демонстрировала свой опыт в управлении воздушным кораблем и, несомненно, будет полезна в начальной стадии освоения планеты.

Кассилл покорно поклонился. Вслед за этим последовало бурное обсуждение дальнейших планов, за время которого — то есть в течение всего лишь часа — должно было решиться будущее двух миров.

Вынырнув из пышущей жаром атмосферы дворца, Кассилл увидел, что домой можно не торопиться. Взгляд на небо подсказал ему, что солнце скроется за восточным горизонтом минут через тридцать и у него еще остается время для небольшой прогулки по усаженным деревьями аллеям городского административного центра. Глоток свежего воздуха пойдет только на пользу, ведь оставшуюся часть дня придется провести в вечно неотложных делах.

Так и порешив, он отпустил карету, прошелся по мосту магистра Гло и, выйдя на берег реки, свернул на запад. Впереди показались первые правительственные постройки. Улицы кипели и бурлили в деловой суете, которая обычно предшествовала обеду: наступала малая ночь, а с ней приближалось время краткого отдыха от дневных забот. Городу минуло вот уже полвека, и на глазах Кассилла он превратился в повзрослевшую и остепенившуюся столицу;

Маракайн-старший всю жизнь провел среди этих зданий. Он подумал о заманчивой перспективе путешествия на Мир, где можно будет познакомиться с плодами тысячелетнего развития цивилизации. Королева ничего подобного не говорила, но Кассилл подозревал, что глубоко в сердце она лелеет мечту вернуться на родную планету и закончить свои дни там. Кассилл понимал ее желание, но для него домом стал Верхний Мир, и ему не хотелось покидать эту планету, тем более что еще столько всего предстояло сделать. Впрочем, вполне вероятно, что у него просто не хватит мужества на столь рискованный и опасный перелет.

Он приближался к площади Нелдивер, где размещались управления всех четырех департаментов вооруженных сил, когда завидел знакомую светлую шевелюру, колышущуюся над толпой встречающих пешеходов. Сын не появлялся дома вот уже много дней, и Кассилла охватило чувство любви и гордости, когда — словно со стороны — он увидел эти чистые, светлые глаза, великолепное тело и небрежную уверенность, с которой молодой человек носил голубой мундир капитана Небесной Службы.

— Толлер! — окликнул он, проталкиваясь поближе.

— Отец!

На лице Толлера застыло отстраненное и суровое выражение, словно его обуревали какие-то тяжкие сомнения, но, узнав отца, юноша весь засветился от радости. Он протянул руки, и двое мужчин обнялись, превратившись в островок, обтекаемый бурной стремниной пешеходов.

— Вот уж поистине счастливое совпадение, — сказал Кассилл, отстраняясь. — Ты не домой направляешься?

Толлер кивнул.

— Ты извини, что я еще вчера не вернулся, но было уже поздно, да и пока я поставил на якорь судно... а потом возникли другие проблемы...

— Что-нибудь серьезное?

— Ничего такого, что могло бы омрачить столь солнечный день, — с улыбкой помотал головой Толлер. — Давай поспешим домой. Мне кажется, я уже целую вечность провел на военном пайке, и жду не дождусь знаменитого мамочкиного обеда, подаваемого на стол в сумерках малой ночи.

— По тебе не скажешь, что армейская диета так уж скучна.

— Зато ты как раздобыл на домашних харчах, — съязвил Толлер, ущипнув Кассилла за жировую складку на животе.

Вместе они повернули к дому. По пути мужчины обменивались ничего не значащими фразами и беседовали о семье, привыкая друг к другу после долгой разлуки. Они уже подходили к Квадратному Дому, названному так в честь резиденции Маракайнов в древнем Ро-Атабри, когда разговор обратился к более серьезным темам.

— Я только что из дворца, — поведал Кассилл. — Есть кое-какие новости, которые могут тебя заинтересовать, — мы посылаем двадцать кораблей на Мир, целую флотилию.

— Да, мы вступаем в удивительную эру — две планеты, но единый народ.

Кассилл взглянул на плечо сына, где красовалась шафранно-голубая эмблема, подтверждающая, что пилоту присвоено право водить как воздушные, так и небесные корабли.

— Там и для тебя найдется работенка.

— Для меня? — довольно равнодушно усмехнулся Толлер. — Нет уж, отец, спасибо. Честно говоря, я с удовольствием как-нибудь побываю там, но сейчас эта планета — один огромный склеп, а я вовсе не горю желанием ворочать груды скелетов.

— Но само путешествие! Приключения! Я, признаться, думал, ты будешь в восторге.

— У меня и на Верхнем Море дел хватает, — ответил Толлер, и на мгновение его лицо омрачила та горестная гримаса, которую Кассилл подметил еще несколько минут назад.

— Тебя что-то беспокоит, — сказал старший Маракайн. — Предпочитаешь держать это при себе?

— А у меня есть такая возможность?

— Нет.

Толлер в шутливом отчаянии пожал плечами:

— Так я и думал. Ты, разумеется, знаешь, что гонца с Мира подобрал я, и никто иной. Однако в самый последний момент на сцене вдруг появился еще один корабль — причем без всяких на то полномочий — и попытался утащить приз прямо у меня из-под носа. Естественно, я не мог позволить такому случиться...

— Само собой!

— В общем, мы столкнулись. Так как мое судно ничуть не пострадало, я решил не делать официальную запись в бортовом журнале — а ведь виноват в этом был тот, другой командир. И вдруг сегодня утром я узнаю, что на меня подан рапорт по обвинению в неподобающем поведении в воздухе. Завтра я встречаюсь с коммодором Трессом.

— Зря ты так волнуешься, — успокоил его Кассилл, с облегчением выяснив, что ничего серьезного не случилось. — Вечерним днем я встречу с Трессом и открою ему истинный ход событий.

— Спасибо, конечно, но, думаю, я должен сам разобраться с этим. Видимо, все-таки стоило прикрыть фланги и занести происшедшее в бортовой журнал, но у меня и так достаточно свидетелей, чтобы доказать свою правоту. На самом-то деле ничего особенного. Так, укусы блохи...

— Однако ты до сих пор чешешься!

— Меня предали, мне нагло наврали, — неожиданно взорвался Толлер. — Отец, я поверил этой женщине. Доверился ей, и вот чем она мне отплатила.

— Ага! — Кассилл, начав постигать суть услышанного, едва сдержал улыбку. — Ты не сказал, что в роли беспринципного командира выступала женщина.

— Неужели? — изумился Толлер уже вполне обычным голосом. — Это, конечно, к делу не относится, но так уж случилось, что эта женщина приходится внучкой королеве. Ее зовут графиня Вантара.

— Видимо, она очень хороша собой.

— Ну, некоторым мужчинам она... На что ты намекаешь, отец?

— Да так, мысли вслух. Мне просто любопытно, ведь за последнюю пару часов я уже второй раз слышу ее имя.

Краем глаза Кассилл поймал удивленный взгляд Толлера, но, будучи не в состоянии удержаться и немного не помучить сына, решил ничего больше не говорить. Воцарилось молчание. Кассилл приложил ко лбу руку козырьком, внимательно разглядывая скопление птерты, следующей вдоль реки. Почти невидимые сферы колебались и подпрыгивали над самой поверхностью воды, гонимые легким бризом.

— Да, вот уж действительно совпадение, — наконец не выдержал Толлер. — И что же ты о ней слышал?

— О ком?

— О Вантаре. Кто упоминал ее имя?

— Не кто иной, как сама королева, — ответил Кассилл, пристально посмотрев на сына. — Оказывается, Вантара вызвалась добровольцем во флот, который мы отправляем на Мир. И королева, дабы продемонстрировать свою

заинтересованность в предприятии, дала девушке искреннее благословение.

Толлер снова замолк. Через пару минут он заметил:

— Вантара водит воздушные корабли — что она будет делать на Старой планете?

— О, я думаю, работы ей хватит. Мы посылаем туда четыре воздушных корабля, которые должны будут облететь вокруг планеты и доказать, что против власти королевы Дасины никто возражать не станет. По-моему, предстоит посетить немало занимательных мест, но, конечно, и сполна испытать все прелести военной жизни — а ты, похоже, уже по горло сыт сухим пайком.

— Плевать я хотел на сухой паек, — воскликнул Толлер. — Я лечу!

— На Мир? Но минуту назад...

Толлер схватил Кассилла за рукав и развернул к себе лицом.

— Отец, прошу тебя, хватит этих игр! Я хочу вести корабль на Мир. Ты ведь поможешь мне, проследишь, чтобы мое прошение было удовлетворено, да?

— Ну, не думаю, что могу оказаться тебе чем-нибудь полезен... — начал было Кассилл, внезапно ощутив беспокойство. У него перед глазами встала картина, как его единственный сын — который, несмотря на всю напускную мужественность, был еще совсем мальчишкой — преодолевает тонкую перемычку воздуха, соединяющую два мира.

— О, не скромничай, отец, — расплылся в широкой улыбке Толлер. — Ты состоишь в стольких комитетах, советах, трибуналах и комиссиях, что в некотором роде правишь вссм Колкорроном. А теперь пообещай мне, что я полечу на Мир.

— Ладно, ты полетишь на Мир, — уступил Кассилл.

* * *

Тем же вечером, ожидая Бартана Драмме, Кассилл понял, почему он так не хотел отпускать Толлера в путешествие на Старую планету. Их с сыном всегда связывали дружеские и очень гармоничные отношения, но нельзя было забывать и тот факт, что на мальчика сильно повлияли истории и легенды, окружающие имя его славного деда. Помимо потрясающего внешнего сходства, Толлер имел с дедом много общих черт — нетерпеливость, мужество, склонность к идеализму и, кроме всего прочего, вспыльчивый характер, однако Кассилл считал, что сходство это не столь велико, как возомнил юный Толлер. Его дед был гораздо жестче; если возникала необходимость, он разил без пощады, и внутри него жила черствость, из-за которой он скорее бы пожертвовал человеческими жизнями, нежели пошел на компромисс.

Но все меняется, и колкорронское общество стало куда мягче и безопаснее, чем несколько десятилетий назад. В нынешние времена мир предлагал юному Толлеру значительно меньше возможностей угодить в ситуацию, в которой — пытаясь жить по навязанным самому себе стандартам — он будет рисковать жизнью. Однако сейчас, когда он решил отправиться в путешествие на Старую планету, шансы на это резко возросли, и Кассиллу даже казалось, что призрак давно погибшего Толлера-старшего, пробужденный ароматом опасной авантюры, витает где-то поблизости, готовясь распространить свою власть на легкоуязвимого юношу. Вспомнив об отце, Кассилл Маракайн искренне пожелал, чтобы его неугомонный дух навсегда оставался в могиле и в далеком прошлом...

Услышав, как Бартан Драмме шумно приветствует впустившего его слугу, Кассилл поднялся с кресла и по широкой лестнице спустился навстречу другу, который тащил

под мышкой деревянный телескоп и треногу. Слуга предложил было помощь, но Кассилл сказал, что они управятся сами, и отпустил дворецкого. Они с Бартаном установили тяжелый прибор на балконе, с которого открывался отличный вид на западный горизонт. Света, отражаемого Миром, вполне хватило бы, чтобы читать, но тем не менее купол неба весь был усеян бесчисленными яркими звездами и тысячами спиралей всяческих форм и размеров, начиная от округлых водоворотов и заканчивая узенькими, вытянутыми овалами. Той ночью были видны по меньшей мере шесть крупных комет, разбрасывающих свои сияющие щупальца по небесному покрову; от звезды к звезде пронзительными штрихами металась метеоры.

— Знаешь, ты очень удивил меня сегодня, — заметил Кассилл. — Ты единственный из всех моих знакомых, кто способен выступать одинаково великолепно и убедительно перед любой аудиторией и в любых обстоятельствах, но перед королевой у тебя был такой смущенный вид. Что случилось?

— Признаю свою вину, — оторвавшись от настройки телескопа, кивнул Бартан.

— Вину?!

— Ну да. Все дело в этой проклятой четвертой планете, Кассилл. Все мои инстинкты просто вопят, что ничего хорошего ее появление нам не предвещает. Она не должна быть там! Ее присутствие полностью противоречит всем известным законам природы, и это дурное знамение, а мне никто не верит — даже ты твердишь, что нет никаких поводов для тревоги. Я чувствую себя так, будто предал свою королеву и всю страну, и мне не хватает слов убедить вас. Просто руки опускаются.

В ответ на эту взволнованную речь Кассилл лишь ободряюще усмехнулся.

— Ну-ка, — сказал он, — дай я полюбуюсь на это «знание», которое так тебя взволновало. Вещь, способная укоротить знаменитый язык Драмме, сама по себе стоит внимательнейшего изучения.

Он все еще пребывал в радужном настроении, когда Бартан в конце концов настроил телескоп, отступил в сторону и предложил приятелю взглянуть в окуляр. Первое, что увидел Кассилл, был расплывчатый, мерцающий бриллиантово-голубым цветом диск, напоминающий пузырь из переливающегося газа, однако легкий поворот верньера мигом изменил картину.

Внезапно его взору открылась целая планета, плавающая в черно-синих глубинах вселенной, — на полюсах ее виднелись снежные шапки, а по бокам проступали океаны и какие-то континенты, отчасти затянутые причудливыми завихрениями облачных масс.

Она не имела никакого права на существование, но все же крутилась прямо перед его глазами, и в миг первого столкновения с неизвестным миром Кассилл думал только об одном — хотя сам не мог понять почему: об опасности, угрожающей его сыну.

ГЛАВА 3

Измеритель высоты представлял собой вертикальную шкалу, с верхушки которой на маленькой аккуратненькой пружинке свисал небольшой грузик. Как только судно устремлялось в небо и сила тяжести падала, грузик поднимался выше по шкале. Принцип действия прибора был настолько прост и эффективен, что за целых пятьдесят лет никто ничего нового предложить не смог, и лишь пружи-

на, которую ранее заменяла тонкая, как волосок, стружка бражки, теперь изготавлилась из высококачественной стали. За последние десятилетия металлургическая промышленность Колкоррона шагнула далеко вперед, и гарантированная степень жесткости стальных пружин позволяла с легкостью регулировать высотомер.

Толлер внимательно изучил инструмент, убедился, что прибор показывает нулевую гравитацию, вынырнул из каюты и подплыл к поручням мостика. Флот достиг зоны невесомости к середине дня, а это означало, что солнечные лучи падали сбоку, параллельно палубе. С одной стороны вселенная сохраняла обычный темно-голубой цвет, обильно усеянный серебром звезд и спиралей, но с другого борта располагался настолько мощный источник света, что на него практически невозможно было смотреть. Под ногами Толлера огромный диск Верхнего Мира делился ровно на две половинки — ночную и дневную, причем последняя максимально усиливала омывающее корабли сияние; сверху, полускрытая газовым баллоном, кружилась Старая планета, также стараясь добавить яркости окружающему пространству.

Прямо напротив Толлера, залитые ослепительными лучами солнца, плыли еще три баллона, снабженные вместо легчайшей коробки, которая обычно использовалась на небесных кораблях, воздушными гондолами. Плавные очертания гондол были слегка нарушены двигателем вертикального подъема, выхлопной конус которого торчал прямо под килем. Чуть ниже, разделенные группками по четыре, на фоне мерцающего великолепия Верхнего Мира поднимались еще шестнадцать кораблей, составляющих основную часть флотилии. Сверху их баллоны казались идеально круглыми — словно маленькие планетки, меридианами которых выступали линии швов. Рев реактивных выхлопов

наполнял небо, периодически достигая оглушительного уровня, когда несколько судов одновременно выбрасывали клубы газа.

Толлер приставил к глазам бинокль, пытаясь отыскать станции воздушной обороны, но это оказалось нелегко. На планеты или солнце ориентироваться было бесполезно, и проблема заключалась в том, что он понятия не имел, в какую сторону лучше всего смотреть. Высотомер обладал погрешностью в дюжины миль, а конвекционные потоки, благодаря которым воздух межпланетной перемены был столь холоден, зачастую создавали еще и боковые смещения. Огромные по человеческим меркам станции в ледяной безбрежности центрального пояса превращались в крохотные точки.

— Что-нибудь потеряли, юный Маракайн? — Голос принадлежал королевскому эмиссару Траю Кетторану, возглавлявшему экспедицию. Плохо переносил невесомость, посланник предпочел лететь на одном из усовершенствованных судов, надеясь, что уют закрытой каюты поможет ему справиться с приступами хвори. Его ожидания не оправдались, но, несмотря на почтенный возраст, он стойко сопротивлялся недомоганию. Совсем недавно Траю Кетторану исполнился семьдесят один год — он был одним из старейших членов экспедиции. Назначенный королевой Дасиной на ответственную должность, он хорошо помнил прежнюю столицу Колкоррона Ро-Атабри и, следовательно, обладал достаточными знаниями, чтобы точно оценить состояние города.

— Я имею приказ проверить Группу Внутренней Обороны, — ответил Толлер. — Небесная Служба пожертвовала этой экспедиции целых двадцать судов, и в результате нам придется пропустить проверку, проводимую раз в пятьдесят дней. Однако на случай, если я увижу, что произошло нечто крайне серьезное, мне были даны полномочия

забрать один из кораблей экспедиции и решить проблему, сколько бы времени это ни заняло.

— Тяжкое бремя для юного капитана, — посочувствовал Кетторан, и его вытянутое бледное лицо слегка оживилось. — Но даже располагая таким замечательным биноклем — неужели осмотр с расстояния нескольких миль может дать какой-нибудь результат?

— Я должен провести лишь поверхностную оценку положения, — сознался Толлер. — По правде говоря, на сегодняшний день внешнего осмотра станций вполне хватает. Если одна из них вдруг начнет дрейфовать к Верхнему Миру или Миру, я должен просто вернуть ее на прежнее место.

— Но раз одна начнет падать, разве остальные не последуют за ней?

Толлер отрицательно покачал головой:

— Инерция здесь абсолютно ни при чем. На станциях содержатся химические вещества — пикон, халвелл, огненная соль и так далее, — поэтому малейшее изменение условий хранения может привести к выделению газов, которые обязательно отыщут какую-нибудь щелку в корпусе и проникнут наружу. Подобная тяга легка, как девичье дыхание, но если утечка будет продолжаться достаточно длительный период времени — прибавьте к этому постоянно увеличивающуюся силу притяжения, — мы получим настоящего неуправляемого левиафана, стремящегося разбиться вдребезги о тот или другой мир. Небесная Служба старается не доводить дело до подобной катастрофы, а принимать меры заранее.

— У вас неплохо подвешен язык, юный Маракайн, — отметил Кетторан, пуская сквозь шарф, охраняющий лицо от лютой стужи зоны невесомости, облачка белого пара. — Вы никогда не задумывались о дипломатической карьере?

— Нет, но, если я не обнаружу эти проклятые колбасные шкурки из древесины, чувствую, придется задуматься.

— Я с удовольствием помогу вам — сейчас я готов заняться чем угодно, лишь бы забыть о собственном желудке, так и рвущемся наружу. — Кетторан потер слезящиеся глаза перчаткой и принялся изучать небо. Не прошло и нескольких секунд, как он — к огромному удивлению Толлера — довольно хмыкнул.

— Не это ли мы ищем? — Он указал прямо на восток, чуть левее трех следующих параллельным курсом кораблей. — Вон та ниточка пурпурных огоньков...

— Пурпурных огоньков? Где? — Толлер отчаянно пытался рассмотреть что-либо необычное в указанной части небосвода.

— Вон! Да вон же! Неужели вы не... — Кетторан разочарованно вздохнул. — Ну вот, опоздали, они уже исчезли.

— Сэр, на станциях нет никаких огоньков — ни пурпурных, ни каких-либо еще, — чуть насмешливо, чуть раздраженно фыркнул Толлер. — На них установлены отражатели. Если посмотреть под определенным углом, они загорятся белым сиянием. Наверное, это был метеор.

— Что я, метеора никогда не видел? Так что не пытайтесь... — Кетторан снова запнулся и ткнул пальцем теперь уже в другую часть неба. — Вот она, ваша драгоценная Группа Обороны. Только не говорите мне, что я опять ошибаюсь, ведь я отчетливо вижу вереницу белых искорок. Ну что, прав я? Прав?

— Вы абсолютно правы, — подтвердил Толлер, нацеливая бинокль на станции и дивясь про себя везению пожилого человека, который сразу умудрился направить свой взгляд в нужном направлении. — Прекрасная работа, сэр!

— Вот именно, тоже мне пилот называется! Не будь мой желудок столь своенравным, я б... — Кетторан яростно чихнул, вернулся в каюту и прикрыл за собой дверь.

Толлер улыбнулся, услышав целую серию «апчхи!», перемежаемую приглушенными проклятиями. За первые пять

дней полета к зоне невесомости он успел привыкнуть к старику и даже полюбил его за постоянное насмешливое ворчание. Он искренне уважал ту стойкость, с которой посланник сносил все трудности перелета. Большинство людей его возраста изобрели бы миллион причин, лишь бы переложить ответственность на соседа, но Кетторан охотно подчинился приказу королевы и был твердо намерен исполнить свой долг. Это задание стало еще одним в многолетней, длинной в целую жизнь, веренице обязанностей, возлагаемых на него сувереном.

Толлер вновь пригляделся к станциям обороны и с облегчением отметил, что все они выстроены в идеально прямую цепочку. Только-только получив звание пилота небесного корабля, он с радостью участвовал в рейдах к станциям. Вступая поначалу в темный, вызывающий чувство клаустрофобии корпус, Толлер не раз ощущал, как его обволакивает почти мистическая атмосфера, пробуждающая к жизни дух дедушки и его героической эпохи, однако очень скоро он понял бесполезность самого существования так называемой Группы Внутренней Обороны. Раз никакой угрозы со стороны дальнемирцев не существует, стало быть, и станции не нужны; а если же загадочные завоеватели все же решат напасть, то против их технического превосходства станции все равно не выстоят. Эти деревянные оболочки были только видимостью защиты, возведенной для успокоения уже стареющего короля Чаккела; для Толлера их принципиальная важность состояла в том, что, следя за ними, Небесная Служба напоминала людям о возможности путешествий в космосе.

Убедившись, что отклоняться от вертикального курса не потребуется, он опустил бинокль и задумчиво посмотрел в сторону остальных трех кораблей, составляющих его группу. Одним из них командовала Вантара. С того самого

момента, как он узнал, что графиня примет участие в экспедиции, он никак не мог решить, какой подход лучше использовать в дальнейших отношениях с ней. Может быть, увидев его равнодушие и молчаливое осуждение, девушка извинится и они помирятся? Или, наоборот, стоит притвориться бодрым и жизнерадостным, отнестись к ее рапорту как к заурядной стычке, которая неизбежно происходит при встрече двух независимых характеров?

Тот факт, что он, пострадавший, раздумывает о будущем примирении, слегка беспокоил Толлера, тем более что в конце концов все его планы так и негодились. Во время приготовлений к перелету Вантара предпочитала держаться на расстоянии, причем проделывала это с таким изяществом, что Толлера не утешала даже мысль о том, что, раз его избегают, значит, к нему неравнодушны.

Часом позже флот миновал точку абсолютной невесомости, вереница станций бесследно затерялась в небесных просторах, а притяжение Мира начало оказывать заметное воздействие на скорость кораблей. С помощью мигалки генерал Оуд, главнокомандующий флотом, известил всех пилотов о начале маневра переворота.

Радуюсь возможности немножко отвлечься от воздушной рутины, Толлер ухватился за страховочный трос и спустился с мостика на палубу, где у пульта управления нес вахту лейтенант Корревалът. Корревалът, будучи еще совсем новичком, облегченно вздохнул, увидев, что ему не придется выполнять сложный маневр самому. Он сдал вахту и отплыл немножко в сторону, наблюдая за Толлером, который с готовностью взялся за эту весьма нелегкую задачу. Четыре гибкие подпорки-трубки соединяли гондолу с баллоном, что помогало всей конструкции двигаться синхронно, когда в действие вступали судовые машины. Несмотря на то что сам по себе баллон был очень легким —

тоненькая оболочка из покрытой лаком парусины, — газ, содержащийся внутри него, весил многие тонны, а следовательно, обладал громадной инерцией, поэтому при смене курса нагревать его следовало с большой осторожностью. Пилот, слишком решительно взявшийся за управление боковыми двигателями, вскоре обнаружит, что одна из труб-подпорок вдруг прошила баллон. В условии невесомости подобное повреждение ничем серьезным не грозит, но справиться с ним нелегко, и починка корабля, как правило, отнимает много времени — так что провинившийся не успеет пожалеть о своей ошибке.

Прошла, казалось, целая вечность после того, как Толлер запустил один из крошечных перекрестных двигателей — сначала его тяга вроде бы не оказывала на судно никакого воздействия, но вдруг огромный диск Верхнего Мира медленно начал двигаться вверх. Вскоре он завис над поручнями корабля, представ перед командой во всем своем великолепии. Старая планета тем временем вынырнула из-за баллона и начала опускаться вниз. В этот момент, просто крутя головой из стороны в сторону, Толлер мог любоваться сразу двумя планетами, открытыми для обозрения, — в небе плыли миры-близнецы, арены, на которых человечество сражалось и погибало ради прогресса и поступательного хода истории.

На фоне планет, освещенные их же лучами, повисли и остальные корабли флота. Каждый из них находился в своей стадии переворота — каждый пилот предпочитал осуществлять этот маневр по-своему, и арки белого пара, вырывающиеся из боковых двигателей, служили как бы продолжением обширных облачных массивов, сгустившихся тысячами миль ниже. А вокруг царила застывшая в ослепительном сиянии вселенная — круги, спирали и всяческие течения, лучащиеся серебром, россыпи бриллиантовых звезд, мерцающих голубым и белым, молчаливые бродяги-кометы и стремительные стрелы метеоров.

Это зрелище вызвало у Толлера чувство благоговейного страха и восторга одновременно. Он гордился мужеством людей, осмелившихся совершить межпланетный перелет в хрупких сооружениях из ткани и дерева, и вместе с тем понимал, что, несмотря на все свои амбиции и мечты, люди — всего лишь микробы, перебирающиеся с одной песчинки на другую.

В этих чувствах он бы никогда и никому не признался, но, когда маневр переворота закончился и корабль начал погружаться в древнюю колыбель человечества, он испытал огромное облегчение. Теперь с каждым часом воздух будет становиться все плотнее и теплее, вбирая в себя жизнь, с бездельем будет покончено, и Толлер снова сможет приступить к выполнению обычных обязанностей.

— Вот как это делается, — сказал он, возвращая вахту Корревалту. — Прикажите механикам разогреть машины и напомните им проверить систему отопления.

Толлер упомянул отопление потому, что, хоть воздушная среда и начнет постепенно уплотняться, направление атмосферных потоков над кораблем изменится. Большая часть тепла, выделяемого баллоном, будет уходить в небесную высь, вместо того чтобы окутывать гондолу невидимым облаком и защищать пассажиров от смертельного холода.

Чтобы перейти на обычный воздушный дрейф, следовало остановить двигатель и переключиться с режима тяги на режим производства горячего газа. Толлер воспользовался перерывом и зашел в носовую каюту — наспех утолить голод. Никто и никогда не пытался объяснить ошеломляющее чувство постоянного падения, которое человек испытывал при прохождении зоны невесомости. Потеря веса плохо отражалась на аппетите Толлера — довольно долгое время после полетов он вынужден был потреблять

пищу через силу, игнорируя все протесты желудка. Разнообразие провизии, содержащейся в пищевых авоськах, вряд ли радовало глаз — полоски вяленого мяса и рыбы, печеная сдоба и сушеные ягоды и фрукты. Толлер обследовал небогатый выбор продуктов, остановился на куске пирога и без всякого энтузиазма принялся жевать.

— Не отчаивайтесь, юный Маракайн! — Кетторан, оккупировавший кресло у капитанского столика, был само дружелюбие. — Скоро мы прибудем в Ро-Атабри, а там я вас проведу по лучшим заведениям двух планет. Правда, предупреждаю, наверняка от них остались одни руины, но тем не менее я все равно устрою вам эту небольшую экскурсию. — Кетторан подмигнул своему секретарю Парло Вотурбу, сидящему напротив, и оба старика весело пожали плечами, разом став похожими друг на друга, словно братья.

Все еще пережевывая пирог, Толлер хмуро кивнул, признавая шутку. Кетторан и Вотурб были ровесниками его деда. Они даже хорошо его знали — чему Толлер не мог не завидовать — и оба дожили до весьма преклонного возраста, сохранив и бодрость, и здоровье. Толлер же сильно сомневался, что в семьдесят лет сможет похвастаться подобной силой духа и жизнерадостностью. Ему всегда казалось, что мужчины и женщины, пережившие великие события недавней истории — птертовую чуму, Переселение, покорение Верхнего Мира, войну между планетами-сестрами, — приобрели какие-то особые качества. Их характеры были выкованы в горниле тех времен, тогда как он обречен прозябать в период затишья. Ему никогда не придется испытать себя — и вместе с тем завоевать бессмертную славу — в действительно суровой передрыге. Как ни пытался, Толлер не мог себе представить, что заурядные и вялотекущие нынешние дни способны одарить человечество приключениями, сравнимыми с теми, в которых уча-

ствовал легендарный Толлер Убийца Королей. Даже путешествие между мирами, когда-то слывшее наиопаснейшей авантюрой, превратилось в заурядную прогулку...

Внезапно комнату озарила яркая вспышка, ворвавшаяся через иллюминаторы левого борта. Противоположная стена каюты залилась багровым светом, с палубы послышался чей-то испуганный вопль.

— Что это было? — Борясь с невесомостью, Толлер начал неловко разворачиваться к двери, как вдруг раздался чудовищный грохот, увенчавшийся ужасным ударом грома, от которого заложило уши. Кюта вздрогнула, и утварь, закрепленная на стенах, шумно задрезжала.

Эхо от удара все еще катилось по судну, когда Толлер наконец добрался до двери, открыл ее и вылетел из кабины. Яростные воздушные потоки швыряли судно из стороны в сторону, снасти скрипели и стонали. Лейтенант Корревалт и механики цеплялись за страховочный линь, обратив потрясенные взоры на северо-запад. Толлер повернулся в том же направлении и увидел бурлящий, яростно сверкающий шар, быстро исчезающий в черном небытии. И вновь небо обрело мир и покой, вокруг воцарилась полная тишина, нарушаемая лишь редкими, далекими криками людей с соседних кораблей.

— Это был метеор? — крикнул Толлер, сам понимая глупость и ненужность своего вопроса.

— И громадный, сэр, — кивнул Корревалт. — Прошел от нас на расстоянии мили, может, чуть больше. На какую-то секунду я даже попрощался с жизнью. Не хотелось бы мне снова побывать в подобной передрыге.

— Скорее всего больше такой возможности не представится, — утешил его Толлер. — Пусть авиамеханики осмотрят оболочку и особенно внимательно проверят подпорки. Как зовут вон того паренька?

— Гетчерт, сэр.

— Замечательно, можете обрадовать Гетчерта — передайте ему, что пришло его время отработать свой кусок хлеба на корабле.

Корревалът направился на корму, где собралась команда, а Толлер ухватился за поперечный линь и подтянулся к поручням. Теперь, когда маневр переворота завершился, с мостика были видны только корабли его группы плюс качающиеся внизу баллоны четырех ведущих судов, но вроде бы никто из флотилии не пострадал. Толлер не раз поднимался в зону невесомости и поэтому частенько задумывался, что будет, если метеор все-таки врежется в корабль. В такие минуты он находил некоторое утешение в размышлениях о незначительности человека на фоне космических событий. Творения рук человеческих были настолько малы, а вселенная — столь велика, что сама мысль о попадании одной из носящихся по космосу пуль в человеческую мишень казалась абсурдной.

Вся ирония случившегося заключалась в том, что всего несколько минут назад он жаловался про себя на тоску и безделье межпланетного перелета, и вот вселенная как бы ответила ему. Однако не с такими опасностями желал столкнуться Толлер, он жаждал встречи с противником, с которым можно помериться силами и которого есть шанс победить. Вряд ли можно назвать великой победой то, что они случайно увернулись от слепого орудия природы, обычного куска скалы, ворвавшегося в пространство меж двух планет из...

Толлер поднял голову и посмотрел на юго-восток, туда, откуда прилетел метеор. Внезапно взгляд его остановился на неверных очертаниях крошечного круглого облачка, состоящего из золотистых огненных пылинок. Облако быстро росло, и каждая его точка стремительно увеличивалась в разме-

рах и набирала яркость. Он удивленно рассматривал явление, не припоминая, чтобы подобное встречалось ему посреди сияющих сокровищ небес, и вдруг — словно настройка во внутреннем оптическом приборе сработала — к Толлеру вернулось чувство реальности и перспективы. И он понял, что это такое.

Он смотрел на метеоритный дождь, который был нацелен прямо на флот!

Стоило ему осмыслить происходящее, как ситуация резко изменилась, и события понеслись с невиданной быстротой. Рой метеоров звездообразно раскрылся, став похожим на какой-то огромный цветок. Приглядевшись повнимательнее, Толлер понял, что в поперечнике надвигающийся гигантский град составляет сотни и сотни миль. Словно окаменев, не способный произнести ни слова, он ухватился за поручни и молча наблюдал, как по вселенной расползается сверкающий веер, заслоняя собой даже звезды. Силы космоса неслись прямо на корабли.

«Мне ничего не грозит, — твердил себе Толлер. — Мне ничего не грозит просто потому, что я слишком мал, чтобы стать жертвой этих огненных монстров. Даже наши корабли перед ними все равно что пылинки...»

Но тут события приняли новый оборот. Положение дел снова изменилось. Обсидиановая группа всадников из неведомых глубин космоса, отправившаяся в путь миллионы и миллионы лет назад, наконец встретила на своем пути более плотную среду, нежели вакуум вселенских просторов, и теперь метеориты разбивались вдребезги о воздушные стены, ограждающие планеты от незваных пришельцев.

Обитателям Мира и Верхнего Мира подобное столкновение ничем особенным не грозило, но с путешественниками, застигнутыми врасплох на тонкой воздушной грани между двумя мирами, дело обстояло иначе. Врезавшись

в атмосферу, метеоры начали взрываться и, распадаясь на тысячи разлетающихся в стороны осколков, стали менее разборчивыми в выборе целей.

Яркие вспышки и сопровождающие их громовые раскаты заставили Толлера поморщиться. Рассыпающиеся в пыль метеоры заполнили собой весь небосвод и внезапно очутились у него за спиной. Он повернулся и увидел феномен с обратной стороны: огромный, брызжащий сиянием диск медленно уменьшался, скрываясь в безбрежной дали пространства, однако теперь он состоял не из отдельных точек, а превратился в почти идеальный круг бушующего пламени. Вырвавшись из разреженной атмосферы двух планет, обезумевшие пули-метеоры быстро погасли и растаяли в безмолвной черноте. Флотилию окутала звенящая тишина.

«Неужели мы живы? — недоверчиво подумал Толлер. — Во имя...»

Откуда-то сверху послышался шум и панические возгласы. Потом раздался характерный взрыв вступивших в реакцию пикона и халвелла, и Толлер понял, что по крайней мере одному из кораблей повезло меньше, чем его собственному.

— Ложимся набок! — крикнул он лейтенанту Корревалту, застывшему у панели управления, а сам, вцепившись в поручень, перегнулся за борт, пытаясь заглянуть за плавный изгиб баллона. Корревалт начал ритмично выстреливать одним из боковых двигателей.

Через несколько секунд глазам Толлера предстало весьма странное и нелепое зрелище — в залитом солнцем воздухе, заслоняя огоньки дневных звезд, мимо него проплыл синерог. Взрыв, должно быть, вышвырнул животное из гондолы, на борту которой его перевозили. Синерог в страхе завывал и бил копытами, медленно, но верно падая на Мир.

Толлер повернулся к пострадавшему судну, показавшемуся сверху. Его баллон резко уменьшился и превратился в бесформенную тряпку. Взрыв, произошедший в нижней части корабля, сорвал обшивку, и в воздухе теперь плавали люди, коробки с грузом, мотки веревки и обломки досок. То там, то здесь посреди всеобщего дрейфующего хаоса мелькали вспышки, раздавалось громкое шипение, и возникали небольшие белые облачка пара, свидетельствующие о том, что пикон и халвелл столкнулись друг с другом и тихо сгорели на фоне пастельного диска Верхнего Мира.

Члены команды остальных трех судов группы уже прыгали за борт, чтобы начать спасательные работы. Толлер внимательно осмотрел летающих в хаосе обломков людей и с облегчением отметил, что смертельных исходов на первый взгляд не наблюдается. Видимо, гондоле достался скользящий удар одного из метеоритных осколков и она завалилась набок, в результате чего в машинном отделении перемешались и вступили в реакцию зеленые и пурпурные энергетические кристаллы.

— На нас напали? Мы все погибнем? — слышался дрожащий голос посланника, и его вытянутое бледное лицо появилось в дверях каюты.

Толлер хотел было объяснить, что произошло, но вдруг заметил какое-то движение у поручней корабля Вантары. Графиня подплывала к борту, а за ней — лейтенант, чью невысокую полную фигурку Толлер запомнил еще по первой злосчастной встрече. Даже на солидном расстоянии от одного вида графини у него захватило дух. Вниманию Вантары и ее офицера было приковано к несчастному синерогу. К этому времени животное уже лишилось инерции, приданной взрывом, и зависло примерно посередине между кораблями Вантары и Толлера.

Однако Толлер прекрасно знал, что эта неподвижность не более чем иллюзия. И синерог, и корабли уже вошли в

сферу притяжения Мира — по сути, они падали к поверхности планеты, расположенной тысячами миль ниже. Разница состояла лишь в том, что суда поддерживали наполненные нагретым воздухом баллоны, тогда как синерог пребывал в свободном падении. Вблизи зоны невесомости подобная разница в скоростях была очень незначительной, но тем не менее она присутствовала и в соответствии с законами физики постепенно увеличивалась. Если не будут приняты меры, синерог — весьма ценное животное — обречен. Падение, которое каждый небесный пилот хоть раз, но переживал в ночных кошмарах, будет длиться несколько дней, пока зверь не врежется в землю.

Вантара и лейтенант, чье имя Толлер никак не мог припомнить, очевидно, что-то задумали, и только спустя несколько секунд Толлер понял, в чем состоит их замысел. Легко оттолкнувшись от поручней, они вылетели в небо, и он увидел у них за плечами летные ранцы. Далекими предками этих заряженных газом маглайна агрегатов были древние воздухоплавательные аппараты, изобретенные во времена межпланетной войны. Но даже сейчас, несмотря на все усовершенствования, управление ранцами требовало большого опыта.

Справедливость этого была немедленно доказана: Вантара не смогла справиться с тягой, которую необходимо направить строго вдоль оси тела, и медленно закувыркалась в воздухе — без помощи лейтенанта ей было бы нелегко выбраться из сложившейся ситуации. Толлер сразу понял, что две женщины, решившие спасти синерога, подвергают себя настоящей опасности. Испуганный зверь лягался во все стороны копытами размером с плошку — одного такого удара хватило бы, чтобы вдребезги разнести человеческий череп.

— Мы были на волосок от смерти, — крикнул Толлер Кетторану, срывая летный ранец с ближайшей стойки. — Подробности можете узнать у Корревальта.

Одним прыжком он перескочил через поручни и, сжимая рюкзак в руках, вылетел в пронизанный солнечными лучами воздух. Справа и слева от него кружились разноцветные диски планет-близнецов, а пространство между ними заполняли ряды кораблей. В клубах дыма и пара суетились миниатюрные человеческие фигурки. Дневные звезды, туманности и яркие всполохи комет дополняли эффектную картину мироздания.

В дни учебы Толлер потратил немало времени, чтобы овладеть искусством управления стандартным летным ранцем, и теперь, свободно дрейфуя, ловко закрепил ранец на торсе. Взмахнув руками, он привел тело в нужное положение — одна точная вспышка двигателя доставила его прямо к синерогу. Яростный холод области невесомости, усиленный полетом, острыми иглами впился в глаза и в губы.

Вантара и лейтенант были уже неподалеку от синерога, который все еще лаял и подвывал от ужаса. Они подобрались поближе и начали разматывать прихваченную с собой веревку. Толлер, воспользовавшись задним двигателем, затормозил поблизости. Прошло немало времени с тех пор, как он находился рядом с Вантарой, и, несмотря на необычные обстоятельства встречи в невесомости, все его существо охватило настоящее пламя. Казалось, каждая клеточка его тела откликается на невидимую ауру, окружающую графиню. Ее овальное личико, частично закрытое капюшоном униформы, было таким же прекрасным, каким он его помнил: загадочным, женственным и потрясающе совершенным.

— Ну почему мы не можем встретиться в обычной обстановке, как все нормальные люди? — попытался завязать разговор Толлер.

Графиня окинула его кратким взглядом и, ни слова не сказав, повернулась к лейтенанту:

— Давай-ка свяжем задние ноги — так будет легче.

— Может быть, сначала успокоить его? — предложила лейтенант. — Слишком рискованно заходить сзади. Он испуган.

— Ерунда! — отрезала Вантара с самоуверенностью человека, который с детства пользовался семейными конюшнями.

Сделав на веревке большую петлю, она в парах маглайна направилась к синерогу. Толлер уже собирался предостеречь ее, когда животное, которое то и дело крутило головой из стороны в сторону, вдруг увидело, что творится за спиной, и резко ударило задними ногами. Громадное копыто скользнуло по бедру Вантары. К счастью, оно лишь вырвало кусок комбинезона, не причинив графине никакого вреда. От удара Вантара закрутилась на месте, но отвердевшая от холода веревка, все еще зажатая у нее в руках, быстро остановила вращение. Попади копыто в бедро, Вантара была бы серьезно искалечена, и понимание этого факта мигом отразилось у нее на лице — когда она наконец обрела равновесие, Толлеру бросилась в глаза ее смертельная бледность.

— Зачем ты дернула за веревку? — закричала она на лейтенанта, и голос ее звенел от гнева. — Из-за тебя я чуть не налетела на этого зверя! Я могла погибнуть!

Челюсть у девушки отвисла, она беспомощно посмотрела на Толлера, как бы призывая его в свидетели.

— Но, госпожа, я ничего такого не...

— Не спорьте со мной, лейтенант.

— Я же предупреждала, что сначала надо успокоить животное...

— Давайте не будем устраивать здесь следственную комиссию, — перебила Вантара, и дыхание, слетавшее с губ, образовало перед ее лицом клуб белого пара. — Если вы

считаете себя таким экспертом в обращении с животными, попробуйте сами справиться с этим ошалевшим мешком костей. У вашего зверя дурная наследственность! — Она развернулась и полетела обратно в сторону своего судна.

Толстушка молча проводила ее глазами, а затем повернулась к Толлеру с неожиданной улыбкой:

— Весь смысл в том, что если бы несчастное животное происходило из хорошего стада, оно бы сто раз подумало, прежде чем пинать члена королевской семьи.

Ее шутка показалась Толлеру несколько неуместной.

— Графиня едва избежала опасной раны.

— Графиня сама навлекает на свою голову всяческие неприятности, — ответила лейтенант. — Она просто хотела продемонстрировать прирожденную власть над животными, вот и решила в одиночку управиться с синерогом, вместо того чтобы предоставить это специалистам. Она искренне верит в эти аристократические сказки, будто все мужчины благородных кровей еще в колыбели демонстрируют полководческие таланты, а женщины от природы тонко чувствуют искусство...

— Лейтенант! — Раздражение Толлера наконец вырвалось наружу. — Как вы смеете так отзываться о своем начальстве в моем присутствии! Вы что, не понимаете, что за подобные разговоры полагается наказание?!

Девушка изумленно распахнула глаза, и на лице ее отразилось разочарование и покорность.

— Неужели и вы тоже?.. О нет, только не это!

— Что вы имеете в виду?

— Каждый мужчина, встретившийся с ней... — Она секунду помедлила, а потом решительно тряхнула головой. — А я-то думала, после того рапорта... Вам известно, что прекрасная графиня Вантара сделала все возможное, чтобы вас сместили с должности капитана?

— А вам известно, как следует обращаться к вышестоящему офицеру? — Толлер сам понимал, что ведет себя крайне глупо — особенно если учесть, что они с лейтенантом висят в голубой пустоте между двумя выпуклыми сферами планет, — но был не в состоянии молча выслушивать столь едкие нападки на Вантару.

— Прошу прощения, сэр, — выпалила девушка, и лицо ее превратилось в бесстрастную маску. — Разрешите попробовать успокоить синерога?

— Э-э, как вас зовут?

— Джерин Пертри, сэр.

Толлер чувствовал себя напыщенным дураком, но не знал, как выбраться из этой идиотской ситуации, в которую сам себя загнал.

— В нашей экспедиции нет недостатка в опытных людях, умеющих обращаться с животными. Вы уверены, что справитесь с ним?

— Я выросла на ферме, сэр.

Джерин слегка приоткрыла клапан ранца, выпустив тоненькую струйку пара, которой как раз хватило, чтобы долететь до головы синерога. Выпученные глаза животного внимательно следили за ней, вокруг его пасти повисли блестящие ниточки слюны. Толлер ощутил некое беспокойство — эти массивные челюсти, с легкостью проникнув сквозь плотную ткань комбинезона, превратят человеческую плоть в кашу, — но тут Джерин начала издавать какие-то нежные неразборчивые звуки, и зверь мигом утихомирился. Она обняла синерога одной рукой за шею, а другой стала чесать громадный лоб животного. Зверь, откликнувшись на ласку, превратился в послушное создание, и спустя несколько секунд Джерин легким движением прикрыла веки на выпуклых янтарных глазах синерога; затем кивнула Толлеру в знак того, что можно использовать веревку.

Он подлетел поближе, связал задние ноги животного, отмотал еще кусок веревки и повторил ту же процедуру с передними ногами. К такой работе он не привык и все время опасался, что зверь вот-вот начнет яростно сопротивляться, но синерог безропотно снес столь вольное обращение.

К тому моменту суматоха вокруг потерпевшего крушение судна поутихла. Ситуация была взята под контроль. Поверхность Верхнего Мира была вся исчерчена полосами белого пара — команды кораблей начали работы по спасению провизии. Они перекрикивались друг с другом, голоса их зазвучали бодро и радостно; все прекрасно понимали, что причиненный ущерб — ерунда по сравнению с тем, что могло произойти с флотом. Толлеру пришла в голову мысль, что им повезло и в другом плане — случись столкновение с метеоритным роем чуть дальше зоны неведомости, справиться с последствиями было бы гораздо сложнее, если вообще возможно. Все видимые объекты потихоньку падали на Мир, но скорость их была столь мала, что практически незаметна.

Снизу приближались команды судов первой группы — они тоже спешили на помощь потерпевшим крушение товарищам. Руководил ими коммодор Шолдд, главный строевой офицер экспедиции, — крепко сбитый, немногословный мужчина пятидесяти лет. Королева особенно благоволила к нему из-за той энергии, с которой он брался за самые сложные задачи. Сейчас Шолдд весь кипел от раздражения — ведь он потерял один из кораблей, — и Толлер подумал, что до конца полета лучше не попадаться ему под руку.

— Маракайн! — заорал Шолдд. — А ты что тут делаешь? Быстро возвращайся на корабль и проверь, какое количество груза вы сможете принять на борт. Нечего возиться с этим рассадником блох!

— Интересно, кого ты имешь в виду? — изображая негодование, пробормотала Джерин вслед commodору. — Сам ты рассадник блох!

— Послушайте, я же вас предупреждал... — Толлер вознамерился серьезно отчитать лейтенанта за неуважение к старшим по званию, но вдруг заметил смешливые искорки у нее в глазах, и его решимость сразу куда-то пропала. Ему нравились люди, способные сохранять чувство юмора в любой обстановке, и он должен был признать, что сам вряд ли набрался бы мужества приблизиться к перепуганному синерогу. Джерин же справилась с животным с невозмутимым спокойствием.

— Вы можете возвращаться на судно, — ощущая неловкость, сказал он. — Фермеры заберут его, когда все утихнет.

— Есть, сэр. — Джерин оттолкнулась от животного и потянулась к клапану воздухоструя.

Толлер внезапно почувствовал, что был несправедлив к девушке.

— Кстати, лейтенант...

— Да, сэр?

— Вы отлично справились с синерогом.

— Что ж, сэр, благодарю. — Джерин улыбнулась с притворной застенчивостью, но Толлеру почему-то показалось, что над ним снова посмеялись. Он проводил ее глазами, и мысли его сразу вернулись к Вантаре. Угоди копыто синерога чуть-чуть левее, и графиня осталась бы калеккой на всю жизнь, поэтому она правильно сделала, что вернулась на судно. Правда, это лишило его возможности поближе с ней познакомиться, а значит, их встреча снова закончилась неудачно.

«Но у меня еще есть шанс, — подумал Толлер, решив подойти к случившемуся с философской точки зрения. — Все время во вселенной будет предоставлено в мое распоряжение, когда мы высадимся на Мире».

ГЛАВА 4

Телепатический шепот Кса пробудил Дививвидива от среднемозговой дремы.

«Ты только посмотри, о Возлюбленный Создатель», — сказал Кса, используя зеленый цвет сознания, чтобы подчеркнуть важность случившегося.

«Что такое?» — машинально откликнулся Дививвидив, с трудом возвращаясь к нормальному уровню мыследеятельности.

Он грезил о незатейливых, счастливых днях, в частности, о своем раннем детстве на Дуссарре, и его высший мозг только-только начал изобретать сценарий грядущего дня, который во всех деталях должен быть переписан в дремлющий срединный мозг и потом прожит во сне. Конечно, он легко восстановит все подробности во время следующего периода бездействия, но какие-то отличия все равно неизбежны, и поэтому сейчас Дививвидив испытывал легкое чувство утраты. Исчезнувший день грез обещал стать чуть ли не совершенством. Тоска несколько поутихла...

«Примитивы, вылетев с поверхности планеты, прошли зону невесомости, — продолжал Кса. — Они уже развернули суда и...»

«И это доказывает, что они направляются на планету-сестру, — перебил его Дививвидив. — Так зачем же ты беспокоил меня?»

«Мне наконец-то удалось воспринять их точный образ, о Возлюбленный Создатель, и я должен поставить тебя в известность, что их органы зрения намного превосходят твои. Кроме того, они изобрели инструменты, обладающие способностью увеличивать оптические изображения».

«Телескопы!» Одна мысль о том, что какая-то примитивная раса смогла справиться со средой, по своей непо-

корности сравнимой лишь со светом, полностью пробудила Дививвидива. Он сел на гладком губчатом блоке, служащем ему кроватью, и отключил поле искусственной гравитации, без которого ему был доступен лишь самый поверхностный уровень сновидений.

«Скажи мне, — обратился он к Кса, — способны ли примитивы увидеть нас?»

Он был вынужден задать этот вопрос, вынужден положиться на чувства Кса, ибо радиус его собственного восприятия ограничивался металлическими стенами этой обители.

«Да, Возлюбленный Творец мой. Двое из них уже сканируют основную область той визуальной сферы, в которой мы размещаемся, — у одного из примитивов в руках двойной телескоп. Существует большая вероятность того, что нас все-таки заметят. Прежде всего их внимание привлечет система обогрева синтезирующей протеин станции — она испускает сияние, которое находится в пределах спектра, доступного глазу примитива. Этот цвет они называют «пурпурным».

«Я немедленно отключу обогреватели». Дививвидив вылетел из жилого отсека и переместился в зал управления. Траектория полета доставила его прямиком к матрице управления, заведующей подпиткой приборов. Тонким, длинным серым пальцем он отключил снабжение внешней системы обогрева.

«Сделано, — передал он Кса. — Примитивы заметили что-нибудь?»

«Да, — ответил Кса после краткого молчания. — Один заявил, что видит «ниточку пурпурных огоньков», но никакой ассоциативно-эмоциональной реакции не последовало. Событие причислено к разряду незначительных и уже забыто».

«Я рад», — сказал Дививвидив, используя цвет сознания, обозначающий облегчение.

«Почему ты выразил облегчение, Возлюбленный Создатель? Вряд ли находящаяся на столь низкой ступени развития раса может представлять для тебя угрозу».

«Я забочусь не о себе, — ответил Дививвидив. — Если примитивы интересуются нами и решат изучить эту область пространства поподробнее, мне придется уничтожить их».

Кса снова помедлил с ответом.

«Значит, ты не хочешь убивать примитивов».

«Естественно».

«Просто потому, что безнравственно лишать жизни любое существо?»

«Да».

«В таком случае, Возлюбленный Творец мой, — спросил Кса, — почему ты пожелал убить меня?»

«Я много раз говорил тебе, что никто не хотел тебя убивать, это была просто...»

Разговор об убийстве напомнил Дививвидиву, почему он здесь оказался, напомнил об ужасном преступлении против живых существ, совершенном его соотечественниками. Страдание и вина вновь завладели его сознанием.

ГЛАВА 5

Древний город Ро-Атабри потрясал своими размерами.

Толлер стоял у поручней гондолы и вот уже больше часа любовался медленно растущей заплатой на теле планеты, сплошь состоящей из цветных изгибов и прямых линий улиц. Он привык считать Прад внушающим уважение метрополисом, и Ро-Атабри представлялся ему городом хоть и большим, но во многом схожим со столицей

Верхнего Мира. Однако в действительности рукотворное воплощение могущества Колкоррона оказалось совсем иным — такого Толлер и вообразить себе не мог.

Он чувствовал, что разница в размерах каким-то образом приводит к отличиям качественным, но дело было даже не в этом. Все города, поселки и деревеньки Верхнего Мира возникли по воле архитекторов и строителей, а Ро-Атабри с высоты напоминал естественное образование и скорее был похож на живой организм.

Здесь ничего не изменилось. Толлер узнавал картинки, которые рисовала для него бабушка, Джесалла Маракайн, когда он был еще маленьким мальчиком. Река Боранн, изгибаясь, переходила в Бухту Арл, а та в свою очередь превращалась в залив Троном. На востоке возвышалась снежная шапка горы Опелмер. Подчиняясь особенностям ландшафта, город и пригороды расползлись по земле огромным лишайником из кирпича, бетона, бражки и глины, отражающим многовековые устремления бесчисленных человеческих созданий. Ужасные пожары — спутники начала Переселения — оставили кое-где заметный след, но прочная кладка не поддавалась огню и еще послужит человечеству в будущем. Оранжево-красные и красно-коричневые вспышки указывали участки, где злосчастные Новые Люди начали покрывать свои скорлупки свежими черепичными крышами.

— Ну, как впечатления, юный Маракайн? — спросил Кетторан, появившись сбоку от Толлера. Теперь, когда сила тяжести стала нормальной, он чувствовал себя значительно лучше и проявлял живой интерес ко всем аспектам корабельной жизни.

— Большой, — просто ответил Толлер. — Не охватить взглядом. При виде этого города история будто бы... оживает.

— Вы думаете, это мы его таким сделали? — расхохотался Кетторан.

— Может быть, так считают многие мои ровесники, но это... Мне больно на него смотреть, я не могу даже передать это ощущение.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, — а теперь представьте, что сейчас чувствую я. — Кетторан склонился над поручнями, и его лицо заметно оживилось. — Видите вон тот квадратный кусок зелени к западу от города? Раньше там размещался Квартал Небесных Кораблей — именно оттуда мы вылетели пятьдесят лет назад! Можно будет приземлиться там же?

— Какая разница, где приземляться, — пожал плечами Толлер. — Боковые течения необычайно низки, а если что, курс легко выправить. Конечно, основное решение о месте высадки принимает коммодор, но, думаю, именно там мы и приземлимся.

— Это было бы замечательно. Круг замкнется.

— Да-да, — рассеянно согласился Толлер, не слушая больше старика. Ему вдруг пришло на ум, что десятидневный перелет закончен и вскоре у него будет масса возможностей встретиться с Вантарой. После того инцидента с синерогом они больше не встречались, и его страсть распалилась до такой степени, что даже перспектива знакомства с новой планетой на первый взгляд казалась менее привлекательным приключением, нежели вероятность поговорить с графиней наедине и, быть может, завоевать ее любовь.

— Завидую я вам, Маракайн, — сказал Кетторан, с тоской озирая дряхлые подмости, где когда-то разыгрывались полузабытые сцены его юности. — Весь мир лежит у ваших ног.

— Возможно, — улыбнулся Толлер, по-своему истолковав слова посланника. — Может быть, вы и правы.

Деревня Стай-ви насчитывала не больше сотни зданий, поэтому, видимо, даже в лучшие времена в ней было максимум сотни две жителей. Толлер стойко боролся с искушением исключить ее из списка и лететь дальше не приземляясь, но тогда пришлось бы подделать рапорт о высадке, а он не мог позволить себе опуститься до такого мелкого обмана. С минуту он изучал деревню сверху, отметив про себя, что ее центральная площадь очень мала даже для такого удаленного местечка.

— Что вы об этом думаете, капрал? — сказал он, решив подвергнуть юношу небольшой проверке. — Стоит ли попробовать высадиться вон на те несколько метров дерна?

Стинамирт выглянул за поручни, изучая обстановку.

— Я бы не рискнул, сэр, — пространства для потенциального заноса практически нет, и кто знает, какими воздушными ямами может грозить это скопление высоких складов.

— В точности мои мысли — мы еще сделаем из вас отличнейшего пилота, — весело заявил Толлер. — Сворачивайте на восток, приземлимся на пастбищах у реки.

Стинамирт кивнул, и щеки его, пышущие румянцем молодости, от подобной похвалы зарделись еще больше. Капрал запомнился Толлеру еще по первой встрече, когда юноша спустился на парашюте практически от самой зоны невесомости, и перед вылетом Толлер подал официальный запрос на Стинамирта с просьбой включить его в команду своего корабля. Сейчас он лично готовил юношу к продвижению по службе — к вящей зависти лейтенанта Корревальта, который целый год провел в тренировочной эскадре.

Толлер повернулся к Корревалту, официально отвечающему за приземление. Лейтенант упорно пытался скрыть замешательство, расположившись в кресле с выражением унылой скуки на лице.

— Лейтенант, назначьте одного человека дежурным по судну, остальные пусть готовятся к осмотру деревни — небольшая пешая прогулка пойдет всем только на пользу.

Корревалт отдал честь — подчеркнуто вежливо — и покинул мостик. Он быстро спустился по низенькой лесенке и направился на основную палубу. Толлер, делая вид, будто ничего не замечает, проводил его взглядом. Для себя он уже решил вознаградить Корревалта за терпение и дать ему рекомендацию на внеочередное получение капитанского звания, но до конца экспедиции не хотел сообщать ему об этом.

Утренний день едва перевалил за середину, и здесь, в экваториальных областях Мира, солнечный жар нещадно грел и без того иссушенную почву. Большую часть гондолы прикрывала тень от газового баллона, поэтому окружающая природа выглядела сверхъестественно яркой и живой. Судно медленно разворачивалось навстречу ветру, постепенно опускаясь все ниже и ниже, и Толлер увидел, что поля вокруг деревни уже успели слиться с окружающей зеленью.

В отсутствие смены времен года, управляющей циклом созревания, дикие растения предпочитали каждый свое расписание — одни только-только набухали, тогда как на других раскачивались спелые плоды, а третьи уже увядали и засеивали семенами почву. С незапамятных времен колкорронские фермеры разбивали семена полезных культур на группы — обычно собирая по шесть урожаев в год, — поэтому области посевной земли представляли собой целый набор разноцветных полос.

Здесь же, после нескольких десятилетий дикой жизни, эти полосы постепенно размылись и бесследно исчезли — съедобные злаки и всякие овощные культуры медленно возвращались к состоянию ботанической анархии. По степени запущенности полей Толлер определил, что деревенька Стай-ви не входила в число поселений, обжитых Новыми Людьми после того, как чума птерты стерла с лица планеты большую часть населения. Если это действительно так, то обследование деревеньки обещает стать очередным неприятным и в высшей степени тягостным переживанием в бесконечной череде встреч со смертью.

Последние стадии вымирания человеческой расы, имевшие место полвека назад, прошли по Миру настолько стремительно, что умирающие не успевали хоронить мертвецов...

Эта мысль несколько омрачила настроение Толлера, напомнив, как он ошибался, считая, что прибытие на Мир позволит ему свести близкое знакомство с графиней Вантарой. В основе этой ошибки лежал заурядный исторический факт.

Миграция с Мира на Верхний Мир была тщательно спланированной акцией, которая должна была проходить организовано, ступень за ступенью, но из-за бунта черни превратилась в сплошной хаос и паническое бегство. Город Ро-Атабри горел, толпы неистовствовали, армия взбунтовалась, поэтому на спасение беженцев оставались считанные минуты, и в этих чрезвычайных обстоятельствах на другую планету не было взято ни одной книги. Ювелирных побрякушек и толстых пачек ставших бесполезными денег хватало в избытке, но на борту кораблей не оказалось ни одной картины, ни одной поэмы, ни одного листка нот.

Когда образованные люди наконец начали жаловаться, что цивилизация бросила свою душу на погибель, король

Чаккел и его придворные больше горевали по другому поводу. В стремительном бегстве с Мира никто не догадался захватить с собой ни одной карты Колкоррона, империи или же самой планеты. Со времен Переселения и до настоящего дня — хоть королевская семья Колкоррона и заявляла свои права на Старую планету — отсутствие каких-либо карт или справочников раздражало больше, чем отсутствие чего-либо другого. Но вот ситуация полностью изменилась.

Принцу Олдо, единственному оставшемуся в живых отпрыску королевы Дасины, было уже под шестьдесят, и вся жизнь принца омрачалась постоянными отказами матери передать власть в его руки. Но вот, когда неспособность правящей королевы вроде бы уже освободила ему дорогу, нашелся еще один повод для разочарований — принцу предстояло стать наследником королевства, чьи настоящие и потенциальные богатства были в буквальном смысле покрыты мраком.

Толлер даже и не догадывался, что принц все-таки настоял на своем и уговорил Дасину не торопиться с кругосветным путешествием, а сначала провести детальную разведку Колкоррона. Вот и случилось, что вместо того, чтобы охранять графиню в весьма опасном и нелегком полете, Толлер неожиданно оказался втянутым на первый взгляд в бесконечную серию воздушных прыжков от одной опустевшей деревеньки к другой. Они высадились на Мире почти двадцать дней назад, и за все это время он ни разу не видел Вантары, которая занималась примерно тем же самым, но в противоположной области страны.

Подобно тому как Ро-Атабри поразил Толлера своими необъятными размерами, Колкоррон ошеломил юного капитана невероятным количеством городов — больших, средних и совсем крошечных, — которые когда-то давным-давно вмещали огромное население гигантской страны. Как

уроженца Верхнего Мира, где можно часами лететь, не встречая ни единой хижины, Толлера давило подобное вмешательство человека в дела природы. Он чуть ли не задышался среди этих городишек; древнее королевство теперь представлялось ему одним огромным, бурлящим ульем, в котором жизнь отдельно взятого индивидуума не значила ровным счетом ничего. И даже зная, что здесь когда-то родился его славный дед, Толлер все равно ничего не мог с собой поделать — он испытывал презрение к этой прирученной, битком забитой людьми земле Колкоррона.

Толлер обвел хмурым взглядом скопление низеньких домишек и высоких зданий, автоматически делая про себя поправку на воздушные течения, обусловленные планировкой Стай-ви. Судя по древним картам и географическим справочникам, найденным в Ро-Атабри, важность этого поселка заключалась в том, что именно здесь размещалась водонапорная станция — сердце оросительной системы сельскохозяйственных угодий, раскинувшихся к северу от местной реки и многочисленных каналов. Ему было приказано проверить работоспособность станции и доложить о состоянии машин.

Краем глаза следя за маневрами судна, управляемого Стинамиртом, Толлер сверился со списком и с удивлением обнаружил, что, кроме Стай-ви, им осталось проверить всего лишь три поселения. Если не случится ничего непредвиденного, они закончат еще до наступления малой ночи следующего дня и, следовательно, смогут вернуться на базу в Ро-Атабри. К тому времени, наверное, и Вантара уже будет там. Мысль об этом несколько развеяла мрачное настроение Толлера, и, вытаскивая из футляра меч, он даже начал насвистывать какую-то веселенькую мелодию. Стальное оружие, некогда принадлежавшее деду, было слишком большим и неудобным для тесной гондолы, но Толлер еще

ни разу не ступал на землю без этого меча, качающегося у него на боку. Клинок напоминал ему о родстве с тем, другим Толлером Маракайном, чьи подвиги ему никогда в жизни не превзойти.

Минутой спустя под аккомпанемент коротких выхлопов вспомогательных двигателей киль гондолы скользнул по земле, а четыре якорные пушки вогнали гарпуны в поросшую густой травой почву. Члены команды, снаряженные мотками линия, посыпались за борт и начали закреплять судно, предупреждая воздействие тепловых вихрей, столь распространенных в областях, близких к экватору.

— Я отключаю машины, сэр, — доложил Стинамирт, поймав взгляд Толлера. Он перекрыл пневматический резервуар, через который кристаллы подавались в двигатели. — Как вам приземление?

— Недурно, недурно, — несколько холодно произнес Толлер, показывая тем самым, что больше доволен мастерством капрала, нежели столь вольным обращением к начальству. — Но хватит мешкать — вы же не собираетесь стоять здесь весь день и поздравлять себя с удачной посадкой. Нас ждет вон та метрополия. За борт, живо!

Войдя в деревню, Толлер вновь испытал чувство, которое постоянно преследовало его на Море, — ему казалось, будто какие-то скрытые наблюдатели следят за каждым его шагом. Он понимал, что все это чистый абсурд, но никак не мог заставить себя забыть о том, какими прекрасными мишенями станут он и его люди, появившись в зияющих дырах верхних окон ближайших зданий воины с мушкетами в руках. По-видимому, истинной причиной этого беспокойства было ощущение, что он просто-напросто не имеет права делать то, что делает, — места последнего упокоения стольких людей не следует тревожить по пустякам...

Взрыв проклятий в двенадцати шагах слева привлек его внимание. Один из матросов осторожно обходил что-то, лежавшее в высокой траве и поэтому невидимое Толлеру.

— В чем дело, Ренко? — спросил он, уже предчувствуя, каким будет ответ.

— Пара скелетов, сэр. — По шафранной блузе Ренко расплзались темные пятна пота. Он нарочито прихрамывал. — Я едва не споткнулся о них, сэр. Чуть лодыжку себе не сломал.

— Если твоя лодыжка через несколько минут не пройдет, мне придется внести очередную запись в твой послужной список, — сухо ответил Толлер. — Схватиться аж с двумя скелетами — вряд ли кто может похвастаться подобным подвигом.

Остальные дружно захохотали, и хромоту у Ренко как рукой сняло.

Достигнув деревни, группа разделилась — начался привычный осмотр: члены команды заходили в дома и докладывали об их внутреннем состоянии лейтенанту Корревалту, который в свою очередь заносил все подробности в экспедиционный журнал. Пользуясь возможностью остаться наедине со своими мыслями, Толлер в одиночестве побрел по узеньким проулкам и останкам былых садилов. Зброшенные и обветшалые здания убедили его, что до Стай-ви Новые Люди не добрались и уже более половины века человеческий голос не звучал у рассыпающейся кладки стен.

На улицах скелетов не было, но Толлер ничуть не удивился этому. Последняя и самая страшная стадия птертоза длилась всего два часа, поэтому люди инстинктивно искали уединенные места, где можно было спокойно умереть. Такое впечатление, будто при мысли об осквернении общины своим разлагающимся трупом у человека просыпа-

лось чувство собственника. Кто-то стремился туда, где любил бывать при жизни, кто-то выбирал местечко повыше, откуда были видны окрестности, но в большинстве своем граждане древнего Колкоррона предпочитали умирать в стенах собственных домов, чаще всего — в постелях.

Толлер уже потерял счет этим душераздирающим картинам: мужской и женский скелеты сплетались в прощальном объятии, и часто между ними покоились костяные каркасики младенцев. При виде столь многочисленных напоминаний о тщете человеческого существования Толлером неизменно овладевала глубокая меланхолия, которая временами пересиливала его от природы кипучую натуру, поэтому сейчас — не испытывая ни малейшего стыда — он старался не заходить в молчаливые жилища, окружающие его.

Бесцельно бродя по деревне, он вдруг очутился у большого, лишенного окон здания, возведенного на самом берегу реки. Частично оно было погружено в степенно текущие воды, и Толлер сразу узнал водонапорную станцию, которая и представляла основной интерес в этой местности. Он пошел вдоль стены и тут же наткнулся на большую дверь с северной стороны здания. Дверь была вытесана из мелкозернистой древесины, укрепленной полосами бражки, поэтому пятидесятилетняя запущенность никоим образом на ней не отразилась. Она была заперта и не поддавалась даже мощному нажиму его плеча — впрочем, другого он и не ожидал.

Раздраженно бормоча себе под нос проклятия, Толлер повернулся и, прикрыв глаза ладонью от солнца, оглядел деревню. Не прошло и минуты, как взгляд его наткнулся на рослую фигуру Габблеронна, сержанта-техника, отвечающего за исправное состояние судна. Габблеронн вынырнул из лачуги, очевидно, бывшей раньше магазином, и сейчас прятал в карман какой-то небольшой предмет. Ког-

да Толлер окликнул его, он аж подпрыгнул на месте и ответил на призыв с явной неохотой.

— Я вовсе не хотел никого грабить, сэр, — забормотал он, приблизившись. — Просто маленький подсвечник из черного дерева. Вряд ли какая-то особая ценность, сэр... так, сувенир, я хотел взять его с собой в Прад, жене подарить... Я положу его на место, если вы...

— Забудь, — отмахнулся Толлер. — Мне нужно открыть вот эту дверь. Принеси с корабля нужные инструменты и, если не сумеешь отпереть ее, просто сними с петель.

— Слушаюсь, сэр! — С видимым облегчением Габблелронн обследовал дверь, после чего отдал честь и поспешил к кораблю.

Толлер опустился на каменные ступеньки у двери и, устроившись поудобнее, стал ждать возвращения сержанта. Солнце карабкалось все выше и выше, жара усиливалась, а небо было настолько голубым, что виднелись лишь самые яркие из дневных звезд. Прямо над головой, в самом зените, сиял огромный диск Верхнего Мира — такой свежий, такой чистый, что Толлера вдруг охватила тоска по орошенным летним дождем лугам родины. Весь Мир превратился в один сплошной могильник — истощенный, пыльный, унылый, населенный привидениями, — и даже присутствие где-то там, за горизонтом, Вантары уже не могло прогнать ту мрачность, которая поселилась у него в душе. Встречайся он с графиней почаще, возможно, все обернулось бы иначе, но быть рядом и не иметь возможности увидеть ее — нет, это невыносимо...

«Зачем я терзаю себя? — вдруг подумал он. — В кого я превратился? Наверняка тот, другой Толлер Маракайн никогда не позволял себе так раскисать — он не мучился любовными мечтаниями, не тосковал по дому, бледнея и хирея на глазах!»

Толлер вскочил на ноги и принялся нетерпеливо расхаживать по кругу, сжимая рукоять меча. Вскоре он заметил Корревальта и остальных членов команды. Лейтенант на ходу сверялся с записями в журнале и выглядел очень уверенно и деловито — похоже, его абсолютно не трогала окружающая обстановка. Толлер почувствовал укол зависти. «Из Корревальта получится настоящий офицер, не то что из меня», — внезапно подумал он.

— Рапорт почти готов, сэр. Осталось осмотреть только водонапорную вышку, — отчитался Корревальт. — Вы не заходили внутрь здания?

— Как я мог туда зайти, если эта проклятая дверь заперта?! — рывкнул Толлер. — Я что, похож на духа, который способен просочиться в любую щелку?

Глаза лейтенанта изумленно расширились, но он тут же справился с собой, и лицо его вновь стало невозмутимым.

— Прошу прощения, сэр, я сначала не понял...

— Я послал Габблеронна за инструментом, — перебил его Толлер, устыдившись собственной вспышки. — Проверьте, может, ему надо помочь чем-нибудь: у меня нет желания задерживаться на этом кладбище дольше необходимого.

С этими словами он отвернулся, игнорируя очередной нарочито-четкий салют Корревальта, и зашагал по берегу реки в сторону узкого деревянного мосточка. Издалека мост казался целым и невредимым, но при ближайшем рассмотрении Толлер увидел, что все дерево превратилось в серо-белесую губчатую массу — верный признак того, что весь настил, перила и подпорки изъедены насекомыми-древоточцами. Он вытащил меч и ударил по одной из перилин. Та легко отделилась и рухнула в реку, увлекая за собой часть всей конструкции. Еще полудюжины ударов хватило, чтобы перерубить две основные балки, поддерживающие сооружение, и про-

гнивший мост с громким всплеском полетел в реку; в воздух поднялись клубы измельченной в порошок древесины и целый рой крылатых насекомых, потревоженных во время исполнения своего природного долга.

— Вы замечательно пообедали, — сказал Толлер, обращаясь к жужжащей туче и личинкам, которые скрывались в рухнувших досках, — а теперь можете напиться вволю.

Эта глупая и никому не нужная выходка, однако, помогла Толлеру отвлечься от сомнений и терзавших его мрачных раздумий, поэтому в деревню он вернулся в сравнительно хорошем расположении духа и подошел к водонапорной станции как раз вовремя — Габблеронн с двумя помощниками, орудуя здоровенными ломами, наконец справились с дверью и сняли ее с петель.

— Отличная работа, — отметил Толлер. — А теперь давайте посмотрим, что за чудеса инженерии кроются внутри этой вышки.

Из курса истории он уже знал, что на Мире отсутствовала металлургическая промышленность и обычные на Верхнем Мире железо, сталь и прочие металлы здесь заменяла древесина бракки. Машины, чьи шестерни и другие подвергаемые нагрузке детали были выточены из черного дерева, выглядели в глазах Толлера громоздкими и очень странными, но тем не менее эти реликты примитивной эры чем-то его привлекали.

Миновав короткий коридор, он очутился в большой сводчатой палате, где были установлены массивные насосы. Сквозь закопченные окна на крыше проникало достаточно света, чтобы разглядеть механизмы — облепленные пылью, но ничуть не пострадавшие и на первый взгляд в рабочем состоянии. Балки и стойки были вытесаны из той же самой мелкозернистой древесины, что и наружная дверь, и этот материал, очевидно, был древоточцам либо не по

зубам, либо не по вкусу. Толлер постучал по одной из балок ногтем и искренне поразился ее твердости, а ведь станция простояла без дела целых пятьдесят лет.

— Кажется, это балочное дерево, — объяснил Стинамирт, подходя к Толлеру. — Теперь вы понимаете, почему строители были так к нему равнодушны?

— А вы откуда знаете, что это за дерево?

Стинамирт вспыхнул:

— Видите ли, сэр, я читал описания в...

— О нет! — Корревальт, который, обходя залу по кругу, открывал по очереди все боковые комнаты, в ужасе мотая головой, отшатнулся от одного из дверных проемов, и Толлер сразу сообразил, что лейтенант увидел нечто страшное. «Вот оно, — сказал себе Толлер, — с тех самых пор, как мы вошли в эту деревню, я знал, что здесь припасена какая-то гадость, но я ничего не хочу видеть!»

Однако он понимал, что избежать личного осмотра находки Корревальта невозможно, иначе среди команды поползут нелестные слухи о слабости командира. Единственное, что Толлер мог сейчас сделать, — чуть оттянуть приближение ужасного момента. Подойдя к панели управления и храповику, он смахнул пыль, притворяясь, будто бы искусно выточенные части крайне заинтересовали его, а сам тем временем следил за своими людьми. Возглас Корревальта распалил их любопытство, и они по очереди заходили в комнату. Дольше нескольких секунд там никто не задерживался, и какими бы очерствелыми и грубыми ни были эти люди, каждый возвращался в главный зал притихшим и задумчивым.

«Меня там ждут, в этой комнате, — думал Толлер. — И больше тянуть нельзя».

Он выпрямился, бессознательно положив руку на эфес меча, и направился к зияющему проему. Комната напо-

минала тюремную камеру. Мебели в ней не было никакой, и сквозь высокую покатую крышу пробивались угрюмые солнечные лучи, уродливыми полосами освещая стены, вдоль которых сидело по меньшей мере скелетов двадцать. Судя по ожерельям и керамическим побрякушкам, останки эти принадлежали женщинам.

«Ну что ж, не так все плохо, — подумал Толлер. — В очередной раз доказан жизненный — вернее, смертный — факт: чума косила всех без разбору. Она набрасывалась на женщин с неменьшей яростью, чем на мужчин, а с момента прибытия на эту лишенную всякой радости планету я видел огромное множество...»

И вдруг его мысли прервались, а мозг словно застыл, ибо он заметил нечто такое, что пропустил при первом, поверхностном осмотре. Внутри тазовой кости каждого скелета лежал еще один маленький скелетик — крохотные каркасики из хрупких косточек, — все, что осталось от младенцев, чья жизнь оборвалась, даже не успев начаться.

«Да, чума и в самом деле косила всех без разбору».

Толлеру хотелось развернуться и опрометью броситься вон из комнаты, но смертельный холод, заморозивший его ум, распространился и на тело, крепкими цепями сковав все конечности. Время растянулось в вечность, каждая секунда равнялась тысячелетию, и он понял, что отныне всю свою оставшуюся жизнь проведет на грани пессимизма и полнейшего отчаяния.

— Жители собрали здесь всех беременных женщин, должно быть, надеялись, что эти стены защитят их, — сказал за спиной Толлера Корревалът. — Смотрите! У одной из них должны были родиться близняшки.

Толлер предпочел воздержаться от созерцания этого утонченного ужаса. Вырвавшись из объятий паралича, он развернулся и вышел прочь, ощущая на себе внимательные взгляды членов команды корабля.

— Так и запишите, — бросил он через плечо Корревалту. — Отметьте, что при осмотре насосов видимых повреждений не обнаружено, а следовательно, станция может быть запущена в ход в самые короткие сроки.

— И это все, сэр?

— Лично я больше не заметил ничего, что могло бы заинтересовать нашего суверена, — ровным голосом ответил Толлер и медленно направился к выходу, тщательно скрывая терзающее его беспокойство и безотлагательную нужду поскорее убедиться, что солнце по-прежнему согревает мир.

Годовщина Переселения захватила Толлера врасплох.

Завершив свою исследовательскую миссию, он прибыл на базу в Ро-Атабри примерно за час до наступления ночи, но при этом абсолютно потерял чувство времени. Он ощущал во всем теле необычную усталость, и новость о том, что сегодня 226-й день, то есть годовщина первой высадки на Верхний Мир, не встретила у него в душе никакого отклика. Сдав судно корабельному мастеру Коделлу, он отправился напрямик в постель, и даже весть о том, что за день до него на базу вернулась Вантара, не пробудила его от всепроникающей летаргии и душевного истощения, затмевающих все и вся.

Отведенная Толлеру комната располагалась в здании, где когда-то размещалась охрана Великого Дворца. Он ворочался в темноте и никак не мог заснуть. Толлер никогда не отличался склонностью к самоанализу, но сейчас он отлично понимал, что причина его усталости не имеет ничего общего с физическим состоянием тела. Его ум был измотан, психика истощена — он слишком долго занимался тем, к чему не лежала душа, слишком часто шел против собственной природы.

Конечно, Толлер знал, что увидит на Море огромный могильник, но реальность превзошла все его ожидания, и кульминацией этого явилась ужасная находка на водонапорной станции. Впрочем, может быть, он излишне потакает своим слабостям? Отпрыск едва ли не самой привилегированной семьи Верхнего Мира, он, возможно, только сейчас по-настоящему ощутил, какую жизнь ведет обыкновенный человек, вынужденный проводить все дни свои в тяжком труде, который на самом деле презирает и который, как правило, навязан ему кем-то сверху. Толлер попытался напомнить себе, что его дед, Толлер Маракайн, не позволил бы себе так быстро потерять душевное равновесие. Какие бы ужасные картины ни открылись его взору, в какие бы передраги он ни попадал, истинный Толлер Маракайн отвечал силой на силу и противопоставлял им свой щит, выкованный из выносливости и самостоятельности. Но... но...

«Неужели человек в состоянии уместить в голове целых двадцать скелетов, аккуратненько сидящих у стены и баюкающих внутри тазовых колыбелек еще двадцать скелетов поменьше? Какое там двадцать — двадцать один! Как же ты не заметил, что у одной из женщин должны были родиться близнецы? Сможешь ли ты смириться с этими двумя маленькими человечками со щечками вместо костей, которые продолжают искать друг в друге опору в смерти, а не в жизни?»

Откуда-то из дворцовых палат донесся взрыв хохота, и Толлер, выругавшись, вскочил с постели. Мужчины и женщины, видимо, благополучно напиваются и доводят себя до состояния, когда начнут обниматься со скелетами, обмениваться с ними улыбками и похлопывать неродившихся детишек по черепам. Неожиданно Толлеру пришло в голову, что единственный способ заснуть сегодня ночью — это накачать себя приличным количеством алкоголя.

Перед столь радикальным решением внутренняя усталость дрогнула и отступила. Толлер натянул одежду и вышел из комнаты. Порядочно поплутав по незнакомым коридорам, он наконец выбрался в сад, расположенный несколько к северу от дворца, где и вершилось основное веселье. Это место выбрали потому, что большей частью оно было вымощено камнем и, следовательно, успешно выстояло в борьбе со временем, тогда как даже парадная площадка на заднем дворе по пояс заросла травой и сорняками. В садике зажгли несколько факелов, и их оранжево-желтое пламя, отражаясь от богато украшенных фонтанов и статуй, пряталось в кустарнике, создавая иллюзию, будто сад внезапно разросся до необъятных размеров.

В переливающимся полумраке бродили парочки и небольшие группки, но основные участники пирушки собрались у длинного стола, уставленного всяческими закусками. Мужчин в экспедиции было втрое больше, чем женщин, а это означало, что последние, пребывая в благодушном настроении, наслаждались ароматом романтики, тогда как мужчины целиком сосредоточились на еде, напитках, песнях и всевозможных непристойных шутках.

Толлер наткнулся на посланника Кетторана и его секретаря Парло Вотурба, предлагающих всем желающим еду и выпивку. Старики с искренним удовольствием исполняли роль слуг, показывая остальным, что, несмотря на высокое положение, они не брезгают общением с обыкновенным людом.

— А, приветствую, приветствую, — крикнул Кетторан, увидев приближающегося Толлера. — Подходите и выпейте с нами, юный Маракайн.

Толлер подумал, что посланник слегка переигрывает — возможно, потому что боится, как бы кто не упустил всех нюансов его игры, — но это была простительная слабость, против которой Толлер ни капли не возражал.

— Благодарю вас, мне, пожалуйста, самый большой бокал кейлийского черного.

— Вина нет, — сокрушенно покачал головой Кетторан. — И эля тоже, если уж на то пошло. Видите ли, количество груза было строго ограничено, и придется вам довольствоваться бренди.

— Бренди так бренди.

— Я обслужу вас по первому разряду, налью в лучший из бокалов.

Опустившись на колени, генерал полез под стол и мгновение спустя вынырнул оттуда с мерцающим хрустальным бокалом в руке, наполненным до самого верха. Он протянул бокал Толлеру, и вдруг веселая улыбка исчезла с его лица, и на нем проступило выражение удивления и боли. Толлер быстро перехватил бокал и с беспокойством посмотрел на Кетторана, судорожно прижавшего руки к груди.

— Трай, тебе плохо? — с тревогой спросил Вотурб. — Я же говорил, не прыгай так.

Кетторан кивнул в сторону секретаря и многозначительно подмигнул Толлеру.

— Этот старый дуралей воображает, что переживет меня. — Он улыбнулся — видимо, боль уже прошла, — поднял свой бокал и чокнулся с Толлером. — Желаю вам доброго здоровья, юный Маракайн.

— За ваше здоровье, сэр, — откликнулся Толлер и, не сдержавшись, улыбнулся в ответ.

Кетторан внимательно посмотрел на него:

— Сынок, не сочти за дерзость, но ты очень изменился. Ты уже не тот напыщенный молодчик, что вел мое судно к Миру. Похоже, что-то вышибло из тебя всю чопорность.

— Вышибло?! — скептически расхохотался Толлер. — Э нет, сэр, я так легко не сдаюсь. А сейчас прошу прощения...

Он отвернулся и направился прочь от стола, в глубине души крайне обеспокоенный заявлением посланника. Если его состояние очевидно даже едва знакомому человеку, Толлер рискует потерять уважение собственной команды. Поддерживать дисциплину на судне и так достаточно нелегко — что же будет, если его сочтут тепличным растением, которое завяло при первых же признаках наступления холодов? Он отхлебнул бренди и углубился в сад, старательно избегая шумных компаний. Наконец он нашел свободную скамью и, благодарный судьбе за предоставленное одиночество, устало опустил на холодный мрамор.

Над ним висел убывающий серп Верхнего Мира, прилепившийся прямо в центре Великого Колеса, огромного серебряного водоворота, который в это время года заполнял практически весь горизонт. В небесах виляли хвостами огненные кометы, и мириады звездочек, словно разноцветные фонарики какой-то неведомой кареты, дополняли окружающее великолепие, неустанно споря с краткими черточками метеоров.

Толлер вновь приложился к громадному кубку, в котором уместилось никак не меньше трети бутылки, и неторопливо принялся уничтожать бренди. В такую ночь неплохо пройтись с какой-нибудь девушкой, но даже мысль о том, что Вантара может находиться совсем рядом, скрытая сгущающимися сумерками, не будила в душе никакого отклика. Эта ночь предназначалась для поисков истины и разоблачения иллюзий, а факты ясно говорили, что с первой же встречи он умудрился стать врагом графини и теперь она презирает его и будет презирать до тех пор, пока окончательно не забудет о его существовании.

«Кроме того, — издевательски шепнул внутренний голос, — как вообще ты можешь думать о женщинах, когда на тебя взирает двадцать один маленький скелет?»

Толлер продолжал периодически прихлебывать из бокала, пока сосуд совсем не опустел, после чего попытался проанализировать свое внутреннее состояние. Несмотря на усталость, алкоголь еще не подействовал, и где-то глубоко внутри засела упрямая уверенность, что потребуется по меньшей мере еще одна такая же порция, чтобы вырваться наконец из-под власти укоризненного взгляда двадцати одного скелета. Вот тогда наступит желанное забытие, и глубокая ночь поглотит окружающий мир.

Толлер встал — его даже не покачивало, словно дерево, ушедшее корнями глубоко в почву, — и уже двинулся было к столу, чтобы еще раз воспользоваться услугами Кетторана, как вдруг увидел, что к нему приближается какая-то женщина. Ее темные волосы рассыпались по плечам, и по грациозному изгибу талии он, даже не видя лица, понял, что это Вантара. Она была одета в военную униформу — скорее всего, чтобы охладить пыл тех офицеров, которые в общем веселье не слишком заботились о субординации. Толлер немедленно взял себя в руки и подготовился к очередной словесной стычке, не заставившей себя ждать.

— Что я вижу? — весело удивилась Вантара. — А куда же подевался меч? А, ну конечно! Вот дурочка, совсем забыла — не сезон, короли еще недостаточно созрели, чтобы насадить их на вертел.

Толлер кивнул в знак того, что не понял намек на своего деда, которого в народе прозвали Убийцей королей:

— Отличная шутка, капитан.

Он сделал попытку обойти ее, но графиня, положив руку ему на плечо, остановила его.

— Это все, что вы можете мне сказать?

— Нет. — Толлера несколько смутило ее прикосновение. — Я могу добавить, что сейчас направляюсь наполнить свой бокал.

Вантара заглянула ему в глаза и слегка нахмурилась, изучая выражение лица собеседника.

— Да что с вами?

— Не могу ответить на этот вопрос.

— Куда подевался великий воин Толлер Маракайн Второй, неуязвимый для пуль? Он сегодня в отпуске?

— Боюсь, я не готов решать ваши загадки, капитан, — ледяным тоном заявил Толлер. — Еще раз прошу прощения, но я уже готов для приема второй порции сонного эликсира посланника.

Вантара взяла его руку с бокалом — Толлеру показалось, что по его коже пробежали янтарные искры, — и быстро склонилась к кубку.

— Бренди? Пожалуйста, принесите и мне. Только не такую чудовищную порцию.

— Вы хотите, чтобы я принес вам бокал бренди? — переспросил Толлер, прекрасно сознавая, что выглядит полным идиотом.

— Да — если вас не затруднит. — Вантара опустилась на скамью и устроилась поудобнее. — Я подожду здесь.

В некотором смущении Толлер вернулся к столу с закусками и заказал еще один гигантский кубок бренди для себя и обычный бокал для Вантары — Кетторан и Вотурб, перемигиваясь и довольно кивая, с радостью исполнили его просьбу. На обратном пути он вдруг увидел плывущую через сад птерту: прозрачная сфера слегка мерцала, но была практически невидима в неверном свете факелов. Веселящийся народ заметил ее, лишь когда птерта вплыла в светящийся круг. Победно улюлюкая, толпа принялась швырять в нее палки и камни. Одна из палок пронзила птерту насквозь, и она лопнула. Зрители дружно зааплодировали.

— Видели? — спросила Вантара, когда Толлер подошел поближе. — Вы только прислушайтесь к их воплям! Им удалось убить кого-то, и теперь они ликуют.

— В свое время птерта убила многих из нас, — ответил Толлер. «В том числе и двадцать одного нерожденного младенца».

— Так, значит, вы их одобряете? Одобряете убийство ради развлечения?

— Нет-нет, — запротестовал Толлер, чувствуя, что между ними вновь вырастает стена враждебности, и не зная, что делать. — Я вообще не одобряю убийств, ни ради развлечения, ни по какой-либо иной причине. Я уже достаточно навидался мясницкой работы — этого мне хватит на всю оставшуюся жизнь. — Он сел, передал Вантаре ее бокал и поднес свой к губам.

— Вот почему вы такой хмурый?

— Я вовсе не хмурый.

— Ну да, я понимаю — именно поэтому вы так изменились. Это естественное состояние для человека... — Вантара прервалась. — Извините меня. Слишком все сложно и запутанно.

— Вы что, просили меня принести бокал бренди, просто чтобы покрутить его в руках? — Толлер сделал большой глоток и усилием воли подавил невольную гримасу — огненная жидкость бурным потоком хлынула в горло.

— Вы так жаждете напиться сегодня?

— Во имя!.. — возмущенно задохнулся Толлер. — Вы всегда так ведете разговор? Если да, то я был бы вам очень благодарен, если бы вы посидели где-нибудь в другом месте.

— Я снова приношу извинения. — Вантара просительно улыбнулась и поднесла бокал к губам. — Толлер, почему бы тебе не повести разговор?

Столь неожиданный и очень интимный переход на «ты» удивил Толлера, он не мог понять, чем вызвана такая внезапная перемена. Задумчиво взглянув на Вантару, он обнаружил, что полумрак сделал ее лицо не просто красивым — эти

идеальные черты могли существовать лишь в воображении вдохновленного художника. Похоже, хоть одна из его фантазий вдруг словно по мановению волшебной палочки воплотилась в действительность: она — идеал женской красоты и само совершенство — сидит рядом с ним. Эта ночь предназначена для любви. В голосе графини звучала захватывающая сердце нежность. Каждый человек просто обязан обеими руками хватать выпавшее ему счастье — и не имеет значения, сколько крошечных скелетов он перевидал на своем веку, потому что природа производит миллионы живых созданий только по одной причине: многим из них предначертана несчастливая судьба, и если кто-либо из счастливлчиков упускает свой шанс, он совершает предательство по отношению к тем, чьими жертвами оплачено его счастье. Толлер понял, что сейчас он просто обязан сделать все, чтобы завоевать объект своих мечтаний, привлечь ее к себе своей силой, мужеством, предупредительностью, духовностью, знаниями, юмором, щедростью. Может быть, изящный комплимент послужит хорошим началом.

— Вантара, ты выглядишь такой... — Он вдруг запнулся, потому что испытующий взгляд пустых глазниц двадцати одного черепа величиной с кулачок вонзился в него подобно клинку. Ему показалось, что эти слова произносит кто-то другой, не он. — Что происходит? Обычно ты ведешь себя как самоуверенная стерва, и вдруг — ни с того ни с сего — мы перешли на «ты», теплота и дружелюбие так и витают в воздухе. Что ты задумала?

Вантара рассмеялась и одновременно задохнулась от возмущения:

— Самоуверенная стерва?! Это ты мне говоришь о самоуверенности? Ты, который всегда приближается к женщине, бряцая кольчугой и размахивая перед самым носом своим фаллическим мечом!

— Это самый превратный и...

Вантара подняла руку и растопырила пальцы, словно возведя между ними незримую преграду. Он замолк.

— Толлер, умоляю тебя, ни слова больше! Сегодня ночью мы сняли наши доспехи и легко можем ранить друг друга. Давай примем вещи такими, какие они есть, хотя бы на час; давай выпьем вместе; давай поговорим друг с другом. Согласен?

— Неужели человек в здравом уме способен отказаться от такого предложения? — улыбнулся Толлер.

— Вот и чудно! А теперь объясни мне, почему ты перестал быть тем Толлером Маракайном, которого я когда-то знала.

— Мы опять возвращаемся к старому!

— А мы, собственно, никуда и не уходили.

— Но... — Толлер смущенно посмотрел на нее, а затем вдруг свершилось невероятное — он начал свободно говорить о том, что терзало его, исповедоваться в открытой в самом себе слабости, признаваться в отчаянии — ведь ему никогда не удастся стать похожим на своего великого деда. Когда Толлер описывал жуткую находку на водонапорной станции, голос его сорвался, и он испытал страх, подумав, что уже не сможет продолжать. Закончив рассказ, он снова приложился к кубку, но понял, что ему больше не хочется пить. Он поставил сосуд на скамейку и уставился на свои руки, чувствуя себя так, словно только что побывал в самой страшной передрыге в жизни.

— Бедняжка Толлер. — В голосе Вантары звучало ласковое сочувствие. — Что же тебе пришлось пережить, раз сейчас ты стыдишься вполне естественных человеческих чувств?

— Ты хочешь сказать — стыжусь своей слабости.

— В способности испытывать сострадание нет ничего стыдного. Сомнения, нужда в человеческом общении — вовсе не признак слабости.

Толлеру показалось, что сейчас удобный момент заделать кое-какие бреши в собственном фасаде.

— Я могу общаться со многими людьми, — скривив губы, сказал он. — Если они, конечно, достойны этого.

— Не говори так, Толлер, не надо. — Вантара поставила бокал на землю и села на скамейку, развернувшись к нему лицом. — В общем-то ты можешь обнять меня, если хочешь.

— Но я не... — Толлер замолк. Вантара взяла его руки и положила себе на груди. Даже сквозь вышитую ткань кителя он почувствовал, какие они теплые и твердые. Он придвинулся поближе.

— Только умоляю, не пойми меня неправильно, — прошептала Вантара. — Я вовсе не пытаюсь залезть к тебе в постель — просто эта ступень человеческого общения лучше всего отвечает ситуации.

Губы ее слегка приоткрылись, приглашая к поцелую, и, словно во сне, Толлер принял приглашение, не веря, что это происходит в действительности. Ее безграничная женственность поглотила все его чувства, и звуки праздника превратились в тихий отдаленный гул. Они с Вантарой сидели так очень долго, точно время прекратило свое течение. Может быть, прошло десять минут, а может, двадцать, а они все целовались и целовались, не ощущая усталости и не видя нужды в иной физической близости, а когда наконец отпустили друг друга, Толлер почувствовал, как его переполняют новые силы, и понял, что восстановил свою целостность. Он улыбнулся Вантаре, она ответила ему, его улыбка стала еще шире, и внезапно они оба расхохотались. На Толлера снизошли облегчение и покой, родственный тому, что следует за сексуальными утехами, только сейчас им владело более глубокое чувство, близкое к великому постоянству.

— Не знаю, как тебе это удалось, — сказал он. — Но аптекарь разбогател бы, сумей он упрятать подобное лекарство в склянку.

— Я ничего особенного не сделала.

— Неправда! Я так устал от этой древней планеты, что даже предстоящее кругосветное путешествие казалось мне скучной затеей. А теперь я снова полон сил и жду не дождусь его. Мы не сможем быть вместе там, в небесах, но я не буду спускать глаз с твоего судна, день за днем я буду следовать за тобой и даже ночью — ведь мы не станем приземляться в этих городах-могилах. Я жду этого с нетерпением. Мы можем...

— Толлер! — Вантара как-то странно посмотрела на него. — Я же предупреждала: не обольщайся тем, что происходит между нами.

— А я и не обольщаюсь, уверяю тебя, — быстро ответил Толлер, прекрасно осознавая, что лжет. Но сейчас его переполняла неизбывная уверенность, что он понимает Вантару лучше, чем она сама. — Все, что я хочу сказать, это...

— Прости, что перебиваю, — вступила Вантара, — но ты все-таки обольщаешься. По крайней мере по поводу одной вещи.

— Какой же?

— Я не буду участвовать в кругосветном перелете.

— Как же так? — опешил Толлер. — Ты находишься здесь, потому что ты капитан воздушного корабля, а кругосветное путешествие — важнейшая часть всей нашей миссии. Да Шолдд просто не отпустит тебя.

Вантара чуть виновато улыбнулась:

— Сознаюсь, я предвидела некоторые трудности, и так получилось, что моя любимая бабушка — тоже. Поэтому она дала коммодору инструкции не отказывать мне ни в одной просьбе. — Она снова улыбнулась. — И мне кажет-

ся, он вряд ли будет рыдать от горя, когда я заявлю о своем отказе от участия в экспедиции.

— Откаже? — Толлер отлично понял, что хотела сказать Вантара, но вопрос сам слетел с его губ: — И куда же ты отправишься?

— Домой, разумеется. Я презираю этот усталый и мрачный край даже больше, чем ты, Толлер, — поэтому завтра я бегу с него и лечу обратно на Верхний Мир. И вряд ли когда-нибудь вернусь сюда.

Вантара поднялась, символически разрывая оковы притяжения Мира, и между ней и Толлером словно пролегла пропасть межпланетного пространства. Когда она снова заговорила, ее голос прозвучал так фальшиво, что Толлеру показалось, будто ему влепили звонкую пощечину:

— Может быть, мы еще встретимся в Праде. Через год или два.

ГЛАВА 6

Дививдивидив парил у экрана электронного телескопа и терпеливо ждал, пока Кса нацелит и настроит прибор. Когда изображение наконец установилось, относительно маленький участок планеты под ними отошел на задний план, остальная же ее поверхность раздвинулась в стороны и исчезла. Казалось, он смотрит вниз через огромное окно; коричнево-желтоватую землю окутывали водовороты белых облаков.

В самом центре экрана маячил небольшой серебряный серп, напоминающий миниатюрную луну, примерзшую к небосводу, но, приглядевшись, можно было увидеть, что это никакая не луна, а коричневого цвета сфера, освещен-

ная с одной стороны солнцем. На первый взгляд она выглядела достаточно твердой, чтобы сойти за один из астероидов, но Дививвидив знал, что перед ним — одно из устройств, используемых примитивами для межпланетных перелетов. Так как оно еще не миновало зоны невесомости, гондола корабля была скрыта баллоном, однако у Кса имелись и другие способы «увидеть» команду.

«Их пятеро, Возлюбленный Создатель, — сообщил Кса. — Все они женщины, что весьма необычно, учитывая то небольшое количество сведений, которыми мы располагаем об этой расе».

«Им известно о существовании станции? Или о твоём наблюдении?»

Последовала короткая пауза.

«Нет, Возлюбленный Творец. Это судно входило в ту группу, что мы видели некоторое время назад, а сейчас оно возвращается на родную планету по причинам, которые хоть мне и не ясны, но связаны с эмоциональным благополучием командира. У них даже мысли нет о том, чтобы попытаться разобраться или вмешаться в нашу деятельность».

Эта тирада Кса была составлена с должным уважением, но все-таки в ней присутствовали кос-какие оттенки, не совсем уместные в данной ситуации. Списав их на злорадность, Дививвидив без труда определил истинную причину подобного отношения.

«Ты считаешь, они вмешаются в нашу деятельность?»

«Обязательно, — подтвердил Кса. — По сути дела, столкновение неизбежно. Суда примитивов следуют прямым курсом, а — как тебе известно — мое тело сейчас разрастается с максимально возможной скоростью».

Дививвидив немедленно отключил сознание и перешел на режим высшего мозга, чтобы обдумать проблему наеди-

не и втайне от Кса. Уничтожение пятерых бескультурных двуногих будет обычным делом — в особенности учитывая события, которые вскоре должны произойти в этой области пространства, — но ему придется принять решение лично. И смерть будет так близка.

Все эти данности плюс его непосредственное участие установят ментальную связь между ним и пятью примитивами, чьи жизни вот-вот оборвутся, поэтому отлив каждого из них с неизбежностью отразится на нем. Отливом назывался краткий, невероятно мощный и необъяснимый всплеск психической активности, который всегда происходил через секунду или две после смерти разумного существа. Даже когда физическая форма мгновенно испарялась и по теории всякое дальнейшее ментальное взаимодействие с живым существом было невозможно, все равно эта иссушающая волна обрушивалась — мучительная, карающая, невыразимая. Мучительная — ибо мгновенный духовный взрыв не лучшим образом отражался на сторонних его участниках.

Тот факт, что отлив все-таки имеет место, был воспринят многими как доказательство дальнейшего существования личности после смерти. Утверждали, что таким образом какой-то компонент комплекса «мозг — тело» перемещается в иную реальность. Более материалистично настроенные натуры делали основной упор на то, что, чем дальше расстояние, тем слабее сила отлива, а следовательно, существуют такие области физики, до которых дуссаррианская наука просто еще не добралась.

Дививвидив не принадлежал ни к тому, ни к другому лагерю, но дважды за свою жизнь он оказывался неподалеку от эпицентров отлива — когда умирали его родители, — и у него не было никакого желания повторять этот опыт, если есть возможность избежать его. В данном случае мораль подкреплялась простым эгоизмом, и дилемму, стоявшую перед

ним, он должен был решить как можно быстрее, если действительно собирался исполнить данные Кса обещания.

Полукристалл-, полукомпьютер и в то же самое время разумное существо — Кса способен был разрастись до размеров, необходимых для выполнения его непосредственного предназначения, только там, где полностью отсутствует сила тяжести, но в то же время наличествует кислород. Дуссаррианам очень повезло, когда они обнаружили такую среду неподалеку от родной планеты, но присутствие буйно развивающегося технологического общества на планетах-сестрах весьма осложняло их задачу — в основном из-за структуры Кса, тело которого, несмотря на всю свою величину, было очень уязвимо. Примитивы могли повредить его — со злым умыслом или без оного, — а значит, когда они подберутся слишком близко, за ними придется следить, как за паразитами.

Дививвидив обдумал возникшую проблему и пришел к решению, которое вполне удовлетворяло его склонность к взаимовыгодному компромиссу. Правда, он должен будет на время покинуть жилые отсеки станции, чтобы связаться с Дуссаррой и лично переговорить с директором Заннананом. К счастью, перемещение уже успешно завершилось, и Дуссарра стала частью местной солнечной системы, яркой голубой точкой на богато усыпанном звездами небосклоне. На расстоянии каких-то нескольких миллионов миль несложно установить непосредственную мозговую связь с Заннананом, а риск, что кто-либо перехватит переговоры, будет минимален. Дививвидив вернулся в средне-мозговой режим и, всмотревшись в изображение судна, которое поднималось с поверхности чужой планеты, связался с Кса.

«Ты говорил, что примитивы не подозревают о нашем присутствии, — сказал он. — Это означает, что система

непосредственной связи между двумя личностями у них отсутствует?»

Последовала краткая пауза: Кса искал подтверждение.

«Да, Возлюбленный Создатель, в этом отношении примитивы абсолютно пассивны».

Дививвидив почувствовал внезапную жалость — он представил себе разумное существо, влачившее свою жизнь в состоянии слепоты мозга. Отсутствие у примитивов высших органов чувств на данном этапе облегчит общение с ними, но осторожная и дотошная натура Дививвидива заставила его задать еще несколько вопросов.

«Это воинственная раса?»

«Да, Возлюбленный Создатель».

«У них имеется оружие?»

«В избытке, Возлюбленный Создатель».

«Дай мне описание этого оружия».

Снова последовала недолгая пауза.

«Их оружие представляет собой твердые свинцовые снаряды, выбрасываемые из трубок при помощи газа, заключенного в металлических контейнерах».

Одновременно Кса передал Дививвидиву точную информацию о размерах и энергетических характеристиках тех типов оружия, которые примитивы имели при себе и на борту своего еле ползущего корабля.

Дививвидив был удовлетворен. Он уверился, что препятствий его планам относительно приближающегося судна и команды не возникнет.

«Ты доволен, Возлюбленный Создатель», — констатировал Кса.

«Да, сейчас я вернусь ко сну и буду ждать прибытия примитивов».

«Ты так доволен потому, что тебе не придется отнимать у примитивов жизни».

«Да».

«В таком случае, Возлюбленный Создатель, почему тебя ничуть не беспокоит тот факт, что вскоре ты убьешь меня?»

«Ты ничего не понимаешь».

Внезапно Дививвидив почувствовал острое недовольство самим Кса и его навязчивым желанием сохранить свою псевдожизнь. Каждый раз, когда речь заходила об этом, его ум омрачали темные думы о геноциде, и — несмотря на опытность во всяческого рода ментальных дисциплинах — отзвуки этих мыслей мешали его грезам.

ГЛАВА 7

Толлер понимал, что это лишь игра воображения, но, казалось, какая-то странная тишина окутала Пять Дворцов Ро-Атабри. Не такая тишина, которая наступает, когда людская суэта вдруг на время приостанавливается, — скорее похожая на невидимое одеяло из звуконепроницаемого материала, внезапно накрывшее округу. Оглянувшись вокруг, Толлер увидел, что плотники и каменщики продолжают работу по восстановлению зданий; синероги и телеги вздымают облака пыли, желтыми тучами расползающиеся на фоне голубого неба; команды и пилоты готовят корабли к кругосветному перелету. Повсюду царил кипучая деятельность, однако Толлеру чудилось, что шум ее, проходя сквозь фильтры расстояния, приглушался практически до пределов слышимости.

До отправления оставался всего час, и именно потому — он и сам это прекрасно понимал — Толлер пребывал в состоянии некой заторможенности. Уже девять дней, как Вантара улетела обратно на Верхний Мир, и все это время он нахо-

дился в глубокой депрессии и апатии, которые невозможно было перебороть.

Готовя своих людей и корабль к кругосветному путешествию, Толлер на самом деле думал только об одном — он вновь и вновь переживал ту необычную встречу с Вантарой в День Переселения. Почему вдруг она повела себя так? Зная, что вот-вот покинет планету, она позволила ему воспарить на невиданные высоты — Толлер до сих пор чувствовал ее губы, касающиеся его губ, ее груди, наполнившие его ладони, — и только для того, чтобы потом с бессердечным равнодушием швырнуть наземь. Может быть, она просто решила поиграть с ним от скуки?

Порой Толлер действительно верил, что так оно и было, и тогда он погружался в новые глубины отчаяния и ненавидел графиню со страстью, от которой сжимались кулаки, белели костяшки и речь прерывалась на полуслове. Иногда ему, наоборот, казалось, что она изо всех сил старалась разрушить барьеры между ними, что она действительно ценит его, будет с нетерпением ждать и бросится ему на шею, стоит Толлеру вернуться на Верхний Мир. В такие моменты молодой Маракайн чувствовал себя еще хуже, потому что он и его любовь — самая прекрасная, самая желанная женщина из когда-либо существовавших на свете — были разделены планетами, и он представить себе не мог, как проживет будущие годы без нее.

Изредка Толлер смотрел на огромный диск Верхнего Мира, выпуклую громаду которого то и дело заслоняли горы облаков, и мечтал о каком-нибудь средстве мгновенного сообщения между двумя планетами. Не раз ходили разговоры о том, что когда-нибудь построят гигантские мигалки с зеркалами размером с крышу, которые будут посылать всякие сообщения с Мира на Верхний Мир и обратно. Если бы такое устройство существовало, Толлер непременно воспользовал-

ся бы им, и не столько для того, чтобы поговорить с Вантарой — этот шаткий мостик, перекинутый через пространство меж двумя мирами, только усилил бы его желание увидеть ее, — но чтобы связаться с отцом.

Кассилл Маракайн обладал достаточной властью и влиянием, чтобы выхлопотать сыну освобождение от кругосветного перелета. В прошлом, до того как его коснулось безумство любви, Толлер с презрением относился к подобным методам, но в теперешнем состоянии он готов был без зазрения совести ухватиться за любую возможность. Бедняга терзался от того, что вскоре должен будет отправиться в путешествие по Стране Долгих Дней и окажется на противоположной стороне планеты. Оттуда он не сможет наблюдать за Верхним Миром, при виде которого неизменно представлял себе Вантару, легкой походкой ступающую по своей столь особенной жизни...

— Зря вы так мучаете себя, юный Маракайн, — сказал посланник Кетторан, который, пробравшись между штабелями бревен и грудями тюков, незаметно подошел к Толлеру. Он был облачен в серые одеяния своего департамента, однако без официальных эмблем из бражки и эмали. Другой человек с его положением в обществе выхлопотал бы себе отдельные апартаменты, закрылся бы там и появлялся на людях исключительно в сопровождении пышной свиты, но Кетторан предпочитал в одиночку бродить по лагерю.

— Вместо того чтобы шляться по базе, словно девица с желудочными коликами, — продолжал он, — вы бы лучше приглядели за погрузкой и балансировкой собственного корабля.

— Этим занимается лейтенант Корревалът, — безразлично ответил Толлер. — И, вероятно, управляется с этим лучше, чем я.

Кетторан натянул на глаза шляпу, закрывшись от солнца, и сочувственно посмотрел на Толлера.

— Послушай, мальчик мой, я, конечно, понимаю, что суюсь не в свое дело, но эта безрассудная страсть к графине Вантаре плохо отразится на твоей карьере.

— Благодарю за совет. — Толлер был глубоко уязвлен, но слишком уважал Кетторана, поэтому скрыл свое раздражение за ширмой мягкого сарказма. — Я непременно последую вашим рекомендациям.

— Поверь мне, сынок, — печально усмехнулся Кетторан, — ты даже оглянуться не успеешь, как эти дни, что кажутся исполненными бесконечного страдания, останутся в прошлом и превратятся в призрачные воспоминания. Более того — по сравнению с тем, что тебя ждет в будущем, они будут выглядеть счастливыми и безоблачными. Ты будешь потом жалеть, если сейчас не поживешь всласть.

Что-то в голосе Кетторана насторожило Толлера, и он на миг забыл о своих горестных думах.

— Ушам своим не верю, — изумился он. Во время межпланетного перелета между ним и Кеттораном установились дружеские и доверительные отношения, поэтому Толлер пренебрег различием в рангах. — Никогда не думал, что Трай Кетторан вдруг заговорит, как какой-то седобородый старец.

— Я тоже раньше не думал, что когда-нибудь превращусь в старца, — эта участь предназначалась другим, а никак не мне. Поразмысли над тем, что я сказал тебе, сынок. И не надейся на глупостей.

Кетторан сжал плечо Толлера костлявыми пальцами, затем отвернулся и зашагал к восточному крылу Великого Дворца. Вот только походка его была лишена обычной беспечности.

Толлер, нахмурившись, некоторое время смотрел ему вслед.

— Сэр, — окликнул он, внезапно забеспокоившись. — С вами все в порядке?

Сделав вид, что не слышит, Кетторан даже не обернулся и вскоре исчез из виду. Встревоженный Толлер почувствовал себя обязанным уделить больше внимания только что полученному совету и про себя твердо решил последовать этому, безусловно, доброму философскому напутствию — в конце концов, он молод, здоров, и весь мир лежит у его ног, — но всякий раз, когда он приказывал себе взбодриться, отчаяние его, как назло, усиливалось. Что-то внутри него противостояло переменам.

Он вернулся к кораблю, взошел на борт и принялся хмуро взирать на приготовления к отбытию. Толлер знал, что его мрачное безразличие непременно отразится на команде, но ничего не мог с собой поделать. Видя поведение начальника, лейтенант Корревалът стал еще более корректным и предупредительным. Путешествие продлится не меньше шестидесяти дней, если не случится ничего непредвиденного, и восемь человек на протяжении этого периода времени должны будут как-то уживаться на крошечной гондоле. Психологические срывы случаются даже в идеальной обстановке, но когда командир всем своим видом демонстрирует неприязненное отношение к будущей миссии, тем более могут возникнуть проблемы с моральным состоянием и дисциплиной на борту.

В конце концов со всеми формальностями было покончено, и с флагманского судна донесся сигнал горна, оповещающий об отбытии. Четыре корабля практически одновременно оторвались от земли; громовые раскаты двигателей прокатились над окружающими Пять Дворцов парками и растаяли в залитых солнцем улочках Ро-Атабри. Толлер стоял у поручня, придерживая рукой меч — управление судном он передал Корревалъту, — и смотрел на

раскинувшиеся внизу просторы древнего города. Высоко в небе парило солнце, потихоньку приближаясь к Верхнему Миру, гондолу же закрывала глубокая тень баллона, и в результате картина, представшая перед глазами, была исключительно яркой — вплоть до мельчайших деталей. Традиционные архитектурные стили Колкоррона делали особый упор на мозаику из оранжевых и желтых кирпичей в форме сложных ромбов с вкраплениями красного известняка по углам и краям. С высоты город казался пестрым полотном, блестящим так ослепительно, что глазам было больно. Деревья, находящиеся в различных стадиях жизненного цикла, вносили свою лепту в сверкающее великолепие красок, и цветовая гамма островков живой природы варьировалась от бледно-зеленого до медно-коричневого оттенков.

Корабли описали круг над лагерем и взяли курс на северо-восток, стараясь отыскать такие воздушные течения, которые сэкономят кристаллы во время путешествия. Исследования показали, что на пути экспедиции не встретятся зрелые деревья бракки, а дополнительное производство зеленых и пурпурных кристаллов потребует значительного времени, поэтому было решено, что флотилия совершит кругосветный перелет исключительно на бортовых запасах.

Толлер невольно вздохнул, глядя вслед ускользающему за горизонт Ро-Атабри: многоцветие города превратилось в скопление плоских горизонтальных полосок. Скудное и утомительное путешествие наконец началось, и настало время посмотреть этому факту в глаза. Толлер почувствовал на себе взгляд Бэйтена Стинамирта, недавно произведенного в ранг воздушного сержанта. Розовая физиономия Стинамирта, проходившего мимо него в сторону нижней палубы, была нарочито бесстрастной, но Толлер видел, что его мрачность не лучшим образом отразилась на юноше, который с тех пор,

как они покинули родной мир, проявлял особую преданность Толлеру и искренне им восхищался. Подняв руку, Толлер остановил сержанта.

— Не беспокойтесь, молодой человек, — сказал он. — Я вовсе не собираюсь выпрыгивать за борт.

— Сэр? — недоуменно переспросил Стинамирт.

— Не разыгрывайте передо мной невинность, юноша. — Толлер был всего лишь на два года старше сержанта, но в голосе его прозвучали те же самые отцовские нотки, которые использовал в беседах с ним Трай Кетторан. Маракайн сознательно пытался подражать твердости и стоицизму посланника. — Там, на базе, обо мне пошли всякие слухи, да? Поговаривали, будто я так влюбился в некую госпожу, что теперь дня от ночи отличить не могу.

Гладкие щеки Стинамирта залились пурпурным румянцем.

— Сэр, если кто-нибудь посмеет дурно отзываться о вас в моем присутствии, я... — Юноша понизил голос, чтобы его случайно не услышал Корревалът, дежуривший около центра управления воздушным кораблем.

— Вам вовсе не потребуется биться за меня на дуэли, — твердо заявил Толлер, обращаясь как ко всем окружающим, так и к своей своенравной душе. Он хотел еще что-то добавить, но обнаружил, что Стинамирт смотрит в другую сторону.

— Сэр, по-моему, это послание адресовано нам, — быстро отрапортовал сержант, прежде чем Толлер успел сплюснуть, в чем дело.

Толлер обернулся на Ро-Атабри и увидел, что в переплетении наслаивающихся друг на друга полосок назойливо мигает яркая точка. Расшифровав про себя кодированное сообщение солнечного телеграфа, он почувствовал, как по спине побежали мурашки. Возбуждение и леденящие

кровь предчувствия охватили Толлера, когда он убедился, что послание касается непосредственно его.

Вернувшись на базу, Толлер увидел, что баллон небесного корабля уже наполнен газом, а команда выстроилась у якорей, готовая к немедленному возвращению на Верхний Мир. Шар легонько бился о бревенчатые стены ангара, словно огромное разумное существо, переступающее с ноги на ногу от нетерпения. У ворот Толлера встретил лично коммодор Шолдд, который обычно никуда не выходил из кабинета, и это служило еще одним доказательством чрезвычайности ситуации.

Толлер — в сопровождении Корревальта и Стинамирта — быстрым шагом подошел к нему и отдал честь, а Шолдд, видимо, пребывая в дурном расположении духа, в ответ лишь дернул головой. Он пригладил пятерней свои коротко подстриженные стального оттенка волосы и хмуро поглядел на Толлера.

— Это просто напасть какая-то, капитан Маракайн, — буркнул он. — Несколько дней назад я лишился одного капитана воздушного корабля, а теперь вынужден обратиться за помощью к вам.

— Лейтенант Корревальт способен заменить меня на время кругосветного перелета, сэр. Он обладает всеми необходимыми навыками, — ответил Толлер. — Без малейших колебаний я рекомендую его к немедленному продвижению по службе.

— Это действительно так? — Шолдд обратил критический взгляд своих колючих глаз на Корревальта, и благодарность, отразившаяся на лице лейтенанта, мигом куда-то подевалась.

— Сэр, — осмелился спросить Толлер, — посланнику Кетторану очень худо?

— Похоже, одной ногой он уже в могиле, — безразлично ответил Шолдд. — Почему он так настаивал, чтобы именно вы отвезли его домой?

— Не могу знать, сэр.

— Я тоже теряюсь в догадках. По мне, так очень странный выбор. Вы не слишком-то проявили себя в этой миссии, Маракайн. Я все ждал, когда же вы наконец споткнетесь об эту древнюю железяку, которую постоянно таскаете с собой.

Толлер вспыхнул и машинально коснулся рукояти меча. Коммодор ни за что ни про что опозорил его, отчитав в присутствии младших чинов, но Толлер мог лишь единственным способом заявить свой протест: намекнуть, что замечания Шолдда — это бесполезная трата драгоценного времени.

— Сэр, если посланник выглядит настолько плохо...

— Ладно, ладно, убирайтесь с глаз моих долой. — Шолдд бросил быстрый взгляд на Стинамирта. — А этот парень, похоже, заделался вассалом клана Маракайнов. Он что, теперь причислен к вашей свите?

— Сэр, сержант Стинамирт — первоклассный летчик, и его помощь весьма пригодится мне во время...

— Забирайте и его! — Шолдд развернулся и, не отдав честь, побрел прочь, что могло быть расценено только как еще одно целенаправленное оскорбление.

«Вот, значит, как, — подумал Толлер, встревоженный упоминанием «клана Маракайнов». — Мой дед был самым славным воином за всю историю Колкоррона, мой отец — один из наиболее выдающихся и могущественных людей нашего времени, а всякие Шолдды презируют меня за это. Может, они считают, что я втайне дергаю за веревочки семейных связей? Или, наоборот, намеренно не обращаюсь к помощи влиятельных родственников, демонстрирую

какое-то особенное самомнение? Быть может, их оскорбляет и даже бесит то, что я отказываюсь воспользоваться возможностями, за которые они бы...»

Серия выхлопов, донесшихся из двигателей корабля, эхом отразилась от реющей над ними сферы баллона и прервала размышления Толлера. Прощальным жестом коснувшись плеча Корревальта, он вместе со Стинамиртом подбежал к гондоле и взобрался на борт. Сержант вспомогательного состава, дежуривший у топки и следящий за готовностью корабля, отдал честь и кивнул в сторону пассажирской каюты. Толлер подошел к отделению с высокими бортиками и заглянул внутрь. На койке лежал посланник Кетторан, несмотря на жару, целиком закутанный в стеганое одеяло. Его вытянутое лицо поражало смертельной бледностью, к старческим морщинам прибавились признаки глубокого изнеможения, однако глаза оставались по-прежнему живыми. Увидев Толлера, он подмигнул и приветственно поднял иссушенную возрастом руку.

— Вы летите один, сэр? — озабоченно спросил Толлер. — А как же врач?

Презрительная гримаса на миг оживила черты Кетторана.

— Да я близко к себе не подпущу этих сапожников.

— Но вы же больны...

— Не родился еще доктор, способный излечить мой недуг, — почти удовлетворенно крикнул Кетторан. — Я страдаю всего-навсего от недостаточности времени. Кстати, юный Маракайн, мне показалось, что вы не меньше меня желаете побыстрее очутиться на Верхнем Мире.

Толлер промямлил какое-то извинение и вернулся к сержанту, который сразу же отошел от рычагов управления и перелез через борт гондолы. Задержавшись на несколько секунд на приступке, он объяснил Стинамирту,

где хранятся провизия и прочие необходимые припасы, включая небесные костюмы. Как только провожатый исчез из виду, Толлер пустил щедрую струю горячего газа в купол баллона и поднял якоря.

Небесное судно рванулось вверх, а воздушное течение, проходящее прямо над ангаром, придало кораблю дополнительную скорость. Зная, что начальная тяга исчезнет, как только баллон войдет в западный воздушный поток и начнет двигаться вместе с ним, Толлер не стал выключать горелку. Небесный корабль — несмотря на то что в этом рейсе гондола весила меньше обычного — развернулся медленно и степенно, приспособливаясь к изменениям в воздушной среде. Стинамирт театрально схватился за желудок. Со стороны плетеной клетки-каюты, где лежал Кетторан, донесся жалобный стон.

Во второй раз на протяжении какого-то часа панорама Ро-Атабри начала удаляться от Толлера, только теперь она скрывалась не вдали, а внизу. «Я даже поверить не могу, что такое со мной происходит», — подумал он словно во сне, ошеломленный внезапным поворотом событий. Всего несколько минут назад его терзал страх никогда больше не увидеть Вантару Дервонай — и вот он уже волею судеб спешит к ней на свидание.

«Вскоре я снова встречу с Вантарой, — сказал он себе. — Хотя в этом мне повезло».

Толлер за весь день не притронулся к еде, он лишь сделал пару глотков воды, чтобы хоть отчасти компенсировать потерю жидкости во время вступления в засушливые области средней стадии перелета. Туалет на судне был самым примитивным, и по большей части пользоваться им было крайне неприятно, а в условиях невесомости многие предпочитали вообще не справлять свои естественные

нужды в день маневра переворота. Для здорового человека система работала вполне сносно, но состояние Кетторана еще в самом начале путешествия оставляло желать лучшего, теперь же — к вящему беспокойству Толлера — складывалось впечатление, что посланник из последних сил цепляется за свою жизнь.

— Убери эти помои с глаз моих долой, — ворчливо буркнул Кетторан. — Я не младенец, чтобы грудь сосать — да еще такое отвратительное вымя!

Толлер нехотя отодвинул конической формы пакет с теплым супом, который он принес посланнику.

— Но это пойдет вам только на пользу.

— Ты кудахчешь, прямо как моя мамочка.

— Разве это причина, чтобы отказываться от еды?

— Не умничай, юный Маракайн. — Дыхание Кетторана белыми облачками пара вырывалось из маленькой дырочки в горе одеял, укутавших его с головой.

— Я всего лишь пытался...

— Моя мать стряпала куда лучше, чем все повара, которых мы то и дело нанимали, — сказал Кетторан, не обращая на Толлера внимания. — У нас был дом на западном склоне Зеленой Горы — кстати, совсем неподалеку от того места, где когда-то жил твой дед, — и я до сих пор помню, как я въезжаю на холм, оказываюсь в своих угодьях и сразу по одному запаху узнаю, мать готовила обед или кто-то другой. Я навестил те места спустя несколько дней после того, как мы приземлились в Ро-Атабри, но весь наш район давным-давно сгорел... еще во время бунтов... сгорел дотла... камня на камне не осталось. Зря я туда ходил — лучше бы сохранил старые воспоминания.

Услышав про деда, Толлер сразу оживился:

— А вы тогда часто виделись с моим дедом?

— От случая к случаю. Его было трудно не увидеть — здоровенный такой мужик, — но куда чаще я встречался с

его братом, Лейном... тот только и делал, что курсировал между своим домом и резиденцией магистра Гло в Зеленогорской Башне.

— А мой дед... — Толлер вдруг осекся, и странная тревога закралась в его душу, ибо в окружающей среде произошла какая-то едва ощутимая и быстрая перемена. Он поднялся на ноги, придерживаясь за литье, чтобы не улечь с палубы, и огляделся по сторонам. Стинамирт, уткнув нос в воротник небесного костюма, сидел привязавшись ремнями к креслу у панели управления. Он методически то включал, то выключал главный двигатель, поддерживая подъемную тягу, и вроде бы ничего необычного не заметил. Казалось, все шло своим чередом в тесном микрокосме гондолы; за бортом по-прежнему сияли знакомые огоньки звезд и блестели спирали на фоне темно-синего неба.

— Сэр? — дернулась укутанная, разбухшая до неузнаваемости фигура Стинамирта. — Что-нибудь случилось?

Толлеру пришлось еще раз оглядеться по сторонам, прежде чем он понял причину своего беспокойства.

— Освещение! Освещение изменилось! Ты что, не заметил?

— Я, должно быть, мигнул тогда. Но я не...

— Свет словно выключился на секунду — я в этом уверен, а ведь до заката еще целый час. — Жалея, что солнца не видно, Толлер подплыл к панели управления и встревоженно заглянул в жерло баллона. Покрытая лаком поверхность парусины была выкрашена в темно-коричневый цвет, чтобы лучше поглощать тепло солнечных лучей, но в некоторой степени она сохранила первоначальную прозрачность, и на ней явственно проступали швы между панелями и ленты обогревателей, которые только подчеркивали величину непрочного купола. Толлер был прекрасно знаком с внутренностями баллона и ничего особенного не

обнаружил. Стинамирт тоже заглянул в баллон и, не сказав ни слова, уставился в пол.

— Говорю тебе, что-то не так. — Толлер тщетно пытался избавиться от охвативших его сомнений. — Что-то произошло. Освещение изменилось... тень...

— Согласно высотомеру, мы приближаемся к точке переворота, сэр, — сказал Стинамирт, пытаясь помочь. — Может быть, мы прошли прямо под станциями и на нас упала их тень.

— Нет, это бы заняло больше времени. — Толлер на мгновение нахмурился, принимая решение. — Сержант, разверните корабль.

— Я... мне кажется, я еще не готов к выполнению маневра.

— Я не прошу тебя выполнить переворот. Просто накрени судно, чтобы мы смогли увидеть, что происходит над нами. — Заметив, что все еще сжимает в руках пищевой пакет, Толлер швырнул его в сторону пассажирского отделения. Пакет врезался в страховочный линь, закрутился и, раскачиваясь из стороны в сторону, поплыл над бортом гондолы.

Толлер подобрался к поручням и, вытянув шею, стал нетерпеливо ждать. Стинамирт принялся потихоньку поддавать тяги в один из небольших боковых двигателей на противоположном борту. Сначала показалось, что это не возымело никакого эффекта, лишь тонкие стойки по бортам от Толлера начали тихо потрескивать, но затем, после долгого ожидания, вселенная заскользила вниз, и затянутый водоворотами облачности диск Мира скрылся под ногами Толлера, а его глазам — постепенно выползая из-за баллона — предстало нечто такое, чего он никогда в жизни не видел.

Половину неба занимала огромная круглая поверхность, состоящая сплошь из белого огня.

Солнце уже зашло за ее восточный край, и эта кайма светилась невыносимо ярко, превратившись в центр ослепляющего излучения, миллиардами призматических игл разлетающегося по кругу.

Чем дальше от солнца, тем менее интенсивным становилось свечение, но даже противоположная сторона диска сверкала так, что глазам было больно. Толлеру показалось вдруг, что он смотрит вверх из глубин залитого солнцем замерзшего озера. Он ожидал увидеть Верхний Мир, заполняющий небеса, но эта прекрасная, необъяснимая, невероятная поверхность из бриллиантово-белого света, пронизанная всеми цветами радуги, танцевавшими зигзагами и прыгающими из стороны в сторону, заслоняла планету.

Буквально прилипнув к поручням, не в состоянии даже пальцем шевельнуть, Толлер вдруг заметил, что это диковинное явление как бы сползает по небу. Обернувшись, он увидел, что Стинамирт с отвисшей челюстью глазсет на небосвод, а его зрачки превратились в крошечные белые пластинки, став миниатюрными подобиями феномена, который полностью зачаровал его.

— Я приказал лишь накренить судно! — рявкнул Толлер. — Немедленно остановите вращение, сержант.

— Прошу прощения, сэр. — Стинамирт засуетился, и боковой двигатель, установленный ниже по борту, где стоял Толлер, начал выплевывать вверх пары маглайна. Звук двигателя был едва слышен, окружающее пространство мгновенно поглощало его, но мало-помалу желасмый эффект был достигнут, и судно неподвижно зависло параллельно океану белого пламени.

— Что там случилось? — Ворчливый голос Трая Кетторана, донесшийся из пассажирского отделения, вывел Толлера из оцепенения.

— А вы загляните за борт, — крикнул он посланнику, затем обратился к Стинамирту: — Как вы думаете, сержант, что это за штука такая? Лед?

Стинамирт медленно кивнул:

— Вроде это единственное объяснение, но...

— Но откуда взялась вода? На оборонных станциях имеется обычный питьевой запас, его количество не превышает нескольких баррелей... — Толлер запнулся, потому что на ум ему пришла внезапная мысль. — А кстати, где станции? Надо их найти. Или они закованы в этот... — И сразу же в его голове закрутились следующие вопросы: какой толщины этот лед? На каком он расстоянии от корабля? И вообще какова ширина этой гигантской круглой пластины?

Последний вопрос застрял у него в сознании, заслонив собой все остальное. Вплоть до этого мгновения Толлер был захвачен открывшимся его глазам зрелищем и ни на секунду не задумывался о грозящей опасности. Он испытывал чувство удивления, восторга — но никак не угрозы. Теперь, однако, определенные физические факторы воздухоплавания начали приобретать прежнее значение — весьма насущное, если не сказать — жизненно важное...

Толлер знал, что атмосфера, окружающая две планеты, формой своей напоминает песочные часы, чья узенькая перемычка и формирует тот воздушный мост, которым пользуются небесные суда. Еще давным-давно было установлено, что кораблям следует держаться ближе к центру «моста» — иначе воздух становится таким разреженным, что человек начинает задыхаться от нехватки кислорода. По причине некоторой сложности проведения экспериментов в данной области пространства никто не знал, какова толщина слоя годного для дыхания воздуха, но даже по самым оптимистическим прогнозам он составлял не больше сотни миль в диаметре.

Загадочное море из пылающего под солнцем льда было абсолютно безликим и могло парить над судном неким «зонтиком» в десять, двадцать, сорок миль в поперечнике... Толлер понятия не имел, на сколько именно могло протянуться это гигантское озеро, но, по его прикидкам, оно занимало примерно треть видимого полушария, а это давало достаточно информации для элементарных подсчетов.

Беззвучно шевеля губами, он смотрел на сверкающий диск и в уме перемножал цифры. Жуткий холод, не имеющий ничего общего со стужей окружающей среды, охватил его, когда он наконец закончил расчеты. Если диск висит примерно на расстоянии шестидесяти миль от них — а это вполне допустимо, — тогда, по непреложным законам математики, он достаточно широк, чтобы блокировать воздушный мост между Миром и Верхним Миром...

— Сэр? — словно из иной вселенной донесся до него голос Стинамирта. — Сколько, вы сказали, от нас до этой льдины?

— Замечательный вопрос, — хмуроотреагировал Толлер, вытаскивая из ящика панели управления корабельный бинокль. Он навел его на диск, пытаясь рассмотреть хоть что-то вразумительное, но повсюду взгляд натывался лишь на сплошной слой сияния. Солнце полностью ушло за диск, освещая громадный круг уже более равномерно и тем самым еще больше осложняя расчет расстояния. Толлер повернулся к поручням спиной, потряс головой, прогоняя зеленоватые искорки из глаз, и посмотрел на высомер. До отметки абсолютной невесомости оставался зазор шириной в какой-то волосок.

— На эти приборы не следует так уж полагаться, сэр, — напомнил Стинамирт, не устояв перед искушением продемонстрировать свои знания. — Они были вымерены в мастерской, поэтому воздействие низких температур на пружину не учитывалось, и...

— Пощади меня, а? — взмолился Толлер. — Это очень важно — мне нужно узнать размеры этой... этой небесной штуковины.

— Можно подлететь к ней поближе и прикинуть, насколько она увеличилась.

— У меня есть идея получше, — покачал головой Толлер. — Пока я не уверюсь, что другого выхода нет, я назад не поверну, а следовательно, мы полетим к кромке круга. Его точный диаметр в милях вовсе не так важен. Самое главное — убедиться, можно или нет облететь это препятствие. Ты будешь управлять кораблем, или мне сменить тебя?

— Я бы непрочь немного попрактиковаться, сэр, — ответил Стинамирт. — Какой режим горелки?

Толлер нахмурился и про себя еще раз подосадовал, что до сих пор никто не изобрел достаточно практичный спидометр для небесных кораблей. Когда баллон начинает преодолевать сопротивление воздуха, опытный пилот может на глаз прикинуть скорость по ослаблению линия, но огромное количество исключений делает точное определение скорости судна невозможным. Для ученых умов Колкоррона задача изобретения надежного прибора не представляла особого труда, просто никогда не возникало нужды в подобном инструменте. Функции, исполняемые небесными кораблями, были достаточно просты: путешествовать вверх-вниз между поверхностью планеты и зоной невесомости. Такой полет обычно длился примерно пять дней в один конец, и плюс-минус несколько миль в час не играли роли.

— Установи два и шесть, — сказал Толлер. — Представим себе, что мы поднимаемся со скоростью двадцать миль в час, и будем на этом основываться.

— Но какова природа этой преграды? — изумился из-за спины Толлера посланник Кетторан. Он висел над каю-

той, одной рукой придерживаясь за бортик, а другой прижимая к себе одеяло.

Толлер хотел было попросить старика лечь и не переутомлять себя, ибо врач на базе прописал Кетторану полный покой, но затем ему пришло в голову, что в невесомости не имеет значения, в каком положении пребывает человек со слабым сердцем. Отдавшись на волю фантазий, он придумал новое использование той жалкой, маленькой группки станций обороны, крутящейся в зоне невесомости. Установить там хорошую систему обогрева, наладить снабжение кислородом, и они вполне могут служить своего рода санаториями для тех, кому прописан щадящий режим. Даже калеки могли бы...

— Я к тебе обращаюсь, юный Маракайн, — брюзжал тем временем Кетторан. — Каково твое мнение об этом крайне любопытном объекте?

— Мне кажется, он может состоять из льда.

— Но откуда взялось такое огромное количество воды?

— Со звезд к нам прилетают целые глыбы камня, встречаются даже металлы, — пожал плечами Толлер. — Может быть, где-то в пространстве кружатся и ледяные астероиды.

— Весьма правдоподобная гипотеза, — буркнул Кетторан. Он театрально кивнул, и его серьезное лицо, раскрасневшееся от холода, медленно скрылось из виду. Генерал вернулся в свой кокон из пуховых одеял. — Это знамение, — добавил он. Голос его прозвучал приглушенно и был едва слышен из-за перегородки. — Я сразу чую знамения.

Скептически улыбнувшись, Толлер покачал головой и вернулся на свою вахту у поручней гондолы. Указав, с какой периодичностью следует использовать боковые двигатели, он помог Стинамирту вывести судно на курс, который под некоторым углом вел к западной кромке огненной поверхности. Главный двигатель тихо гудел, и Толлер ви-

дел, что скорость судна вполне может составлять предложенные им двадцать миль в час, однако прошло несколько минут, а размеры круга ничуть не изменились.

— Наш новый знакомый, новоявленное «знамение», оказывается, внушительный гигант, — сказал он Стинамирту. — Думаю, нам придется очень постараться, если мы хотим все-таки обогнуть его.

Еще раз пожалев, что под рукой нет даже простейшего навигационного инструмента, доступного на самом примитивном воздушном корабле, Толлер вновь обратил взгляд на восточную часть огромного круга, как бы подгоняя его, и попытался убедить себя, что корабль значительно продвинулся вперед. Ему уже начало казаться, что угол и впрямь заметно изменился, когда по поверхности мерцающей пластины побежали огромные радужные волны. Они летели с ошеломляющей скоростью, пересекая весь диск за какие-то считанные секунды. Сердце Толлера замерло при виде этих космических метаморфоз, которые в очередной раз напомнили ему, что по сравнению с грандиозностью вселенной дела человеческие пусты и незначительны. Скрытое ледяным экраном солнце стало опускаться за Верхний Мир. Как только пучки лучей, порожденные отражением солнечного света от атмосферы планеты, исчезли в бесконечных пространствах космоса, ослепительное сияние диска начало меркнуть. Зона невесомости погружалась в ночь.

Здесь, у самой точки переворота, различие между определениями «ночь» и «малая ночь» полностью стиралось. Каждый суточный цикл включал в себя два периода тьмы, приблизительно равных по своей продолжительности, и Толлер знал, что рассвета следует ждать только через четыре часа. Для своего воцарения ночь вряд ли могла выбрать более неподходящее время.

— Сэр? — Стинамирту, превратившемуся в свете угасающего солнца в наделенный разумом кокон, даже не пришлось полностью формулировать вопрос.

— Продолжаем следовать прежним курсом, но пропорции тяги уменьшить до одного к шести, — приказал Толлер. — Мы всегда сможем отключить двигатели, если собьемся с курса. И еще раз проверь баллон, хорошо ли он накачан воздухом.

Положившись на опытность Стинамирта, Толлер остался у поручней и снова принялся изучать диск. Солнечный свет все еще отражался от Мира, который висел теперь прямо за спиной, поэтому ледяная стена оставалась хорошо видимой. Однако, поскольку освещение изменилось, Толлер начал различать некоторые детали внутреннего строения диска: в сердцевине его протекали реки бледно-фиолетового оттенка, они разделялись снова и снова и, наконец, исчезали, теряясь в далеких отблесках.

«Они похожи на сосуды, — подумал Толлер. — На сосуды в каком-то гигантском глазе...»

На Мир набегала тень от планеты-сестры, и диск медленно превращался в некое поле черноты, но края его были ясно видны на фоне блестящих точек звезд. Остальная часть небосвода зажглась привычным сумасшествием галактик, мерцающих круглых или эллипсоидных водоворотов, к которым добавлялись бесформенные полосы света, мириады звезд, кометы и шустрые метеоры. На фоне этого переливающегося великолепия диск выглядел еще таинственнее, чем прежде, — равнодушная стена ночи, которая не имела права существовать в упорядоченной вселенной.

Воспользовавшись килевой качкой судна, Толлер выглянул вперед и с удовлетворением отметил, что корабль движется прямо на западный край загадочного диска. Уныло тянулись часы темноты, воздух постепенно стал гораздо раз-

реженное, и легкие начали требовать больше кислорода — неопровержимое свидетельство того, что судно уже прилично удалилось от центра невидимого мостика, соединяющего две планеты. Кетторан не жаловался, но его дыхание превратилось в серию тяжелых хрипов. Налив в пакет воды, он периодически бросал туда несколько щепоток огненной соли и прикладывался к пакету, шумно вдыхая.

Когда наконец яркая полоска на западной оконечности диска ознаменовала появление солнца, Толлер обнаружил, что теперь край замерзшего озера виден даже тогда, когда судно идет ровно. Чувство перспективы вернулось, и в дело вступила геометрия.

— Осталась миля, не больше, — объявил он Стинамирту и Кетторану. — Еще несколько минут, и мы перевалим через край и полетим обратно к центру, туда, где сможем нормально дышать.

— Как раз вовремя! — Лицо Кетторана, спрятавшееся в глубинах капюшона, появилось над бортом пассажирского отделения. — И далеко от центра мы залетели?

— Если брать за основу наш первоначальный курс, миль на тридцать... — Толлер оглянулся на Стинамирта, и тот подтверждающе кивнул. — А это означает, что мы имеем дело не с озером, а с морем льда протяженностью в шестьдесят миль от края до края. Я собственным глазам не могу поверить, хотя смотрю прямо на эту штуковину. А в Праде нам тем более никто не поверит.

— Мы докажем.

— Как? Заставим взглянуть в телескопы?

— Нет, наш рассказ подтвердит твоя знакомая — графиня Вантара. — Кетторан смахнул каплю воды с кончика носа. — Ее корабль пролетал здесь за несколько дней до нас.

— Разумеется, вы абсолютно правы. — Толлер слегка удивился тому, что за последнее время еще ни разу не

вспомнил о Вантаре. — Лед... или барьер... в общем, что бы это ни было... возможно, оно уже висело здесь, когда она летела с планеты на планету. Мы сможем сравнить наши впечатления.

Предвкушая грядущее обсуждение — удачный предлог для встречи, где бы сейчас ни находилась Вантара, — Толлер погрузился в размышления о том, как бы половчее перевалить через край диска. По сути дела, маневр был не так уж и сложен. Кораблю надо пройти как можно ближе к западной оконечности диска, совершить обычный переворот и вернуться к центру атмосферного моста, где воздух обретет нормальную плотность.

Оставив Стинамирта у рычагов управления, он снова подплыл к поручням и, заняв наиболее выгодную точку обзора, принялся давать подробные инструкции по управлению кораблем. Судно, приблизившись к ободку круга, сбросило скорость и теперь еле тащилось, но по прошествии нескольких минут до Толлера вдруг дошло, что на то, чтобы достигнуть кромки ледяной стены, потребуется гораздо больше времени, чем он предполагал. Охваченный смутным подозрением, он направил бинокль на край. В глаза ему ударило близкое солнце, швырнув в линзы увеличительного прибора миллиарды крошечных игл, однако Толлеру все-таки удалось рассмотреть, где именно заканчивается лед. На самом деле до него оставалось не больше фарлонга, но в бинокль он казался куда ближе.

Толлер удивленно хмыкнул, обнаружив, что кромка замерзшей воды ведет себя как живая.

Вместо ожидаемой неподвижности ледяного круга его глазам предстала некая бурлящая кристаллическая масса. Стекланные призмы, шипы и ветви, каждая высотой с человека, с необычной быстротой выбрасывались из глубин озера. В целом зрелище было подобно лавине какого-то

дыма, которая с каждой секундой все больше увеличивала поверхность круга: оказываясь на студеном воздухе, каждая такая «призма» или «веточка» быстро застывала, рассыпая во все стороны лучи света, чтобы тут же быть поглощенной своими родственницами в бешеном, сверкающем, стеклянном пенообразовании.

Окаменев на мгновение, Толлер удивленно уставился на феномен, захваченный неожиданной и невероятной красотой происходящего, поэтому лишь через несколько минут первая разумная мысль пришла ему в голову: «Этот барьер растет почти с такой же скоростью, с какой движется наш корабль!»

— Поддать пару! — крикнул он Стинамирту, и голос его колкими хрусталиками рассыпался в лютой, враждебной стуже разреженной атмосферы. — Иначе нам никогда не увидеть дом!

Во время перехода через зону невесомости генерал Кетторан выглядел вполне здоровым, но когда до поверхности Верхнего Мира оставалось каких-то несколько тысяч футов, был сражен новым приступом болезни. Все произошло внезапно — только что он стоял рядом с Толлером у поручней гондолы, разглядывая знакомый пейзаж, проплывающий под кораблем, а в следующее мгновение уже лежал на спине, не в силах даже пальцем пошевелить, и лишь в его испуганных глазах светился разум, запертый внутри вышедшей из повиновения телесной оболочки. Толлер отнес его на койку, опустил на грудь одеял, вытер пенистую струйку слюны, показавшуюся в уголке его рта, и кинулся устанавливать мигалку.

Боковой занос был больше обычного, поэтому кораблю пришлось опуститься в двадцати милях к востоку от Прада, однако послание Толлера вовремя достигло цели.

Внушительная группа карет и всадников — в том числе и юркая воздушная шлюпка, разукрашенная в серо-голубые королевские цвета, — встречала их на месте посадки. Спустя пять минут после приземления посланника уже перенесли на борт шлюпки, и Кетторан отправился на встречу с королевой Дасиной, ожидавшей его в жарко натопленных палатах дворца.

Толлеру так и не удалось попрощаться с Кеттораном, с которым, несмотря на разницу в возрасте и положении в обществе, он очень сдружился. Проводив взглядом шлюпку, скрывшуюся за позолоченным западным горизонтом, он ощутил неожиданный приступ вины и не сразу сумел определить ее источник. Толлер, конечно, очень беспокоился за здоровье посланника, но в то же время — и от этого факта никуда не уйти — он отчасти был благодарен судьбе, которая, поразив старика недугом, очень вовремя откликнулась на мольбы Толлера. Иначе ему бы никогда не удалось настолько быстро вернуться на Верхний Мир. А теперь встреча с Вантарой не за горами.

«Что же я за монстр такой? — подумал он в ужасе от собственного эгоизма. — Я, наверное, худший из...»

Самобичевание Толлера было прервано появлением отца и Бартана Драмме, вылезавших из кареты, только что прибывшей на место посадки. Оба были облачены в серые клетчатые штаны и доходящие до колен плащи, вышитые голубым шелком, — этот официальный стиль одежды показывал, что они примчались прямиком с какого-то важного городского собрания. Толлер радостно устремился навстречу отцу, крепко обнял его, а затем пожал руку Бартану.

— Вот уж действительно не ждали, — сказал Кассилл Маракайн, и улыбка оживила его бледное треугольное лицо. — Досадно, конечно, что посланник так плох, но будем надеяться, королевские врачи — коих в нынешние вре-

мена с избытком — быстро поставят его на ноги. Как у тебя дела, сынок?

— Все хорошо. — Толлер с любовью посмотрел на отца, к которому всегда питал нежные и добрые чувства, но затем более насущные проблемы напомнили о себе, и он повернулся к Бартану Драмме. Последний был единственным оставшимся в живых участником легендарной экспедиции на Дальний Мир, внешнюю планету местной системы, и считался ведущим экспертом Колкоррона во всем, что касалось астрономии.

— Отец, Бартан, — сказал Толлер, — за последние десять — двадцать дней вы хоть раз наблюдали за небом? Вы не заметили ничего необычного?

Мужчины обменялись настороженными взглядами.

— Ты имеешь в виду голубую планету? — спросил Бартан.

— Голубую? — нахмурился Толлер. — Вовсе нет, я говорю о барьере... стене... об озере льда... в общем, назовите это явление как хотите... которое объявилось в зоне переворота. Сейчас оно раскинулось по меньшей мере на шестьдесят миль в ширину и с каждым часом все увеличивается. Его что, с земли незаметно?

— За последние дни ничего из ряда вон выходящего не наблюдалось, хотя, по-моему, телескопом Гло не пользовались с тех самых пор, как... — Бартан запнулся и смерил Толлера недоверчивым взглядом. — Толлер... в зоне невосомости неоткуда взяться образованию из льда — там просто нет воды. Воздух слишком сух.

— Именно лед! Или какая-то кристаллическая субстанция. Я своими глазами видел! — Вполне предсказуемая недоверчивость собеседников вовсе не удивила его, однако в глубинах подсознания зашевелился тревожный червячок беспокойства. Разговор протекал как-то не так. Он должен

был вестись совсем по-другому, но некий фактор — скорее всего глубоко укоренившееся нежелание посмотреть в лицо действительности — на мгновение парализовал умственные процессы.

Бартан терпеливо улыбнулся:

— Ну, наверное, в одну из станций обороны угодил метеорит, и, возможно, произошел взрыв, который и раскидал кристаллы по всей зоне невесомости. Они, должно быть, плавают там, вступают друг с другом во взаимодействие, образуют огромные облака пара. Мы оба прекрасно знаем, что сгусток пара со стороны может выглядеть очень даже плотной и твердой структурой... ну, скажем, как сугроб снега или...

— Графиня Вантара, — с застывшей на губах улыбкой перебил Толлер, еще стараясь сдерживаться, но страх гигантской волной накрыл его, и он почти прокричал: — Она вылетела за девять дней до нас! Графиня ни о чем необычном не докладывала?

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, сынок. — Кассилл Маракайн произнес то, к чему Толлер уже успел внутренне подготовиться. — Ты первый, кто вернулся с Мира. А графиню Вантару никто не видел с тех самых пор, как она отправилась в эту экспедицию.

ЧАСТЬ II

ТАКТИКА ОТЧАЯНИЯ

ГЛАВА 8

Дививвидиву привиделся замечательный сон, в котором каждая секунда взятого из детства дня уподоблялась тщательно ограненному бриллианту. Избранный им день был восемьдесят первым в Цикле Чистого Неба. Его высший мозг задействовал воспоминания об имевших место в действительности событиях как подоснову для грезы, а затем удалил ту часть, которая не отличалась совершенством, и заменил ее вновь придуманными ходами. Содержание этих искусственных отделов было изумительным, а слияние их с остальным полотнищем сна — настолько полным, что Дививвидив проснулся, исполненный счастья и удовольствия. Впервые в грезе не закралось ни одной нотки, ни единого намека на вину, довлеющую над ним сейчас, и он знал, что в будущем не раз сможет вернуться к этому сну, который если и изменится, то только самую малость.

Несколько мгновений он неподвижно лежал в слабом поле искусственной силы тяжести, обволакивающим его кровать, и наслаждался приятными ощущениями, когда вдруг почувствовал, что Кса стремится выйти с ним на связь.

«В чем дело?» — спросил он, садясь на постели.

«Ничего особенного, Возлюбленный Создатель, поэтому я и решил подождать, пока ты не вернешься к сознанию естественным путем», — сразу же ответил Кса, используя при этом желтоватый цвет, означающий уверенность.

«Очень разумно с твоей стороны. — Дививвидив начал массировать мышцы рук, готовясь к физической активности. — Я чувствую, у тебя есть хорошие новости. И в чем же они заключаются?»

«Судно примитивов возвращается, на борту его две особи мужского пола, только на этот раз они вовсе не собираются облетать меня с краю».

Дививвидив немедленно ожил:

«Ты в этом абсолютно уверен?»

«Да, Возлюбленный Создатель. Один из этих мужчин на чувственном уровне связан с одной из тех женщин. Он считает, что она и ее попутчицы повредили корабль, столкнувшись в темноте с моим телом, и после этого укрылись в одной из хижин, что мы обнаружили в зоне невесомости. Он намеревается найти и спасти эту женщину».

«Как интересно! — отреагировал Дививвидив. — Эти создания, должно быть, испытывают необычайно сильную склонность воспроизводить свой род с одним-единственным партнером. Сначала мы узнали об их умственной слепоте, а теперь еще и это... сколько же напрасных препятствий вынуждена преодолевать разумная раса в борьбе за выживание?»

«О Возлюбленный Создатель, вопрос, сформулированный подобным образом, не имеет никакого смысла».

«Я другого и не ожидал. — Дививвидив обратился к более насущным делам. — Скажи мне лучше, эти самцы-примитивы уже поняли, что ты принадлежишь к опреде-

ленному классу объектов и что раньше ни с чем подобным они не сталкивались?»

«Объектов? Объектов?»

«Созданий. Конечно же, мне следовало отнести тебя к созданиям. Но как они воспринимают тебя?»

«Как природное явление, — ответил Кса. — Как некое образование из льда или какой-то иной кристаллической материи».

«Это очень кстати — они направят свою потенциальную энергию на причинение вреда, а мы тем временем легко справимся с ними».

Дививвидив переключился на режим высшего мозга, чтобы Кса не подслушал его мысли. Отлов опытных экземпляров примитивов для личного изучения директором Заннананом был в некотором роде вольностью, незапланированным отступлением от великого проекта, и если тело Кса понесет какие-либо повреждения, наказание будет ужасным. Его, Дививвидива, наверняка подвергнут личностной модификации — так карали тех, кто позволил себе забыть об обязанностях. Кроме того, проект был самым важным предприятием за всю историю его народа. Будущее целой расы...

«Возлюбленный Создатель! — непрошеным гостем вторгся зов Кса. — У меня есть к тебе один вопрос».

«Какой же?» — сказал Дививвидив, надеясь, что Кса не собирается вновь погружаться в утомительные размышления по поводу собственного будущего. Искусственного интеллекта Кса не хватало, чтобы воссоздать самого себя, но его разработчики — обитатели самых высоких этажей Дворца Чисел — вряд ли могли предвидеть, что это существо настолько продвинется в личностном самопознании.

«Скажи мне, Возлюбленный Создатель, — спросил Кса, — что такое Трос?»

Потрясение, вызванное этим вопросом, было столь внезапным и настолько мощным, что у Дививвидива резко закружилась голова, и он утратил контроль над сознанием. На одно драгоценное мгновение он почти открыл для Кса доступ к сетям высшего мозга, и усилие, которое пришлось ему приложить, чтобы вновь закрыть сотни нервных окончаний, полностью вымотало его.

Использував ритуал под названием «глаз урагана», чтобы восстановить спокойствие, он сказал:

«Кто говорил с тобой о Тросах?»

Кса несколько задержался с ответом, но потом все-таки произнес:

«Во всяком случае, не ты, Возлюбленный Создатель, да и вообще никто. Это понятие лишь недавно возникло вокруг меня. Оно постоянно повторяется в умах миллионов разумных существ, но стоящие за ним концепции слишком расплывчаты, чтобы уяснить их во всей полноте. Я знаю только, что это слово ассоциируется со страхом... с ужасной боязнью перестать существовать...»

«Тебе не о чем беспокоиться, — ответил Дививвидив, используя всю известную ему технику убеждения, чтобы придать лжи оттенок правдивости. — Это слово — не больше чем пустой звук. Корни его происхождения лежат в областях заблуждений человеческого мозга — в повреждении логических связей, так ты это называешь, — в метафизике, в религии, в предрассудках...»

«Но почему оно начало воздействовать и на мое сознание?»

«Не знаю. Причиной тому может быть какой-нибудь прилив, течение, умственная воронка. Ты беспокоишься о вещах, которые тебя абсолютно не касаются. Я приказываю тебе забыть об этом и сконцентрироваться на исполнении данного тебе задания».

«Слушаюсь, Возлюбленный Создатель».

В душе благодарный Кса за такую покладистость Дививвидив прервал телепатическую связь и поплыл к ближайшему шлюзу. Натягивая скафандр, который должен был убереечь его от холода внешнего пространства, он с некоторой тревогой размышлял над использованием Кса термина «Трос». Значит ли это, что способности Кса к непосредственной связи продолжают прогрессировать? Или на родной планете Дививвидива случилось нечто такое, от чего страх еще больше усилился и по всему окрестному космосу разлетелись соответствующие телепатические импульсы?

Дививвидив вошел в шлюз и закрыл внутренний затвор. Стоило ему распахнуть наружную дверь, как в лицо и в глаза впились страшная стужа, а дышать стало настолько больно, что несколько секунд он просто-напросто бессильно задыхался. Перед ним раскинулись металлические площади станции, некоторые из них были покрыты плоскими и голыми пластинами, а на других возвышались всевозможные машинные комплексы. Далеко выдвинутая в залитый солнцем воздух антенна телепортационной установки представляла собой скопление тонких и причудливо изогнутых проволок, и периодические вспышки зеленых разрядов на их кончиках показывали, что в данный момент Кса подпитывается. За пределами угловатой глыбы станции разливалось море хрустально-белого сияния — тело Кса. Разросшееся до невозможных размеров, оно захватило полнебосвода.

Без помощи приборов глаза Дививвидива были не способны фокусироваться на бесконечности вселенной, поэтому видимый космос, протянувшийся за белым горизонтом, сводился к картине солнца и одной из местных планет, на заднем фоне которых были наляпаны какие-то размытые светлые пятна. Дививвидив сосредоточил свое внима-

ние на голубой точке, которая была его родной планетой под названием Дуссарра, и спустя считанные секунды вступил в контакт с директором Заннананом.

«В чем дело? — спросил Заннанан. — Как осмелился ты помешать моей работе?»

«У меня хорошие новости, — отозвался Дививвидив. — Так уж неудачно сложились обстоятельства, что представители примитивов, которых я отослал вам, — сплошь женские особи. Не повезло нам и со вторым судном, содержащим самцов-примитивов, — эти создания вовремя заметили Кса и облетели его стороной».

«Ты сказал, что у тебя хорошие новости». — Слова Заннанана сопровождались цветами, означающими растущее раздражение.

«Да! То же самое судно примитивов сейчас приближается к зоне невесомости, и находящиеся на борту верят — или надеются, — что потерявшиеся самки укрылись в зданиях, вращавшихся неподалеку от нас. И на этот раз, директор, я поймаю их, потому что — как естественное следствие предыдущего физического контакта — самцы совершают повторное восхождение с единственной целью — освободить своих самок. Они летят прямо ко мне в руки».

«Это совершенно невероятно, — изумился Заннанан. — Ты уверен?»

«Абсолютно».

«Действительно, хорошая новость — никогда не думал, что представителей какой-либо разумной расы могут связывать столь крепкие узы. Я с нетерпением жду самцов-примитивов, чтобы провести некоторые эксперименты».

«Для меня великая честь служить вам, — сказал Дививвидив, довольный тем, что директор одобрил его действия. — Пока мы беседуем в неформальной обстановке, могу ли я затронуть еще один вопрос?»

«Конечно».

«Сознание Кса достигло новых уровней, и недавно он поинтересовался у меня, что такое Тросы».

«Он что-нибудь понимает? Догадывается о чем-либо?»

«Нет. — Дививвидив помедлил, обдумывая, как бы по-деликатнее изложить следующий вопрос. — Но я уловил странные полутона... Что-то случилось?»

«Я вынужден ответить — да, случилось. — Последовала краткая пауза, а когда директор Заннанан снова заговорил, его слова омрачали необычные цвета, выражающие сомнения и дурные предчувствия. — Как тебе, наверное, известно, одна мощная фракция в нашем обществе вынудила ученых пересмотреть оценку местной ситуации, и самая последняя информация послужила дополнительным доказательством того, что Тросы действительно существуют. Также весьма вероятно то, что по меньшей мере двенадцать Тросов пересеклись когда-то неподалеку от нашей галактики — а ведь раньше заявляли, что их было всего семь.

А если это действительно так, то вскоре перестанет существовать не только наша галактика — сотни других галактик по всему космосу будут аннигилированы».

«Понимаю». — Дививвидив прервал ментальный контакт, и окружающий холод с новой силой вцепился в него своими клешнями.

«Вот ведь странно, — подумал он. — Почему силы, грозящей расправиться с миллионом других галактик, следует опасаться больше, чем той, которая вот-вот должна уничтожить нашу систему, — тем более что и в том, и в другом случае меня ждет один конец? И почему меня так беспокоит намерение моего народа стереть с лица вселенной какие-то две неразвитые планетки с малочисленным населением, когда весь космос находится под угрозой гибели?»

ГЛАВА 9

На протяжении последних пятидесяти миль полета Толлер и Стинамирт, то включая, то выключая боковые двигатели, положили судно набок. Сделали они это, чтобы заранее увидеть вереницу деревянных станций и на подлете избежать горизонтального сноса. Даже в условиях отличной видимости обнаружить эти постройки было нелегко, а сейчас, когда небо заполонило море из кристаллов и солнечный свет разливался потоками бриллиантово-белых искр, Толлеру казалось, что на это уйдет немало времени. Каково же было его удивление, когда, приблизившись к мерцающему диску на тридцать миль, он вдруг различил небольшую черную точку в самом его центре. Подплыв поближе, он рассмотрел в бинокль, что это сооружение — хоть и весьма неверных очертаний — состоит из ровных линий и прямых углов. Его силуэт напоминал план очень большого здания, которое достраивали до бесконечности, в результате чего оно превратилось в один огромный беспорядочный комок.

На какое-то мгновение Толлер просто не поверил собственным глазам — такому не было места в его картине действительности, — но вдруг почувствовал некий болезненный ментальный сдвиг...

— Что бы это ни было, — сказал он Стинамирту, — вряд ли оно могло вырасти само по себе, подобно кристаллу льда. Должно быть, это какая-то станция, но...

— Но построенная иными существами, — подсказал Стинамирт.

— Верно. Эти размеры... Словно небесный дворец.

— Или крепость. — Стинамирт невольно понизил голос, будто таясь от кого-то, видимо, совершенно забыв о том, что они с Толлером абсолютно одни, затерянные на

маленьком кораблике в глубинах зоны невесомости. — А может быть, это дальнемирцы в конце концов решили покорить нас?

— Если так, то они избрали весьма странный способ, — нахмурился Толлер, инстинктивно отвергая угрозу военного вторжения с третьей планеты. Из тех, кто выжил в той легендарной экспедиции на Дальний Мир, предпринятой много лет назад, только Бартан Драмме дожил до нынешних времен, и Толлер не раз слышал от него, что дальнемирцы предпочитают вести замкнутый образ жизни и страсть к покорению новых колоний им неведома. Кроме того, это загадочное море из живых кристаллов и гигантская станция каким-то образом связаны между собой. Вряд ли командующий военными силами — каким бы нездешним складом ума он ни обладал — начал бы вторжение со столь бессмысленных действий.

— Нет, это нечто совсем иное, — продолжал Толлер. — Мы знаем, что вокруг далеких звезд кружится множество других планет, а также и то, что на некоторых из них имеются цивилизации, намного превосходящие нас в своем развитии. Возможно, мой юный друг, то, что мы наблюдаем над нашими головами, есть... есть один из множества дворцов, принадлежащих какому-нибудь невообразимому королю королей. Возможно, эти просторы льда служат ему охотничьими угодьями... это его леса, где водится его причудливая дичь...

Толлер замолк, потерявшись в экзотичной пышности собственного видения, но тут же весьма своевременный вопрос Стинамирта вернул его к реальности:

— Сэр, следуем прежним курсом?

— Конечно! — Для удобства Толлер откинул шарф, закрывающий нос и рот, и его слова отчетливо разнеслись в холодном воздухе. — Я все же думаю, что графиня и ее команда спаслись на одной из наших станций, но если там

их не окажется... Что ж, придется нам заглянуть еще в одно место.

— Так точно, сэр.

Глаза Стинамирта, еле видные в узкой щелочке между шарфом и капюшоном, остались прежними, будто бы ничего необычного не произошло, но Толлера поразила фантастическая нотка, скрытая в собственных словах. Сердце его ледяной хваткой сжал страх, и он невольно положил руку на эфес меча.

Этот страх зародился в душе Толлера, как только он впервые услышал об исчезновении Вантары: кто мог поручиться, что графиня еще жива? Но он отказался признать свои опасения, выкинув их из головы и проникшись напускным оптимизмом. Тогда Толлер целиком ушел в подготовку спасательной экспедиции, но ситуация осложнилась — добавились новые элементы, причудливые, чудовищные, необъяснимые, и теперь невозможно было даже представить, что их приключение закончится благополучно.

Шесть деревянных клетушек больше были известны как Группа Внутренней Обороны — это название прицепилось к ним со времен межпланетной войны, хотя на данный момент оно вряд ли было уместно.

Толлер и Стинамирт обнаружили их со стороны Верхнего Мира — станции примерзли к огромному диску примерно в двух милях от чужой конструкции. Совершив разворот, Толлер зашел к деревянным цилиндрам с внешней стороны, предусмотрительно придерживаясь такого курса, чтобы они все время находились между его кораблем и непонятной угловатой структурой на диске. Он специально избрал такую тактику, надеясь скрыться от чуждого ока, хотя и сам еще не верил, что в металлической конструкции могут обитать живые существа. Она глубоко ушла

внутри кристального барьера, и при внимательном рассмотрении в бинокль выглядела громадным безжизненным механизмом — непостижимой машиной, закинутой в зону невесомости для выполнения какой-то непостижимой задачи столь же непостижимыми творцами.

Судно плыло всего в фарлонге от цилиндров, и Толлер постепенно убеждался, что они пусты. Группа Внутренней Обороны сгрудилась у поверхности замерзшего моря, захваченная тонкими ветвями кристаллов. Четыре цилиндра предназначались для жилья, и там же хранились все запасы, а две другие, более вытянутые станции были точными копиями того космолета, который когда-то отправился на Дальний Мир. Все они обладали одной общей чертой — видимым отсутствием обитателей.

Если бы Вантара и ее команда ждали в какой-то из деревянных оболочек, они бы непременно установили вахту и к этому времени уже просигналили приближающемуся кораблю. Но никаких признаков человеческой деятельности заметно не было. Все иллюминаторы оставались темными пятнами, а корпуса выглядели так же, как в первое их посещение Толлером, — безразличные реликты давно ушедших дней.

— Будем заходить внутрь? — спросил Стинамирт.

Толлер кивнул.

— Мы должны... по идее, так мы и должны поступить... но... — Горло его болезненно сжалось, и он вынужден был прерваться на секунду. — Но ты же сам видишь, что там никого нет.

— Мне очень жаль, сэр.

— Ничего. — Толлер взглянул на странное, чуждое человеческому глазу здание, купол которого торчал над ледяной шапкой в нескольких милях слева.

— Если бы это был небесный дворец — как я недавно предположил в своих глупых фантазиях — или даже кре-

пость, я бы до последнего продолжал надеяться, что они спаслись именно там. Я бы даже предпочел, чтобы они стали пленниками захватчиков с другой звезды, — но эта штука выглядит бездушной железной болванкой... Машинной... Вряд ли Вантара решила там укрыться.

— Если только...

— Продолжай, Бэйтен.

— Если только ею не двигало отчаяние. — Стинамирт заговорил быстро, будто боялся, что его предположения с ходу отвергнут. — Мы же не знаем, какова была ширина ледового барьера, когда графиня достигла его, но, если она подлетела к нему ночью — и произошло столкновение, в котором ее судно потерпело крушение, — она должна была высадиться на противоположной стороне барьера, то есть со стороны Мира, а не здесь, сэр. Она не могла добраться до наших станций и в этих обстоятельствах, безусловно, сочла бы машину вполне приемлемым местом для укрытия. Кроме того, сэр, эта станция достаточно велика, и наверняка в ней имеются какие-то двери, ведущие внутрь...

— Прекрасно! — перебил его Толлер. Тьма неведения у него в голове вдруг озарилась внезапной догадкой. — А я еще кое-что могу предположить! Я-то подходил к проблеме, принимая графиню за обыкновенную женщину, а это ведь очень далеко от правды. Мы говорим о случайном столкновении, но такого столкновения могло и не быть. Завидев столь необычные механизмы, Вантара бы непременно высадилась на станции, чтобы обследовать их лично!

А значит, в настоящую минуту она и вся ее команда наблюдают за нами в какую-нибудь щелку. А быть может... несколько дней они обследовали эту машину, а затем решили вернуться на Мир. Они могли незаметно проскочить мимо нас, пока мы возились с посланником, — два корабля способны легко разминуться, такое и раньше случалось. Ты согласен, что такое могло произойти?

По той готовности, с какой Стинамирт закивал, Толлер понял, что вновь позволил эмоциям взять верх над собой, но черному отчаянию, которое он уже начинал ощущать, необходимо было противостоять как можно дольше и всеми доступными способами. Неожиданно проникшись новой надеждой, он не придавал значения тому, что ведет себя как ребенок, что настоящий Толлер Маракайн действовал бы совсем иначе, — тут Толлер снова открыл для себя свет и намеревался оставаться в нем как можно дольше.

Почувствовав, что пришла пора предпринять решительные действия — весь организм буквально гудел от распирающей его внутренней энергии, — он азартно ухмыльнулся Стинамирту:

— Кончай забавляться с панелью управления — для нас наметилась кое-какая работенка!

Они развернули корабль и выключили двигатель; не долетев каких-то пятидесяти ярдов до ближайшего из деревянных цилиндров, судно остановилось. Гондола прилепилась к сверкающей поверхности барьера, которая при близком рассмотрении оказалась очень неровной — «озеро» выглядело беспорядочной мешаниной из кристаллов размером с человека. Большинство из них были шестиугольной формы, остальные представляли собой либо цилиндры, либо прямоугольники, а внутренности их были пронизаны бледно-фиолетовыми жилками. Зрелище поражало своим великолепием — на бесконечные мили во все стороны простиралась неземная, переливающаяся всеми цветами радуги красота.

Толлер и Стинамирт нацепили друг на друга воздухоструи и быстренько облетели все шесть цилиндров станций. Как и предполагалось, они были сплошь набиты провизией, хранившейся здесь на случай непредвиденной ситуации, но так

и не пригодившейся. Оболочки станций, сделанные из лакированных балок и уплотненные полосами черного железа, больше смахивали на могильные склепы — такие же холодные и молчаливые. Толлер лишний раз порадовался, что догадался подумать о возможности высадки Вантары и ее команды на станции чужаков, иначе посещение и осмотр этих мрачных корпусов причинили бы ему невыносимое страдание.

Уже заканчивая облет, он вдруг заметил, что кристаллы барьера весьма странно облепили цилиндры станций. Вместо того чтобы полностью подмять под себя деревянные корпуса, что казалось Толлеру вполне естественным, они окружили каждый из них узенькой шипастой порослью. Если бы его мысли не были заняты грядущим предприятием, он бы непременно заинтересовался этим фактом.

Когда формальный осмотр был завершен, они со Стинамиртом, оставляя за собой шлейф белого пара, вернулись на судно и, взяв семь парашютов и столько же комплектов экипировки для затяжных прыжков с высоты, отнесли их на ближайшую станцию. Толлер настоял на этой предосторожности, опасаясь, что баллон корабля может повредиться во время маневров у хрустальных шипов барьера.

Имея на руках парашюты, он, Стинамирт и все, кого они смогут спасти, не будут зависеть от небесного корабля, когда придет пора возвращаться на Верхний Мир. Защищенные от страшного холода шерстяными коконами, предназначенными для прыжков с парашютом, они могут сутками падать к поверхности планеты и раскрыть парашюты лишь тогда, когда до земли останется несколько тысяч футов. Каким бы устрашающим ни казался такой прыжок, за все минувшие годы произошел всего один смертельный случай — по-видимому, пилот так крепко заснул, пригревшись в теплых глубинах кокона, что не успел вовремя выбраться из мешка и раскрыть парашют.

Оставив судно висеть на прежнем месте, Толлер и Стинамирт отправились в двухмильный перелет к гигантской инопланетной конструкции. На воздухооструях они неторопливо плыли под фантастическим переливающимся потолком из огромных кристаллов, которые на первый взгляд росли как попало, хотя через определенные интервалы встречались более упорядоченные области, внутри которых кристаллы были уложены правильными плотными рядами и более явно проступали бледные фиолетовые жилки.

Подлетев ближе к станции и рассмотрев ее повнимательнее, Толлер отказался от мысли, что перед ним всего лишь безжизненная машина. То здесь, то там на металлической поверхности виднелись отверстия, внешне напоминающие иллюминаторы, и периодически взгляд упирался в похожие на двери заслонки. Мысль о том, что Вантара сейчас стоит у одного из таких иллюминаторов и наблюдает за его приближением, пьянила Толлера, голова которого и без того шла кругом от восторга. Наконец-то, прождав целую жизнь, он участвует в приключении, способном выдержать сравнение с авантюрами, прославившими его деда.

Достигнув ближнего конца конструкции, он увидел, что вся станция окружена сплошным металлическим поручнем, поддерживаемым тоненькими стойками, которые вполне могли быть выкованы в каком-нибудь литейном цехе Верхнего Мира. Море кристаллов настолько плотно прилегало к металлу станции, что между ними не было ни малейшего зазора. Толлер выключил воздухооструй и, ухватившись за поручень, затормозил. Мгновение спустя рядом с ним остановился Стинамирт.

— Совершенно очевидно, что эта штукавина предназначена для того, чтобы за нее держались, — заметил Толлер. — Такое впечатление, что мы вот-вот должны встретиться с существами, прилетевшими к нам с другой звезды.

Лицо Стинамирта все еще закрывал шарф, но глаза, выглядывающие из-под капюшона, заметно расширились от удивления.

— Надеюсь, нас не убьют за то, что мы вторглись на их территорию. Тот, кто способен подвесить в небе такое...

Толлер задумчиво кивнул, окидывая взглядом окрестности и отмечая про себя, что ширина станции по меньшей мере полмили. Они со Стинамиртом висели у края плоской поверхности размером с парадный плац, сразу за которой ниспадала вниз центральная башнеподобная структура, уходя на сотню футов или даже больше в промерзший воздух. Пока Толлер осматривался, его чувства освоились с окружающей средой, и внезапно он оказался не «под» фантастическим ландшафтом — перевернувшись, он вдруг увидел, что висит над равниной и смотрит на какой-то странный замок, а огромный диск Верхнего Мира плывет у него над головой. Справа находилось скопление изогнутых конусообразных столбов — словно заросли огромного тростника нашли отражение в металле. На кончиках столбов вдруг запрыгали холодные зеленоватые искры, и это зрелище еще раз напомнило Толлеру, что сейчас он вторгся в область, недоступную человеческому пониманию.

— Если мы будем и дальше здесь висеть, то вряд ли чего-нибудь добьемся, — немного резко сказал он, отгоняя внезапные сомнения и робость. — Ты готов?..

Договорить он так и не успел — позади вдруг раздалось какое-то шипение и потрескивающий звук, напоминающий шум огня, охватывающего мгновенной вспышкой сухую листву и веточки. Толлер попытался было обернуться, но паника в сочетании с отсутствием силы тяжести помешали ему исполнить задуманное. Несколько секунд он беспомощно барахтался в воздухе, а к тому времени, как он догадался ухватиться за поручень, чтобы обрести равновесие, было слишком поздно — ловушка захлопнулась.

Вокруг Толлера и его товарища в мгновение ока возник сверкающий шар, состоящий из кристаллов размером с кулак. Они очутились внутри хрустальной тюрьмы пять-шесть шагов в диаметре.

Сфера вынырнула из кристаллов замерзшего моря и нижней частью крепилась к металлу чужеродной станции. Блестящие стены вобрали в себя и часть поручня, за который держались двое мужчин. Какое-то мгновение Толлер и Стинамирт потрясенно смотрели друг на друга, затем Толлер стащил перчатку и коснулся внутренней поверхности сферы. На ощупь она была холодна, как лед, однако абсолютно сухая.

— Стекло! — Он указал на пистолет, висящий на поясе Стинамирта. — Прodelай в нем несколько дырок, и мы быстро выберемся отсюда.

— Да, да... — Стинамирт вытащил оружие, одновременно извлекая из прикрепленной к поясу сетки наполненную сжатым газом сферу. Он лихорадочно начал устанавливать ее на рукоятке пистолета, когда прямо в мозг Толлера раздался тихий голос — равнодушный, всезнающий и очень убедительный:

«Советую вам не прибегать к оружию. Окружающий вас материал снабжен защитным слоем, отражающим энергию. Основная функция этого слоя — отводить от материнской конструкции метеоры, но он не менее эффективно противостоит любому виду снарядов. Если оружие выстрелит, пуля начнет рикошетом летать по сфере, пока не будет остановлена одним из ваших тел. Таким образом, прибегнув к оружию, кто-то из вас может погибнуть, тогда как сфере это никакого вреда не причинит».

Толлер почему-то сразу понял, что и Стинамирт слышал то же самое. Беззвучный голос возник прямо внутри них... мозг говорил с мозгом... что означало...

Он посмотрел налево и отшатнулся — там за сферой маячила какая-то фигура. Стеклянная ячеистая поверхность сферы искажала и разбивала на части картинку, но существо это было ростом с человека, обладало на первый взгляд человеческой внешностью и, как любой человек, держалось за поручень. Толлер не сомневался, что таинственный голос принадлежит именно этому существу, но никак не мог понять, каким образом инопланетянин так быстро пересек металлическую равнину и приблизился к ним незамеченным.

Толлер ужаснулся. Такого страха он никогда прежде не испытывал — смесь ксенофобии, потрясения и элементарного беспокойства за свою шкуру лишили его дара речи. Он стоял и не мог двинуться. Стинамирт, потрясенный ничуть не меньше, сразу перестал подсоединять газовую сферу к пистолету. Безголосая речь содержала в себе не просто утверждение — она передала им чувство знания, и теперь оба мужчины поняли, что пуля, ударившая в стену сферы, будет отброшена назад с не меньшей силой.

«Вы можете не тревожиться». — Беззвучный голос излучал уверенность и что-то еще, что можно было бы принять за заботу, если бы не очевидная снисходительность и отсутствие тепла.

«Мы и не боимся...» — вызывающе подумал Толлер, но тут же запутался в хаосе соображений, как донести эту мысль до захватившего их в плен существа.

«Говори как обычно, твои мысли сами организуются, и мы сможем обмениваться идеями, — поведал ему чужак. — Но не трать время на ложь, пустые похвалы и угрозы. Ты собирался сказать, что не боишься меня, а это явная неправда. От вас всего лишь требуется успокоиться и не совершать ошибки, попытавшись сопротивляться».

Полная уверенность в голосе инопланетянина и чопорность, с которой тот заявлял о своем превосходстве, выз-

вали у Толлера унаследованную им от деда ярость, с которой он не способен был совладать. Багровое облако затуманило мозг, освободив Толлера от цепей, сковавших его тело.

— Лучше ты поберегись, — крикнул он. — Я не знаю, что ты задумал, но буду сопротивляться тебе до последней секунды — и смерть грозит тебе!

«Это очень интересно. — Мысль чуждого существа была пронизана любопытством. — Одна из ваших женщин отреагировала с такой же бессмысленной воинственностью, Толлер Маракайн, — и я почти уверен, что она именно та, с которой ты соединен на эмоциональном уровне».

Эта реплика открыла Толлеру глаза.

— Так ты захватил наших женщин? — заорал он, совершенно позабыв о собственном положении. — Где они? Если им будет причинен хоть какой-нибудь вред...

«Они нисколько не пострадали. Я просто переправил их в безопасное место, расположенное в миллионах миль отсюда, — и намереваюсь точно так же поступить и с вами. А сейчас я введу в сферу усыпляющий газ. Ничего не бойтесь. Вы просто уснете, а когда придете в сознание, то окажетесь в более приемлемой обстановке. Поскольку вы пробудете у нас неопределенный срок, вам периодически будет поставляться пища».

— Мы не животные, чтобы нас холили, поили и кормили, — отрубил Толлер, все еще кипя от гнева. — Мы последуем за тобой туда, где содержатся женщины, но по собственной воле и с открытыми глазами. Вот мои условия, и если ты согласишься на них, я даю слово, что ни один из нас не попытается убить или ранить тебя.

«Твоя самоуверенность поразительна — и способна сравниться разве что с твоим невежеством, — прозвучал спокойный ответ. — Создания, находящиеся на такой примитивной стадии развития, не могут причинить мне вреда,

но тем не менее я усыплю вас, чтобы вы не сопротивлялись во время перевозки».

Фигура за хрустальной стеной сделала какой-то жест, распавшийся радужными осколками в ледяных ячейках, и один из шестиугольников вдруг потемнел. К внешней поверхности сферы что-то приложили. Стинамирт закончил сборку пистолета, поднял его и нацелил на черное пятно.

«Желаешь покончить жизнь самоубийством, Бэйтен Стинамирт? — В беззвучном голосе чувствовалась жалость, с которой натуралист наблюдает за маленькой мушкой, угодившей в сеть паука. — Вряд ли!»

Стинамирт взглянул на Толлера, блеснув глазами из узкой щелки между шарфом и капюшоном, и опустил пистолет. Тот кивнул, одобряя его благоразумие, и — специально отрешившись от окружающей действительности — неожиданно вытащил меч и одним быстрым движением вонзил его в хрустальную стену. Ухватившись левой рукой за поручень, он придал телу необходимое ускорение и надавил на стальной клинок. Лезвие глубоко погрузилось в сверкающие клетки, и в разные стороны полетели стеклянные осколки.

Хрустальная сфера закричала.

Страшный вопль отдался в умах людей, разительно отличаясь от точно сформулированных и изящно поданных мыслей, посылаемых инопланетянином. Толлер сразу же понял, что крик этот исходит из стен сферы и от замерзшего озера, распростершегося вокруг станции, — это был множасьщийся вопль страдания, в котором вновь и вновь сталкивались гармония и хаос. Наконец все утихло, и слышался странный хныкающий беззвучный голос:

«Мне больно, Возлюбленный Создатель! Ты не говори, что примитивы могут повредить мое тело».

Толлер, повинаясь инстинкту воина, не позволил неожиданному голосу отвлечь его и помешать атаке. Он до-

стал врага и теперь должен был расправиться с ним раз и навсегда. Его меч с некоторым сопротивлением двинулся вперед, словно проходя через слой невидимой губки, но, напрягшись изо всех сил, Толлер все-таки прорубился сквозь стеклянные ячейки. Сделав еще один выпад, он отколол целый кусок и проделал в сфере дыру.

Изменив стиль атаки, он использовал рукоятку меча, чтобы еще больше увеличить поврежденную область, и несмотря на невидимое сопротивление, ему удалось отколоть еще две клетки и выкинуть их во внешнее пространство. Воодушевленный успехом, он перекинул меч в другую руку и врезал по стене кулаком. На этот раз у него на пути не возникло никакого волшебного барьера, который смягчил бы удар, поэтому сразу несколько шестиугольных ячеек, еле державшихся на своих местах, вылетели наружу и исчезли из виду. Дыра в стене значительно увеличилась.

Снова раздался молчаливый нечеловеческий крик.

Стинамирт последовал примеру Толлера и, обняв рукой поручень, начал колотить по неровному краю дыры, расширяя отверстие.

В ревушем горне сознания Толлер утратил чувство времени: секунда-две, и вот перед ним зияет выход из сферы. Оттолкнувшись от поручня, он кинулся на инопланетянина, который уже развернулся, собираясь спастись бегством. Левая рука Толлера сомкнулась вокруг шеи существа, а правая, казалось, сама собой приставила клинок к его боку.

«Как тебе это удалось?» — Слова чужака были пронизаны отвращением, которое он испытывал от физического контакта, но Толлер уже не чувствовал никакого страха.

«Ты сохранил полную координацию движений, — продолжал голос, — а никакой умственной деятельности я не заметил. Я даже не мог помешать тебе. Как ты это сделал?»

— Заткнись, — прорычал Толлер, цепляясь ногой за поручень, чтобы не улететь вместе с пленником в металлические просторы станции. — Где женщины?

«Им ничто не угрожает, — невозмутимо ответил инопланетянин, — вот и все, что тебе следует знать».

К вящему изумлению Толлера, в ментальном контакте не отразилось и следа тревоги.

— Слушай меня! — Толлер ухватил инопланетянина за плечо и развернул к себе. Перед ним предстало лицо, удивительно человеческое в своих чертах — Толлер смотрел и глазам не верил. Основными отличиями были кожа серого цвета, глаза без зрачков, в чьих белках словно были просверлены черные дыры, и маленький задранный нос без центральной перегородки. В единственной ноздре виднелись испещренные красными венами оранжевые мембраны, то расходящиеся, то снова сходящиеся в ритме дыхания существа.

— В первый раз ты меня не послушал. — Толлер, подавив желание отбросить от себя эту карикатуру на человека, толкнул меч, вонзая его в податливую одежду существа. — Теперь ты скажешь мне все, что я пожелаю — и немедленно, — иначе я убью тебя.

Черточки губ чужака разошлись в подобии улыбки.

«На таком расстоянии? Так близко? Пока мы в физическом контакте? Ни один представитель гуманоидной расы не сможет...»

Голова Толлера наполнилась малиновым звоном. Перед внутренним взором замелькала ужасная мешанина из образов Вантары и страшных видений чужеземных хищников; и ярость, особая ярость — прекрасная и отвратительная, постыдная и несущая радость — завладела всем его существом. Подтащив инопланетянина к себе, он приналег на меч, и только испуганный крик Стинамирта вернул его к действительности.

«Ты причинил мне боль! — Молчаливые слова инопланетянина были проникнуты удивлением и ужасом от осознания невероятного факта. — Ты действительно собирався это сделать! Ты готовился убить меня!»

— А я тебе что говорил, серая морда? — рыкнул Толлер. «Меня зовут Дививвидив».

— Начнем с того, что ты для меня все равно что труп, серая морда, — продолжал Толлер. — И не приди я вовремя в себя, я бы приговорил тебя без малейшего зазрения совести. Повторяю, если ты не скажешь мне...

Он запнулся, растерянно глядя на лицо инопланетянина, которое вдруг жутко исказилось. Хрупкое плечо, сжатое левой рукой Толлера, заходило от какой-то внутренней дрожи. Черные полосы губ тоже претерпевали подобные изменения, изгибаясь то в одну, то в другую сторону, напоминая морской анемон, кидаемый взад-вперед противоборствующими течениями; в воздухе ниточками повисла слюна. Расплывчатое ментальное эхо, уловленное Толлером, поведало ему, что его пленнику еще ни разу не угрожали смертью. Сначала Дививвидив просто не поверил, что его жизнь в опасности, а теперь эмоции инопланетянина претерпевали невиданную нагрузку.

На это первое введение в культуру, полностью отличающуюся от его собственной, Толлер ответил повторным нажатием на меч.

— Женщины, серая морда... Женщины! Где они?

«Они переправлены на мою родную планету. — Дививвидив наконец овладел собой, но явно был на грани истерики. — Они спрятаны — в миллионах миль отсюда — в столице самой развитой цивилизации в этой галактике. Уверяю вас, что такие примитивы, как вы, в данном случае просто бессильны, а следовательно, логичнее всего с вашей стороны будет...»

— У нас с тобой разная логика, — перебил Толлер угрожающим голосом, надеясь скрыть разочарование. — Если женщины не будут доставлены обратно живыми и невредимыми, тогда я тебя отошлю в другой мир — в тот, откуда еще никто не возвращался. Надеюсь, я понятно выражаюсь...

ГЛАВА 10

Комната была просторной и практически пустой. Единственным предметом обстановки служил голубой продолговатый блок, который выглядел бы в точности как кровать, если бы на нем не отсутствовали пристяжные ремни. По стенам были раскиданы прямоугольные и круглые панели, то и дело меняющие свой цвет, одни — реже, другие — чаще. Пол представлял собой серо-зеленое гладкое полотно, утыканное маленькими дырочками. Толлер заметил, что ноги как бы прилипают к поверхности пола, поэтому нужда в специальных линиях, используемых в условиях нулевой гравитации, отпадает. Эти дырки, догадался он, каким-то образом связаны с вакуумной системой.

Однако он практически не обращал внимания на окружающую обстановку — его больше интересовал Дививвидив, который в данный момент освобождался от своей униформы. На серебряной ткани костюма проступали швы, тут же расходившиеся в стороны, стоило провести по ним застежкой, — благодаря этой весьма загадочной системе Дививвидив разоблачился за несколько секунд. Комбинезон, обтягивающий хлипкое гуманоидное тельце, на первый взгляд состоял из дюжин черных заплат, наслаивающихся друг на друга словно перья птицы.

Чужеродность костюма; лысый серый череп; почти безносое мертвецкое лицо — все это пробудило у Толлера сильнейшую ксенофобию, которая только усилилась, когда он обнаружил, что от инопланетянина еще и пахнет. Сам запах был не так уж неприятен — сладкий и густой, похожий на аромат наваристой мясной похлебки, — но его неуместность вызвала более чем неприятные ощущения. Он взглянул на Стинамирта и сморщил нос. Его юный друг, тем временем осматривавший странную комнату, сделал то же самое.

«Может быть, вам будет интересно узнать, что вы также обладаете весьма неприятным запахом, — сказал Дививвидив. — Хотя я подозреваю, что причины этого кроются в нарушении правил элементарной гигиены и даже члены вашей расы сочли бы вас дурно пахнущими».

— А, мы, похоже, уже очухались от небольшого потрясения, да? — холодно улыбнулся Толлер. — Снова обрели внутренний стержень? Тогда позволь мне напомнить, что я в любую секунду могу оборвать твою жизнь и сделаю это с превеликим удовольствием.

«Ты жалкий хвостун, Толлер Маракайн. В глубине души ты сомневаешься, что способен должным образом исполнить свою роль в обществе, и пытаешься всячески скрыть этот факт — поэтому и раскидываешься пустыми угрозами».

— Эй, серая морда, ты поосторожнее! — Толлер несколько растерялся, когда эта демоническая фигура из какой-то далекой области вселенной так легко проникла в глубины его мозга и вытащила наружу все секреты, существование которых он даже наедине с самим собой отказывался признать. Он бросил взгляд на Стинамирта, но тот тактично продолжал обследовать комнату.

«Советую вам снять эти неловкие изоляционные костюмы, — как ни в чем не бывало заметил Дививвидив. —

Несмотря на свою грубость, они, вероятно, весьма действенны, поэтому вскоре вы почувствуете некоторое неудобство. Здесь в отсеках поддерживается довольно высокая температура».

Толлер, уже начавший потеть, подозрительно поглядел на Дививвидива:

— Если ты надеешься преподнести какой-нибудь сюрприз, пока я путаюсь в...

«Я далек от этой мысли. — Дививвидив освободился от серебряной оболочки и теперь стоял рядом с Толлером, раскачиваясь из стороны в сторону под действием минимальной силы притяжения. — Ты сам это знаешь».

Множественные уровни связи, присутствующие при ментальном контакте, сразу дали знать Толлеру, что инопланетянин говорит правду. «Но, — подумал он про себя, — может, это какой-нибудь особый телепатический прием? Может, эта суперречь таит в себе возможности и для суперлжи, которая прозвучит убедительно для слушателя?»

— Держи его на мушке, пока я буду вылезать из этого костюма, — приказал Толлер Стинамирту. — Если он двинется... даже мигнет... всади в него заряд.

«Твои умственные процессы необычно сложны для примитива». — Дививвидив, казалось, абсолютно успокоился, и его беззвучная речь выражала искреннее любопытство.

— Я рад, что ты наконец-то сообразил, что имеешь дело не с какими-то амебами, — съязвил Толлер, выпутываясь из своей экипировки. — А чему это ты так радуешься, серая морда? Что-то я не вижу смысла в твоём довольстве.

«Смысл кроется в вашей смышлености. — Нелепая пародия на человеческий смешок вырвалась из черной полоски рта Дививвидива. — Теперь, когда мне представилась возможность проанализировать ваше ментальное строение более тщательно, я обнаружил, что смысл вам не

чужд, и понял, что могу защитить себя и свои интересы, просто-напросто разъяснив вам ваше положение. Чем большим количеством информации я с вами поделюсь, тем крепче станут наши связи. Вот почему я предлагаю переместиться в более удобные апартаменты, где мы сможем спокойно поговорить».

— Мне и здесь неплохо, — отрезал Толлер, гадая, какой уровень лжи доступен Дививвидиву. Сам процесс подобного общения способен был потопить человеческий мозг в изумлении и восторге, а если учесть еще инопланетную обстановку и внешность самого инопланетянина — не говоря уже о крайне необычных обстоятельствах встречи, — то вообще удивительно, как Толлер до сих пор не свихнулся. Ему постоянно приходилось напоминать себе о Вантаре. Все остальное не важно, главное — найти ее, спасти и вернуть целой и невредимой на Верхний Мир...

«Не стоит постоянно тыкать в меня этим варварским оружием, — сказал Дививвидив, когда Толлер взял у Стинамирта пистолет, чтобы дать юноше возможность тоже раздеться. — Я же сказал вам, что логика возобладает над силой».

— В таком случае тебе не о чем беспокоиться, — иронично заметил Толлер. — Если дело дойдет до ссоры, ты можешь палить по мне силлогизмами, а мне придется отвечать тебе лишь обыкновенными пулями.

«Ты стал благодушен».

— А ты — утомителен, серая морда. Теперь скажи мне, собираешься ли ты вернуть нам женщин и таким образом сохранить собственную жизнь.

От Дививвидива пошли волны раздражения.

«У меня есть к тебе один вопрос, Толлер Маракайн. Может быть, он не относится к данной ситуации, но, если ты сумеешь хотя бы на какое-то время обуздать свое не-

терпение, к тебе придет понимание. В моих словах есть смысл?»

Толлер согласно кивнул, с беспокойством начиная подозревать, что им манипулируют.

«Замечательно! Итак, сколько планет насчитывает ваша солнечная система?»

— Три, — ответил Толлер. — Мир, Верхний Мир и Дальний Мир. Мой дед по отцу — чье имя я с гордостью ношу — погиб на Дальнем Мире.

«Твои познания в астрономии оставляют желать лучшего. А ты, случайно, не заметил, что теперь ваша система включает четыре планеты?»

— Четыре? — Толлер, нахмурившись, уставился на Дививвидива, припоминая, что совсем недавно кто-то говорил ему о голубой планете. — Теперь у нас четыре планеты? Ты говоришь так, будто новый мир добавился к нашей маленькой компании по мановению волшебной палочки.

«Именно так и произошло — только волшебство здесь ни при чем. — Дививвидив наклонился вперед. — Мой народ перенес свою родную планету, которая носит имя Дуссарра, через сотни световых лет. Мы сняли ее с прежней древней орбиты вокруг далекого солнца и поместили на новую орбиту вокруг вашей звезды. Теперь ты понимаешь, какой силой мы обладаем?»

— Ага — силой воображения. — Толлер презрительно фыркнул, подавив в себе страх от мысли, что инопланетянин говорит чистую правду. — Даже если вы способны сдвинуть с места целую планету, как ее обитателям удалось выжить в холоде и темноте, царящих между звездами? И сколько времени может занять такой перелет?

«Нисколько! Межзвездный перелет должен выполняться мгновенно. Эти концепции не под силу вашим умам — хотя вашей вины здесь нет, — но я попытаюсь привести

кое-какие аналогии, которые помогут вам хотя бы частично понять процесс».

Нечеловеческие глаза Дививвидива на секунду закрылись, и Толлер почувствовал, как некие невидимые шлюзы открываются внутри его головы. Это было весьма непривычно, но в то же время волнующе приятно. Он задохнулся от удивления, когда — подобно развернувшемуся лучу маяка — в его мозг ударила ослепляющая волна знаний. В течение одного мучительного мгновения он колебался на грани — вот-вот он узнает все, что должно знать совершенное создание, — но затем волна отхлынула, а вслед за этим пришло ощущение утраты, ибо свет скрылся вдали. Однако философская тьма, вновь окутавшая его, уже не так давила и стала менее неприступной, чем раньше. В ней встречались сумеречные островки. Толлер уловил движение вакуума внутри вакуума; ухватил понятие межзвездного пространства, как губчатого ничто, начиненного трубами и туннелями еще большего ничто; увидел нематериальные галактические дороги, чей вход там же, где выход...

— Верю, я верю, — выдохнул он. — Но... между нами ничего не изменилось.

«Ты разочаровываешь меня, Толлер Маракайн. — Дививвидив переступил через грудь своего костюма, притянутого к полу воздушными потоками, и пододвинулся к Толлеру поближе. — Где же твое любопытство? Где твоя жажда научного познания? Разве ты не хочешь выяснить, почему мой народ отважился на такое гигантское предприятие? Или ты думаешь, что все разумные расы только тем и занимаются, что перекидывают свои родные планеты из одной части галактики в другую?»

— Я уже сказал тебе — меня это не волнует.

«Еще как волнует! Более того, это касается каждого живого существа на каждой из планет этой системы. — Рот

Дививвидива вновь подвергся асимметричным изменениям, дергаясь на невидимых ниточках эмоций. — Дело в том, что мой народ спасает свои жизни. Мы бежим от самой великой катастрофы за всю историю вселенной. Этот факт тоже не пробуждает в тебе любопытства?»

Толлер посмотрел на Стинамирта, который, казалось, застыл, так и не стянув штанину костюма с ноги, и в первый раз за последние дни беспокойство о Вантаре и ее судьбе начало отступать.

— От катастрофы?! — переспросил он. — Но от звезды до звезды миллиарды и миллиарды миль! Ты имеешь в виду какой-то взрыв? Даже если он произойдет, я не понимаю...

«Он уже произошел, — перебил Дививвидив. — Здесь расстояние от звезды до звезды не играет особой роли — масштабы взрыва таковы, что вскоре будут уничтожены сотни галактик!»

Толер попытался представить себе нечто подобное, но его воображение не сработало.

— Но что могло явиться причиной такого взрыва? Если он уже произошел, почему мы еще живы и откуда вы о нем узнали?

Дививвидив придвинулся еще ближе, и сладковатый аромат его тела ударил Толлеру прямо в нос.

«Опять-таки эти концепции лежат вне вашего понимания, но...»

На этот раз луч маяка обрушился на Толлера еще яростнее, он инстинктивно попытался укрыться от него, но спрятаться было негде. Он содрогнулся, ибо в течение крохотных долей секунды его внутренняя модель действительности была разорвана на клочки и перестроена, и обнаружил, что совсем недавно обретенное понимание пространства как пустоты, пронизанной случайными туннелями еще большей пустоты, — тоже всего лишь упрощение. Космос — теперь

он знал или почти знал — был рожден во взрыве, невообразимом по силе, а через минуту весь его объем заполнили переплетающиеся массы тросов. Тросы — сравнительно древние и уже отживающие реликты периода космической истории, который длился на протяжении одного человеческого вдоха-выдоха, — имеют диаметр примерно в одну миллионную человеческого волоска, но плотность их такова, что один-единственный дюйм их весит как средних размеров планета. Они переплетаются, изгибаются и колеблются, но именно они в своей слепоте влияют на распределение вещества во вселенной: на структуру галактик, скопление галактик и целых пластов скоплений галактик.

Чем больше старела вселенная с появлением разумной жизни, тем меньше оставалось тросов. Их невероятные запасы энергии пропадали зря, расходуясь на бешеные столкновения и переплетения друг с другом, на распространение гравитационных волн. Постепенно они стали в космосе редкостью, и чем меньше их становилось, тем большую стабильность обретала вселенная. Вскоре она превратилась в достаточно безопасное место для таких хрупких биологических конструкций, как человеческие создания; но космос вовсе не однороден. До сих пор сохранились аномальные области, до предела насыщенные тросами, поэтому в них чаще всего происходят всяческие катастрофы, последствия которых недоступны ни одной из описательных систем математики.

В одном таком месте пересеклось не меньше двенадцати тросов — взорвавшись, они выбросили свою энергию вовне. Этой энергии теперь суждено аннигилировать почти сотни галактик и определенным образом повлиять еще на тысячу. Ни одно живое существо не способно увидеть этот взрыв — взрывная волна движется со скоростью, близкой к скорости света, но разумные создания, использовав

собранную в подпространстве информацию, узнали о существовании этой волны. А узнав, увидели только один выход.

Бежать!

Бежать подальше и как можно быстрее...

Толлер яростно замигал; на мгновение ему показалось, что по видению промелькнула какая-то рябь, но он сразу понял, что это всего лишь иллюзия. Та вселенная, которую он знал от рождения, была распылена и абсолютно перестроена, и теперь сам он тоже изменился. Быстро взглянув на бледное лицо и опустевшие глаза Стинамирта, Толлер догадался, что тот прошел через сходные очищающие метаморфозы.

Но голос из далекого прошлого предупреждающе шепнул:

«В твоей защите пробита внушительная брешь! Сейчас Серая Морда при желании без труда одолеет тебя!»

Приняв предупреждение к сведению, Толлер насторожился. Он искоса взглянул на лицо инопланетянина, но ничего подозрительного не заметил: на нем читались умиротворенность и удовлетворение. Никакой физической угрозы не наблюдалось, однако это тоже могло оказаться ловушкой. Они находились в цитадели Дививвидива, поэтому инопланетянин, даже пальцем не пошевелив, мог призвать на помощь любые силы.

Пытаясь усвоить полученную информацию, Толлер потряс головой, как бы приходя в себя после мощного удара. Мозг его поглотила волна чистого знания, поэтому нормальные мыслительные процессы были на время подавлены, однако Толлер смутно ощущал, что на один очень важный вопрос он так и не получил ответа. Но на какой именно? За слишком краткий период времени он узнал слишком многое, тем не менее его беспокоила мысль, что

даже при всем при этом ему рассказали слишком мало. Кроме того, складывалось впечатление, что этот ужасный инопланетянин в своем костюме из черных заплат начинает брать ситуацию в свои руки...

— Кажется, ты очень собой доволен, серая морда? — прорычал Толлер. — Но ведь между нами ничего не изменилось.

«О, изменилось, и очень многое, — уверил его Дививвидив, излучая волну веселья. — Ты вынужден осмысливать информацию, а следовательно, в данной ситуации логика будет работать на меня и против тебя. Даже толком ничего не уяснив, ты уже начал осознавать, что сопротивление представителям самой великой расы в галактике бесполезно».

— Я отказываюсь...

«А теперь, когда ты пришел к этому выводу, — не умолкал Дививвидив, — я завершу свою логическую постройку, которая послужит абсолютной защитой мне и создаст непреодолимую преграду для тебя. Ты хотел спросить, зачем ваша парочка незначительных миров понадобилась Дуссарре, бегущей от аннигиляции.

Ответ состоит в том, что двойные планеты, имеющие общую атмосферу, — явление крайне редкое. Дуссаррианские астрономы сумели отыскать в этой галактике еще три такие пары — все они расположены крайне далеко и подходят нам гораздо меньше, чем Мир и Верхний Мир. Как тебе уже известно, мы умеем мгновенно перемещать нашу родную планету от звезды к звезде, но лимит энергии позволяет нам совершать прыжки всего лишь на расстояние нескольких световых лет за раз. Выходит, аннигиляционная волна, которая катится по этой области галактики, будет всегда наступать нам на пятки... пока мы... пока, Толлер Маракайн, мы не найдем способ перепрыгнуть сразу в другую галактику».

Толлер вдруг услышал свое дыхание со стороны — шумный чуждый звук, похожий на гул волн на далеком пляже.

«Мы разработали машину, способную перенести нашу родную планету на нужное нам расстояние, но для ее создания требуется очень специфическая физическая среда. Необходимо отсутствие силы тяжести, чтобы машина не сломалась под собственным весом — это условие легковыполнимо. Но также должны непременно присутствовать кислород и гелий, чтобы подпитывать рост машины, — вот почему мы решили поместить Кса между двумя вашими мирами.

В дополнение ко всем тем знаниям, которые я поместил в твой мозг, Толлер Маракайн, я хочу сказать, что рост Кса почти завершен. Он будет задействован приблизительно через шесть дней, и когда это произойдет, планета Дуссарра просто исчезнет на ваших глазах. И немедленно перенесется в другую галактику, которая находится в девяти миллионах световых лет отсюда.

Попытайся понять, что я тебе говорю, Толлер Маракайн, — ради себя самого, ради собственного успокоения.

Ты ничего не можешь сделать. Ты не можешь вернуть своих женщин. Даже совокупные ресурсы тысячи таких цивилизаций, как ваша, сейчас уже ничего не изменят. Я повелеваю — прими, что я сказал тебе, мирно вернись на родную планету и не терзайся муками совести. Ты сделал все возможное, но больше от тебя ничего не зависит...»

Толлер зачарованно глядел в черные дырочки инопланетных глаз, ведя разговор с самим собой и с тем, другим Толлером Маракайном — героем из великого прошлого, чьи пример и совет (правда, последний существовал лишь в его фантазиях) он ценил больше всего. «Как бы поступил в этой ситуации настоящий Толлер?» — спрашивал он, беззвучно шевеля губами и проговаривая слова про себя.

Несколько секунд он оставался неподвижным, прельщенный чуждой логикой, но затем очнулся; глаза его расширились, он был похож на человека, только что избежавшего зубьев огромного стального капкана.

— Забери у меня пистолет, — приказал он Стинамирту. — И дай мне мой меч.

«Я снова потерял тебя, — отшатнулся Дививвидив. — Ты действуешь не думая. Что ты собираешься делать?»

Толлер принял клинок из рук Стинамирта, обхватил пальцами знакомые выпуклости рукояти и прижал лезвие к горлу инопланетянина. В глазах у него мелькали малиновые звездочки.

— Что я собираюсь делать, серая морда? — прошептал он. — Что ж, я отвечу. Я собираюсь отделить твою башку от твоего грязного тельца, если ты не перестанешь говорить мне то, что ты хочешь, чтобы я услышал, и не начнешь отвечать на мои вопросы. Твой изумительный интеллект успел впитать это послание? А теперь скажи мне — и поживее! — как мне спасти наших женщин.

Он нажал на стальное лезвие.

Черногубый рот инопланетянина исказился, его хлипкое тело конвульсивно задергалось, но на этот раз угроза немедленной смерти не лишила его самоконтроля.

«Я сказал тебе все, что мог. Ты должен осмыслить ситуацию — ты ничего не можешь сделать».

— Я могу убить тебя!

«Да, но чего ты этим добьешься? Ничего!»

— Я... — Толлер не сдавался. — Ты сказал, что женщины были перевезены на твою планету... перемещены... одной из твоих машин...

«Ну и?..»

— В таком случае мы вернем их назад тем же самым способом, — выдал Толлер, потрясенный собственными словами.

Дививвидив постепенно начал справляться с дрожью.

«Есть ли предел твоей тупости, Толлер Маракайн? Ты хочешь, чтобы я перенес тебя в самое сердце дуссаррианской мегастолицы, население которой превышает тридцать миллионов! Чего ты и твой товарищ сможете там достигнуть?»

— Я возьму тебя заложником. На кон будет поставлена твоя жалкая жизнь.

Содрогания Дививвидива немедленно прекратились.

«Это невероятно, но шанс есть — хоть и бесконечно малый. В своем слепом и примитивном упрямстве ты можешь преуспеть там, где намного превосходящие тебя создания потерпят полное поражение. Какой интригующий поворот событий! Это может послужить главной темой для обсуждения на следующем собрании...»

— Хватит! — Толлер стальной хваткой стиснул плечо инопланетянина и опустил меч. — Ты обещаешь повиноваться моим приказам? Обещаешь отвезти нас на Дуссарру?

«Ты не оставляешь мне выбора. Мы отправляемся немедленно».

— Вот это мне нравится. — Толлер разжал пальцы, отпуская Дививвидива, но тут же снова сжал их, да так сильно, что инопланетянин весь сморщился. — Или все-таки не нравится?

«Я не понимаю тебя! Что случилось?»

— Ты перестал дрожать, серая морда. Ты перестал бояться.

«Но это естественная реакция на твое предложение».

— Неужели? Я не доверяю тебе, серая морда. — Толлер холодно улыбнулся. — Вот так мы, примитивы, ведем переговоры с врагом. Мы полагаемся на наши низменные инстинкты — на инстинкты, которые такое развитое существо, как ты, презирает. И мои инстинкты говорят мне,

что ты всей душой желаешь отправить нас на Дуссарру на своей волшебной машине. Я подозреваю, мы будем ошеломлены перелетом и потеряем сознание или случится еще что-нибудь, что отдаст меня в твои лапы.

«Бесполезно урезонивать твое буйное и дезорганизованное воображение. — В поведении Дививвидива появился вызов. — Не могли бы вы меня сразу проинформировать, какие еще предложения собираетесь внести, руководствуясь своими драгоценными примитивными инстинктами?»

— Разумеется! — Толлер вспомнил о дедушке и снова улыбнулся. — Я беру тебя на Дуссарру в качестве заложника — как и предполагалось, — но перелет будет совершен безо всяких геометрическо-волшебных штучек. Два добрых колкорронских корабля, построенные из лучших сортов дерева и обладающие полным запасом провизии, ждут неподалеку. И на одном из них мы полетим на Дуссарру.

ГЛАВА 11

Слова примитива донеслись до Дививвидива из постоянно перемещающихся бесформенных всполохов эмоциональной активности и были настолько неожиданны — и смехотворны, — что он практически не ощутил тревоги. Сначала он не понял, как примитивы способны на скоординированное, направленное действие, когда из их нервных систем не поступает связных сигналов, но потом объяснил это тем, что подобное переменчивое состояние вызвано гневом или страхом. После того как штормы в умах утихнут, верзила-примитив наверняка оставит свою манеру изъясняться случайными наборами слов, которые лишь поверхностно сходны с разумным предложением.

— Ну, как тебе моя идея? — спросил примитив, и его толстогубый розовый рот отвратительно приоткрылся.

Дививвидив озадаченно смотрел на него, и вдруг им начал овладевать ужас: он сообразил, что за процессы происходят сейчас в уме инопланетянина. Примитив слышал собственные слова как бы со стороны, будто их произнесло какое-то другое существо, и в первые мгновения был не меньше Дививвидива поражен их содержанием, но сейчас вновь вернулся к тому, что у примитивов называлось рациональным режимом мышления, и начал понимать абсурдность собственного предложения.

«Эта идея безумна, — протранслировал Дививвидив. — Тебе не обязательно воплощать ее в действительность, потому что ты выразил ее в состоянии стресса. Будь разумен, Толлер Маракайн, — защити себя настоящего от себя прошлого!»

Дививвидив усилил воздействие на мозг примитива и уже предвкушал победу — этот одержимый гигант вот-вот должен был изменить свою ментальную установку, — но, к превеликому разочарованию Дививвидива, примитив отреагировал смесью презрения, любопытства, гордости и слепого упрямства.

— Ну-ка, серая морда, напрягись! — прогремел он. — И попытайся выразить мне искреннюю благодарность! Ты испытывал мое терпение всякими бреднями насчет межзвездной доблести своего вида — если слово «доблесть» вообще применимо к твоему геометрическому колдовству, — а теперь я познакомлю тебя с реальностью полетов в пустоте.

Мой дед по отцу — чье имя я с гордостью ношу — был первым человеком, который долетел на одном из наших кораблей до другой планеты, и мне была оказана великая честь, когда судьба призвала меня посоперничать с его достижениями. Давай, серая морда, облачайся в свои серебряные обноски — нас ждет долгая дорога.

«Но это самоубийство! Сумасшествие!» — Дививвидив всем телом содрогнулся от перспективы рисковать жизнью на одной из этих деревянных скорлуп, которые он мельком обследовал, когда Кса вступил в самую первую стадию развития. Он сохранил эти хрупкие артефакты на случай, если директор заинтересуется их происхождением. Ну почему он не догадался уничтожить их? И почему разработчики станции — эти деспоты с высших уровней Дворца Чисел — не предвидели возможность вторжения инопланетян?

— Самоубийство, говоришь? Ну нет, настоящее самоубийство я бы совершил, если бы позволил... телепортировать... себя в самый центр одного из твоих городов. — Здоровенный примитив ослабил хватку, и боль в плече немножко поухнула.

Великан с каждой секундой все больше раздувался от самоуверенности, но Дививвидив чувствовал, как в мозгу его компаньона зреет беспокойство. В настоящий момент он не мог проанализировать это чувство, ибо большая часть его умственных резервов была брошена на решение проблемы, как выпутаться из этого сложного положения, но он надеялся, что Стинамирт все-таки выдвинет пару-другую разумных аргументов против использования деревянных космических кораблей. Низшим мозгом Дививвидив слышал, что его зовет Кса: отвлекающие полутона примешивались к и без того уже крайне опасной степени потрясения.

«У тебя нет ни одного астронавигационного прибора, следовательно, путешествие, которое ты задумал, не состоится. — В голову Дививвидива пришла новая мысль. — Я понимаю, ты действительно веришь, что твой дед долетел на одном из этих кораблей до другой планеты, но без точного знания скорости судна и...»

— Он делал расчеты. — Гигант уколол его кончиком меча, который, видимо, носил для того, чтобы компенсировать свою умственную недостаточность. — Да и ты мне поможешь. Для тебя ведь это раз плюнуть, а, серая морда? Ты же всю дорогу твердил о своем неизмеримом превосходстве во всех областях наук.

«Я по-прежнему настаиваю, что риск крайне велик. Твой так называемый космический корабль может сломаться прямо посреди...» — Дививвидив оставил мысль незаконченной, потому что внезапно в разговор вступил второй варвар.

— Простите, сэр, что вмешиваюсь. — Его обеспокоенный взгляд был прикован к лицу гиганта. — Я тут подумал...

— О чем же, Бэйтен?

Дививвидив считал, что знает, о чем собирается сказать примитив, и был несколько разочарован, обнаружив, что беспокойство Стинамирта имеет отношение не к настоящему положению дел, а к тому космологическому обзору, который был им получен несколько минут назад. Тем не менее его вмешательство отвлекло страшную умственную энергию гиганта от Дививвидива и дало дуссаррианцу прекрасную возможность реально оценить ситуацию.

«Что случилось, Возлюбленный Создатель? — мгновенно прорвался в мозг Дививвидива голос Кса. — Я справился с повреждением, но мое тело все еще немножко побаливает. Жаль, что я не обладаю органами чувств, которые позволили бы мне видеть и слышать все, что происходит на станции. Примитивы с тобой?»

«Это не твое дело».

«Но, Возлюбленный Создатель, между вами шел разговор о тросах! Это ты его начал? Ты способен изъясняться словами, которые не соответствуют действительности?»

«Ни одно нравственное существо на это не способно, — раздраженно ответил Дививвидив. — Успокойся!»

«А ты нравственное существо, Возлюбленный Создатель?»

«Говорю тебе, оставь меня в покое!» — Дививвидив перекрыл все каналы низшего мозга, чтобы положить конец нытью Кса.

— Этот лысый поведал нам о чудовищном взрыве, сэр, — сказал Стинамирт великану. — Вспомните его слова. Целые галактики будут аннигилированы! А значит, если верить ему, Верхний Мир и Мир вскоре сгинут в одной огромной вспышке!

— Бэйтен, как ты можешь отвлекать меня всякой болтовней о галактиках и взрывах в такой момент?

Омерзительные черты маленького примитива тревожно исказились.

— Но он сказал, что это случится очень скоро, сэр.

— Скоро? И насколько скоро?

— Вот это-то нам и следует выяснить.

«Возлюбленный Создатель! — Дививвидив с удивлением отметил, что Кса практически без труда пробился сквозь все его заслоны. — Ты сказал примитивам, что я буду убит через каких-то шесть дней?»

Этот вопрос открыл Дививвидиву глаза. Где-то в защите станции образовалась брешь, и теперь Кса улавливал отрывки ментальных взаимодействий, что было строго-настрого запрещено. Узнай Дививвидив об этом в более подходящее время, он бы немедленно занялся ремонтом, но сейчас эта новость вызвала у него лишь очередной приступ гнева и тревоги.

«Я приказываю тебе! — протранслировал он Кса изо всех сил. — Возвращайся в состояние общего покоя и оставайся в нем, пока я сам тебя не вызову».

— ...К тебе обращаюсь, серая морда, — орал гигант. — Когда эта волна, о которой ты столько трепался, доберется до моей планеты?

«Точно сказать не могу — но, кажется, лет через двести по вашему исчислению».

— Двести лет. — Гигант глянул на своего компаньона. — Для планеты это не срок, но для меня — в данный момент — это все равно что вечность. Нам предстоит многое сделать, Бэйтен, и мы должны действовать быстро.

«Уж куда быстрее, чем ты думаешь», — добавил Дививвидив, окружив эту мысль всеми возможными защитами высшего мозга, чтобы даже Кса не смог уловить, что сейчас творится у него в уме. Чувство вины, которое мучило его каждый раз, когда он вспоминал о судьбе, уготовленной его сородичами обитателям двойных миров, бесследно испарилось — во всяком случае, пока. Оно сменилось презрением, отвращением и страхом, пробужденными в Дививвидиве его гигантским захватчиком.

«Всего лишь через десять дней, Толлер Маракайн, — подумал он, — твой домишко перестанет существовать».

ГЛАВА 12

Вынырнув из духоты дворца, Кассилл Маракайн с облегчением вдохнул полной грудью. Не обращая внимания на нарушение этикета, навязанного ему высоким положением в обществе, он немедленно стащил с себя официальный камзол и расстегнул ворот блузы, охлаждая разгоряченное тело. Он еще раз глубоко вдохнул свежий утренний воздух и огляделся в поисках Бартана Драмме.

— Ты похож на вареного рака, — весело сказал тот, выныривая из-за постамента гигантской статуи короля Чаккела, которая господствовала над просторами двора, как когда-то сам Чаккелл господствовал над целой планетой.

— Там как в печке. — Кассилл промокнул платком пот. — Дасина убивает себя, закрывшись в такой парилке, но каждый раз, когда я советую ей впустить немножко свежего воздуха...

— А какой из тебя правитель, если ты не способен своим указом подчинить смерть?

— Не смешно, — упрекнул его Кассилл. — Боюсь, у Дасины осталось совсем немного времени — этот паразитический барьер плюс беспокойство о благополучии графини Вантары только ухудшают положение дел.

— Ты бы лучше побеспокоился о Толлере. Существуют ли весы, на которых можно было бы взвесить подобные чувства? Чья чаша перевешивает — твоя или Дасины?

— Толлер способен сам позаботиться о себе.

— Да, но все-таки он — не дед, — кивнул Бартан.

— Что ты хочешь этим сказать? Ты представь, что за генеалогическое дерево получилось бы, будь мой отец и мой сын одним и тем же человеком! — с раздражением отозвался Кассилл.

— Извини, старина. Я люблю Толлера почти так же, как... — Бартан обреченно пожал плечами, признавая, что сейчас им лучше поговорить о другом. — Может, найдем какую-нибудь скамейку поудобнее?

— Хорошо, только смотри не засни на ней.

Мужчины, вымученными насмешками демонстрируя друг другу, что дружба их ничуть не пострадала, направились в сторону реки Лейн. У моста магистра Гло они свернули на восток и вскоре наткнулись на пустую мраморную скамейку. В воздухе разливалась та утренняя тишина, которая типична для административных районов всех столиц. Над рекой плыли шары птерты, сияя, словно стеклянные, и забавно прыгали над поверхностью взбурдаженной легким ветерком воды.

Бартан выждал несколько секунд, затем спросил:

— Ну, каков был вердикт?

— Она хочет послать флот.

— Ты сказал ей, что кораблей нет?

— Она и слышать ничего не хочет о всяких мелочах. — Кассилл хмуро усмехнулся. — Тоже мне мелочи!

— И что ты будешь делать?

— Я пообещал подробно выяснить, сколько кораблей пригодно к полету — в крайнем случае разорю суда, стоящие на ремонте, — а потом доложить ей. Вообще-то большинство машин нужно либо чинить, либо вообще заменять, но парусины для баллонов нет и в ближайшем будущем не предвидится. Пройдет не меньше двадцати дней, прежде чем мы сможем послать кого-нибудь наверх, а к тому времени... — Кассилл замолчал и начал крутить золотое кольцо на шестом пальце левой руки.

— Ты надеешься, что Толлер тогда уже вернется, — сочувствующе заметил Бартан. — Скорей всего вернется... с графиней, болтающейся у него на шее... Этого юношу ох как нелегко сбить с избранного курса.

— Сегодня утром мне доставили свежие данные, и, насколько я понимаю, ширина барьера уже достигла сотни миль. Это означает, что теперь его невозможно обогнуть.

— Ну вот! — бодро сказал Бартан. — Значит, Толлеру придется скоро вернуться.

— Ты хороший друг, — ответил Кассилл, пытаясь улыбнуться. — Я люблю тебя, Бартан, и любил бы еще больше, если бы ты объяснил мне, откуда эта голубая планета взялась в нашей системе и зачем она возвела хрустальную стену между нами и нашей прародиной.

— Ты думаешь, эти два явления связаны между собой?

— Уверен. — Кассилл посмотрел на небо, на загадочный белесый диск, маячащий в зените. — Впрочем, как и в том, что добра они нам не сулят.

ГЛАВА 13

— В следующие несколько часов я буду занят, — сказал Толлер Дививвидиву, ничем не выдавая своего уже привычного отвращения при виде лица инопланетянина и подчеркивая этим, что говорит бесстрастно и излагает только факты. — Следовательно, надо воспользоваться моментом и прояснить тебе твоё положение, — продолжал он. — Сохранишь ты жизнь или нет, сейчас зависит только от тебя, и, помогая мне всем, чем можешь, ты продлишь своё существование. Если я поймаю тебя на лжи или на двусмысленных ответах, если я вдруг подвергнусь опасности, о которой ты мог предупредить, — я убью тебя. Вовсе не обязательно, что казнь последует непосредственно за предательством — ведь ты мне пока нужен, — но если мне покажется, что ты что-то замышляешь... а после мои опасения хоть отчасти подтвердятся... ты тут же умрешь.

Ты знаешь, меня ничто не остановит. Я все время буду наготове и в одну секунду снесу тебе голову с плеч. Причина может оказаться самой незначительной — я способен счесть подозрительным любой твой чих. Я прекрасно понимаю, как мало у меня шансов. И насколько мне известно, я уже сейчас практически труп, поэтому не обольщайся пустыми мечтами, что справишься со мной в любых обстоятельствах. Если хочешь остаться в живых, ты должен без вопросов исполнять любые мои желания. Все понял?

«Все, — спокойно ответил Дививвидив. — Но ты по-прежнему тратишь энергию впустую».

Толлер нахмурился, подозрительно оглядывая инопланетянина. Неужели столь малодушное существо наконец собралось с силами и решило мужественно встретить опасность? Он щелкнул последней застежкой костюма и перехватил у Стинамирта пистолет, давая юноше возможность

тоже облачиться в комбинезон. Дививвидив уже закончил возиться со своими серебряными одеяниями, и теперь его внешность не так резала человеческий глаз. Группа была готова к путешествию на родную планету пришельца. Толлер попытался не думать о том, что ждет его впереди. Будущее, которое он избрал, было полно непредсказуемых трудностей, и он не осмеливался размышлять о грядущих опасностях, потому что тогда им завладеют сомнения, а это может дать Дививвидиву преимущество.

— Перед уходом я хочу задать тебе один вопрос, но, прежде чем ответить на него, вспомни мои предупреждения, — обратился он к инопланетянину, оглядывая странную и негостеприимную комнату. — Будут ли как-то предупреждены наши противники, если ты покинешь это место?

«Вряд ли, — ответил инопланетянин. — Станция работает в автоматическом режиме. Кроме того, сомневаюсь, что на этой стадии проекта кто-нибудь с Дуссарры попытается связаться со мной лично».

— Вряд ли? Сомневаюсь? Это все, что ты можешь сказать?

«Ты же сам настаивал на откровенности».

— Ты прав. — Толлер кивнул Стинамирту, и все трое двинулись к двери, через которую они попали в эту комнату. Инопланетянин ступал уверенно, легко скользя по усеянному дырками полу, тогда как Толлер и Стинамирт раскачивались из стороны в сторону, словно шли по узеньким досточкам. Достигнув шлюза, Дививвидив снял со стены двигатель для перемещения в невесомости. Сверкающими защелками он начал закреплять серую металлическую коробку на поясе.

— Оставь ее здесь, — приказал Толлер.

«Но ты уже знаком с его действием. — Дививвидив совершенно по-человечески развел руки, выражая тем самым изумление. — Это ведь мой переместитель».

— Да, замечательная штукавина. Она позволяет тебе летать как стрела — я припоминаю, как быстро ты добрался до нас, когда мы с Бэйтенем попались в твою стеклянную клетку. — Толлер поддел коробку кончиком меча и откинул ее прочь. — Не стоит зря искушать себя возможностью попытки к бегству — тем более что я намереваюсь доставить тебя на корабль со всеми почестями.

Толлер отстегнул от пояса моток тонкой веревки, обвязал один конец вокруг Дививвидива и туго затянул узел. Втащив Дививвидива в шлюз, он дал инопланетянину сигнал открыть дверь. Существо повернулось к голубым пластинкам, выпирающим на сплошной серой стене. Внутренняя дверь шлюза словно по волшебству захлопнулась, и несколько секунд спустя открылся внешний люк, за которым простиралась серая металлическая равнина, окруженная хрустальным морем. В шлюз ринулся ледяной воздух. Толлер натянул на лицо шарф, радуясь про себя, что наконец-то выбрался из подавляющих своей чужеродностью стен станции, и шагнул в знакомые ландшафты зоны невесомости.

Солнце приближалась к Верхнему Миру и сейчас висело над искусственным горизонтом, создаваемым громадой диска, который, как теперь знал Толлер, на деле был невероятно огромной машиной. Солнечные лучи, встречая на пути миллиарды кристаллов, возводили целые баррикады из слепящих глаз радужных огней. Сияние было настолько ярким и всепоглощающим, что даже Верхний Мир, чей блестящий месяц застыл прямо над головой, выглядел по сравнению с диском каким-то мрачным и нереальным.

Толлер вытравил линь, запустил воздуходувку и направился к Группе Внутренней Обороны. Позади него болтался на веревке Дививвидив. Троица вылетела за пределы

инопланетной станции, и звук выхлопов тут же затерялся в окружающем пространстве. За время полета Толлер не произнес ни слова — он пытался вспомнить последовательность вывода космического корабля за пределы воздушной перемычки между планетами. В ходе двух обязательных тренировочных полетов все выглядело простым и очевидным, но с тех пор прошли годы, и теперь задача казалась невыполнимой.

Впереди виднелось скопление деревянных станций — их желтые, оранжевые и рыжевато-коричневые очертания резко выделялись на белом фоне. Толлер облетел их и развернулся. Неподалеку был пришвартован корабль, на котором он поднялся сюда; его баллон осел и сморщился — газ постепенно остывал. На поверхности планеты под воздействием силы тяжести баллон быстро опускался и автоматически выдавливал из себя остатки газа, но в невесомости он просто весь пошел складками и теперь напоминал шкуру какого-то умирающего глубоководного существа.

Толлер выключил микродвигатель и остановился. Дернув за линь, он подтащил до сих пор молчавшего пленника к себе. Стинамирт затормозил поблизости, не долетев несколько ярдов до фантастического переплетения гигантских кристаллов. Раскинувшаяся в двух милях от них инопланетная станция напоминала неведомый замок, высящийся посреди пылающего моря. На заднем плане мелькали черточки метеоров и тут же гасли в черной тьме вселенной.

— Какова картинка, Бэйтен, — отметил Толлер. — Не каждый может похвастаться, что видел такое. Ты наверняка ее не забудешь.

— Так точно, сэр, — ответил Бэйтен, и в его глазах отразилось изумление.

— Я хочу, чтобы ты доставил два послания: одно моему отцу, другое — королеве Дасине. У меня нет времени писать

пространный отчет, поэтому слушай внимательно... — Толлер прервался, потому что Стинамирт протестующе замахал руками.

— Зачем вы так со мной поступаете? — выкрикнул юноша. — Я разве плохо вам служил?

Теперь настал черед Толлера удивляться:

— Ты служил верой и правдой. Я как раз хотел включить в свое послание королеве отзыв о твоей...

— Тогда почему вы прогоняете меня в самый ответственный момент?

Толлер стянул шарф и улыбнулся:

— Я тронут твоей преданностью, Бэйтен, но дело приняло такой оборот, когда я не имею права требовать от тебя чего-либо. Путешествие на враждебную планету скорее всего закончится для меня смертью — на этот счет я не обольщаюсь, — но я ни капли не боюсь, потому что это дело чести. Пообещав спасти графиню Вантару, я не могу вернуться в Прад и во всеуслышание объявить, что я отказался от данного мной слова просто потому...

— А как насчет моей чести? — настаивал Стинамирт, и голос его дрожал от обиды. — Неужели вы думаете, что честь — прерогатива аристократов? Да я в глаза никому не смогу посмотреть, зная, что трусливо бежал, стоило опасности замаячить на горизонте.

— Бэйтен, здесь дело не в этом.

— Именно в этом. — В голосе Стинамирта прозвучали несвойственные ему жесткие нотки. — Именно в этом!

Толлер несколько секунд молчал, глаза его пощипывало от холода.

— Я возьму тебя с собой на Дуссарру, но с одним условием.

— Назовите его, сэр!

— Я хочу, чтобы ты перестал обращаться ко мне «сэр». Мы отправляемся в это путешествие как гражданские люди,

оставляя Небесную Службу и все ее условности позади. Мы будем участвовать в этом предприятии, как друзья и как равные, это понятно?

— Я... — Настойчивость Стинамирта мигом куда-то подевалась. — Это будет трудно... мое происхождение...

— Всего лишь мгновение назад ты полностью позабыл о своем происхождении, — перебил его Толлер, усмехаясь. — Давненько меня так не отчитывали.

Стинамирт робко улыбнулся:

— Боюсь, я вышел из себя.

— Оставайся на месте, пока мы не достигнем Дуссарры, а тогда можешь выходить из себя и не возвращаться обратно. — Толлер переключил внимание на плененного инопланетянина. — А ты что скажешь, серая морда?

«Скажу, что еще не поздно забыть об этом бессмысленном предприятии, — ответил Дививвидив. — Почему бы вам не воспользоваться той жалкой толикой разума, которая у вас имеется?»

— Он ничего не понял, — бросил Толлер Стинамирту. — И это он нас называет примитивами!

Ни слова больше не говоря, Толлер снова привел в действие воздухоструй и, потянув за собой Дививвидива, подлетел к ближайшему из космических кораблей. Лакированные доски корпуса пускали во все стороны солнечные зайчики теплых коричневых оттенков. Корабль был собран прямо в зоне невесомости из пяти цилиндрических секций, доставленных с Верхнего Мира небесными судами. Он был четыре ярда в диаметре и раньше казался Толлеру весьма массивным сооружением, но сейчас, по сравнению с чужеродной станцией, выглядел абсолютно не соответствующим своему назначению. Напомнив себе, что дед успешно пересек космическое пространство на похожем кораблике, Толлер постарался отбросить сомнения.

Он изучил круг кристаллов, соединяющих судно со стеклянной равниной, и снова повернулся к Дививвидиву:

— Эти пути крепко держат? Что произойдет, если я просто отстрелю их?

«Кристалл легко отделится».

— Ты уверен? Может быть, ты проинструктируешь эту тварь в машине и она отпустит свою хватку?

«Лучше не беспокоить сейчас Кса. — Лицо инопланетянина было закрыто отражающим забралом шлема, но Толлер почувствовал убежденность в его словах. — Помни, я сам должен лететь в этом варварском приспособлении, поэтому в моих интересах, чтобы оно не получило случайных повреждений».

— Замечательно, — подвел итог Толлер и, отстегнув от пояса моток веревки, один конец которой опутывал инопланетянина, отбросил ее в сторону. — Мой друг-примитив и я должны обсудить кое-что наедине. Я оставляю тебя здесь на пару минут — однако искренне прошу не пытаться бежать. Ты исполнишь мою просьбу?

«Обещаю, что ни на дюйм не сдвинусь с места».

Толлер, попросив инопланетянина об этой услуге, рассчитывал посмеяться, прекрасно зная, что в полной неведомости тот обездвижен, поэтому совсем не ожидал услышать не менее насмешливый ответ. Ему в голову закралась мысль, что эта шутовская пикировка может иметь немалое значение в будущем, если Дуссарра и Колкоррон все-таки сумеют договориться. Но сейчас его ждали более неотложные дела.

Задняя часть космолета на самом деле представляла собой специально сконструированное небесное судно, обычная квадратная гондола которого была заменена цилиндрической секцией. Внутри нее хранился газовый баллон, дающий команде возможность высаживаться на поверх-

ность планеты и возвращаться к ждущему на орбите кораблю-матке. Толлер не строил никаких планов насчет этого модуля, потому что баллон сразу заметят, тем более что опускается он очень медленно.

— Как ты думаешь, Бэйтен? — спросил он, пока они плыли в разреженном холодном воздухе. — Может, стоит вообще отказаться от хвостовой части? Инструменты у нас под рукой, и мне что-то не хочется тащить лишний груз всех этих механизмов.

— Клеящая мастика была нанесена давным-давно, — задумчиво ответил Стинамирт. — Она, вероятно, пропитала все кожи, дерево, затычки и швы... Она превратилась в камень. Даже имея под рукой все необходимое, потребуется как минимум пять человек, чтобы отсоединить эту секцию от основного корпуса, да и возможно, это повредит кораблю. Кроме того, нам придется укорачивать стержни, ведущие к рычагам управления, переключать их на действующую машину...

— Короче говоря, — вставил Толлер, — мы забираем судно целиком. Отлично! Не будешь ли ты так любезен перенести сюда наш запас парашютов и коконов, а я тем временем осмотрю корабль. Затем мы можем отправляться.

За время полета на Дуссарру ничего необычного не произошло.

Практически все, что было известно насчет путешествий за пределы атмосферы Мира и Верхнего Мира, изложил в своих записках Илвен Завотл, который был участником экспедиции на Дальний Мир. В годы ученичества Толлер не раз штудировал его отчет и сейчас с облегчением признал, что он полностью соответствует действительности. Теперь Толлер мог не беспокоиться насчет того, что с кораблем случится что-нибудь непредвиденное.

Как и предсказывалось, небо вокруг стало абсолютно черным, и спустя какое-то время судно достаточно разогрелось, чтобы находящиеся на борту смогли освободиться от своих комбинезонов. Если верить покойному Завотлу, жесткая стужа зоны невесомости между двумя мирами была обусловлена атмосферной конвекцией, а когда судно вырывалось в вакуум, оно сразу же начинало поглощать щедрое тепло солнца. Также оправдались и его слова насчет метеоров, чьи огненные штрихи — постоянный атрибут ночного небосвода родных миров — бесследно исчезли. Завотл утверждал, что на самом деле метеоры по-прежнему на невообразимых скоростях пронизывают космическое пространство, но видимы они только тогда, когда входят в атмосферу какой-либо планеты. Толлер предпочел не рассматривать возможность гибели судна от столкновения с такой невидимой скалой.

Как выяснилось, управлять космолетом — весьма нелегкое дело, все равно что пытаться удержать шест на кончике пальца. Кабина пилота, расположенная на верхней палубе, была оборудована телескопом, нацеленным параллельно продольной оси судна. Перекрестие инструмента необходимо было удерживать на цели полета, а это требовало постоянного внимания и умения манипулировать боковыми двигателями.

Стинамирт, несмотря на полное отсутствие опыта, оказался более приспособленным к этой работе, чем Толлер, и с готовностью взял на себя дежурства у панели управления. Толлер был только рад — теперь у него появилось время проанализировать события последних часов. Он подолгу качался в гамаке на палубе — иногда дремал, иногда наблюдал за Стинамиртом и Дививвидивом.

Поначалу инопланетянин шарахался от каждого шороха, но постепенно, когда стало очевидно, что судно взры-

ваться не собирается, обрел самообладание. Он также проводил большую часть времени в гамаке, но отнюдь не бездельничал. Дуссарра, как он объяснил, находилась всего лишь в восьми миллионах миль от миров-близнецов, и это упрощало полет; но тем не менее расчеты были весьма сложны, и непрофессиональному математику, лишенному вспомогательных вычислительных устройств, было нелегко с ними справиться.

Иногда Дививвидив при помощи карандаша, как-то странно зажатого в тонких серых пальцах, делал пометки в блокноте, подаренном ему Толлером. Он говорил Стинамирту, когда включить, а когда выключить главный двигатель и куда переместить астронавигационное перекрестие, чтобы поймать в него новую точку. Периодически он впадал в транс, в котором, как предполагал Толлер, прибегал к помощи телепатии или прочих неизвестных человеку чувств, уточняя местонахождение судна в пространстве относительно пункта назначения. Толлер старался не думать о том, что инопланетянин может вступать в контакт со своими сородичами и расставлять ловушки на пути пленивших его людей.

В интересах всех находящихся на борту было завершить полет как можно быстрее, но Толлер все равно был изрядно удивлен, когда Дививвидив — меньше чем через час после подробного ознакомления с возможностями судна — предсказал, что путешествие займет от трех до четырех дней с учетом всевозможных остановок или затруднений. Толлер попытался самостоятельно прикинуть цифры, однако, столкнувшись с параметром скорости свыше 100 000 миль в час, сразу отказался от вычислений. Лучи солнечного света, освещающие внутренности корабля через иллюминаторы, казалось, не двигались ни на дюйм; водовороты и спирали раскинувшейся за бортом вселенной представлялись столь же

далекими и туманными, как и раньше, — поэтому лучше было забыть о страшном мире математики и представить себе тихий дрейф от островка к островку в стеклянно-черном море.

Одной из основных черт, унаследованных Толлером от деда, было нетерпение — даже несколько часов вынужденного безделья сводили его с ума. Он много раз читал и перечитывал дневник Завотла, который тот вел во время путешествия на Дальний Мир, и сейчас мог без труда слово в слово процитировать соответствующий абзац: «Наш капитан начал на долгие часы покидать каюту управления. Он предпочитает проводить время на средних палубах, уставившись в иллюминаторы. Похоже, он находит утешение в собственных мечтах, молча созерцая глубины вселенной».

Ощущая неловкость, Толлер невольно начал подражать своему деду и будто тайком от кого-то спускаться в странные нижние миры корабля, где протянувшиеся от иллюминаторов узкие лучики света создавали причудливые тени, висящие между внутренними подпорками и ларями с запасами кристаллов, огненной соли, пищи и воды. Он забирался между двух ящиков и, рассеянно глядя в ближайший иллюминатор, погружался в себя. Звук работающего двигателя здесь был громче, запах просмоленной обшивки судна бил в ноздри, но в одиночестве ему лучше думалось.

Чаще всего в своих думах он обращался к загадкам и опасностям недалекого будущего. Казалось невероятным, что совсем недавно он жаждал приключений, искал их и жаловался на отсутствие возможности доказать, что он действительно достоин носить свое славное имя. И вот он участвует в предприятии, которое, хоть и делает ему честь, заранее обречено на полный провал. Даже старый Толлер Маракэйн и тот не ввязался бы в авантюру, у которой просто не могло быть благополучного исхода.

Осуществляемый сейчас план пришел ему в голову в момент полного отчаяния, и Толлер сразу вцепился в него с одержимостью маньяка. Ему казалось, что это идеальный способ миновать все подводные камни сложившейся ситуации. Вместо того чтобы телепортироваться на чуждую планету, он полетит туда на колкорронском корабле и застанет Дуссарру врасплох. Дививдивдив клялся в своей незначительности и, следовательно, бесполезности в качестве заложника, но все его клятвы разбивались о весьма весомый довод — именно он был назначен командовать огромной станцией на хрустальном круге. Сцена была подготовлена для появления героя — вооруженного смелостью, воображением и верным клинком; Толлер должен был огорошить и покорить целую планету. Сначала будет быстрый полет в коконе, затем парашют откроется, он высадится неподалеку от вражеской столицы... хитростью захватит вражеского главаря... затем последуют переговоры, во время которых Толлер будет диктовать свои условия... он воссоединится с Вантарой... сначала при помощи телепортера, а затем небесного корабля или парашюта они вернутся на Верхний Мир... Вантара полюбит его, и всю оставшуюся жизнь они проведут в безмятежной идиллии...

Идиот! Порой Толлер раскаивался в своем безумном плане не меньше, чем восторгался им на станции. В такие мгновения он извивался и чуть ли не стонал, изводя себя и проклиная собственную глупость. И лишь один аспект этой невероятной ситуации оставался неизменным в общей неразберихе мыслей и чувств, придавая ему необходимые силы следовать дальше. Он поклялся себе и остальным найти Вантару, и теперь у него не было иного выхода, кроме как упорно двигаться вперед, как бы ни были ничтожны шансы на успех. И он будет идти вперед, даже если его ждет верная смерть...

* * *

С высоты более чем четырех тысяч миль родная планета чужаков выглядела в точности как Мир или Верхний Мир. Облачный покров состоял из тех же широких, степеннодвигающихся рек, разбиваясь на завихрения или отдельные водовороты. Пронзив взглядом это филигранное сверкающее одеяло, окутывающее поверхность планеты, Толлер увидел, что земная твердь на ней практически отсутствует. Основным цветом Дуссарры был цвет водных стихий, то есть голубой, на фоне которого изредка попадались коричневые заплата, обозначающие землю.

— Похоже, дело может закончиться для нас мокрыми задницами, — мрачно пробормотал Толлер, разглядывая в иллюминатор огромную выпуклость планеты.

«Еще не поздно отказаться от твоего безумного плана. — Дививвидив уставился на него своими глазами-буравчиками. — Вам ничто не мешает повернуть назад и прожить остаток жизни в счастье и довольстве».

— Ты хочешь помешать нам?

«Я только исполняю твои собственные приказания, попутно пытаюсь сохранить себе жизнь, делюсь с тобой важной информацией и даю советы».

— Смотри не переусердствуй, — отрезал Толлер. — На данной стадии от тебя мне нужно лишь одно — сведения касательно высадки на поверхность. Ты уверен, что сделал правильную поправку на ветер? Мне совсем не хочется приземлиться в море, к тому же меня не радует перспектива высадиться в самом центре вашей столицы.

«Можешь довериться мне — все имеющие значение факторы были учтены».

После того как корабль преодолел половину пути, Дививвидив практически не вылезал из гамака, то и дело требуя новых данных касательно курса и скорости судна. У

Толлера сложилось впечатление, что инопланетянину, несмотря на все его выдающиеся таланты, несколько затруднительно управлять судном, которое движется задом наперед, так как в расчетах ему приходилось отталкиваться от звезд, расположенных в направлении прямо противоположном цели полета.

Однако сейчас, когда корабль вышел на орбиту Дуссарры, Дививвидив заметно расслабился и стал более общительным. Очевидно, он безумно боялся вхождения в атмосферу планеты, но — по какой-то причине, ведомой только его расе, — тот факт, что в данном случае он погибнет не от чьей-нибудь руки, укрепил его дух, и он относился к предстоящей посадке точно так же, как отнесся бы к ней обычный, не обладающий особым мужеством человек.

Дививвидив уже натянул на себя серебряный костюм, готовясь вскоре покинуть судно — что должно было произойти примерно через час, — после чего принялся уничтожать свои пищевые запасы. Когда ему сказали, что колкорронский рацион состоит в основном из полосок вяленой говядины и рыбы вперемешку с брикетами спрессованной пшеницы и сухофруктов, он настоял на том, чтобы на корабль доставили его собственную провизию. Инопланетная пища представляла собой разноцветные кубики плотного желе, завернутого в золотую фольгу. Дививвидив вытащил целую пригоршню таких кубиков из кармана и внимательно рассматривал их, очевидно, отыскивая лакомый кусочек.

Толлеру снова бросилось в глаза необыкновенное спокойствие инопланетянина, и он в очередной раз задумался о том, что ждет их в будущем: больше всего его заботило, не припрятаны ли у Дививвидива про запас целые пласты знаний, о которых он даже не упомянул во время телепа-

тического контакта. Как бы упражняясь в практической стратегии и тактике, Толлер попытался перенестись в уме на тысячи лет вперед, в будущее колкорронской цивилизации, делая особый упор на развитие военной технологии, и в тот же миг весьма тревожное видение расцвело перед его глазами.

— Скажи-ка, серая морда, — спросил он. — Эта штука-вина, которую ты зовешь Кса... это ведь просто машина?

«В принципе — да».

— Однако вы наделили ее возможностью видеть с необычайной четкостью объекты, находящиеся в тысячах миль от нее?

«Верно».

— Следовательно, можно сделать логический вывод, что твой родной мир, колыбель твоей цивилизации, просто наводнен подобными машинами. — Толлер замолчал — его слова уже произвели должное впечатление, а в остальном инопланетянин разберется сам.

«Ты ошибаешься! — прозвучал изумленный ответ Дививвидива. — У нас нет таких устройств, которые могут заметить корабль и предупредить о его приближении. Мы не следим за небесами. Зачем нам это?»

— Ну, чтобы защититься от внезапного вторжения... опередить врага.

«Но откуда взяться такому врагу? И с какой стати иной культуре идти на враждебные действия по отношению к Дуссарре?»

— С целью покорения новых земель, — объяснил Толлер, уже начиная жалеть, что затеял этот разговор. — Желание покорять и править...

«Это примитивный образ мышления, Толлер Маракайн, — ему нет места в цивилизованных сообществах». — Дививвидив вновь вернулся к пищевым кубикам.

— Самодовольство — основной враг... — Толлер, к своему раздражению, вдруг обнаружил, что не способен закончить наполовину придуманный афоризм. Одержимый жадой действия, он схватился за рукоятку воздушной машины, добавив новый заряд огненной соли к воде в открытом проволочной сеткой резервуаре. Еще в начале путешествия Дививвидив выказал определенный интерес к этому устройству и объяснил Толлеру, что воздух состоит из смеси нескольких газов, один из которых — кислород — крайне необходим для всего живого. Кроме того, он поддерживает горение и заставляет железо ржаветь. Когда огненная соль вступает во взаимодействие с водой, в результате реакции вырабатывается большое количество кислорода, и таким образом команда корабля выживает во время долгих полетов в межпланетном вакууме. Толлер подробно записал эти научные данные, надеясь по возвращении в Прад передать их заинтересованным сторонам. Правда, он предпочел не вдаваться в подсчет своих шансов доставить эту информацию на Верхний Мир.

Спустить корабль до уровня, где окружающий воздух пригоден для дыхания, не составило бы труда. Затем они бы выключили двигатель и покинули борт. Выпрыгнуть из парящего судна, залезть в коконы и привязаться друг к другу также не требовало особых усилий. Однако Дививвидив возразил, что кажущийся неподвижным корабль мало-помалу наберет скорость и вскоре последует за парашютистами. Достигнув поверхности, он взорвется, как бомба, что может стоить жизнью многим дуссаррианам.

Толлера такая перспектива особенно не тревожила — он считал население чуждой планеты своими врагами, — но пришлось согласиться с доводом, что невинные жертвы весьма осложняют переговоры. Кроме того, он рассчитывал

высадиться как можно тише, а не под аккомпанемент жуткого взрыва.

По этим причинам Толлер положил судно на бок и направил туда, где, если верить Дививвидиву, оно должно было безвредно упасть в море. Главный двигатель оставили включенным, зафиксировав рычаги в положении минимальной тяги. Но теперь Толлер и Стинамирт столкнулись еще с одной проблемой — выпрыгивая из движущегося на внушительной скорости судна, они могли упустить пленника. Дививвидив, будучи значительно легче, станет падать медленнее, чем они, и стоит ему только вырваться, как физические законы сразу же вступят в силу и обеспечат ему благополучный побег, все с большей скоростью увлекая Толлера и Стинамирта к поверхности планеты.

Толлер подошел к этой проблеме со всей ответственностью и настоял, чтобы перед тем, как покидать судно, все обвязались одним крепким линем. Попасть наружу можно было только из средней секции, а люк специально сконструировали очень маленьким, чтобы не нарушать структурной целостности корпуса. Поэтому всем троим пришлось прижаться друг к другу и ждать в тесном пространстве шлюза, пока Толлер отвернет болты. Дверь представляла собой усеченный конус, чтобы внешнее давление плотнее прижимало ее к раме. Свободной рукой Толлер еле-еле вытолкнул деревянный диск наружу.

Завывающий ледяной воздух ударил в лицо. Покрепче ухватив шуплую фигурку Дививвидива и взяв за руку Стинамирта, Толлер выбросился в холодную сверкающую пустоту. Инерция увлекла их за собой, завертела, понесла прочь от корабля. Мгновение спустя уши заложило от оглушающего рева, и вселенная превратилась в ослепительно белое облако — они вошли в полосу выхлопных газов космолета.

Эта круговерт длилась считанные секунды, и вскоре все трое очутились в чистом воздухе, в сотнях миль над поверхностью Дуссарры. Небо над ними было заполнено звездами, галактиками и кометами. В стороне расплзлось блестящее облако снежинок — корабль неторопливо скрывался вдали. Теперь Толлер мог вернуться на родину только при помощи волшебства инопланетного передатчика материи, но в данную секунду у него не было времени строить планы отступления.

Падение сквозь верхние слои атмосферы, когда внизу простираются долгие мили пустого воздуха, — непростое испытание даже для опытного пилота, и Толлер понимал, что Дививвидиву сейчас приходится очень туго. Инопланетянин не дрожал, но движения его рук и ног казались бессмысленными, кроме того, он даже не пытался связаться с ними.

— Давай засунем его в кокон, пока мы до смерти не замерзли, — сказал Толлер. Стинамирт кивнул, и, разом дернув за лить, они притянули Дививвидива к себе. Выпуклость парашюта инопланетянина изрядно мешала, но им все же удалось затолкать Дививвидива в шерстяные внутренности мешка. Они застегнули горловину и открыли вентиляционное отверстие.

«Здесь удобнее, чем я думал, — поделился с ними Дививвидив. — Может быть, я вздремну немножко — но что, если я не смогу выбраться из кокона, когда придет время открывать парашют?»

— Не беспокойся, — крикнул Толлер в отверстие мешка. — Мы не дадим тебе разбиться.

Шарф, закрывающий лицо, мгновенно заledenел от паров дыхания, и даже несмотря на теплый комбинезон, Толлер начал дрожать от холода. Он оттолкнулся от инопланетянина и залез в собственный кокон, сражаясь с постоянно за

что-то цепляющимся мечом. Очутившись в тепле и покое, Толлер понял, с каким нетерпением ждал этого момента, и вдруг ощутил странную вину. Он закрыл глаза и задремал. Падение к далекой планете только началось, и лишь немного погодя они наберут достаточную скорость. Пока же вокруг было тихо, а он очень устал и хотел немного расслабиться...

Некоторое время спустя Толлер проснулся и увидел, что снаружи темно. Тень Дуссарры захватила в свои объятия три искорки жизни, которые, отдавшись на волю гравитации планеты, продолжали путь к поверхности. Интересно, как выглядит чужеродный мир ночью, подумал Толлер и, охваченный внезапным любопытством, приподнялся, открыл горловину кокона и выглянул наружу.

Неподалеку мчались бесформенные тени — коконы Стинамирта и Дививвидива, очерченные серебряными вспышками вселенной, — но взгляд Толлера приковала таинственная планета, распростершаяся внизу. Видимое полушарие погрузилось во тьму, и лишь восточный край его охватывала тонкая бело-голубая полоска. Толлер не раз наблюдал подобное на Море и Верхнем Море, но там ночные области всегда скрывал беспросветный мрак, поэтому он был несколько не готов к зрелищу сумеречной стороны планеты, которая служила домом высокоразвитой цивилизации.

Основные земельные массивы, кажущиеся незначительными в свете дня, превратились в островки желтого сияния, и чем больше сгущалась тьма, тем ярче горели огни, и даже океаны были усеяны блестящими капельками, что вызвало у Толлера образы гигантских кораблей, размерами превосходящих целые города и курсирующих по всей планете в поисках выгодных торговых сделок. Этот мир казался огромной металлической сферой, сквозь дырки в которой пробивался свет, излучаемый каким-то внутренним огнем.

Толлер довольно долго любовался открывшимся ему великолепием, а затем, немного успокоившись и почувствовав себя как бы очистившимся, залез обратно в кокон и застегнул горловину, защищаясь от страшного холода.

Едва приземлившись, он понял, что их обманули и завлекли в ловушку.

Три парашюта открылись практически одновременно, расправив свои купола над поглощенным ночью ландшафтом. Единственным признаком жизни служила тонкая вереница огоньков в нескольких милях к западу. Ветра практически не было, поэтому и у неопытного Дививвидива трудностей при приземлении возникнуть не могло. Толлер даже ощутил прилив давно забытого оптимизма, когда все трое погрузились в высокую, залитую светом звезд траву...

С виду все осталось без изменений. Если глаза его не обманывали, Толлер приземлился на равнине, как две капли воды похожей на любую равнину его родной планеты. Стинамирт и Дививвидив опустились немного левее. Они тоже стояли по пояс в траве — и все-таки Толлер чувствовал под ногами плоскую каменную кладку. Вокруг раскинулось пространство пустынного луга, однако он уловил какое-то движение и ощутил чье-то разумное присутствие.

— Берегись, Бэйтен, — крикнул он, обнажая меч. — Нас предали!

Толлер в гневе повернулся к Дививвидиву, но сутулой фигурки инопланетянина нигде не было видно. Он словно сквозь землю провалился.

«Опусти оружие, Толлер Маракайн. — В голосе Дививвидива прозвучали одновременно дружелюбные и презрительные нотки. — Тебя окружает по меньшей мере тысяча офицеров стабильности. Многие из них вооружены — поэтому любые враждебные действия с твоей стороны могут повлечь за собой твою же смерть».

— Я дорого продам свою жизнь, — прорычал Толлер.

«Может быть, но в таком случае ты никогда не увидишь свою женщину. Она всего лишь в нескольких милях отсюда, и спустя считанные минуты ты можешь оказаться в ее компании. Живым, возможно, ты ей еще послужишь, но вот мертвым...»

Толлер уронил меч. Клинок звякнул о каменную мостовую, и глаза его наполнились слезами разочарования и ярости.

ГЛАВА 14

Лишь когда Толлер и Стинамирт отдались на волю возникших из ниоткуда рук, когда им стянули запястья за спиной, таинственная повязка упала с их глаз. Сигнал от сетчатки, который раньше задерживался внешними силами, наконец достиг мозга, и два колкорронца вновь обрели зрение.

Ночь по-прежнему окутывала окрестности, но залитые светом звезд луга сменились мешаниной тускло светящихся зданий и рядами темных фигур дуссарриан, окруживших Толлера и Стинамирта. Толлер догадался, что они находятся на огромной площади какого-то города. Соседние здания отличались плавными изгибами и округлостями, резко контрастируя с привычной угловатой архитектурой его родной планеты. Неподалеку, несмотря на то что жаркая ночь действительно была безветренной, качались изящные деревца. В бурлящем море облаченных во все черное инопланетных фигур выделялось единственное знакомое лицо — Стинамирт в растерянности глядел на своего командира.

— Похоже, вы все-таки одолели нас, — сказал Толлер нарочито равнодушным голосом. — Волшебство одержало верх над силой.

Дививвидив чуть приблизился, пробившись сквозь шеренгу пахучих тел.

«Я желаю тебе только добра, Толлер Маракайн, поэтому искренне советую позабыть о своих примитивных идеях насчет волшебства и магии. В природе не существует ничего сверхъестественного. То, что естественно для нас, кажется вам волшебством, но это просто потому, что по сравнению с вами мы обладаем куда большими знаниями».

— Которые ничем не отличаются от волшебства. Надо же, человека подвели его собственные глаза.

«Организовать это было совсем несложно. Приблизившись к земле, я воспользовался телепатической помощью некоторых моих сограждан. Стоило нам превзойти тебя и твоего компаньона численностью, как мы начали диктовать вам, что видеть, а что нет. Один-единственный голос бесследно теряется в мощном хоре. И никакого волшебства!»

— Но ты же не будешь отрицать, что тебе просто повезло, — проворчал Толлер, чувствуя, как его подталкивают к только что подъехавшему экипажу. — Мы приземлились рядом с городом, угодили прямо в толпу твоих лакеев... И объяснение тому — либо волшебство, либо слепая удача.

«Ни то, ни другое! — Дививвидив и Толлер потеряли друг друга в толпе, но слова инопланетянина звучали все так же четко и ясно. — Как только от меня поступил сигнал о случившемся, мои товарищи взяли контроль над местными воздушными течениями и проводили нас прямо сюда. Я же предупреждал тебя, Толлер Маракайн, — у твоей миссии не было ни единого шанса на успех.

А теперь я возвращаюсь обратно на пост, поэтому вряд ли мы когда-нибудь еще встретимся, но ты можешь не

опасаться за свою жизнь. В отличие от вас, примитивов, мы, дуссарриане, не...»

Этот жест был несвойственен Дививвидиву, но внезапно цепочка его мыслеформ оборвалась. Последовало секундное колебание, за которым Толлер различил присутствие чувства вины, а затем ментальный контакт прервался. Концепция телепатии была еще в диковинку Толлеру, поэтому он почувствовал некоторое удивление, обнаружив, что способен воспроизводить в уме неизвестные прежде слова, однако ему вдруг показалось, что инопланетянин перенес неожиданный укол совести, возможно, вызванный стрессом после падения с огромной высоты.

«Виноват! — Слово это назойливым комариком билось и жужжало внутри смущенного мозга Толлера. — Неужели серая морда снова солгал? Нас с Бэйтенем облапошили? И сейчас ведут напрямиком на эшафот?»

Страдая от отсутствия опыта, он вновь неловко попытался дотянуться своим мозгом до единственного знакомого дуссаррианина, но ответом была ментальная пустота. Дививвидив исчез и отныне принадлежал уже прошлому, а времени на подробный анализ воспоминаний не оставалось. Повозка, вынырнувшая из ночных проулков инопланетного города, смахивала на громадное черное яйцо. Она качалась над сплошным полотном дороги на расстоянии вытянутой руки. В боку ее появилось отверстие, хотя Толлер никаких вспомогательных механизмов не заметил: только что корпус представлял собой сплошной черный овал, и вдруг в нем открылся круглый люк, ведущий в светящиеся призрачно-красным цветом недра. Дюжины рук начали подталкивать его и Стинамирта к повозке.

Первым побуждением Толлера было сопротивляться изо всех сил, бороться до конца, но где-то внутри него еще оставалась надежда, что Дививвидив на самом деле им не

враг. Надежда была призрачной — она основывалась на тонких нюансах и двусмысленных намеках и еще на том, что инопланетянин обладает чувством юмора, — но Толлеру не оставалось выбора, поэтому он последовал за этой тусклой путеводной звездой.

Вместе со Стинамиртом он забрался в повозку, и она легонько качнулась под их весом. Дверь исчезла, словно расплавленный металл вновь обрел поверхностное натяжение, и внезапно навалившаяся тяжесть подсказала Толлеру, что повозка поднялась в ночное небо. Сиденья отсутствовали, но это не имело значения — внутри было очень тесно, потому что толстые комбинезоны двух колкорронцев занимали почти все место. Легче просто постоять. Спустя некоторое время Толлер весь покрылся потом, но практически не ощущал этих липких ручейков, сбегających по спине.

— Ну что ж, Бэйтен, — сказал он удрученно. — Я тебя предупреждал, что так все и обернется.

— А я не жалуюсь, — вымученно улыбнулся Стинамирт. — Скоро я увижу такое, о чем и не мечтал, а жизнь моя вне опасности.

— Это если верить словам серой морды — а он уже достаточно наврал.

— У него были на то причины! Но на этот раз ему просто незачем врать.

— Надеюсь, ты прав. — Толлер припомнил странное колебание, телепатический призрак вины и раскаяния, проскользнувший в последнем контакте с Дививвидивом, но не успел он толком поразмыслить над этой загадкой, как Стинамирт вдруг повалился на него — направление полета резко изменилось. Вслед за этим раздался едва слышный щелчок, и повозка остановилась. В стене появилась маленькая дырочка и начала расти — вскоре перед ними зияла круглая дверь.

За ней открывался короткий коридор, напоминающий испещренную пятнышками половинку разрезанной поперек стеклянной трубы. В материале виднелись серые, желтые и оранжевые вкрапления, стены и потолок тускло светились — то ли сами собой, то ли подсвеченные снаружи. Толлер посмотрел по сторонам и увидел, что край этой полутрубы настолько плотно примыкает к повозке, что в щелку не пролезет даже листок самой тонкой бумаги. Он всмотрелся в глубь коридора. Тот упирался в выпуклую стену с маленьким круглым отверстием в центре, которое то открывалось, то закрывалось. Несмотря на усталость и опустошенность, Толлер припомнил определенные биологические параллели.

— А что, поприветствовать нас никто не желает? — спросил он у Стинамирта и неловко вылез из повозки. Толстый костюм мешал двигаться, тем более что руки все еще были связаны за спиной. Как только он и Стинамирт достигли конца коридора, отверстие расширилось, открывая доступ в большое помещение — круглую залу, наполненную лестницами и галереями. Этот образчик инопланетного собора в другое время, несомненно, заинтересовал бы Толлера, но сейчас ему было не до архитектурных изысков. Взгляд его остановился на небольшой группке женщин, бегущих им навстречу.

И впереди них спешила графиня Вантара!

— Толлер! — выкрикнула она, и ее прекрасные черты засветились нечеловеческой радостью. — Толлер, любовь моя! Ты пришел, ты пришел, ты пришел... Я так и знала, что это будешь ты!

Она так импульсивно кинулась ему на шею, что он чуть не упал. Прижавшись к Толлеру, графиня страстно поцеловала его, и ее язык требовательно скользнул к нему в рот... Толлер был ошеломлен, все его чувства пришли в

смятение, поэтому он даже не заметил, как кругленькая фигурка лейтенанта Пертри подошла сзади. Лейтенант начала развязывать ему руки, а трое других членов команды занялись Стинамиртом. Вантара, все еще не отпуская Толлера, слегка отстранилась и лишь тогда поняла, что на самом деле происходит.

— Так ты пленник! — горько констатировала она. — Тебя поймали точно так же, как и нас! — Она оттолкнула Толлера, и на лице ее проступили разочарование и ярость. — Что, твой корабль тоже врезался в этот странный риф?

— Нет. Мы подошли к нему днем, и мне удалось обогнуть его. Добравшись до Прада, я узнал, что твое судно еще не прибыло, и немедленно отправился на поиски.

— А где же твои войска?

Толлер потер затекшие запястья:

— Нет никаких войск — только я и Бэйтэн.

Челюсть Вантары отвисла. Она недоверчиво посмотрела на лейтенанта:

— И ты, командуя армией из одного человека, осмелился бросить вызов инопланетной расе?!

— В то время я даже не подозревал о присутствии враждебной силы, — неловко признался Толлер. — Я думал только о твоём спасении. Кроме того, в такой ситуации двое или тысяча — никакой разницы нет!

— Ушам своим не верю, Толлер Маракайн проповедует пораженчество! Или, может, передо мной самозванец, подосланный этими грязными тварями? — Толлер не успел и слова сказать, как Вантара отвернулась и быстрым шагом направилась к ближайшей лестнице.

«Сначала я был безрассудно храбр — теперь я чересчур робок», — подумал Толлер, чувствуя обиду. В смущении он посмотрел на трех молодых женщин в пилотской униформе, которые занимались Стинамиртом. Они помогали

ему освободиться от комбинезона и в то же самое время — с явным дружелюбием — улыбались и засыпали вопросами. Стинамирт выглядел несколько сконфуженным, но лицо его лучилось довольством.

— Вы уж извините моего командира. Она аристократ по воспитанию, — произнесла лейтенант Пертри, а в глазах ее прыгали смешливые искорки. — Нельзя сказать, что нас держат здесь на хлебе и воде, но графиня — будучи королевских кровей и, следовательно, обладая повышенной чувствительностью — находит условия нашего содержания несколько унижительными.

Толлер был почти благодарен той жаркой волне гнева, которая нахлынула на него и вернула к реальности.

— Я прекрасно помню вас, лейтенант. Вижу, вы по-прежнему при любом удобном случае нарушаете правила субординации и демонстрируете неуважение к старшим офицерам.

— А я прекрасно помню вас, капитан, и вижу, вы по-прежнему одержимы страстью и ничего вокруг себя не замечаете.

— Лейтенант, я не позволю, чтобы...

Толлер запнулся на середине предложения, внезапно вспомнив, что сам разрешил Стинамирту участвовать в экспедиции только при условии, если они забудут о прежнем различии в рангах и классах. Он смущенно улыбнулся и начал выбираться из жарких недр комбинезона.

— Простите, — сказал он. — От старых привычек не легко отказаться. Я не раз слышал, как вас зовут, но, признаюсь честно, все время забываю ваше имя...

— Джерин.

— А мое — Толлер, — снова улыбнулся он. — Может быть, мы подружмся и плечом к плечу встанем против общего врага?

Он ожидал, что толстушка сразу смягчится, и был немало удивлен, увидев тревогу на ее кругленьком личике.

— Значит, это правда, — выдохнула она, растеряв вдруг всю самоуверенность. — Раньше вы так не говорили. Ну так скажи мне, Толлер, нас и впрямь перенесли на другую планету? Пути домой нет? Эта тюрьма действительно находится на каком-то необычном небесном теле в миллионах миль от Верхнего Мира?

— Да. — Толлер заметил, что три другие девушки тоже внимательно слушают его. — А вы что, ничего не знали?

— Когда стемнело, до маневра переворота оставалось еще часа два, — задумчиво начала Джерин. — Было решено сбросить скорость и совершить маневр, как только проглянут первые лучи...

Она описала ему, как команда, большинство членов которой спали, была разбужена страшным скрежетом, донесшимся со стороны баллона. Затем треснули все четыре подпорки, и обломки насквозь прошли парусину. Сразу вслед за этим волна газа накрыла команду, и шар начал резко уменьшаться в размерах. Ужас и смятение только усилились, когда гондола запуталась в складках поврежденного баллона.

Прошло несколько страшных минут, прежде чем перепуганным до смерти астронавтам удалось выбраться наружу. Призрачного свечения Мира как раз хватило, чтобы сделать невероятное открытие — их судно натолкнулось на кристаллическую пластину, которая, казалось, раскинулась до самого горизонта, напоминая замерзшее море. А всего лишь в нескольких фарлонгах от места крушения — чудо следовало за чудом — возвышался фантастический замок, прекрасный и загадочный, темным силуэтом выделяющийся на серебряном фоне космоса.

К счастью, воздухооструев хватило на всех, и вскоре они приблизились к замку. Каким-то образом им удалось отыс-

кать в его металлической обшивке дверь. Они вошли и непонятно как очутились в этом серо-желтом соборе. Не прошло и секунды, как они вдруг стали пленниками...

— Я подозревал нечто подобное, — подвел итог Толлер, когда лейтенант закончила рассказ. — Что-то подсказывало мне, что она... что все вы еще живы.

— Но что с нами случилось?

— Дуссарриане использовали усыпляющий газ. Должно быть...

— До этого мы и сами додумались, — перебила Джерин, — но что дальше? Нам сказали, будто нас волшебством перенесли на другой мир, но все это — пустые байки. По-моему, мы все еще где-то в глубинах замка. Да, мы весим как обычно, будто находимся на поверхности планеты, но это опять-таки может быть волшебством.

Толлер покачал головой:

— Мне, конечно, очень жаль, но все рассказанное вам — чистая правда. Эти инопланетяне способны путешествовать от звезды к звезде со скоростью мысли. Вас перенесли — не успели вы и глазом моргнуть — на их родную планету Дуссарру.

Его слова вызвали среди женщин смешанную реакцию — кто-то с отчаянием в голосе вскрикнул, кто-то недоверчиво прищурился. Высокая, со вздернутым носиком блондинка в униформе капрала расхохоталась и что-то прошептала стоящей рядом девушке. До Толлера вдруг дошло, что уроки космологии и галактической истории, полученные им и Стинамиртом от Дививвидива, в корне изменили их внутреннее «я». Теперь они оба разительно отличались от своих соотечественников. Он наконец понял — ощутив при этом некоторую неловкость, — какими упрямыми и невежественными они выглядели в глазах Дививвидива.

— А откуда ты знаешь, что вся эта болтовня насчет магического перемещения по небосводу — правда? —

усмехнулась Джерин. — Ты-то тоже небось руководствуешься одними сказками этих чудищ, как и все мы.

— Вовсе нет! — возразил Толлер, снова начав выпутываться из своего костюма. — Когда Бэйтен и я проникли в «замок» — по-моему, так вы называете станцию, — мы захватили его трупобразного хозяина в плен, приставив тому клинок к горлу. А затем мы перевезли его в виде заложника на старый, добрый колкорронский космолет. Так что, уверяем вас, в данный момент все мы находимся в миллионах миль от Верхнего Мира. Мы на родной планете захватчиков.

Глаза Джерин расширились, а лицо залилось румянцем.

— Ты пошел на это ради... — Она бросила взгляд на лестницу, где скрылась Вантара. — Ты запустил один из древних космолетов Группы Обороны... отправился на нем на другую планету... и все ради...

— Для высадки мы решили воспользоваться парашютами и прихватили с собой нашего пленника, — вмешался Стинаморт, прервав затянувшееся молчание. — Но только эти проклятые лысые твари подавили наши чувства и ослепили нас, поэтому мы попали в засаду. Имей мы шанс сразиться с ними в открытую, честь по чести, исход мог бы быть совсем другим. Мы бы вошли сюда с нашим заложником, трясущимся за свою шкуру, так как к его горлу было прижато лезвие меча, — и обменяли его на вас.

— Я должна доложить об этом капитану, — произнесла Джерин, слегка задыхаясь и широко раскрытыми глазами изучая лицо Толлера. — Ее непременно следует поставить в известность.

— Она до сих пор считает, что мы находимся в зоне невесомости! — Толлер облегченно вздохнул и улыбнулся, поняв наконец, почему отношение к нему Вантары так резко переменялось. — Естественно, она ожидала, что меня со-

проводит целая армада, и, конечно, была разочарована, услышав обратное.

— Да, но прояви она чуть больше терпения... — Стин-мирт прервался на полуслове и виновато опустил голову.

— Что ты сказал, Бэйтен? — яростно глянул на него Толлер.

— Ничего! Ничего!

— Сэр? — Вперед выступила высокая блондинка. — Вы не могли бы сообщить нам, сколько нас здесь уже держат?

— А в чем дело? Вы потеряли счет дням?

— Здесь нет понятий дня и ночи. Свет еще ни разу не гас.

Толлер, который пытался смириться с перспективой длительного заключения, видел мало привлекательного в жизни при постоянно горящих лампах.

— Кажется, вы пробыли здесь дней двадцать пять. А как же насчет еды? Вы могли бы вести отсчет завтраков, обедов и ужинов.

— Обедов и ужинов! — криво усмехнулась блондинка. — В каждой камере стоит корзина с запасом еды, который чудища то и дело пополняют. Это кубики... Ну, в общем, у каждой из нас имеется собственное мнение на тот счет, чем нас кормят.

— По-моему, это просто перченое мясо синерога, — удрученно произнесла смуглая женщина в форме рядового.

— Перченое дерьмо синерога! — вставила третья летчица, шатенка, передернувшись от отвращения, чем нескладно развеселила своих подруг. Она была коротко подстрижена, что абсолютно не шло ее очень симпатичному личику.

— Это Традло, Мистекка и Арванд, — пояснила Джерин, по очереди указывая на девушек. — Наверное, ты уже мог заметить, что они абсолютно забыли, как себя следует вести в присутствии офицера.

— Ранги для меня больше ничего не значат. — Толлер кивнул женщинам. — Говорите что хотите и поступайте по своему усмотрению.

— В таком случае... — Арванд бочком подобралась к Стинамирту, схватила его за руку и одарила теплой улыбкой. — В постели одному так тоскливо — как ты считаешь?

— Это нечестно! — воскликнула белокурая Традло, хватая Стинамирта за другую руку. Бедняга совсем смешался. — Всем поровну!

Толлер хотел было направиться на поиски Вантары, но по лицу Джерин заметил, что разговор еще не завершен. Он неохотно отошел в сторонку, где они могли бы побеседовать наедине.

— Толлер, я прошу прощения, что так относилась к тебе, — смущенно начала она. — Ты всегда казался таким хвастуном... и твой меч... Ты так старался подражать своему деду, что все, кто был знаком с тобой, считали тебя тщеславным и заносчивым, хотя сейчас я сама не понимаю почему.

Но то, что ты сделал... ведь ты летел на одном из этих древних деревянных бочонков сквозь черные глубины космоса и добрался до другой планеты... и вот ты здесь...

Одним словом, я хочу сказать, что Вантара — наисчастливейшая женщина за всю историю и что тебе больше никогда не придется жить в тени своего деда. Теперь не может быть никаких сомнений — вы достойны друг друга.

Толлер моргнул — в глаз ему попала какая-то соринка.

— Я очень ценю то, что ты мне сказала, но я всего лишь...

— Скажи мне лучше вот что. — Джерин переключилась на деловой тон несколько раньше, чем того хотелось бы Толлеру. — Эти монстры заколдовали нас? Почему мы

слышим то, что они говорят, когда их даже нет рядом, когда ни единого звука не раздается? Это волшебство?

— Никакого волшебства здесь нет, — начал объяснять Толлер, снова почувствовав, какая пропасть пролегла между ним и его соотечественниками. — Дуссарриане так общаются друг с другом. Они ушли далеко вперед в своем развитии, поэтому теперь им не требуется изъясняться словами. Они общаются мысленно и могут связаться друг с другом на огромном расстоянии. Неужели вам этого не объяснили?

— Нам ничего подобного не говорили. Мы для них не больше чем животные в зоопарке.

— Думаю, я получил эти знания просто потому, что инопланетянин, с которым я общался, тянул время ради сохранения собственной жизни. — Толлер с отвращением оглядел галереи. — И когда обычно дуссарриане связываются с вами?

— Есть тут один... его все зовут директором, — ответила Джерин. — Он может говорить с нами часами — постоянно задает вопросы о нашей жизни на Верхнем Мире, о наших семьях, о нашей пище, фермах, о различиях между одеждой мужчин и женщин... Его интересует каждая мелочь. А есть еще один, хотя скорее всего это женщина, которая все время отдает приказы.

— И что она приказывает?

Джерин пожала плечами:

— Выйти из клеток, собраться тут, на полу... и тому подобное. Мы остаемся здесь, пока один из монстров меняет воду, разносит новые кубики.

— А этот так называемый директор посещал вас хоть раз лично? Вас осматривали какие-нибудь важные дуссарриане?

— Сложно сказать. Иногда мы видим целые группы монстров вон за той загородкой, но... — Джерин показала

на застекленное, похожее на большую коробку сооружение, которое закрывало один из входов в купол, и задумчиво посмотрела на Толлера. — А почему тебя это так интересует, Толлер?

— Я лишился отличного заложника, — улыбнулся он, — и теперь подыскиваю очередного кандидата на эту должность.

— Но после всего того, что ты рассказал нам... Отсюда не сбежишь.

— Вот здесь ты не права, — тихо произнес Толлер, нахмурившись. — Убежать можно откуда угодно... если только задаться целью... и отважиться на риск, который обязательно присутствует при побеге...

Толлер и Стинамирт спорили о традиционных и современных методах мебелировки комнат, делая особый упор на дизайн стульев.

— Ты не забывай, железо мы получили всего пятьдесят лет назад, — сказал Толлер. — Скобы и уголки непременно изменятся, а потом отойдут и деревянные болты.

— Неправда, — возражал Стинамирт. — К мебели надо относиться как к творениям художника. Стул — это та же скульптура, хотя с таким же успехом его можно назвать приспособлением для поддержки толстых задниц. Да любой чувствующий искусство человек скажет тебе, что дерево может сочетаться только с деревом. Шипы должны быть естественными, Толлер, и хотя стулья получаются не такими прочными, как твои деревянно-металлические гибриды, в них есть некая чистота, которая...

Он продолжал говорить, а Толлер тем временем встал на колени и попробовал поддеть пол галереи большой иглой для починки сетей, вытащенной из сумки, где хранилось все необходимое для ремонта кораблей. Толлер поднял взгляд и покачал головой, показывая, что покрытие

слишком хорошо прикреплено к полу; план содрать его и неожиданно свалиться на голову стоящим внизу оказался несостоятельным. Они находились в галерее, проходящей прямо над комнатой, где, если верить лейтенанту Пертри, периодически появлялись группы дуссарриан для обозрения пленников.

— Да, после Переселения и до сих пор только состоятельные люди могут пользоваться услугами опытных столяров и плотников, — заметил Толлер, выпрямляясь. — Но у обычных людей тоже должно быть хотя бы что-нибудь, на чем можно пристроить зад — а я сомневаюсь, что их задницы слишком уж толстые, — иначе им придется сидеть на голом полу.

Толлер и Стинамирт вслух разговаривали о мебели — это вызывало у них в мозгу образы всяческих планок, шипов и рам, — а сами между тем пытались отыскать слабое место в строении тюрьмы. Продолжая увлеченно дискутировать, они спустились вниз и приблизились к самой комнатке. В темном бездонном мире телепатических связей они были пока новичками, настоящими примитивами, но из бесед с Дививвидивом они узнали достаточно для понимания того, что инопланетяне не так уж неуязвимы и вполне могут быть обмануты. Наверняка за мыслительными процессами пленников сейчас следят, но колкорронцы — воины по духу и обладают прирожденным талантом завлечь врагов в ловушку.

— Но ты же не собираешься отрицать, что двери стали значительно удобнее, когда к ним добавили железные петли, — возмутился Толлер, подходя к комнатке. Любой ремесленник с Мира или Верхнего Мира построил бы для наблюдения примерно такую же конструкцию. Это была прямоугольная коробка, примыкающая одним боком к стене возле входа в купол. Три другие ее плоскости упирались

в пол проходящей над ней галереи. Примерно на уровне пояса начиналось стекло, которое шло до самого верха.

Все еще споря по поводу истории развития плотничного дела, Толлер как бы невзначай прислонился плечом к углу комнаты и почувствовал, что она легонько подалась под его весом. Самый рослый из виденных им дуссарриан доходил ему максимум до плеча, кроме того, Толлер был и значительно тяжелее инопланетян — весил по меньшей мере в три раза больше обычного дуссаррианнина. К тому же он был намного сильнее их физически — из-за различий в общей мускульной массе. Колкорронец представлял собой силу, с которой Дививвидиву и его расе еще не приходилось сталкиваться. Таким образом, вполне вероятно, что комнатка, казавшаяся надежным убежищем любому дуссаррианнину, могла быть разнесена в щепки простым нажатием плеч Толлера и Стинамирта.

Инопланетяне обладали многими неоспоримыми преимуществами над горсткой колкорронцев, но — во всяком случае, так надеялся Толлер — они были слишком самоуверенны, чересчур самодовольны. Их лучшие мыслители тратили силы на обдумывание всяких абстрактных проблем — например, причин исчезновения целых галактик, — и не замечали, что творится под самым носом. Они были похожи на великих королей, готовящихся противостоять мириадам врагов и не видящих телохранителя, подносящего кубок с ядом или улыбающуюся наложницу, сжимающую острый кинжал...

— Да, признаю, насчет дверей и дверных рам ты абсолютно прав, но это скорее исключение, — сказал Стинамирт, постучав ногой по панели и многозначительно кивнув. — Здесь металл пришелся к месту, но что касается стульев и столов — насчет этого я с тобой никогда не соглашусь.

— Посмотрим, посмотрим, — ответил Толлер, и друзья продолжили свою неспешную прогулку по куполу.

Они находились в заключении всего каких-то несколько часов, но нетерпеливая и беспокойная натура Толлера уже восстала против монотонности местного существования. Телепатический голос, в котором проскальзывали едва различимые типично женские нотки, направил их со Стинамиртом в клетки, расположенные на ближайшей от входа галерее. Толлер быстренько осмотрел свою каморку и, заупрямившись из принципа, заявил, что ему она не нравится и здесь он жить не будет. Пускай подадут ему другие апартаменты. Так как клетки ничем не отличались друг от друга и даже не имели дверей, ему было без разницы, где жить, но соответствующей реакции, которую он надеялся спровоцировать, не последовало.

Он немного повалялся на губчатом блоке, заменяющем кровать, но безделье ему быстро наскучило, и он пошел навестить Вантару. Ее отношение, думал Толлер, изменится, как только она узнает от Джерин, что он просто не мог привести за собой целую освободительную армию. Однако Вантара продемонстрировала полное равнодушие и, не произнеся ни слова, отвернулась к стенке своей камеры, рядом с которой располагались места заключения других женщин. Попытавшись отнестись к вопросу философски, Толлер решил, что любая женщина впадет в депрессию, когда ей вдруг говорят, что она заточена на планете, которая крутится в миллионах миль от ее дома.

Движимый жаждой деятельности, он внимательно обследовал каждую галерею купола. Помещение оказалось достаточно большим, чтобы вместить в двадцать раз больше пленников, но ни в одной из безликих клеток не обнаружилось никаких следов предыдущих обитателей. Неужели это место изначально предназначалось под тюрьму? И

есть ли вообще у дуссарриан тюрьмы? Или этот купол, наполненный стерильной, не дающей теней иллюминацией, был когда-то зоопарком? Птичьей клеткой?

Этот поток вопросов заставил шевельнуться какое-то далекое воспоминание. Перед тем как Толлер и Дививвидив расстались, возможно, навсегда, ум маленького инопланетянина омрачила какая-то странная эмоция. Толлер интуитивно определил в ней вину — и, оглядываясь сейчас назад, он лишний раз убедился в собственной правоте. Тогда Толлер боялся, не ведут ли их со Стинамиртом на казнь, но его опасения не оправдались — так что же породило беспокойство и вину в чуждой душе Дививвидива?

Кроме того, оставался еще открытым вопрос о Кса — о том фантастическом море из живого кристалла — и о причинах его присутствия в зоне невесомости между Миром и Верхним Миром. Теперь, когда в уме Толлера кишмя кишели всякие невероятные концепции, когда странность превратилась в норму, он совершенно спокойно принял тот факт, что Кса должен зашвырнуть целую планету в самое сердце галактики, расположенной в миллионах световых лет отсюда.

Когда Дививвидив рассказал ему о Кса, он не придал его словам никакого значения — это было слишком далеко от реальной жизни на планетах-сестрах. Тогда это выглядело умозрительной болтовней, воздушным дворцом, возведенным из призрачных абстракций, — но сейчас все было иначе!

Он, Вантара и их друзья были заключены на этом злополучном мирке и... и...

Лоб Толлера наморщился. В голове у него замелькали картинки-образы. Во время первой встречи с Дививвидивом инопланетянин сказал Толлеру, что межгалактический прыжок должен состояться через шесть дней. Шесть

или, может, больше? Нет, все точно, шесть дней... полет к Дуссарре занял приблизительно четыре дня... а затем они теряли драгоценное время, падая в коконах к поверхности планеты...

Ледяной пот проступил на спине Толлера, когда он понял, что часы, оставшиеся у маленькой компании колкороновцев, можно буквально по пальцам пересчитать.

Или, может, не часы — минуты...

ГЛАВА 15

Словно в ответ на его молитвы за металлическо-стеклянным экраном появились облаченные в черное фигуры с опущенными на мертвенного цвета лица капюшонами.

Толлер мгновенно прервал нить размышлений — унял сумятицу в мыслях, попытался думать и одновременно не думать. Как только он понял, что потрясающий прыжок в отдаленную часть вселенной должен свершиться в самом ближайшем будущем, им овладел пессимизм. Ему действительно нужен был новый заложник, чтобы замерцал хоть лучик надежды на побег с Дуссарры, но, как бы между делом упомянув об этом Джерин, он всего лишь бравировал, маскируя отчаяние и неуверенность. Его общество не раз сталкивалось лицом к лицу с кризисами, и хотя вряд ли здесь можно было провести какие-либо параллели, Толлер не представлял себе, чтобы группа высокопоставленных чиновников или ученых Верхнего Мира решила вдруг в такой ответственный момент посетить зоопарк.

Тем не менее под неестественным, безрадостным светом купола показалось несколько врагов — они поступали очень опрометчиво, сами напрашивались на роль жертв и

провоцировали нападение. Вероятность, что план колкоропцев сработает, была ничтожно мала, но само существование этой вероятности — какой бы незначительной она ни выглядела — явилось тем импульсом, которого не хватало Толлеру...

Он быстрым шагом направился туда, где Стинамирт и двое пилотов — Мистекка и Арванд — сидели скрестив ноги и что-то бурно обсуждали. Женщины, прервавшись, вопросительно посмотрели на него, но Бэйтен, увидев лицо Толлера, торопливо вскочил на ноги.

— Пора, Бэйтен, — тихонько сказал Толлер. — Думай о каких-нибудь отвлеченных материях, а сам следуй за мной — это, наверное, наш единственный шанс. — Он повернулся к женщинам. — Ступайте и скажите Вантаре и Джерин, чтобы готовились. Нам придется действовать быстро.

Он развернулся и пошел к комнате, в которой собралось примерно с дюжину дуссарриан. Стинамирт следовал за ним по пятам.

— Надавим на правый угол коробки... да, из кейлианского черного винограда получается самое ароматное вино... Зайдем справа и разом ударим... но, на мой вкус, оно все-таки кисловато...

Изгнав все связные мысли из сознания и отдавшись на волю слепому гневу, Толлер огромными прыжками кинулся вперед. Боковая стенка комнаты приближалась, и он увидел, как в его сторону начали поворачиваться серые лица. Он уже набрал достаточную скорость, а за спиной раздавалось шумное пыхтение Стинамирта, который старался не отставать. Конструкция из металла и стекла закрыла собой весь обзор, и внутри Толлера завопил инстинкт самосохранения, приказывая ему остановиться, иначе дело закончится переломами.

Пыхтя, как громадный зверь, Толлер врзался в комнату плечом и почувствовал, как край одной из панелей

оторвался от стены купола. Стинамирт ударил почти в ту же секунду, с разгону въехав ногами в нижнюю панель, которую выбрал своей целью. Преграда треснула пополам и подалась внутрь, загоня в угол нескольких дуссарриан и прижимая их к стене. Огромный кусок стекла падал на поднимающегося на ноги Стинамирта. Толлер уже с ужасом представлял, как стекло рассыпается на тысячи обоюдоострых ножей, но панель, не причинив никому вреда, бесшумно скользнула на пол. Послышались странные мяукающие крики — Толлер впервые слышал звуки, производимые ртами инопланетян. Дуссарриане в панике бросились к выходу.

— Ну зачем же так спешить? — крикнул вслед Толлер, прижимая плечом металлическую панель и удерживая попавшихся в плен инопланетян. — У нас здесь остались трое ваших, им может потребоваться срочная медицинская помощь.

Острым взглядом он окинул пленников. Двое из них оставались на ногах и не могли и пальцем пошевелить, прижатые к стене металлической пластиной, их мертвенно-бледные лица яростно взирали на Толлера с расстояния нескольких дюймов. Третий инопланетянин, сбитый ударом и очутившийся внутри стального сэндвича, скорее всего либо был без сознания, либо вообще погиб. Разглядывая стоящую парочку, Толлер даже не пытался скрыть отвращение, которое вызывали в нем эти безносые лица и дрожащие черные полосы губ. Инопланетяне не издавали ни звука, но голову Толлера переполняли встревоженные телепатические вопли. Это было ментальное выражение неприкрытого страха — обнадеживающее напоминание, что дуссарриане отнюдь не прирожденные воины. Этот страх был благоприятным знамением для Толлера.

— Проверь, готовы ли женщины, — крикнул он Стинамирту. — А я тем временем постараюсь убедить этих тварей вести себя разумно.

Стинамирт кивнул и помчался к женщинам, которые столпились у подножия лестницы, а Толлер опять повернулся к своим жертвам. Все прочие инопланетяне, в своих черных одеяниях похожие друг на друга как дождевые капли, теснились у самой двери, ведущей к выходу из купола. Густой запах их тел наполнял узкое пространство.

— Ну, кошмарики, кто из вас главный? — рявкнул Толлер. — Кто будет говорить за остальных?

Инопланетяне ничего не ответили. Секунда шла за секундой, а они все глазели на Толлера своими белыми фарфоровыми глазками с черными дырочками. Хотя в мозгу Толлера не звучало никаких телепатических голосов, он ничуть не сомневался, что сейчас пленники мысленно зывают к другим дуссаррианам. Подумав об этом, он решил подкрепить слова действием.

— Вижу, вы крепкие ребята и просто так не сдадитесь, — сказал он, одарив инопланетян доброжелательной улыбочкой, которой обычно предварял какое-нибудь решительное действие. Эту особенность он тоже унаследовал от деда — по крайней мере так ему говорили — и подсознательно развивал ее с раннего детства. Без лишних слов он уперся покрепче в пол и что было сил нажал на панель. Инопланетяне, зажатые между ней и стеной, захрипели, их пепельные лица перекосились от боли, и Толлер вроде бы даже услышал, как хрустнула хрупкая кость.

«Остановись, дикарь! — Один из столпившихся у выхода дуссарриан шагнул вперед. — Нет прощения такому варварству!»

— Очень может быть, — ответил Толлер, учтиво поклонившись, — но если бы ты и твои отвратительные согражда-

не не захватили нас и не обращались, как со зверьем — по моему, это тоже варварство, только с вашей стороны, — вам бы не пришлось столкнуться с моим варварством. Ясна причина? Или понятие естественной справедливости доступно только тупоголовым примитивам?

«Примитив — самое подходящее определение для тебя, Толлер Маракайн, — прозвучал мысленный ответ инопланетянина. — Неужели ты до сих пор не понял, что вам не удастся покинуть эту планету?»

— А неужели вы до сих пор не поняли, что я покину эту планету — так или иначе? И если единственным выходом будет смерть, я постараюсь прихватить с собой и кое-кого из ваших. — Толлер взглянул налево и увидел, что девушки и Стинамирт уже на подходе. К его удивлению, Вантара держалась позади всех и смотрела на него нерешительными, обеспокоенными глазами.

— Мы здесь, Толлер, — крикнул Стинамирт.

— Замечательно! — Толлер вновь повернулся к инопланетянину. — Раз ты добровольно вызвался говорить со мной, значит, я могу сделать вывод, что ты весьма важная фигура. Таким образом, тебе предоставляется великая честь стать моим заложником. Ну-ка, ко мне, живо!

«А если я откажусь?»

— Я только легонько придавил этих типичных представителей мужского населения Дуссарры, а их жалкие косточки уже затрещали. — Пленники Толлера беспокойно закрутили головами, когда тот взялся за панель поудобнее, демонстрируя свои намерения.

«Убив моих помощников, ты потеряешь и то небольшое преимущество, которого временно достиг».

— Это только начало, — пообещал Толлер, жалея, что под рукой нет меча. Он считал, что дуссарриане не обладают мужеством, но этот инопланетянин демонстрировал не-

виданное упорство. Внешне он ничем не отличался от остальных — причудливые одеяния из свисающих черных заплат были обычным явлением в среде инопланетян, — но этот индивид производил впечатление более важной персоны, чем, к примеру, тот же Дививвидив.

«А может... — Где-то в глубинах сознания Толлера начала зарождаться смутная догадка. — Может быть, госпожа Удача подкинула мне самого ценного заложника, какого только можно представить? Вдруг этот ничем не выделяющийся, невзрачный тип — король дуссарриан? Что там за титул использовал Дививвидив? Директор! А имя? Заннанан!»

— Скажи-ка мне, плешиный, — произнес он вкрадчиво, — а как тебя зовут?

«Мое имя не имеет значения, — ответил инопланетянин. — Я в последний раз взываю к твоему разуму. Твой план — если к подобному безумству вообще применимо это понятие — состоит в том, чтобы силой заставить нас отправить всех вас туда, откуда вы пришли, используя для этого мгновенный передатчик материи. После чего ты и твои товарищи на баллоне или на парашютах вернетесь на одну из родных планет. Я правильно изложил твои чаяния?»

— С чем тебя и поздравляю, трупотыщ! — Отказ инопланетянина назвать свое имя только приободрил Толлера и добавил ему мужества.

«Этот план несостоятелен! Более рациональные члены твоей группы испытывают насчет него большие сомнения, и в данном случае они поступают исключительно мудро».

Толлер снова посмотрел на Вантару, но она сразу опустила голову, отказываясь встретиться с ним взглядом.

«Я не волен вдаваться сейчас в подробности, Толлер Маракан, — продолжал инопланетянин, — но, поверь, вам необыкновенно повезло попасть на Дуссарру именно в этот момент. Ты должен поверить, что я...»

— Я верю только в одно! Ты король дуссарриан, — заорал Толлер, давая выход ярости, которую новые опасности только подогрели. — Все, наши переговоры чересчур затянулись! Либо говори мне свое имя, либо — клянись честью — я так пощекочу эту троицу, что они заплачут кровавыми слезами!

Уродливая фигура поднесла руку к выпуклой груди:
«Меня зовут Заннанан».

— Так я и думал! — Толлер триумфально оглянулся на Вантару, Стинамирта и других. — А теперь я даю тебе...

«Больше ты ничего не сможешь сделать, — прервал Толлера Заннанан. — Я намеревался подробнее изучить психологические отношения между тобой и твоей женщиной, но пришел к выводу, что в неуправляемом состоянии ты либо убьешь себя, либо причинишь хлопот больше, чем того стоишь. Соответственно, я решил прекратить твое существование».

Толлер покачал головой, и голос его изменился до неузнаваемости:

— Меня не так-то легко убить.

«О, я вовсе не собираюсь убивать тебя. — В психотоне дуссаррианина проскользнули веселые и уверенные оттенки. — Твое тело останется неповрежденным — оно еще пригодится мне для экспериментов по спариванию, — но в него я переселю другую, более мирную личность».

— Ничего у тебя не получится!

«Еще как получится! По сути дела, процесс замещения личностей уже пошел — ты поймешь это, как только попробуешь сдвинуться с места. — Рот Заннанана искривился в ужасной пародии на улыбку. — Ты был абсолютно прав, когда начал подозревать, что наши переговоры чересчур затянулись. Я приказал своим людям образовать телепатическую линзу. И эта линза сейчас настроена на твой

мозг. Через несколько секунд ты перестанешь существовать.

Прощай, Толлер Маракайн!»

Толлер попытался было кинуться на инопланетянина, но, как тот и предсказывал, не смог даже пальцем пошевелить. И что-то начало происходить внутри его головы. Толлер почувствовал, как кто-то вторгается к нему в мозг, и со стыдом вдруг понял, что испытывает неземную радость — жизнь Толлера Маракайна-младшего всегда была утомительной и скучной, и теперь пришло время, когда он может — с превеликим удовольствием — сбросить с плеч эту тяжкую ношу...

ГЛАВА 16

— Двенадцать кораблей! И это все? — Дасина укоряюще посмотрела на Кассилла Маракайна. — Я была уверена, что мы сможем набрать больше.

— Прощу прощения, Ваше Величество, но фабрика с трудом подготовила даже эту дюжину, — сказал Кассилл, старательно скрывая нетерпение. Он уже в третий раз за час приводил одно и то же объяснение. — Одна из основных наших проблем — это отсутствие надежных машин и запасных частей к ним.

— Но я лично видела сотни машин на старом парадном плацу в Кэнделле. Своими собственными глазами видела. Валяются под открытым небом!

— Да, но они уже устарели и сделаны исключительно из древесины бракки. Их давно заменили стальные машины.

— Что ж, тогда верните их в строй! — отрубила Дасина, поправляя жемчужно-белый парик.

— Они не подойдут под новые крепления. — Ветеран подобных бесед с королевой, Кассилл старался говорить с хладнокровным убеждением. — Уйдет много времени на то, чтобы вернуть в строй хотя бы одну такую машину, кроме того, большинство частей старых двигателей также отсутствуют.

Дасина, прищурившись, взглянула на Кассилла и откинулась на высокую спинку стула:

— Иногда, мой дорогой Маракайн, вы напоминаете мне своего отца.

Кассилл, несмотря на царящую в комнате страшную жару, весело улыбнулся:

— Благодарю за комплимент, Ваше Величество.

— Это вовсе не комплимент, вы прекрасно знаете, — сказала Дасина. — В пору Переселения ваш отец сослужил моему супругу небольшую службу...

— Если Ваше Величество не возражает, я позволю себе вольность напомнить одну незначительную деталь, — сухо вставил Кассилл. — Он спас жизнь всей вашей семье.

— Ну, это вы излишне драматизируете, но не важно... Он помог нам всего один раз, а потом всю оставшуюся жизнь только и делал, что напоминал об этом моему супругу, вымогая всяческие поправки со стороны трона.

— Я почитал за честь служить Вашему Величеству, — снова вмешался Кассилл, чувствуя себя вполне свободно на знакомой территории, — и никогда даже не мечтал об ответной благодарности.

— Да вам этого и не требовалось, вы делали проще — сами поступали так, как вашей душе угодно. Вот о чем я говорю! Ваш отец притворялся, что исполняет желания короля, а сам творил, что хотел. И вы делаете точно так же, Кассилл Маракайн. Иногда мне кажется, что это вы, а не я, правите...

Дасина наклонилась вперед, и ее слезящиеся глаза с тревогой уставились на Кассилла.

— Мой дорогой друг, вы неважно выглядите. Ваше лицо покраснело, а на лбу выступила испарина. У вас лихорадка?

— Нет, Ваше Величество.

— Но что-то вас гложет. У вас болезненный вид. Я считаю, вам следует немедленно обратиться к врачу.

— Я так и сделаю, — заверил Кассилл, с тоской мечтая о той секунде, когда наконец вырвется из невыносимой жары залы, но он еще не добился того, за чем пришел. Дасина ошиблась, когда заявила, что он полностью владеет обстановкой. Он искоса посмотрел на ее хрупкое лицо, гадая, не ведет ли королева какую-нибудь коварную игру. Может, она прекрасно понимает, что эта ужасная жара убивает его, и ждет, пока он либо упадет в обморок, либо сдастся и взмолится о пощаде.

— И все-таки почему вы продолжаете отнимать у меня время? — спросила она. — Вы, наверное, чего-то хотите.

— Так случилось, Ваше Величество, что...

— Ха!

— Сущие пустяки... в общем-то это в пределах моей компетенции... но я подумал, что следует непременно обратиться к Вашему Величеству... не то чтобы...

— Закругляйтесь побыстрее, Маракайн! — Дасина в отчаянии возвела глаза к потолку. — К чему вы клоните?

Кассилл сглотнул, пытаясь избавиться от сухости в горле.

— Этот барьер между Миром и Верхним Миром представляет значительный научный интерес. Я и Бартан Драмме не раз послужили Вашему Величеству как преданные советники по делам науки, но, оценив все стороны дела, мы пришли к выводу, что нам крайне необходимо сопровождать флот...

— Никогда! — Лицо Дасины превратилось в алебастровую маску, на которой искусный художник изобразил похожую на королеву женщину. — Вы останетесь здесь, я нуждаюсь в вас, Маракайн, — здесь, на земле! То же самое относится и к вашему другу, к этому вечному юноше, Бартану Драмме. Я понятно выразилась?

— Вполне, Ваше Величество.

— Я понимаю, вы беспокоитесь за сына — точно так же, как я беспокоюсь за внуку, — но бывают такие времена, когда лучше прислушаться к голосу рассудка, — изрекла Дасина с силой, которая немало удивила Кассилла.

— Понимаю, Ваше Величество. — Кассилл поклонился и уже собрался было выйти из залы, когда королева жестом остановила его.

— Да, пока вы не ушли, — сказала она, — позвольте еще раз напомнить вам: непременно посетите врача.

ГЛАВА 17

Испуганный крик Стинамирта пронзил темные недра души — тенистые глубины, где вращаются невиданные миры, — и достиг Толлера. Каждый мир был воплощением новой личности, и одной из этих планет должен был стать он сам, поэтому Маракайна-младшего мало волновали мелочи прошлого существования. Толлер с раздражением спросил себя: зачем он понадобился этому юнцу? Разве в черных просторах космоса может найтись хоть какое-то оправдание подобной назойливости? Ведь сейчас решалась его судьба!

Но происходило что-то еще! На адских ландшафтах, которые окружали его, началась битва. Мощные внешние

силы наступали на психическую линзу, чьи изгибы формировали его будущее...

Линза треснула! Выйдя из умственного и физического ступора, Толлер возродился в мире шума и красок. Дюжины одетых в черные лохмотья фигур дуссарриан бежали по полу купола в направлении разрушенной комнаты. Кричала женщина. Инопланетяне, которых Толлер придавил панелью, освободились и, пошатываясь, брели к своему предводителю. Их товарищи, до того толпившиеся за спиной Заннанана, удирали через дверь в неведомые коридоры здания.

«Пойдем с нами! — Сбоку от Толлера возник какой-то дуссарриан и потянул его за руку. — Мы ваши друзья!»

Толлер вырвался из серых пальцев. Инопланетянин, казалось, ничем не отличался от тех, с кем Толлеру довелось познакомиться раньше, разве что на костюме из обрывков ткани, болтающемся на его хлипком тельце, были нашиты несколько ромбов тускло-коричневых и зеленых цветов.

— Друзья? — Толлер чуть не отшвырнул нового «знакомого» в сторону, но затем — приняв телепатическое послание — понял, что этот инопланетянин был одним из тех, кто вернул его в собственное тело. Выбирать, во всяком случае, не приходилось — ему оставалось либо стоять и ждать возвращения непобедимого директора Заннанана, либо хвататься за неожиданное предложение спастись.

— Бэйтен! — Стинамирт с беспокойством оглянулся на него. — Нам придется им довериться.

Стинамирт кивнул, а за ним кивнули несколько женщин, стоящих позади него. Люди бросились вслед за инопланетными освободителями, но их бегству воспрепятствовали другие дуссарриане, хлынувшие в купол через неизвестно откуда взявшиеся двери. Противостоящие силы столкнулись,

и начался хаос. Темные фигуры сходились друг с другом в рукопашной.

Толлер с изумлением наблюдал за боем. Принцип рукопашной борьбы дуссарриан сводился к тому, что они вцеплялись друг в друга руками и ногами и начинали бороться, пока не валялись на пол. Упав, они оставались лежать, словно спаривающиеся насекомые, мешая друг другу подняться. С точки зрения человека, у такого боя было одно явное преимущество — в нем не использовалось оружие: инопланетяне сражались, как рассерженные ребятишки, и, несмотря на весь свой гнев, не способны были вывести противника из строя. У Толлера точно камень с сердца свалился, когда он понял, что он и его новые союзники не будут аннигилированы в считанные секунды; но затем он обратил внимание на негативные аспекты схватки. Борьба была слишком демократичной, она напоминала подсчет голосов. В таком бою противник одерживает победу численностью.

Еще раз пожалев об отсутствии меча, Толлер повернулся к одному из инопланетян, окруживших его и угрожающе раскинувших руки. Он уложил его на пол ударом кулака, а затем — с жадой убийства в сердце — наступил на шею дуссаррианина каблуком, одновременно отшвыривая от себя еще двоих.

Он почувствовал, как живая плоть поддалась и превратилась в неподвижную массу. Дуссаррианин был мертв, и ужасным подтверждением тому явилось происходящее вокруг. Масса облаченных в черные одежды инопланетян — друзей и врагов — начала биться в конвульсивном спазме, словно какая-то невидимая, мощная сила разрывала их на куски. Сражающиеся пары распались, и воздух наполнился бессловесными страдальческими воплями. Теперь единственную подвижную и действующую силу на поле боя представляли Толлер, Стинамирт и женщины.

— Что случилось? — закричала Джерин, обратив к Толлеру свое круглое личико и ясные глаза, в которых отразилась растерянность.

— Когда кто-нибудь умирает, шок переносят все плешивые, оказавшиеся поблизости, — ответил Толлер, припоминая рассказы Дививвидива о той странной телепатической отдаче, которая сопровождает смерть любого дуссаррианина. — Вся беда в том, что нашим союзникам тоже досталось. Давайте поднимайте их на ноги, и двигаем отсюда — иначе мы потеряемся в этих коридорах.

Колкорронцы немедленно принялись поднимать на ноги носивших ромбы инопланетян и подталкивать их к выходу. Их приходилось буквально тащить волоком или некоторое время толкать вперед, чтобы их конечности начали двигаться в соответствующем ритме. Разношерстная компания проскочила под аркой, выбежала в коридор и, раскачиваясь из стороны в сторону, понеслась к двойным дверям, видневшимся в отдалении. Другие дружественные дуссарриане, которых можно было определить по зеленым ромбам на костюмах, переминались с ноги на ногу у выхода и подавали нетерпеливые сигналы двигаться побыстрее.

«Меня зовут Гретэк, — поднял голову инопланетянин, которого толкал перед собой Толлер. Его молчаливые слова были пронизаны страхом и отвращением. — Ты намеренно лишил его жизни! Ты повел себя как вадавак! У тебя что, никаких чувств нет?»

— Есть. Например, сильное желание побыстрее отсюда выбраться.

«Я не это хотел сказать».

— Знаю! Ты имеешь в виду отлив. — Толлер посильнее подтолкнул инопланетянина, чтобы подчеркнуть свои слова. — Пойми, я с превеликим удовольствием переломлю еще тысячу дуссаррианских шей, лишь бы убраться

отсюда подальше, поэтому, если на нас снова нападут, готовься к следующим отливам.

Однако шансов на новое нападение оставалось все меньше и меньше. Наконец группа достигла двойных дверей и протиснулась наружу. Вокруг Толлера маячили мертвенно-бледные, чужеродные лица, то приближаясь, то в смущении отстраняясь. Он вырвался из тесных стен коридора в ночь, залитую искусственным светом. Частично свет этот исходил от фасадов прямоугольных зданий, а кроме того, в небе плавали светящиеся блоки, излучающие многоцветное сияние, в котором преобладали полосы ярко-красного и желтого цветов.

У Толлера не было времени как следует рассмотреть столь экзотичный пейзаж, ибо яйцеподобная повозка — практически такая же, как та, что доставила его и Стинамирта в купол, только побольше размерами, — уже ждала их. У него сложилось впечатление, что ее нижняя поверхность совсем не касается земли. Сквозь круглое отверстие виднелись тусклые внутренности. Оттуда им призывно махали руками другие дуссарриане. Толлер остановился у входа и начал помогать своим и чужим залезать в повозку. В дальнем конце коридора показалась толпа инопланетян, которые, видимо, обрели подвижность и теперь неслись к нему подобно черным птицам, отчаянно пытающимся подняться в воздух.

Толлер ничуть не боялся преследователей, которые укладывались на пол, стоит погибнуть кому-нибудь из их числа, но его подстегивало убеждение, что Заннанан слишком изобретателен, чтобы его можно было надолго вывести из строя, и сейчас с противоположной стороны их обходят другие вражеские силы. Поэтому он запрыгнул в овальную повозку, вжавшись в гущу тел, и дверь прямо за ним исчезла. На Толлера навалилась легкая тяжесть, по-

казывающая, что повозка поднимается в воздух. Ему пришло в голову, что он не видел ни пилота, ни станции, с которой могло осуществляться управление машиной. Похоже, как это ни странно, дуссаррианский экипаж мог сам о себе позаботиться.

Он заворочался, оглядываясь по сторонам, чтобы найти подтверждение своей догадке, и вдруг понял, что в общей тесноте Вантара оказалась прижатой к нему. Ее лицо было бледным, отрешенным и напоминало маску — трагическую маску настоящей женщины, — поэтому, несмотря на то, что глаза ее смотрели на него, Толлер вовсе не был уверен, что она его видит. Чувствуя себя крайне неловко, он попытался выдавить из себя ободряющую улыбку.

— Держись, Вантара, — тихим шепотом произнес он. — Клянусь, какие бы беды ни обрушились на нас, я всегда буду рядом с тобой.

Какое-то странное, бесконечное мгновение ее взгляд скользил по его лицу, а затем — Толлеру показалось, что солнце взошло в тесной кабине, — она ответила ему такой же улыбкой:

— Толлер, мой дорогой Толлер! Мне так жаль, если я не...

«Молчите! — телепатически предупредил Гретэк, инопланетянин, стоящий рядом с Толлером. — Не думайте о происходящем — иначе нас легко выследят. Попытайтесь забыть, кто вы и что вы. Попытайтесь представить себя пузырьками воздуха в огромном котле кипящей воды... кидаящимися то туда, то сюда... поворачивающимися в самых неожиданных направлениях...»

Толлер кивнул и закрыл глаза. Он превратился в пузырек в громадном котле... он бросался из стороны в сторону... следуя опасной, непредсказуемой тропой...

* * *

Изгнав из ума все связанные цепочки мыслей, Толлер настолько глубоко погрузился в ментальный транс, что даже не заметил, как повозка приземлилась. Вроде бы только что он стоял в гуще человеческих и чужеродных тел, прижатый к стенке, а в следующую секунду вокруг уже никого не осталось — вываливающиеся из повозки дуссарриане пробежали мимо. Он не получил никакого связанного телепатического призыва, но голова его была наполнена пульсирующими, подгоняющими импульсами. Даже воздух дрожал, взволнованный всеохватывающим чувством паники.

«Ты должен двигаться быстрее, — пришло молчаливое послание от Гретэка, единственного, кто остался в яйцеподобном экипаже. — Нельзя терять ни секунды».

— Что здесь происходит? — вмешалась Джерин, опередив Толлера с вопросом.

Черные губы Гретэка искривились.

«Мы находимся в гуще гражданского конфликта — если хотите, называйте это войной. Такое случилось впервые за многие тысячи лет».

— Гражданская война! — подытожил Толлер. — А чего вы тогда беспокоитесь за судьбу каких-то чужаков?

«Все случилось очень неожиданно — но ты и твои сородичи очутились в самом центре противоречий, раздирающих дуссаррианское общество».

— Не понимаю, — заморгал Толлер.

«Насколько мне известно, Решающий, ответственный за проект Кса, объяснил тебе основные причины нашего присутствия в этой части галактики. Каким количеством информации вы на самом деле обладаете?»

— Ну, там было что-то про тросы, — наморщив лоб, начал вспоминать Толлер. — Какой-то взрыв должен уничтожить дюжины галактик...

Стинамирт прокашлялся и подошел к ним:

— Нам сказали, что хрустальное море... Кса... это машина, которая забросит вашу родную планету в далекую галактику, где взрыв больше не будет вам угрожать.

«Я под впечатлением, — кивнул Гретэк, переведя взгляд с Толлера на Стинамирта и махнув рукой в сторону двери. — Крайне редко бывает, когда раса, находящаяся на вашей ступени развития, способна вдруг воспринять концепции, которые настолько далеки от примитивных, базирующихся на мифах картинах...»

— Нам очень не нравится, когда нас называют примитивами, — прорычал Толлер. — Дививвидив испытал это на своей шкуре.

«Может быть, поэтому он и поделился с вами только частью информации. Если бы он рассказал вам все, что знал, это могло бы повлечь непредвиденную реакцию с вашей стороны».

— Говори! — рявкнул Толлер прямо в лицо инопланетянину. — Говори быстрее, иначе я...

«Не стоит мне грозить, Толлер Маракайн, — сказал Гретэк. — Я с самого начала протестовал против проекта Кса. Я ни в чем не виноват, и вина за содеянное меня не мучит. Дело в том, что в тот самый миг, когда Дуссарра перенесется в пункт своего назначения, ваша родная планета... и ее соседка... перестанут существовать».

ГЛАВА 18

Как и все остальные, Толлер был настолько ошеломлен словами Гретэка, что безропотно позволил миниатюрному инопланетянину вытолкать себя из повозки. На них навалилась прежняя темнота с редкими отблесками яркого

света, только теперь в отдалении еще маячили изогнутые конусообразные колонны, пылающие ярко-зеленым. Опомнившись наконец, Толлер схватил Гретэка за плечо. Остальные люди столпились вокруг.

— Ну-ка еще раз, — сказал Толлер, по привычке прибегая к словам. Телепатическая связь была очень чистой, каждое слово несло в себе ассоциативные и подтверждающие ряды значений, но колкорронцы только недавно узнали, что их родные планеты приговорены к смерти, поэтому умы людей были не в состоянии осмыслить этот факт.

Гретэк попытался вывернуться из хватки Толлера:

«Поймите же, мы должны действовать быстрее».

— Ты лучше быстрее объяснись, — возразил Толлер, не двигаясь с места. — Почему это Верхний Мир будет уничтожен?

Черные буравчики глаз Гретэка оглядели группу, и Толлер понял, что сейчас на их умы обрушится целая волна телепатических мыслей — за одну секунду будет передано огромное количество данных. Он почувствовал, как мощный луч маяка начинает скользить по поверхности его сознания...

«Планеты-сестры вращаются вокруг своего общего центра притяжения, и дискообразный инструмент под названием «Кса» вращается вместе с ними. За время каждого такого оборота ось Кса дважды указывает на планету дуссарриан — один раз прямая проходит через Мир, второй раз — через Верхний Мир. В одно из этих мгновений и будет активирован Кса; на Дуссарре сфокусируются лучи сверхгеометрических сил, которые перекинут планету в назначенную галактику. И в тот же самый миг Мир и Верхний Мир прекратят свое существование в местном континууме. Так как масса Верхнего Мира меньше массы соседней планеты, перемещающая энергия будет перекачиваться через

вашу родину. И это должно случиться очень скоро — ось Кса будет направлена на Дуссарру меньше чем через десять минут. Если мы хотим помешать перемещению — и таким образом спасти ваши планеты от аннигиляции, — мы должны действовать как можно быстрее. Наверняка директор уже натравил на нас вадаваков. А теперь отпустите меня и следуйте прямо за мной!»

Секундное слияние закончилось, и Толлер вдруг обнаружил — он ничуть не сомневался, что ему сказали чистую правду, — что бежит за маленьким инопланетянином. Они направлялись к кругу наклоненных внутрь колонн, на кончиках которых металась язычки зеленоватого пламени. Вантара держалась за левую руку Толлера, Стинамирт бежал справа вместе с Джерин. Традло, Мистекка и Арванд мчались за ними, и, оглянувшись на их мрачные, решительные лица, Толлер понял, что послание Гретэка дошло и до них. Несмотря на летающие светящиеся блоки и пересечения разноцветных лучей, тьма укрыла их плотным покрывалом, но, даже ничего не видя вокруг, Толлер знал, что сейчас по всему городу ведутся молчаливые битвы. Сотни, может, тысячи облаченных в черное дуссарриан сходились в необычной рукопашной схватке, накидываясь на противника и обхватывая руками и ногами, стараясь обездвигить его и тем самым вывести из строя.

— Но почему вы помогаете нам? — крикнул Толлер в спину Гретэку, давая выход тем сомнениям, которые скапливались в глубоких водах подсознания с тех пор, как они бежали из купола. — Вам-то что? Ведь погибнете не вы.

И снова разворот ослепляющего луча ментального посыла... только на этот раз все свершилось значительно быстрее... знания ярчайшей вспышкой озарили его мозг...

«В споре о перемещении планеты дуссаррианское общество разделилось на две половины. Несмотря на то что Дво-

рец Чисел не раз предупреждал о Тросах, многие наши сограждане не верят, что они существуют в действительности. Мы, например, думаем, что информация, добытая из подпространства, может толковаться иначе. В общем, мнение наше таково, что перемещение в другую галактику излишне. Однако нам не удалось привлечь на свою сторону директора Заннанана или заручиться поддержкой большинства.

Уже казалось, что перемещение неизбежно, и никто против него особо не протестовал — как вдруг выясняется, что один из приговоренных к смерти миров населен гуманоидной расой. Именно поэтому, пытаясь предотвратить утечку информации, директор Заннанан устроил дело так, чтобы станция Кса управлялась всего одним Решающим.

Его план увенчался бы успехом, если бы не некоторые непредвиденные обстоятельства. В Кса пришлось поместить искусственный разум, чтобы станция могла управлять процессом собственного роста, но технологи никогда не работали в подобном масштабе. Поэтому они были захвачены врасплох, когда, достигнув определенного уровня сложности, Кса одновременно развил самосознание — свою личность — и начал бояться собственной гибели. Разговоры между Кса и Решающим Дививвидивом были плохо экранированы, поэтому эксперты, находящиеся здесь, на Дуссарре, узнали, что в результате перемещения будет аннигилирована развивающаяся цивилизация. Теперь сомнений никаких не оставалось, и оппозиционные партии разом объединились и мобилизовали свои силы».

Этот телепатический посыл выкладывал в сознании Толлера стену из кирпичиков голых фактов, но одновременно был пронизан беспокойством. В нем присутствовало даже отчаяние — капли времени, словно вода, просачивались сквозь пальцы, огромные невидимые двери возможностей захлопывались прямо перед носом. Толлер прибавил ходу,

пытаясь нагнать Гретэка, но инопланетянин оказался весьма проворным и легко оторвался от него. До конусообразных колонн оставалось шагов сорок, не больше, когда Толлер увидел, что в центре круга их уже ждут другие инопланетяне, на чьих одеждах также нашиты зеленые ромбы. Их было по меньшей мере шестеро — кое-кто телепатически торопил бегущих, другие пытались сдвинуть с места белую коробку размером с небольшой стол.

— Зачем мы тогда бежим? — тяжело дыша, крикнула из-за спины Толлера Традло. — Если ничего уже поделаться нельзя... мы только зря вымотаемся... какой толк от этого?

«Хороший вопрос», — подумал Толлер. Ему самому только что пришло в голову, что если сейчас их перенесут на планету, которая вот-вот должна быть уничтожена, то вряд ли они что-то успеют сделать.

«Еще можно успеть, — донесся ответ Гретэка. — Только действовать нужно быстро».

— Куда успеть? — Вопрос был задан одновременно несколькими людьми.

«Тот белый предмет, который мои братья затаскивают на пластину перемещения, — упрощенная версия машины, переместившей наш мир в вашу солнечную систему. План состоит в том, чтобы перенести его на Верхний Мир и с его помощью отбросить вашу планету на некоторое расстояние. Хватит и пары дюжин миль, чтобы дестабилизировать Кса — его ось начнет колебаться. И тогда перенос Дуссарры станет невозможен».

Толлер резко затормозил на границе озаренного зеленым сиянием круга. Глаза его были прикованы к белой коробке.

— Неужели это может сдвинуть с места целую планету? — недоверчиво пробормотал он. — По-моему, она чересчур мала.

Несмотря на крайнюю спешку, Гретэк нашел время немножко поиронизировать:

«А по-твоему, Толлер Маракайн, каких размеров должна быть точка опоры?»

Прежде чем Толлер успел ответить, сверху донесся гудящий звук, и кремешную тьму пронзили яркие лучи. Колонны света двигались параллельно друг другу, и Толлеру показалось, что они принадлежат какому-то чудовищному небесному кораблю, который приближался к ним сверху. Низкое гудение все усиливалось и усиливалось, пока вдруг резко не оборвалось. Внезапно наступила полная тишина, но пораженные ум и тело отказывались подчиняться.

«Бегите в центр! Быстрее! — Гретэк был похож на маленькую птичку, защищающую своих птенцов. Он сутеллся и подталкивал людей к пластине. — У нас мало времени!»

Все еще сжимая руку Вантары, Толлер шагнул на круглую пластину цвета меди и шагов десяти в диаметре. Стинамирт, Джерин и трое пилотов последовали за ним, и люди примкнули к кучке инопланетян, собравшихся вокруг белой коробки...

И вдруг произошел межпланетный прыжок — Толлер даже не успел ничего почувствовать.

Вспыхивающая разноцветными огнями ночь родной планеты дуссарриан сгинула, и путешественников окутала кремешная тьма. «Это невероятно», — подумал Толлер, парализованный изумлением. Только секунду спустя до него дошло, что, мысленно восприняв навязанную силой идею телепортации, в глубине души он все равно не верил в такую возможность. Он не почувствовал боли, не испытал никаких неприятных ощущений, которые показали бы ему, что его перекинули через миллионы миль, однако... Единственный взгляд на залитое светом звезд небо плане-

ты — и Толлер понял, что стоит на мирных полях своей родины.

Проведя большую часть жизни на борту воздушных кораблей, Толлер как уроженец Верхнего Мира обладал почти инстинктивной способностью ориентироваться во времени и в пространстве по планете-сестре. Беглый взгляд на Мир, который завис почти в центре небесного купола, подсказал Толлеру, что они очутились у самого экватора, примерно в пятидесяти милях к востоку от Прада. Поскольку огромный диск Мира был едва ли не поровну поделен между днем и ночью, стало ясно, что скоро наступит восход, и это еще раз подтвердило слова Гретэка насчет времени перемещения Дуссарры.

Спустившись с небес на землю, он увидел, как часть инопланетян склонились над белой коробкой. Они открыли маленькую дверку в боку, и один из них поспешно начал что-то крутить внутри. Спустя секунду инопланетянин захлопнул дверку и вскочил на ноги.

«Импеллер приведен в готовность и сработает через четыре минуты! — Он раскинул руки в стороны и начал ожесточенно махать ими. Этот сигнал люди поняли даже без помощи телепатии. — Всем за линию безопасности!»

Все развернулись и кинулись прочь от машины. Толлеру в спину уперлись маленькие ручки, заставляя его двигаться быстрее, и ему пришло в голову, что, несмотря на свою кошмарную внешность, инопланетяне — альтруисты в полном смысле этого слова. Они зашли очень далеко и подвергли себя невиданным опасностям, лишь бы сохранить жизнь абсолютно неизвестной им культуре. Толлер сильно сомневался, что в подобных обстоятельствах поступил бы так же, и на него нахлынула волна уважения и искренней благодарности дуссаррианам. Он бросился бе-

жать вместе с остальными, по пути потеряв где-то Вантару, и остановился, только когда остановились инопланетяне, то есть примерно в шестидесяти ярдах от загадочного белого прямоугольника.

— Хватит? — спросил он у Гретэка, попытавшись представить себе поток энергии, способный сдвинуть с места целую планету, несущуюся сквозь пространство и время по своей неизвестной орбите.

«Вполне, — ответил Гретэк. — Если бы импеллер не был собран нелегальным путем и в большой спешке, он был бы снабжен защитным экраном, и нам вообще не пришлось бы отходить от него. Кроме того, в идеале у него должны иметься якоря, чтобы он случайно не перевернулся. Но директор Заннанан, изменив время переноса, вынудил нас действовать немедленно».

Толлер нахмурился, полуусвоенные идеи и концепции наслаивались одна на другую.

— А что случится, если человек будет стоять слишком близко к импеллеру, когда тот... в общем, когда тот работает?

«Произойдет конфликт геометрий. — Глаза Гретэка вращались как две луны в серых сумерках. — Атомы, составляющие тело человека, будут расколоты на миллиарды частиц...»

— Мне рассказывали, что мой дед погиб примерно таким же образом, — тихо произнес Толлер. — Наверное, это случилось мгновенно... он скорее всего даже ничего не почувствовал... правда, не думаю, что желал бы и себе такой же смерти.

«Пока мы будем держаться на должном расстоянии, нам ничего не грозит, — ответил Гретэк, оглядываясь по сторонам. — По крайней мере — от машины».

— Сколько времени осталось до того, как запустят Кса?

Несмотря на то что никакого хронометра у Гретэка не было, инопланетянин ответил мгновенно:

«Почти семь минут».

— А через три минуты сработает эта штуковина... импеллер то есть. — Толлер удовлетворенно вздохнул и посмотрел на своих соотечественников. — По-моему, мы успели. А вы что скажете, друзья колкорронцы? Отпразднуем победу?

— Не знаю, как ты, но я бы не отказался от пары бокалов кейлианского черного, — радостно выкрикнул Стинамирт, и остальные весело поддержали его, захлопав в ладоши.

Вантара пододвинулась к Толлеру поближе и взяла его за руку. В свете зарождающегося рассвета лицо ее было бесподобно прекрасным, и Толлер внезапно подумал, что вся его предыдущая жизнь — не более чем прелюдия к этому моменту наивысшей справедливости. Он столкнулся с опасностями, достойными настоящего Толлера Маракайна, и не отступил перед ними, не уклонился и не ушел в сторону, а теперь настало время вознаграждения...

— Я настолько увлекся самолюбованием — поздравлял себя с удачей, — что абсолютно забыл про тебя и твоих товарищей, которым мы стольким обязаны, — обратился он к Гретэку. — Вы сумеете вернуться на Дуссарру?

«Возвращение домой вряд ли представляет собой особую проблему, меня сейчас больше беспокоит другое. — Гретэк еще раз осмотрелся по сторонам, словно за каждым потонувшим в предрассветных сумерках кустиком мог скрываться смертельный враг. — Сейчас я больше всего опасюсь того, что директор Заннанан пустит по нашим следам вадаваков. Естественно, мы сделали все, чтобы запутать след, но у Заннанана куда больше возможностей, чем у нас...»

— Кто такие вадаваки? — спросил Толлер. — Это что, какие-то яростные твари, от которых не скрыться?

«Нет. — В ответе Гретэка прозвучали грустные нотки. — Это дуссарриане, у которых при рождении были обнаружены повреждения областей головного мозга, связанных с восприятием и связью. Они не могут контактировать напрямую с другими дуссаррианами. Для нас это примерно то же самое, что для вас глухота».

— Но неужели они так опасны?

«Они не подвержены отливам. И потому могут убивать».

— Ты хочешь сказать, — произнес Толлер, внезапно понимая причину грусти Гретэка, — что они чем-то похожи на нас?

«Сама концепция лишения жизни другого существа вызывает у обычного дуссаррианина большое отвращение».

— Наверное, здесь замешана не столько этика, сколько боязнь отдачи. — Толлер прекрасно понимал, что такими словами может оскорбить инопланетянина, который очень помог группе беглецов, но все-таки не смог удержать язык за зубами. — Кроме того, вы, благородные дуссарриане, намеревались уничтожить все население моей родной планеты. Неужели это не оскорбляло ваших нежных чувств? Или если трупы оставляешь далеко позади, то это нормально?

«Многие из нас рискнули собственными жизнями, чтобы спасти ваш народ, — возразил Гретэк. — Мы вовсе не совершенны, но...»

— Я прошу прощения за свою неблагодарность и дурные манеры, — перебил его Толлер. — Послушай, если ты так беспокоишься о вадаваках, которые могут свалиться нам на головы буквально из ниоткуда, почему бы тебе не настроить импеллер так, чтобы он сработал побыстрее? Четыре минуты — это же целая вечность.

«Мы установили такое время, чтобы успеть отойти по-дальше. Но теперь, когда машина активирована, процесс нельзя ни ускорить, ни замедлить. Как нельзя ее выключить или изменить команду».

Стинамирт, который внимательно прислушивался к диалогу, вопросительно поднял руку:

— Но если машина не подвержена влиянию внешних факторов... если ее нельзя отключить... значит, мы добились своего! Ведь теперь никакой враг не сможет нам помешать!

«Если бы нам было отпущено немного побольше времени, мы могли бы снабдить импеллер системой защиты, которая делала бы его неуязвимым. — Глаза Гретэка на секунду закрылись. — А сейчас действие машины можно нейтрализовать, всего лишь опрокинув ее...»

— Что? — Стинамирт бросил на Толлера встревоженный взгляд. — И всего-то? И она не сработает?

Гретэк по-человечески печально покачал головой:

«Импеллеру это не повредит, он все равно выполнит свою задачу, но он должен находиться в горизонтальном положении, чтобы вектор его силы действия проходил либо через, либо неподалеку от центра планеты, иначе энергия будет расходоваться впустую».

— Я... — Толлер запнулся. Какой-то легкий холодок проник в его сознание, он почувствовал непонятное беспокойство, настолько мимолетное, что оно вполне могло оказаться плодом его воображения. Отстранившись от дискуссии, он поднял голову и внимательно оглядел окружающую местность. На первый взгляд ничего не изменилось. Поросшая травой равнина уходила за неровную линию горизонта, ближе к северу маячили невысокие холмы; неподалеку мирно светилась белая коробка импеллера, отражая нежные лучи раннего восхода; группка из дуссарриан и

людей выглядела все так же нелепо — но почему-то Толлер встревожился.

Инстинктивно он посмотрел на небо; там, на фоне Мира, рядом с ночной стороной планеты, пульсировала желтая звезда. В тысячах миль над его головой плыл Кса.

Как только он понял, что это за звезда, до его сознания донесся слабый телепатический призыв — умоляющий, жалостный, измученный голос, долетевший до него из зенита:

«Почему ты это делаешь со мной, Возлюбленный Создатель? Умоляю тебя, пожалуйста, не убивай меня».

Ощувив некоторое неудобство при мысли, что вторгся в чужое сознание, Толлер тихонько шепнул Гретэку:

— Кса сейчас... очень несчастлив.

«Нам повезло, что растущая сложность Кса позволила...» — Гретэк внезапно дернулся, будто пронзенный судорогой боли, и резко развернулся на восток. Остальные дуссарриане посмотрели туда же. Толлер обернулся в ту сторону, куда были устремлены их встревоженные взгляды, и сердце его подпрыгнуло. Он увидел, что на голой равнине внезапно появилось около пятидесяти фигур, облаченных в белые одеяния. Они высадились примерно в двух фарлонгах от импеллера, над ними быстро таял светящийся зеленым овал.

«Вадаваки здесь! — попятился Гретэк. — И так близко!»

Толлер опустил глаза на Гретэка:

— Они вооружены?

«Вооружены?»

— Да! Оружие у них есть?

Гретэк дрожал всем телом, но его телепатический ответ был ясным и четким:

«В экипировку вадаваков входят энерваторы — приборы общественного успокоения, специально разработанные

директором Заннананом. Энерваторы — это черные жезлы с мерцающими красными наконечниками. Прикосновение такого жезла причиняет невыносимую боль и на несколько минут парализует.

— Встречалось мне оружие и пострашнее! — фыркнул Толлер. Он сжал пальцы Вантары, отпустил ее руку и ободряюще обнял за плечи Стинамирта. — А ты что скажешь, Бэйтен? Научим этих нахальных пигмеев хорошим манерам, а?

«Прикосновение одного жезла вызывает боль и паралич, — добавил Гретэк. — Но у вадаваков в каждой руке по энерватору — одновременное прикосновение двух жезлов вызывает резкую боль, после чего наступает смерть».

— Вот это уже серьезнее, — мрачно пробормотал Толлер, рассматривая расплывчатое белое пятно на темно-зеленой равнине. Пока враги никаких действий не предпринимали. — И как быстро наступает смерть?

«Через пять секунд. Может, через десять. Зависит от размеров и физической силы индивида».

— Ну, за десять секунд можно горы свернуть, — ответил Толлер. Во рту у него пересохло — он заметил, что вадаваки двинулись в их сторону. — Эх, если бы...

— Твой меч находится у директора Заннанана, его невозможно было изъять. Но один из наших людей снял с него голоматрицу, и нам удалось воссоздать точную его копию. — Гретэк кивнул одному из дуссарриан. Тот шагнул вперед, волоча за собой мешок из серой ткани. — Мы надеялись, что вадаваки не найдут нас — в таком случае мы бы уничтожили это оружие, не показывая его вам, — но теперь у нас нет выхода».

Дуссаррианин открыл мешок, и Толлер почувствовал дикую радость, когда увидел, что в нем лежат семь одинаковых мечей периода позднего Колкоррона. Он упал на колени и протянул руку к одному из столь знакомых клинков.

«Будь осторожен! — предупредил Гретэк. — Не дотрагивайся до лезвий голыми руками — мы сделали им микромолекулярные кромки, которые не тупятся, и в твою плоть они войдут с такой же легкостью, как в сугроб снега».

— Мечи! — Круглое личико Джерин исказилось от возмущения. — И что нам теперь прикажете делать с этой кучей металлолома? Вы что, не могли скопировать наши пистолеты?

Гретэк снова покачал головой:

«У нас не было времени... их внутреннее устройство не совсем понятно нам... Все, что мы успели сделать за те краткие минуты, которые у нас оставались, — это произвести пять уменьшенных копий меча специально для женщин вашей расы, которые значительно слабее и меньше мужчин».

— Очень предусмотрительно! — Голос Джерин был пропитан сарказмом. — К вашему сведению, наши женщины спокойно могли бы...

— Враг приближается! — заорал что было сил Толлер. — Мы так и будем спорить или все-таки пойдем и примем бой?

Он указал туда, где светящиеся белые точки, представляющие вадаваков, распределялись по всей ширине поля. Враг надвигался, и светящиеся черточки обретали руки, ноги и лица, на которых читалось стремление убивать. Из-за горизонта появился краешек солнца, полоска ослепляющего огня. Поле боя, на котором ныне решались судьбы трех миров, озарилось роковым и мелодраматичным сиянием.

Толлер вытащил из мешка меч своей мечты и пару раз взмахнул им, чтобы убедиться, что инопланетные штучки не нарушили балансировку клинка. Почувствовав в руке знакомую тяжесть, Толлер немного успокоился — в нем снова ожил дух славного деда, — однако полностью избавиться от чувства страха ему не удалось. Семеро человек,

из которых только один был обучен искусству обращения с мечом, должны были сражаться против по меньшей мере пятидесяти хорошо вооруженных инопланетян. Очутись в такой ситуации достойный прародитель Толлера, он бы непременно одержал победу — но, снова и снова прокручивая в голове приблизительный план близящегося сражения, Толлер понимал, что кто-то из его товарищей не выйдет из боя живым. Кто-то, если не все — а в таком исходе Толлер не видел победы. Это было ужасно, унижительно, отвратительно, мерзко...

Пока в его уме всплывали все новые и новые прилагательные, ему пришлось признать и другой не менее очевидный факт. Если в течение следующих двух-трех минут машине дуссарриан не будет обеспечена соответствующая защита, если она не исполнит своего назначения, то все люди на Верхнем Море, все женщины и дети будут аннигилированы в невообразимой вспышке энергии. Именно этим — и ничем другим — он должен руководствоваться в битве, которая ждет его впереди.

Толлер провел быстрый смотр своего небольшого войска — неужели и его лицо так бледно? Стинамирт и женщины разобрали мечи, молча признав его главенство, и теперь смотрели на него, ожидая дальнейших приказаний. Вполне вероятно, что их вера пришла из тех времен, когда Толлер на каждом углу хвастался своей сноровкой во владении клинком, — но сейчас ответственность, которую ему пришлось принять, несколько пугала. Его соратники понимали, что смотрят в лицо смерти, они откровенно боялись и в эту горестную минуту лелеяли единственную надежду, которая у них еще оставалась. В их глазах Толлер был воплощением мощи, но самого его мучили вина и сожаление. Про себя он четко осознавал, что не достоин их восхищения.

— Если мы двинемся навстречу врагу, они обойдут нас с флангов и перевернут машину, — услышал он свой собственный твердый и четкий голос. — Мы должны выстроить линию обороны вокруг черты безопасности и торжественно поклясться, что ни один из вадаваков не пройдет сквозь наш строй. Я еще многое хотел бы сказать... — Толлер встретился взглядом с Вантарой и подавил внезапно возникшее желание протянуть руку и коснуться ее лица. — Но сейчас не время. Нас ждет важная работа.

Толлер развернулся и побежал налево. Наконец остановившись, он оказался точно между импеллером и наступающими силами вадаваков. Спустя несколько секунд по бокам от него встали остальные, инстинктивно рассредоточившись, чтобы ненароком не подвернуться под меч соседа. Вадаваки были в сотне ярдов и быстро приближались, шуршание травы под ногами явственно долетало до ушей защитников. В воздухе танцевал рой красных огоньков.

Увидев, что вадаваки вместо традиционных черных лохмотьев дуссаррианских граждан облачены в белые кольчуги, Толлер крепче ухватился за рукоять. Доспехи инопланетян были сделаны из какого-то блестящего материала, который, несмотря на то что покрывал весь торс и часть ног и рук, казалось, ничуть не сковывал движения владельца. Бледные лица, выглядывающие из-под белых шлемов, придавали нападающим сходство с армией трупов, разбить которую невозможно, ибо ее воины уже мертвы.

Толлер поднял меч и приготовился к бою. «Умоляю тебя, Возлюбленный Создатель, — из безбрежных небес донеслись до него слова Кса, — не убивай меня».

Один из вадаваков вырвался вперед. Избрав Толлера в противники и вытянув перед собой одинаковые как две капли воды жала черных жезлов, он ринулся на человека. Инопланетянин, должно быть, привык управляться с мир-

ными невооруженными гражданами своей планеты, потому что голова его и торс остались незащищенными. Толлер обрушил меч на тоненькую шейку, и дуссаррианин, извергнув фонтан крови, рухнул прямо у его ног — теперь голову и тело инопланетянина соединяла лишь узкая полоска кожи. Жезлы, стукнувшись друг о друга, откатились в сторону.

Толлер наступил на них, круша ярко-красные огоньки, и в эту самую секунду на него напали еще двое вадаваков. У этой парочки, очевидно, просто не было времени, чтобы научиться чему-нибудь у погибшего товарища: нападали вадаваки бок о бок и жезлы держали так, что между ними была максимум пара дюймов. Толлер двумя ударами отсек им кисти — клинок разорвал белую броню, как бумагу. С искривленными в молчаливой агонии ртами инопланетяне упали на колени и согнулись над обрубками своих рук.

Не обращая внимания на раненых противников — они уже выбыли из строя, — Толлер поднял голову и окинул взглядом поле боя. Вадаваки кидались на людей с неослабевающей яростью, но Толлер с облегчением отметил, что пока все колкорронцы целы. Отсутствие фехтовального опыта сполна компенсировалось невероятной остротой лезвий — вадаваков рубили в клочья точно капусту. Линия обороны несколько отступила, но прорывов пока не было, и белые волны нападающих инопланетян подернулись теперь кровавой дымкой; вадаваки то и дело сталкивались друг с другом или спотыкались о своих же павших.

«Неужели такое возможно? — подивился Толлер. — Неужели никто из нас не погибнет? До того, как сработает импеллер, осталось совсем немного, и если вадаваки не изменят свою дурацкую тактику...»

Краешком глаза Толлер увидел, как мелькнуло что-то белое — один из инопланетян обошел оборону с фланга и

бросился к прямоугольной коробке импеллера. Толлер мигом сорвался с места и побежал наперерез вадаваку, нагнав того только за чертой безопасности. Инопланетянин, резко затормозив, скользнул по траве и развернулся навстречу Толлеру, молочные белки его глаз тускло мерцали из-под шлема. Жезлы энерваторов он сжимал, как мечи, то тыкая, то рубя мерцающими кончиками, тем самым пытаясь достать правую руку Толлера.

Толлер начал с того, что отрубил одну из угрожающих ему красных точек. Инопланетянин бросил испорченный жезл, перекинул оставшийся энерватор в правую руку и снова бесстрашно бросился в атаку. Толлер — прекрасно понимая, что находится в зоне действия импеллера, — решил закончить вихрем неотразимых ударов. Он собирался сделать очередной выпад, когда вдруг услышал за спиной какой-то подозрительный звук. Он развернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как второй вадавак бросает в него свой энерватор. Толлер попытался было увернуться и избежать яростно светящегося кончика жезла, но все-таки энерватор задел его. Внутри груди взорвался вулкан боли. Толлер, задыхаясь, упал на колени. Смакуя одержанную победу, два его противника с некоторой ленцой приблизились и нависли над ним, угрожающе воздев жезлы.

Толлера предупредили, что второе касание одного из красных огоньков несет с собой гибель, а вадаваки, очевидно, решили подстраховаться и ткнуть его несколько раз. Но Толлер вовсе не собирался безропотно принимать смерть, во всяком случае, сейчас, когда на кону стоит судьба родной планеты. Отрешившись от ужасной боли, волны которой прокатывались по всему телу, он отчаянным усилием взметнул вверх меч, надеясь защититься от опускающихся жезлов. К его величайшему изумлению, руки легко подчинились и клинок пошел без особых усилий.

Вадаваки, поняв свой просчет, начали энергично тыкать в него энерваторами, но добрый меч уже прикрыл своего хозяина. Черные жезлы раскололись на части и отлетели в сторону в ту же секунду, когда Толлер поднялся на ноги. Один из инопланетян отшатнулся и кинулся прочь; другого задержал клинок. Толлер вытащил меч из бьющегося в конвульсиях тела и бросился обратно в гущу битвы. Ноги его тут же занули, но боль довольно быстро унялась. Дуссаррианский энерватор оказался весьма сомнительным оружием против огромного, отличающегося отменным здоровьем человека.

Это показалось Толлеру благоприятным знамением, но, опять ворвавшись в гущу битвы, он сразу заметил, что за минувшие мгновения ситуация успела измениться в худшую сторону. Одна из женщин лежала на земле, а столпившиеся вокруг вадаваки толкали ее тело мерцающими красным энерваторами. Испугавшись, что этой неподвижной фигурой может оказаться Вантара, Толлер с хриплым воплем ярости бросился на инопланетян. Он подскочил к ним одновременно со Стинамиртом, застав вадаваков врасплох. В течение невероятно короткого мига — за несколько мимолетных секунд гнева, когда перед глазами встает красная пелена с мельтешащими яркими точками, — двое людей раскрошили на мелкие кусочки по меньшей мере пятерых врагов.

На земле лежала капрал Традло. Глубоко в горло ей был загнан энерватор, ее прекрасные белокурые волосы окрасились кровью. Она была мертва.

Толлер поднял глаза и увидел, что оставшиеся четыре женщины, разбившись на пары, продолжают отчаянно сражаться. Слева от него Джерин и Мистекка заседали на четверых вадаваков и вскоре, по всей видимости, должны были расправиться с противниками; справа Вантара и Ар-

ванд отбивались от окружившей их со всех сторон толпы инопланетян.

Подивившись небрежному отношению вадаваков к защите собственных флангов, Толлер кивнул Стинамирту, и вдвоем они вклинились в гущу облаченных в белые доспехи фигур. И снова не прошло и пары секунд, как колкорронцы расправились с превосходящими силами противника, нанося чудовищные удары, которые либо убивали вадавака на месте, либо откидывали в сторону, и тот падал, извергая реки крови.

На месте поверженных врагов вырастали новые, но Толлер уже чувствовал, что победа колкорронцев не за горами. Вадаваки, не обладая даже самыми примитивными понятиями о тактике и стратегии ведения боя, продолжали упрямо бросаться в мясорубку, хотя никакого преимущества это не давало, — таким образом, их ряды очень быстро редели. Мгновенно оценив обстановку, Толлер увидел, что на ногах осталось меньше половины вадаваков, да и те сражались как-то медлительно и неуверенно.

Примерно через минуту импеллер должен высвободить энергию, которая сместит планету, и тогда воинам дирсктора Заннанана вообще не будет смысла продолжать бой. Им следовало отступить сейчас и тем самым спасти свои жизни. Почувствовав прилив оптимизма, Толлер рискнул бросить взгляд в сторону Гретэка и его друзей-дуссарриан, ожидая от них подтверждения, что машина вскоре сработает. Каково же было его удивление, когда он увидел, что союзники испарились — и только быстро затухающая зеленая полоска на фоне утреннего неба доказывала, что когда-то они стояли на этой земле.

Он на секунду отвлекся, и расплата последовала незамедлительно: что-то коснулось его левого плеча, и внутри снова взорвалась боль, а спустя еще мгновение энергатор

уткнулся ему в левое бедро. Его дважды ударили жезлами, но странное дело — на этот раз эффект был менее ошеломляющий, и Толлер даже сумел удержаться на ногах. Его противник, который, видимо, ожидал быстрой и мучительной смерти своей жертвы, изумленно взирал на Толлера, а тот тем временем нанес неуверенный удар мечом, метя в шею вадавака. Однако из-за частичного паралича Толлера клинок не достиг цели и лишь слегка скользнул по горлу инопланетянина, вскрыв одну из артерий. Вадавак прижал руку к груди и торопливо попятился — чтобы напороться прямо на меч, который держала высокая темноволосая Мистекка.

— Эти кинжалы — отличные штуковины, — крикнула она Толлеру, возбужденно блестя глазами, и небрежно оттолкнула умирающего инопланетянина в сторону. — Теперь я начинаю понимать, почему ты все время таскал с собой меч.

— Не отвлекайся! — Не успел Толлер выкрикнуть эти слова, как услышал вопль Стинамирта. Он обернулся и увидел, что четыре вадавака, окружив его друга, пытаются достать юношу своими жезлами. По крайней мере один из энерваторов достиг цели.

— Держись, Бэйтен! — заорал Толлер и бросился вперед. Вслед за ним неслись Мистекка и Джерин. Сметающим все на своем пути вихрем они налетели на атакующих Стинамирта инопланетян, и спустя мгновение преимущество снова было на их стороне. Стинамирт получил несколько ударов энерватором и сейчас оседал на землю. Арванд отчаянно пыталась удержать его. Толлер воспользовался передышкой, чтобы снова оглядеться, — и с изумлением заметил, что у людей больше не осталось противников. Из атакующих сил вадаваков в непосредственной близости находилось всего двое, которые еще держались на ногах, да и теми уже занялись Джерин и Мистекка.

Три других оставшихся вадавака, впервые получив мощный и действенный отпор, беспорядочно удирали туда, где они пять минут назад материализовались. С чувством огромного облегчения Толлер отметил, что все враги валяются на земле, представляя собой изредка шевелящийся бело-красный ковер. Жаль, конечно, что один из колкорронцев погиб, но...

— Толлер, сзади!

Но предупреждение Джерин запоздало. Толлер вдруг услышал какой-то шорох поблизости и сразу понял, что, будучи слишком самоуверенным, ошибался, отказывая хлипким вадавакам в истинно воинском духе. Он ощутил легкое касание в районе левой икры. Боли не было, однако только что он получил самое серьезное ранение за всю свою жизнь. Толлер опустил глаза и увидел, как лезвие колкорронского меча, принадлежавшего раньше Традло, глубоко погрузилось ему в ногу, дойдя почти до кости. Он рубанул своим клинком раненого вадавака, который, притворившись мертвым, лежал на земле и только ждал удачного момента для удара. Инопланетянин откатился в сторону, а там его достал меч Джерин.

— Мы должны прикончить их, — крикнула Джерин. — Никакой пощады!

— И держитесь подальше от машины, — предостерег Толлер, удивляясь, почему Вантара не берет командование в свои руки. — Она вот-вот должна сработать.

Джерин кивнула и осмотрелась по сторонам, чтобы убедиться, что никого рядом с машиной нет. В лучах восходящего солнца коробка импеллера переливалась подобно свежевывавшему снегу.

— А сейчас мы займемся твоей ногой, — обратилась она к Толлеру.

— Со мной все... — Толлер посмотрел вниз и почувствовал легкое головокружение. На икре раскрылась широкая алая рана. По лодыжке стекала кровь и падала на траву, а в глубине пореза виднелась белая кость. Он попытался сдвинуться с места, но нога его не слушалась.

— Ее надо немедленно зашить, — чеканя слова, заявила Джерин. — Кто-нибудь, подайте мне полевую аптечку.

Толлер позволил уложить себя на траву рядом со Стинамиртом, который уже начал приходить в сознание. Его тошнило, и он с радостью воспользовался возможностью хоть на время взвалить ответственность на чужие плечи. Почувствовав боль от иглы, Толлер стиснул зубы, положил подбородок на сжатые в замок руки и попытался отвлечься от боли. Он вспомнил об импеллере. Что будет, когда машина сработает? Раздастся взрыв или с неба посыплются молнии? И почему эта проклятая коробка до сих пор бездействует?

— Как ни крути, с момента нашего прибытия прошло больше четырех минут, — обратился он к собравшимся вокруг женщинам, которые занимались теперь его ногой. — Что скажете? Вы что-нибудь заметили?

Ответил на вопрос Толлера Стинамирт, устремивший глаза к небу.

— Не знаю, как насчет нашей замечательной коробки, Толлер, — произнес он отсутствующим голосом, — но там, наверху, определенно что-то происходит.

Он указал в зенит, и колкорронцы задрали головы. Толлер изогнулся, переворачиваясь, и невольно охнул, потревожив раненую ногу. В самом центре неба висел огромный диск Мира, а в центре его пульсировала желтая звездочка, в которой люди сразу узнали Кса. Но перемены начались задолго до того, как поднял голову Толлер.

Кса стал гораздо ярче — теперь он напоминал миниатюрное солнце, — и его пульсация настолько участилась, что превратилась в единый лучик желтого цвета. Толлеру пришло в голову, что он слишком увлекся импеллером Гретэка и битвой с вадаваками и абсолютно забыл о другом, огромном, импеллере, который парил сейчас в зоне невесомости. Внимание людей, сосредоточившихся на далеком Кса, распространилось на какие-то телепатические ворота...

«Поверить не могу, что ты все-таки решился на это, Возлюбленный Создатель! — доносились с позолоченного неба пронизанные страданием вопли. — После всего того, что я для тебя сделал, ты намерен приблизить момент моей смерти! Умоляю тебя, Возлюбленный Создатель, позволь мне провести последние минуты жизни в твоём драгоценном обществе...»

— Что творится? — прорычал Толлер, вырывая иголку из пальцев Джерин и усаживаясь на траве. — Гретэк сказал, что эта проклятая коробка закончит свое дело задолго до того, как Кса... задолго до того, как Дуссарра сможет перенестись в другую галактику... но я не знаю... — Он вдруг замолк, на лбу у него выступил холодный пот, когда он понял, что сейчас он сам, все его знакомые и друзья и вся его родная планета находятся под угрозой мгновенного уничтожения.

— Может быть, с машиной Гретэка что-то случилось, — приподнялся на локте Стинамирт. — Он сам говорил, что импеллер был собран в большой спешке. Дуссарриане тоже не застрахованы от ошибок, и, наверное, какие-то неисправности вкрались в механизм отсчета времени... — Голос Стинамирта затих, а глаза его расширились. Дрожащим пальцем он показал куда-то за спину Толлера.

Толлер обернулся и яростно выругался. Такое зрелище было способно лишить его самообладания даже на фоне

поразительных, эпохальных событий. Рядом с коробкой импеллера появилась блестящая белая фигура вадавака, который, должно быть, спрятался в траве и последние хаотические мгновения битвы переждал в укрытии. Похоже, благодаря профессиональной тренировке он стал куда сильнее обычного дуссаррианина, потому что на глазах у ошеломленных людей вадавак наклонился, подsunул руки под импеллер и хоть и медленно, но все же выпрямился.

Импеллер содрогнулся и упал набок. Секундой спустя, словно от удара сработало какое-то реле, внутри белой коробки раздался механический визг.

Толлер попытался встать, но левая нога отказалась держать его, и он, сморщившись от боли, рухнул обратно на траву.

— Нам конец! — завопил он. Не имея возможности сдвинуться с места, он испытывал ужасные, изощренные мучения. — Машину нужно вернуть в прежнее положение — иначе все погибнет!

Он посмотрел на женщин, которые стояли перед ним, надеясь, что они исполнят то, чего не может исполнить он, но Мистекка и Арванд продолжали непонимающе таращить глаза, окаменев от страха при виде новой опасности, а Вантара упала на колени, закрыла лицо руками и беспомощно всхлипнула.

— С вас повышение по службе! — крикнула Джерин и, вскочив на ноги, схватила меч и устремилась к импеллеру. Она неслась по траве с невиданной прытью, которой позавидовал бы профессиональный спринтер, — даже сам Толлер, будь он в добром здравии, вряд ли бежал бы быстрее.

Одиноким вадавак, выказав значительно больше мужества и упрямства, нежели его удравшие товарищи, и не думал спастись бегством. Наоборот, он кинулся навстречу Джерин

и, когда до нее оставалось всего несколько шагов, нырнул ей под ноги. Она все-таки достала его скользящим ударом меча — ярко-красные брызги окропили траву, — но инопланетянину удалось ухватить ее за голень. Джерин рухнула на землю. На какой-то момент они скрылись из виду, и у Толлера даже во рту пересохло от волнения, но вскоре Джерин снова вскочила на ноги и ринулась наперегонки с собственной тенью.

Визг белой коробки, казалось, стал еще громче, стоило девушке добраться до цели. Джерин ухватила за край и попыталась перевернуть машину, но тщетно. Тогда она обогнула импеллер и, склонившись за ним, попыталась по-лучше ухватиться за тяжелый корпус. С томительной медлительностью, разрывающей нервы, прибор занял прежнее положение.

Джерин мгновенно выскочила из-за него и, запрокинув голову, изо всех сил помчалась назад, к парализованным страхом колкорронцам. Она преодолела уже примерно треть расстояния, когда коробка внезапно замолкла. Сумасшедшие визги сменились новой, еще более ужасной волной истерии, донесшейся до сознания людей из далекой точки на небесах:

«Не убивай меня, Возлюбленный Создатель! Не...»

Толлер, чье лицо превратилось в нечеловеческую маску, перевел взгляд с Джерин на белую коробку и увидел, как очертания импеллера начали искажаться. Он замерцал, в разные стороны разлетелись бледные отражения машины, наплаивая многочисленные варианты реальности, поглотившей пространство и время.

Джерин бежала через переливающуюся матрицу того, что было и что могло быть. Толлеру казалось, что она выкрикивает его имя. Стиснув зубы от невыносимой боли, он чудом поднялся на ноги и попытался кинуться ей навстречу.

Тут начал содрогаться и вибрировать весь небосвод. От Кса полетели пульсирующие концентрические кольца режущего глаз сияния. Достигая эманаций, излучаемых белой коробкой, они сталкивались с ними, перемешивались...

«Слишком много всего происходит», — погружаясь в пучины ужаса, успел подумать Толлер.

И тут навалилось все разом...

ГЛАВА 19

Глубокая, бархатная и бесконечная тьма — Толлер никогда не видел такой темной ночи — внезапно окутала сцену, словно на целую планету набросили огромное светонепроницаемое одеяло. Небесная чернота казалась еще более непроглядной благодаря тому, что импеллер, свершивший свое пространственное колдовство, теперь прозрачной иллюминацией заливал притихшее поле боя.

Толлер замер на месте и отчаянно мигал глазами, пытаясь приспособиться к необычной обстановке, когда Джерин налетела на него и, ухватившись за его руки, остановилась. На краткий миг она приникла к нему, все ее тело дрожало. Восстановив дыхание, она выпрямилась и отступила на шаг. Толлер даже подумал, что сейчас она отсалютовует ему по-военному и отчитается об успехах при прохождении особенно коварной полосы препятствий. Вантара, стоящая неподалеку, придвинулась к Толлеру и нежно взяла его за руку.

Толлер не почувствовал ее касания — его внимание было поглощено невероятной пустотой небосвода. Сначала у него сложилось впечатление, что темный небесный полог однообразно пуст, но, когда его глаза немного при-

выкли, он начал различать холодные далекие огоньки света, чем-то похожие на звезды. По сравнению с привычной россыпью светил эти звезды были тусклыми и редкими. Свет был настолько скуден, что прошло несколько секунд, прежде чем Толлер стряхнул с себя оцепенение и понял, чего же именно не хватает в небе.

Планета-сестра куда-то исчезла.

Вместо нее на куполе небосвода царила лишь жалкая горсточка холодных огоньков непонятных очертаний.

Стинамирт, наконец пришедший в себя, поднялся на ноги и встал рядом с Толлером.

— Все было бесполезно, Толлер, — проговорил он. — Нас выбросило из галактики. Это не наша система.

Толлер кивнул, не полагаясь на собственный голос. Он никак не мог поверить в эту черную вселенную, которая распростерлась перед ним. «Разумеется, нас выбросило, — сказал он сам себе. — Так вселенная будет выглядеть, когда постареет...»

— Темно, — прошептала Вантара, прижимаясь к Толлеру. — Мне все это не нравится — и мне холодно.

— В таком случае, — сказал Толлер, решительно высвобождаясь из ее объятий, — предлагаю начать собирать топливо для костра. Судя по всему, до рассвета еще далеко — если рассвет вообще когда-нибудь наступит.

— Конечно, наступит! — капризно заявила Вантара, раздосадованная его символическим жестом. — Как может не наступить рассвет? Что за глупость!

С жалостью в сердце Толлер понял, что она не догадывается, даже понятия не имеет о том, какие важные события только что произошли. Картина мира, сложившаяся у него в уме после телепатических бесед с Дививвидивом и Гретэком, оставалась весьма обрывочной и туманной, но всем своим существом он ощущал, что Верхний Мир —

вместо того чтобы подвергнуться аннигиляции — был закинут в какую-то невероятно далекую область галактики.

А «вселенная», о которой он думал, оказалась вовсе не той маленькой, упорядоченной группкой звезд, чей образ вставал перед ним раньше, когда колкорронские ученые использовали сей термин. Это была весьма путаная, невообразимо сложная и доводящая до отчаяния своей неуловимостью философская концепция, которую Дививвидив называл пространственно-временным континуумом. Во время телепатических уроков Толлер ухватил суть этого понятия, но, несмотря на все усилия, его понимание континуума потускнело, угасая подобно смутному воспоминанию о сладком сне.

И вот минуло несколько дней, а он уже все забыл, и лишь какие-то жалкие обрывки знаний еще копошились у него в голове. Не способный облечь свои мысли в слова, он и секунды не сомневался, что невероятно могучие силы, задействованные Кса во время смертельной агонии, могли переместить Верхний Мир не только в пространстве, но и во времени, закинув куда-нибудь в далекое будущее параллельного космоса.

Он попытался вспомнить причины своей любви к Вантаре и не смог — сейчас, глядя на ее прекрасное личико, искаженное гримасой раздражения, он чувствовал, что между ними разверзлась непреодолимая пропасть. Но она была слишком эгоистичной и потому не могла разделить беспокойства Толлера. Как-то раз, во время долгого полета к Дуссарре, Толлер спросил у Дививвидива, почему тот так уверен, что переместительное устройство не забросит планету в глубины межзвездного пространства, где «легкой» корректировки будет недостаточно, поскольку рядом не окажется ни одного светила. Дививвидив, вероятно, не найдя достойного ответа, отделался всяческими премудро-

стями — «наслоение вероятностей» и «трудные для понимания самогенерирующиеся возможности» Кса, который в финальной стадии должен иметь дело с «зонами биологической активности» и «орбитальной динамикой».

И теперь Толлер спрашивал себя, действительно ли за пассивной громадой планеты скрывается солнце. Либо нормальный восход должен наступить еще через несколько часов, либо Верхний Мир станет постепенно остывать, а его обитатели будут вынуждены существовать в вечной черноте. Получить ответ можно было только одним способом — ждать. А ждать в темноте не имело смысла...

— Почему никто не собирает хворост? — весело заорал он, отворачиваясь от Вантары. — Давайте найдем местечко поуютней — и подальше от этих инопланетных трупов — и запалим добрый костер, который согреет нас в эту ночь.

Приободрившись от того, что нашлось хоть какое-то занятие, Стинамирт, Мистекка и Арванд помчались к зарослям кустов, чьи округлые очертания постепенно проявились в звездном свете. Вантара смерила Толлера долгим взглядом, который, как он догадался, должен был выражать неизмеримое презрение, затем отвернулась и медленно пошла вслед за остальными, оставив его наедине с Джерин.

— Неплохо было бы наложить на твою ногу еще несколько швов, но очень мало света. — Джерин мельком взглянула на импеллер, который медленно угасал, превращаясь в прямоугольный серый блок. — Я тебя сейчас перевяжу, а утром закончу.

— Спасибо, — кивнул Толлер, внезапно поняв, что абсолютно не способен передвигаться без посторонней помощи. Рана, хоть и серьезная, смотрелась на его могучем теле незначительной царапиной, но он вдруг обнаружил, что весь дрожит и чувствует себя больным и разбитым.

Толлер терпеливо ждал, пока Джерин наложит ему на икру бинт, извлеченный из полевой аптечки.

— Вот где пригодилось мое фермерское воспитание, — сказала она, туго затягивая узел.

— Благодарю покорно! — Толлер говорил с напускной сварливостью, радуясь возможности отвлечься от беспокойств по поводу солнца. — Утром приколотишь к моим копытам новые подковы, а пока, будь любезна, помоги мне наконец добраться до костра.

Джерин поднялась, обхватила его рукой за талию, и они вместе направились к уже замерцавшему в непроглядной темноте оранжевому огоньку. Идти по высокой траве оказалось довольно трудно, поэтому Толлер облегченно вздохнул, когда Джерин остановилась, давая возможность ему и себе перевести дух.

— Теперь я точно заслужила повышение, — отдышавшись, заметила она. — Ты немногим легче моего любимого синерога.

— Я прослежу за тем, чтобы... — Толлер запнулся. Он не имел права строить планы на будущее, которого могло и не быть. — Ты повела себя самоотверженно, ринувшись к машине. Меня аж в жар бросило, когда я подумал, что ты не успеешь выбраться.

— С чего это ты так беспокоился о моей судьбе? — пробормотала Джерин. — Ведь я только выполняла свои обязанности.

— Ну, наверное, потому... — Толлер улыбнулся, сообразив, какую древнюю игру ведет с ним Джерин. Они все стояли, окутанные тьмой, и вдруг эта игра стала значить для него куда больше, чем все страхи за будущее планеты. Он притянул ее к себе, и они слились в страстном поцелуе.

— Графиня может увидеть нас, — подначила Джерин, оторвавшись от его губ. Он чувствовал теплое дыхание девушки на своем лице. — И графине это не понравится.

— Какой графине? — изумленно переспросил Толлер, и они с Джерин, прильнув друг к другу в самом центре темной-темной ночи, безмятежно рассмеялись.

Толлер даже не надеялся, что ему удастся заснуть. Раненая нога начала отвратительно ныть, не умолкая ни на секунду, да и в любом случае он просто не мог уснуть и позабыть, что, быть может, его планета сейчас затеряна в просторах беззвездного космоса. Но костер приятно припекал, рядом, положив руку ему на грудь, посапывала Джерин, и он понял, что устал больше, чем сам о том подозревал...

Он растерянно открыл глаза, пытаясь определиться, где он очутился. От костра остались подернутые белым пеплом уголья, но их света как раз хватало, чтобы различить вокруг спящие тела товарищей, — и внезапно у него в висках снова застучал очень важный и неотложный вопрос. Он резко приподнялся — Джерин у него под боком что-то недовольно пробурчала — и осмотрел горизонт.

Из-за кромки земли выглянула слабая, но легко узнаваемая полоска пурпурного света.

На глазах у Толлера проступили слезы, когда он понял, что за чудесный, изумительный свет пробивается к ним. Он облегченно вздохнул и снова погрузился в целебный сон.

ГЛАВА 20

Королева Дасина перенесла еще один удар, который на этот раз оказался для нее роковым.

Когда вести о свалившейся на планету трагедии распространились из Прада по городкам и деревенькам Верхнего

Мира, простой люд — и так уже перепуганный до смерти необъяснимой переменой на небосводе — еще больше замкнулся. Настроение у всех было подавленное. Снова подняли головы религиозные фанатики, утверждавшие, что болезнь королевы была предсказана знамениями, которые преобразили небеса над планетой. И даже те, кто обычно не обращал внимания на всякие предрассудки и пересуды, были потрясены тем в высшей степени странным явлением, которое случилось на рассвете три дня назад.

Те, кто привык вставать спозаранку, описывали случившееся в один голос. Сначала они увидели внушающую ужас яркую желтую точку, похожую на миниатюрное солнце. Она внезапно появилась в зените, прямо в центре огромного диска Мира, и не успели глаза привыкнуть к этому неожиданному сиянию, как гигантские концентрические круги начали расходиться по рассветному небу, пульсируя и переливаясь всеми цветами радуги.

А затем свершилось последнее невероятное действие этой космической драмы — небо... умерло.

Это слово — «умерло» — повторялось и повторялось на всех углах, срываясь с губ необразованных простолюдинов, которые всю свою жизнь провели под небесами, залитыми светом и переполненными всевозможными астрономическими явлениями.

Небо, казалось, умерло, когда Мир вдруг исчез, а вместе с ним исчезли и Великое Колесо, и мириады серебряных спиралек поменьше; бесчисленные тысячи звезд, самые яркие из которых складывались в ствол Древа; неверные полосы таинственного свечения, подобно косам раскинувшиеся между галактиками; кометы, чьи мерцающие развернутые веера украшали вселенную; шустрые метеоры, оживлявшие ночной купол и шнырявшие от звезды к звезде.

Все это исчезло в одну секунду, и теперь небеса казались какими-то омертвелыми — в основном из-за тех холодных, одиноких и бесконечно далеких точек, которые, в сущности, не освещали небо, а лишь усиливали впечатление пустоты и мрака.

Толлер Маракайн, опершись на костыли, задержался на южном балконе своего дома, любясь закатом. Перед ним на широкой балюстраде стоял бокал с бренди, но на время Толлер совершенно забыл о нем, увлекшись игрой небесных красок, которые становились все гуще и все мрачнее. Взглянув на чуждый темнеющий небосвод, он подавил невольную дрожь, но сейчас его беспокоило вовсе не исчезновение планеты-сестры, которой следовало привычно нависать над головой. Он достаточно времени провел «вне» Верхнего Мира — в местах, где большинство обитателей даже не могли представить детальную картину иной планеты у себя над головой, — и поэтому быстро привык к изменившемуся небу.

Признавая, что его состояние отчужденности вызвано абсолютной пустотой ночного неба, Толлер решил отнестись к вопросу философски, с позиции здоровой логики, и таким образом попытался избавиться от неприятного ощущения. Какая разница, спрашивал он себя, содержит равнодушное, неприветливое ночное небо миллиард звезд или всего лишь горстку? Ведь количество зерна, собранного во время жатвы, от этого не изменится?

Но беда в том, что все эти ухищрения отнюдь не помогали обрести прежнее чувство уверенности. Толлер понятия не имел, какая участь постигла Мир и Дуссарру, но одно знал наверняка: этих планет больше не существует. Однако он четко осознавал и другое — Верхний Мир, как метко выразился Стинамирт, «был выброшен» в абсолютно чужую область пространственно-временного континуу-

ма, и было в ней что-то такое, от чего дух захватывало, как при падении в воздушную яму. Верхний Мир очутился в гниющей вселенной, древней и холодной... а потому возник следующий вопрос: сможет ли человек — индивидуально и коллективно — сохранить прежний образ жизни?

Вообще-то не было никаких причин, запрещающих мужчинам и женщинам Колкоррона жить таким образом, как всегда жили их предки, но могло случиться и так, что чувство изоляции, которое испытает человек, перенесенный на окраину черных просторов бесконечности, изменит лик расы.

Мир и Верхний Мир — планеты-сестры, находившиеся в столь крепкой связке, что даже имели общую атмосферу. А что, если некий космический Творец специально создал их такими, чтобы подвинуть их обитателей на скорейшее покорение иных миров? Стоило людям совершить первый отчаянный шаг и перелететь с одной планеты на другую, как перед ними должна была раскрыться вселенная, усыпанная всевозможными сокровищами и звездами — на которых наверняка существовала другая жизнь, — и человек, обладающий тягой к приключениям и романтической жилкой, не устоял бы перед искушением. Сограждане Толлера были воспитаны небесным окружением так, чтобы смотреть вовне, чтобы верить, что будущее заключается в движении, в проникновении в щедрую и радушную вселенную, но что люди чувствуют сейчас? Найдется ли теперь герой с подобным видением мира и достанет ли ему мужества посмотреть на далекие ледяные огоньки звезд нового неба и поклясться, что когда-нибудь эти звезды будут принадлежать человеку?

Устав от абстрактных умственных построений, Толлер повернулся спиной к золотисто-алому закату и глотнул бренди. Сдобренный пряностями и маслом подогретый напиток живительным огнем разлился по жилам, успешно

прогоняя холод сумерек. Толлер смаковал бренди и наблюдал за отцом и Бартаном Драмме, которые суетились вокруг установленных на балконе телескопов. В его глазах эти двое пожилых людей стали гранитными опорами интеллектуальной стойкости и здравого смысла в постоянно меняющейся вселенной, он уважал их и преклонялся перед ними. Они обсуждали странную научную аномалию, причудливое нарушение в структуре новой реальности, заметное пока лишь единицам.

— Ерунда какая-то, — говорил Кассилл Маракайн. — Если брать государственные заводы в их совокупности, то без преувеличения можно сказать, что непосредственно мне сейчас подчиняются практически все ведущие инженеры и технологи. Так вот, большую часть своего времени они проводят у самых точных измерительных приборов, которые только были придуманы нами, — но ни один из них ничегошеньки не заметил!

— Попытайся быть честным, — пробормотал Бартан. — В отношениях круга к кругу ничего не изменилось, и большинство твоих...

Кассилл покачал седеющей головой:

— Никаких оправданий, старина! Мне рассказал об этом скромный рабочий с кардапинского пивоваренного завода — обыкновенный бочар! — который еле-еле пробился через все эти проклятые барьеры, несмотря на мои отчаянные протесты, поставленные бюрократами вокруг моего кабинета. Разумеется, я перетащил его с прежнего места к себе в штат, где он...

— Послушай, отец, — встрял Толлер, чье любопытство с каждой минутой все больше разгоралось. — Чего это тебя так взволновали всякие круги, окружности, колеса и прочие округлые фигуры? Что такого загадочного и необычного может скрываться в обычном круге?

— Как и любая другая геометрическая фигура, круг всегда обладал определенными свойствами, но теперь эти свойства внезапно изменились, — серьезно сказал Кассилл. — До сих пор, как тебе прекрасно известно, длина окружности равнялась ровно трем ее диаметрам. А теперь — если хочешь, можешь даже проверить, — отношение длины окружности к диаметру немного больше, чем один к трем.

— Но... — Толлер попытался усвоить эту мысль, но ум его не справился с задачей. — И что это значит?

— Это значит, что мы очень далеко забрались от дома, — объяснил Драмме и скривил губы, намекая на то, что изрек великую мудрость.

— Да, но как это отразится на нашей жизни?

Снимая колпачок с телескопа, Кассилл презрительно фыркнул:

— Сразу видно — человеку никогда не приходилось зарабатывать себе на хлеб коммерцией или производством! Нам придется проектировать новые конструкции, перенастраивать заново многие машины, а это обойдется государству в кругленькую сумму. Приплюсуй сюда канцелярские и бухгалтерские расходы, расходы на...

— Канцелярия-то тут при чем?

— А ты сам подумай, Толлер. У нас на руках двенадцать пальцев, поэтому дюжина лежит в основе нашей системы счета. Это да плюс то, что длина окружности раньше равнялась ровно трем ее диаметрам, существенно упростило многие выкладки. Однако вскоре все изменится, нас поджидает множество трудностей — я уж не говорю о том, что даже обыкновенным бочарам придется учиться делать более длинные обручи для бочек. Возьмем, к примеру...

— Ты лучше скажи мне, — быстро перебил его Толлер, забеспокоившись, что отец сейчас завязнет в одном из обычных для него отступлений и разговор затянется надолго, —

каково новое соотношение? По крайней мере это мне следует знать.

Кассилл многозначительно посмотрел на Бартана:

— По этому поводу пока существует множество разногласий. Я был слишком занят — все эти печальные события во дворце и так далее, — чтобы лично провести измерения. Кое-кто из моего штата заявляет, что новое соотношение — один к трем и одной седьмой. Но это, разумеется, ерунда...

— Почему ерунда? — разгорячился Бартан.

— Потому что, мой старый друг, в мире чисел должна присутствовать естественная гармония. А число три и одна седьмая ни с чем не ассоциируется. Ничуть не сомневаясь, когда будут завершены все расчеты, выяснится, что новое соотношения равняется, ну, предположим...

Толлер мигом потерял интерес к обсуждению. Дискуссия обещала вылиться в очередное долгое препирательство — отец и Бартан Драмме частенько спорили друг с другом и получали от этого огромное удовольствие. Он еще раз вспомнил о Джерин и пожалел, что ее нет рядом. Она уехала навестить свою семью в деревне Диварл и должна была вернуться только завтра. Утомившись стоять у балюстрады, Толлер подковылял к кушетке, опустился на нее и положил рядом костыли. Теперь, когда начался процесс заживления, нога стала неповоротливой и на каждое неловкое движение отзывалась мучительной болью. Толлеру пришлось учиться уживаться с такой ногой, постоянно изобретать всякие способы, как обмануть ее и не вызвать новых приступов. Это ужасно изматывало Толлера, и потому он с радостью воспользовался возможностью прилечь и передохнуть.

— Сынок, может, тебе пора отправляться в спальню и лечь в постель? — подойдя к кушетке, мягко спросил Кас-

силл Маракайн. — Эта рана куда более серьезна, чем ты думаешь.

— Нет, пока нет, я хочу еще немного побыть с тобой, — улыбнулся отцу Толлер. — Знаешь, я тут вспомнил, что, когда был еще маленьким мальчиком, мы чуть ли не каждый день обменивались подобными фразами. Или ты и на этот раз не считаешься с моими желаниями и все равно отправишь меня в кровать?

— Ты уже вырос для такого обращения. Кроме того, я занят и не хочу, чтобы меня отвлекали постоянными просьбами принести стакан воды.

— И медовой соломки, — крикнул с дальнего конца балкона Бартан. — Медовую соломку не забудь.

— Медовая соломка! — приподнялся на локте Толлер. — Это то, что я так...

— Именно, хотя это может показаться весьма странным пристрастием для человека, которого уже начали называть Убийцей богов, — кивнул Кассилл. — А, ты же, наверное, ничего не знаешь? Можно только догадываться, какие еще слухи распространяет твой друг Стинамирт, но мне передали, что уже каждая таверна в городе бурлит и обсуждает то, как ты слетал на расположенную за кромкой небес землю и прикончил там тысячу богов... или демонов... или и тех, и других, чтобы спасти Верхний Мир от гибели в пасти громадного хрустального дракона.

Кассилл на секунду замолчал, и лицо его омрачилось.

— Теперь, все тщательно взвесив, — снова заговорил он, — я понял, что даже самый заурядный пахарь, накачавшийся элем, может объяснить происшедшее ничуть не хуже — а вероятно, даже и лучше меня. Толлер, все те вещи, которые тебе объясняли посредством разума и без помощи речи... Ты уверен, что абсолютно не помнишь — совсем-совсем ничего — о том, что подразумевалось под

термином «пространство-время»? Мне бы очень хотелось узнать, почему эти два слова, абсолютно не связанные логически, ни с того ни с сего используются вместе.

— Я ничем не могу помочь тебе, — вздохнул Толлер. — Когда Дививвидив говорил внутри моей головы, мне казалось, что я понимаю каждое его слово, но на самом деле все развеялось как дым. Я практически ничего не помню. Тянусь за понятием, а натыкаюсь на пустоту. Причем не на настоящую пустоту — а знаешь, как бы на эхо, будто какие-то массивные двери только что навеки захлопнулись передо мной, а я слишком медлил и в итоге опоздал. Прости, отец, — я бы и рад помочь...

— Да ничего — мы и сами, собственными силами, когда-нибудь справимся с этой задачей. — Кассилл сходил за толстым одеялом и накинул его на Толлера. — Ночи здесь холодные.

Толлер кивнул и устроился поудобнее, наслаждаясь отцовской заботой и отсутствием груза ответственности на собственных плечах. Нога чуть заметно ныла, а врачи предупредили его, что дело может закончиться хромотой, но это тем более давало ему право по-детски понежиться в уютном тепле, спрятаться, как ребенку, под одеяло, которое — получше всяких доспехов — защитит от всех напастей внешнего мира.

Пригревшись и уже проваливаясь в дрему, Толлер попытался определить свое положение в незнакомой вселенной. Столько всего потеряно. Королева умирает, не в силах понять и смириться с тем, что планеты, где она родилась — и куда она так страстно стремилась вернуться, — больше не существует. Ее мечта о едином народе, населяющем оба мира, разбилась в один миг. Это была хорошая мечта, мечта, которой Толлер только симпатизировал, но теперь уже не будет длинных верениц небесных судов, загруженных

всевозможными товарами и книгами, курсирующих на невидимой привязи между Миром и Верхним Миром. Вместо этого будет... а что, собственно, будет?

Страшная усталость охватила его, он даже не подозревал, что настолько измотан; сейчас у него просто не было сил бороться с хитрыми, то и дело ускользающими загадками будущего. Толлер задремал, а очнувшись, взглянул на небо и обнаружил, что оно совсем потемнело и многочисленные точки звезд светят куда ярче, чем он думал. Балкон также погрузился в темноту; отец и Бартан Драмме возились с телескопами и, периодически отвлекаясь от окуляров, делали какие-то заметки и обменивались друг с другом результатами наблюдений.

Толлер какое-то время прислушивался к шорохам ночи, к тихой беседе между отцом и Бартаном... снова погружался в дрему, куда-то уплывал... улавливая случайные фразы, доносившиеся до него... и постепенно его настроение начало меняться. Он неожиданно понял, что, потрясенный схваткой и чрезвычайно ослабев, позволил новому небу подчинить себя — и оно до сих пор подавляло его. Он задавался вопросом, найдется ли среди колкорронцев такой герой, который осмелится бросить вызов равнодушной черной пустоте, но — вот ведь незадача! — был ослеплен собственным пессимизмом, не увидел, что такие герои находятся прямо у него под носом.

Кассилл и Бартан — почти старики, чей вклад в прежний порядок вещей был куда значительнее, чем его собственный, а причин желать перемен у них гораздо меньше, но разве они опустили руки и замкнулись в себе, оплакивая прошлое? Нет! Они с готовностью обнажили мечи — клинки умов — и в настоящий момент спокойно, без ложной патетики, закладывали, ни больше ни меньше, основы новой астрономии!

Колеблясь на грани между сном и явью, Толлер улыбнулся.

Его отец и Бартан Драмме старались говорить как можно тише, чтобы не побеспокоить отдыхающего Толлера, но шепот пробирался в квазиреальности дремлющего мозга и привлекал больше внимания, чем самый громкий крик... пока что в местной системе обнаружено пять планет, Бартан... если считать ту, двойную планету за одну... раз уж за столь короткое время нам удалось обнаружить целых пять миров, вполне вероятно, что могут найтись и другие, как ты думаешь?.. «я должен немедленно подняться с этой кушетки и принять участие в обсуждении...» вряд ли такое возможно — кремового цвета планета, окруженная громадным кольцом... «но я сегодня уже достаточно сделал...» только подтверждает твои первоначальные расчеты, Кассилл... примерно двадцать градусов, а это означает, что теперь на Верхнем Море установятся времена года... «утром приедет Джерин, и с ее помощью я скоро встану на ноги...» люди, в особенности фермеры, должны подготовиться к тем переменам, которые повлечет смена времен года... «время и бремя, бремя и время...» у меня есть любопытное предчувствие насчет той планеты с кольцом, Бартан, — она такая необычная, такая странная, что наверняка сыграет немалую роль в нашем будущем...

Толлер наконец погрузился в глубокий и целительный сон.

Когда он проснулся, на балконе уже никого не было, а это означало, что время близилось к утру. Он обнаружил, что его укрыли еще несколькими одеялами, чтобы защитить от ночных холодов, которые к рассвету заметно крепчали. Небо выглядело точно так же, как при первом знакомстве. Над головой были разбросаны незнакомые созвездия, а на вос-

точном горизонте показались отблески перламутрового цвета, затмевающие самые слабые звезды.

На этот раз внимание Толлера привлекла яркая двойная планета, взошедшая над сияющей полоской надвигающегося рассвета. Не раздумывая, он отбросил одеяла и с трудом поднялся на ноги, выругавшись про себя, когда рана в икре ответила на его порыв приступом тупой боли. Он подобрал костыли и по выстланному плиткой полу подковылял к ближайшему телескопу. Костыли путались под руками и мешали ему должным образом настроить прибор, но вскоре он справился с задачей и приник к окуляру.

Посреди бархатной черноты вселенной висел мерцающий диск, вокруг которого крутилась огромная луна. Сам мир оказался голубого цвета, что сулило присутствие на нем воды. Увлеченный лучистым зрелищем, Толлер вдруг почувствовал, как какой-то сверхъестественный холодок пробежал вдоль его позвоночника.

— Может быть, ты и прав насчет этой планеты с кольцом, отец, — прошептал Толлер. — И все-таки интересно...

РАССКАЗЫ

Предисловие

Как-то, придирчиво разглядывая свои ручонки, моя младшенькая спросила:

— Папочка, а почему у меня ногти из пластмассы?

Я тоже посмотрел на ее пальчики. Действительно, маленькие полупрозрачные ноготки весьма напоминали розовые пластмассовые чешуйки на кончиках пальцев кукол. Похоже, четырехлетняя дочурка полагала, что она частично состоит из плоти, а частично — из пластика.

Я-то, конечно, знал, что это не так, но внезапно... Внезапно мне открылась узкая тропка через пропасть между ее вселенной и моей. Помню, в животе у меня тогда возник холодок, в сознании — смятение. Иными словами, я в ту минуту ощутил типичные, по мнению некоторых авторов, признаки вдохновения, и перед моим мысленным взором разом пронеслись замысел и сюжет «Темной ночи в Стране игрушек» — первого рассказа сборника, который вы держите в руках. Вы вправе счесть этот рассказ научной фантастикой, фэнтези или «ужасником», сам же я отнести его к какому-либо конкретному жанру затрудняюсь. Скажу лишь, что мне с каждым днем все сложнее и сложнее уловить разницу между телом собственного ребенка и детально проработанной игрушкой, сошедшей с конвейера, и это меня пугает.

Теперь, надеюсь, понятно, почему, услышав традиционный вопрос «Откуда вы берете свои идеи?», писатели обычно хмурятся, глаза их затуманиваются, губы начинают шевелиться, но внятного ответа так и не следует. Работа созидательного разума объяснению не поддается. Опытный писатель либо сочиняет четко продуманный рассказ для продажи на определенном рынке, либо, пораженный вдруг молнией вдохновения, пускается в плавание по открытому океану творчества, а затем предлагает читателю рожденное в муках произведение.

Работать в жанрах научной фантастики и фэнтези приятно потому, что в этих жанрах все еще живет традиция новеллы, и оттого, что в процессе письма в ход идет буквально все, что душе угодно. Правила, безусловно, существуют, но они не навязаны писателю ни извне, ни свыше. Рассказ может быть и развернутой шуткой, и замаскированной загадкой, и попыткой заглянуть за пределы известного, и перенесенным на бумагу сновидением.

Все рассказы в этом сборнике в той или иной мере подпадают под эти категории. Но какой под какую? По этому поводу я готов спорить часами, особенно если у вас найдется вдоволь виски для смазывания шестеренок дискуссии. Но, по-моему, не так уж и важно, к какой конкретно категории и какому жанру относится тот или иной рассказ. Гораздо важнее, чтобы хоть что-нибудь из предложенного вам понравилось.

Искренне надеюсь, что так оно и будет.

Темная ночь в Стране игрушек*

— Господи, только не сегодня, — взмолился Киркхэм.

«Да-а-а, невинному ребенку вообще негоже умирать от рака, но когда такое случается в первый день Рождества — это, знаешь ли, уже совсем паршиво», — вмешалась его вторая половинка, незванный гость, чей язвительный ехидный голос последние несколько месяцев звучал все настырнее.

Киркхэм рывком поднялся на ноги и нервно зашагал по кабинету, пристыженный и чуть напуганный внезапным вмешательством, хотя отнюдь не чуждый манихейства, чтобы понимать, откуда берется этот голос. Обшитая дубовыми панелями комната некогда казалась очень подходящей для обосновавшегося в заштатном городке мстодистского священника, в чьи обязанности входило поддерживать религиозную веру во враждебной атмосфере XXI века. Теперь здесь словно сгустилась тьма, а замкнутое пространство давило на психику. Киркхэм устремился к окну и раздвинул зеленые бархатные шторы. На улице царил океан мрака — шесть часов рождественского утра. Зимой в это время все утра на одно лицо.

«Ну, вот и Рождество... а мы тут гоняемся за звездой», — снова раздался этот непрошенный голос.

---

* Dark Night in Toyland.

© Перевод. Никольский С.Л., 2003.

Киркхэм пребольно укусил себя за тыльную сторону ладони и поплелся на кухню готовить кофе. Дора была уже на месте — в своем зеленовато-голубом халате она накрывала на стол. Спина удивительно прямая — смелая женщина, должно быть, говорили их друзья и соседи, но только Киркхэм знал, до какой степени она сломлена болезнью Тимми.

Однажды вечером, когда он стал втолковывать ей что-то про веру, она ответила с оттенком грустного презрения:

— Ты-то сам веришь, что дважды два — четыре? Разумеется, нет, Джон. Потому что ты знаешь, что дважды два — четыре! — В первый и последний раз Дора говорила с ним в таком тоне, но встревоженный Киркхэм почему-то не сомневался, что именно тогда она высказала свое личное кредо касательно жизни и смерти.

— Я не слышал, как ты спустилась, — сказал он. — Не рановато ли для тебя?

Дора покачала головой.

— Хочу, чтоб этот день был как можно длиннее.

— Не выйдет, Дора.

Он сразу понял, что у нее на уме. Достоевский в утро перед казнью был полон решимости растянуть и разделить на полноценные мгновения каждую секунду, чтобы превратить оставшийся час в целую жизнь.

— Предоставь времени идти своим ходом, — посоветовал он. — И черпай в этом радость. Только так можно с достоинством встретить вечность. — Он подождал, вполне осознавая всю напыщенность своих слов и надеясь, что Дора затеет спор, а значит, позволит протянуть ей руку помощи.

— Молока или сливок? — только и спросила она.

— Молока, пожалуйста.

Некоторое время они потягивали кофе, замкнутые, отделенные друг от друга начищенной до блеска геометрией кухни.

— Чем займемся на следующее Рождество, Джон? — спросила Дора ровным голосом, словно обсуждала программу предстоящего отпуска. — Что мы будем делать, когда останемся одни?

— Посмотрим, что уготовил нам Господь. Возможно, к тому времени мы уже поймем...

— Возможно, нам и так все понятно. Возможно, единственное, что нам требуется понять, — что понимать-то, в сущности, нечего.

— Дора! — При мысли, что его жена почти призналась в своем неверии, Киркхэм испытал мрачное возбуждение. Он знал, что сможет помочь ей лишь в том случае, если правда будет высказана вслух. Пусть Господь всевидящ, но слова должны быть произнесены, мысли должны преобразиться в движение губ и колебание воздуха.

«Отменное зрение у Господа нашего! — не унимался голос. — Иначе как еще он мог бы, сидя в самом центре галактики, за тысячи световых лет отсюда, попасть космическим лучом в крошечную клетку позвоночника маленького мальчика? Поистине снайперский выстрел с любой точки зрения. Особенно — с библейской...»

Киркхэм отвел взгляд от лица Доры. Действительно, почему именно позвоночник — тот самый орган, чья слишком сложная структура не поддавалась успешному восстановлению биоглиной? Разумеется, курс лечения был проведен с использованием новейших составов — в результате Тимми получил несколько лишних месяцев. Одно время даже казалось, что наступит выздоровление, что победа уже не за горами, но потом у Тимми стала отниматься левая нога — первый признак того, что биоглина, прежде вытеснявшая раковые клетки по мере их появления, не справляется с задачей обновления оригинальных тканей.

— ...должно быть, уже проснулся, — говорила тем временем Дора. — Пойдем-ка к нему.

Чувствуя, что упустил благоприятную возможность, Киркхэм кивнул, и они направились в комнату Тимми. В тусклом свете ночника они заметили, что хотя мальчик и не спит, он даже не притронулся к рождественским подаркам, разложенным у кровати. В который уже раз Киркхэм прочувствовал, как возникло выражение «разбитое сердце». Он оробел, не в силах вымолвить ни единого слова, и только смотрел, как жена подошла к кровати и опустилась перед ней на колени.

— Вот и рождественское утро. Только взгляни, какие подарки тебе приготовили, — принялась уговаривать она.

— Я знаю, мам. — Тимми не отводил глаз от ее лица.

— Не хочешь посмотреть, что внутри?

— Не сейчас. Я устал.

— Ты не выспался?

— Не в том дело, мама. — Тимми наконец отвел взгляд. Личико его было исполнено гордым одиночеством. Голова Доры поникла.

«Он знает», — подумал Киркхэм, и эта мысль побудила его к действию. Он быстро пересек комнату и начал распаковывать разноцветные свертки.

— Ты смотри-ка, — бодро произнес он. — От дяди Лео — аудиограф! Только глянь, как он превращает мой голос в цветные узоры! А вот самодвижущиеся шахматы... — Киркхэм продолжал потрошить свертки, пока вся постель не оказалась завалена подарками и оберточной бумагой.

— Здорово, папа. — Тимми улыбнулся. — Я поиграю с ними... потом.

— Ладно, сынок. — Киркхэм отважился на новую попытку. — А есть что-нибудь, чего бы тебе особенно хотелось?

С внезапной живостью мальчик взглянул на мать, и Киркхэм испытал благодарность.

— Была одна вещица, — признался Тимми.

— Какая же?

— Я говорил маме на прошлой неделе, но, наверное, ты не разрешишь.

— С чего это я?.. — Киркхэм был задет за живое.

— Это набор «Биодо», — быстро вставила Дора. — Тимми знает, как ты относишься к таким вещам.

— О! Ну, ты же не станешь отрицать, что...

— Я все же купила ему эту штуку.

Киркхэм открыл было рот, но вдруг заметил, что Тимми с нескрываемым энтузиазмом пытается — несмотря на парализованные ноги — принять вертикальное положение в кровати. Нет, он не должен испортить это мгновение. Дора отошла к стенному шкафу и вернулась с плоской коробкой без подарочной бумаги. Поперек нее конденсаторными чернилами, отчего буквы вспыхивали с регулярностью неоновых вывесок, было отпечатано слово «БИОДО».

На Киркхэма накатила волна отвращения.

— Ничего, пап? Можно я возьму? Ты не пожалеешь!

Еще немного — и Тимми слез бы с кровати. Пижамы его задралась, обнажив край терапевтического пластрона, вживленного хирургами в спину мальчика.

— Конечно, сынок, все в порядке. — Киркхэм заставил себя улыбнуться.

— Спасибо, Джон. — Глаза Доры светились признательностью. Она поудобнее устроила Тимми на подушках и переложив остальные подарки на стол.

Киркхэм кивнул, отошел к окну и раздвинув шторы, выглянул наружу. Оконные стекла были по-прежнему покрыты эмалью ночной тьмы, отражая сцену внутри спальни — ребенка в залитой теплым светом кровати и мать, стоящую на коленях возле него. Ассоциация с первым Рождеством, которая прежде утешила бы Киркхэма, те-

перь, из-за подарка Доры, казалась ему богохульной. Он хотел выйти из комнаты и поразмыслить в уединении, но оставался риск испортить нежданную радость сына. Тогда он вернулся к кровати и стоя принялся наблюдать, как Тимми изучает содержимое ячеек и лотков в коробке с набором «Биодо».

Розовое тесто исполняло роль наружной плоти; красноватые пряди должны были служить мускулами; для нервов — свернутые спиралью синие и желтые нити; для главных костей — пластиковые черешки сельдерея; для позвоночника в наборе были припасены сцепленные друг с другом белые шарики. Маленькие настороженные глазки аккуратно разложены по парам. Пристегивающиеся нейлоновые крючочки для мышечных сцеплений, серебряные разъемы нервных соединений. И что самое страшное — серый воск, низкокачественный коммерческий аналог биоглины, используемой в позвоночнике Тимми, а здесь приспособленной для моделирования нервных узлов. Примитивные крошечные мозги. Малыш дрожащими пальцами перебирал сокровища в коробке.

Киркхэм бросил взгляд на упавшую на пол крышку. «БИОДО помогает вашему ребенку понять Таинство Жизни!» «Идиоты, — выругался он про себя, — что, по-вашему, осталось бы от таинства, если бы каждый мог его понять?»

Тимми тем временем листал глянцевую брошюрку с инструкцией.

— С чего мне начать, мам?

— А что советуют в инструкции?

— Посмотрим... Гигантская гусеница! Простейшее беспозвоночное... Слепое... Мне попробовать? Можно прямо сейчас?

— Самое время! — воскликнула Дора. — Начинай. А я помогу.

Они склонились над коробкой и аккуратно, часто сверяясь с инструкцией, приступили к конструированию восьмидюймовой гусеницы. Сначала выбрали ленту мускулов соответствующей длины. С обоих концов присоединили по миниатюрному зонтику распределителя веса. Добавили синюю нитку нерва, разрезанную ровно пополам, а на образовавшихся кончиках приладили серебряные нервные соединения.

Из соответствующей ячейки они извлекли бледно-зеленую наружную плоть, придав ей форму хот-дога с продольным разрезом. Мускулы, укомплектованные нервом, затем вложили в разрез, а распределители веса тщательно вдавили в зеленую плоть с обоих концов.

Наконец Тимми, взяв шарик серого воска, решительно расплющил его на собственном запястье и с минуту ритмично сжимал и разжимал кулак, чтобы восприимчивый материал запечатлел образец нервного импульса.

— Ну вот, — произнес он, затаив дыхание. — Как думаешь, сработает, мам?

— Должно, малыш. Ты все делал правильно.

Тимми в надежде на похвалу обернулся и к отцу, но Киркхэм мог лишь молча взирать на зеленый объект, безжизненно застывший на рабочей доске. Эта тварь одновременно ужасала и завораживала его. Тимми вложил серый катышек во внутренности гусеницы и вдавил в него два серебряных соединителя.

В следующий миг гусеница принялась извиваться.

Тимми испуганно вскрикнул и выронил ее. Искусственное создание, упав на доску боком, то вытягивалось, то сжималось. При каждом сжатии тельце ее непристойно раскрывалось, и Киркхэм видел набухающий внутри мускул.

«Ты лгал нам, Боже, — мелькнуло в его затуманенном благоговейным страхом мозгу. — В жизни нет ничего осо-

бенного или священного. Всякий может создать ее, а знает... у нас нет души!»

Тимми уже зашелся в радостном смехе. Он подобрал гусеницу и, плотно прижав друг к другу края расходящейся плоти, заклеил продольную ранку. Бледная ткань моментально срослась. С поразительной ловкостью Тимми вылепил маленькие шарики-ножки под брюшком создания и вновь опустил его на доску. На этот раз, обретя необходимую устойчивость, гусеница поползла по плоской поверхности, слепо тыркаясь в разные стороны в ритме, перенятом от сжатого детского кулачка. Возбужденный Тимми бросил на мать ликующий взгляд.

— Умница! — воскликнула Дора.

— Пап? — Тимми перевел взгляд на отца.

— Я... я никогда и не... — Киркхэм неловко изображал душевный подъем. — Как ты ее назовешь, сынок?

— Как назову? — Похоже, Тимми был озадачен. — Я не собираюсь ее оставлять. Мне ведь нужен материал для других проектов.

— А что ты сделаешь с этой? — Киркхэм едва шевелил губами.

— Разберу на детали, конечно. — Тимми поднял беззвучно копошащуюся тварь, вскрыл ей брюшко большими пальцами и извлек заветный серый катышек. Стоило отделить от ганглия серебряные звенья, как искусственное создание застыло в неподвижности.

— Нет ничего проще, — прокомментировал Тимми.

Киркхэм кивнул и вышел из комнаты.

— Как это ни прискорбно, Джон и Дора, но жить вашему мальчику осталось совсем недолго. — Берт Роунтри размешивал сахар в чашке с чаем, приготовленном для него Дорой; чайная ложечка позвякивала, нарушая послеобе-

денное затишье. Складки на лбу Роунтри выдавали его непрофессиональное уныние.

На лице Доры, напротив, было запечатлено тщательно сохраняемое спокойствие.

— Сколько именно?

— Возможно, меньше недели. Я только что снял последние показатели совместимости ткани — коэффициент стремительно падает. Мне... в общем, нет смысла пытаться обнадеживать вас понапрасну.

— Нам бы этого тоже не хотелось, Берт, — заверил Киркхэм. — Ты уверен, что все пройдет безболезненно?

— Да, абсолютно... В биоглину встроены специальные блоки. Тимми просто-напросто уснет.

— Есть за что благодарить Господа!

Рука Доры резко дернулась, чай выплеснулся через край чашки, и Киркхэм понял, что жена готова бросить ему вызов. «Хочешь сказать: есть за что благодарить производителей биоглины?» Он вновь испытал острое желание, чтобы Дора наконец облекла свои мысли в слова и таким образом положила начало собственному духовному очищению. Давно пора убедить ее, что божественное откровение по-прежнему неизменно и не изменится никогда.

«Брось, Джон, — фыркнул другой Киркхэм, — не все же в Библии ты принимаешь за чистую монету!»

— Тимми показывал мне свой набор «Биодо», — сменил тему Роунтри. — Похоже, ему удаются довольно сложные конструкции.

— У него талант. — Дора вновь была сама невозмутимость. — Он настолько преуспел, что мне пришлось купить ему все дополнительные комплекты. Элементы равновесия, звуковой имитатор и тому подобное.

— В самом деле?

— Да, но от меня он скрытничает. Все твердит, что хочет сделать какой-то особенный сюрприз.

— Поразительно, что он сумел так продвинуться за столь короткое время.

— Я же говорю, он способный мальчик. Жаль только... — Дора внезапно запнулась, тряхнула головой и откашлялась.

— Мне не очень-то по душе, что он так увлечен этим хламом, — вернул свое мнение Киркхэм. — Есть в этом что-то нездоровое, и, по-моему, оно отнимает у Тимми слишком много сил.

— Чепуха, Джон. Если хочешь знать мое профессиональное мнение на сей счет: вам еще крупно повезло, что мальчику нашлось, чем заняться на этой стадии. По крайней мере он не заиклился на своей болезни.

— Вот и мне так кажется, — поддакнула Дора, мысленно записывая очко в свой актив.

— Все-таки ты не можешь отрицать, что «Биодо» — интереснейший материал. — Роунтри допил чай и поставил чашку на стол. — Ты знаешь, что это неочищенная разновидность хирургической биоглины? Между прочим, я читал, что благодаря примесям иногда возникают случайные свойства, которые приводят к весьма странным результатам. Подчас кажется, будто сама жизнь...

— Если не возражаешь, — прервал его Киркхэм, поднимаясь на ноги. — Мне еще нужно дописать проповедь на эту неделю.

— Разумеется, Джон. — Роунтри тоже встал из-за стола. — Все равно мне уже пора возвращаться в клинику.

Киркхэм проводил доктора до двери, а вернувшись, обнаружил, что Дора поднялась наверх — вероятно, в комнату Тимми. Постояв немного в нерешительности, Киркхэм направился в кабинет и приступил к составлению текста

проповеди, но подобающие случаю слова отказывались складываться у него в голове. Он знал, что вертелось на языке у Роунтри, и второй Киркхэм твердил ту же самую фразу.

«Сама жизнь, — злорадствовал неумолимый голос, — не более чем химическая примесь».

На восьмой день января Тимми погрузился в кому, и с тех пор Джону и Доре Киркхэм оставалось только ждать. Длительные дежурства у постели ребенка приобрели для Киркхэма фантастическое значение: он ощущал себя так, будто сам выпал из нормального течения времени. А его Тимми — он уже покинул один мир и ожидал, когда для него уладят все необходимые формальности перед допуском в следующий.

Теперь, с началом последнего испытания, Киркхэм обнаружил, что держится лучше, чем осмеливался предположить. Он спал часто, но урывками, и временами просыпался в полной уверенности, что слышит в комнате Тимми какое-то движение. Однако всякий раз, открывая дверь и заглядывая в спальню сына, Киркхэм видел лишь неподвижно лежащую детскую фигурку. Горошины лампочек на диагностической панели у изголовья горели ровным светом, своим однообразным узором демонстрируя, что в состоянии Тимми не произошло никаких резких изменений.

Единственный признак активности исходил от пульсирующих светом чернил на крышках коробок с наборами «Биодо», которые по настоянию Доры сложили рядом с кроватью. Их присутствие по-прежнему коробило Киркхэма, но в ночные часы — пока Дора и Тимми спали — он боролся и преодолевал свои страхи.

Киркхэм питал к «Биодо» отвращение, потому что этот материал, казалось, наделял мужчин, женщин и детей —

всех без разбору — возможностью творить жизнь. По элементарной логике, такая власть неизбежно вела к отрицанию Бога, а это, в свою очередь, означало, что человечек по имени Тимми Киркхэм обречен навсегда раствориться в небытии. Лишь Бог — а не производители наборов «Биодо» — мог обещать жизнь после смерти.

Киркхэм нашел простой, хоть и неприятный способ выйти и затруднения.

Его собственная гигантская гусеница получилась гораздо уродливей, чем первое творение Тимми, и потому разбирать ее оказалось менее мучительным занятием, чем он ожидал. Серебряные разъемы легко отделились от серого модуля, и движение прекратилось. Чисто механическая операция. Не о чем и расстраиваться.

Вторая конструкция Киркхэма — гусеница чуть побольше — имела один глаз и ползла к источнику света до тех пор, пока интенсивность излучения, проходящего сквозь радужную оболочку, не достигала определенного уровня, что заставляло искусственное создание поворачивать вспять. Эта гусеница тоже во многом уступала творению Тимми (Дора была права, говоря об особом таланте сына), но манера, в которой она продвигалась к свету, застывала в нерешительности, разворачивалась, ползла прочь, а затем вновь устремлялась к световому пятну, выдавала наличие сложных побудительных мотивов.

Однако, вникнув в принципы ее работы, Киркхэм сообразил, что гусеница не многим отличается от игрушечной машинки на батарейках, которая умудряется не свалиться с края стола. К вящей своей радости, он понял, что был слишком наивен, сравнивая грубую конструкцию «Биодо» с уникальным в своей многосложности живым организмом.

В пульсирующей тишине ночного бдения, пока его сын мало-помалу приближался к смерти, Киркхэм с подчерк-

нутым безразличием сгреб с пола одноглазую гусеницу и, вскрыв ей брюхо, расчленил на множество частей.

Тимми умер ранним утром двенадцатого января.

Джон и Дора Киркхэм, держась за руки, стояли возле кровати и наблюдали за медленным угасанием лампочек на диагностической панели. К счастью, иных признаков заключительного акта не было. Лицо Тимми светилось мирным сиянием перламутра. Киркхэм чувствовал, как внутри него меркнут другие огоньки — Господь никогда и не требовал, чтобы человек спокойно мирился со смертью ребенка, — но самое драгоценное пламя продолжало отбрасывать ровный свет, придавая ему сил.

Дора сделала глубокий судорожный вздох и тяжело оперлась на руку мужа. Киркхэм провел ее из детской в их спальню. Молча принимая его заботу, она позволила уложить себя на диван и накрыть пуховым одеялом.

— Побудь здесь немного, — мягко сказал Киркхэм. — Может, получится вздремнуть. Я пока позвоню в клинику. — Он направился к двери.

— Джон! — устало, но твердо произнесла Дора.

— Да?

— Я... я тебе все усложняла, но я была неправа. Совершенно неправа.

— Знаю, милая. Но главное, что ты это осознала. Все остальное уже не важно.

Подобие улыбки появилось на ее лице.

— Это случилось как раз в тот момент, когда Тимми покидал нас. Я просто поняла, что так не может все закончиться. Поняла, что мы встретимся с ним снова.

Киркхэм удовлетворенно кивнул:

— Тебе было дано откровение. Постарайся не забыть о нем. Никогда!

Он выключил свет, притворил дверь и направился к лестнице. Откуда-то справа донесся неясный шум, словно при падении на пол маленького предмета. Киркхэм застыл, не донеся ступни до половицы. Звук, похоже, шел из комнаты, где покоился Тимми. Не тратя время на раздумья, он взбежал по лестнице и распахнул дверь детской. При тусклом свете тело сына было исполнено невозмутимого достоинства. Даже не представляя, что еще он надеялся увидеть, Киркхэм шагнул через порог.

«Надо было прикрыть ему лицо», — мелькнула мысль.

Он подошел к кровати и натянул простыню поверх знакомых, точно высеченных в мраморе черт. Но прежде инстинктивно помедлил и смахнул прядь волос с чуть влажного лба ребенка. Киркхэм уже полностью накрыл тело, когда вдруг заметил, что к его пальцам прилипло несколько крошек сероватого материала, напоминающего корковый воск «Биодо».

«Не может быть, — сказал он про себя. — Его же следует расплющивать на запястье. С какой стати Тимми прижимать его ко лбу? Ведь этого нет в сопроводительной инструкции!»

За спиной что-то зашевелилось.

Киркхэм мигом повернулся и в ту же секунду прижал дрожащие ладони ко рту. Из дальнего темного угла выступила прямая фигурка. Подволакивая ногу, как это некогда делал Тимми, она с распростертыми объятиями двинулась напрямик к Киркхэму. Ее губы шевелились, и Киркхэму казалось, что он слышит слабый искаженный звук.

«Па... па... Папа».

Он отшатнулся и упал, опрокинув стул. Лежа на полу, он наблюдал, как фигурка подбирается ближе — нагая и розовая,двигающаяся с жутковатой несуразностью калекки. Ее губы продолжали шевелиться, глаза неотрывно смотрели на него.

— Джон? — Голос Доры просочился из иной вселенной. — В чем дело, Джон?

Киркхэм попытался представить, что случится, если Дора вдруг войдет в комнату. Внезапно явилась уверенность, а следом — готовность защитить жену от злого рока, уже настигшего его.

— Все в порядке, — крикнул он. — Только не вставай.

Киркхэм поднялся на колени и позволил миниатюрной фигурке приблизиться почти вплотную. «Пустите детей приходить ко Мне», — глумливо процитировал двойник. Закрыв глаза, Киркхэм ждал, когда гладкое холодное тельце уткнется ему в ноги. Затем он поднял его и большими пальцами вскрыл грудную клетку, обнажив шнуровидные нервы, устремленные к голове. Подцепив ногтем, он вырвал их с корнем, и маленькая фигурка в его объятиях замерла без движения.

«Всего-то требуется — разобрать обратно на детали», — подумал Киркхэм, отводя взгляд от безжизненного тела на постели; на лице его теперь играла прежде не свойственная ему улыбка.

«Чисто механическая операция...»

Выбери себе вселенную!*

Артур Брайант в нерешительности остановился перед неприметной лавчонкой всего в сотне ярдов от Шестой авеню. Единственное окно, выходящее на улицу, было задернуто тяжелыми шторами, и сквозь них струился столь тусклый персиковый свет, что в сгущающихся декабрьских сумерках оставалось лишь гадать, открыто заведение или нет. В правом нижнем углу окна виднелись маленькие бронзовые буквы:

Корпорация
ИЗМЕНЕНИЕ РЕАЛЬНОСТЕЙ

Справившись с волнением, Брайант толкнул дверь и вошел.

У входа за большим письменным столом сидел смуглый молодой человек с синеватой щетиной на лице. Одет он был в темный деловой костюм из дорогого шелка, а табличка на столе гласила: «Т.Д. Марзиан, заведующий отделением».

— Добрый день, сэр, — приветствовал Брайанта молодой человек. — Что вам угодно?

---

* Go On, Pick a Universe!

© Перевод. Жаворонков А., 2003.

— Я... Мне бы кое-что выяснить, — выдавил Брайант, с любопытством оглядываясь. За столом поменьше — пухлая девица с коротко стриженными темно-каштановыми волосами, на полу — ковер с мягким длинным ворсом, а на стенах — строгого рисунка шелк. Из неизвестного источника льется мягкая успокаивающая музыка... От тысяч близнецов-приемных других компаний и корпораций эта комната отличалась лишь одной деталью — серебристым диском размером с канализационный люк на ковре между столами.

— Всегда рады помочь, сэр, — учтиво сказал Марзиан. — Что желаете узнать?

Брайант откашлялся:

— Вы и в самом деле переносите желающих в другие миры? В реальности, устроенные по заказу клиентов?

— Да, таков наш бизнес. — Губы Марзиана раздвинулись в легкой ободряющей улыбке. — Клиенту достаточно перечислить свои запросы, и если они не совсем уж абсурдны, то мы непременно разыщем среди бесчисленных альтернативных реальностей вселенную его грез и перенесем его туда.

— А процесс переноса?.. Это не больно? Есть ли какой-нибудь риск?

— Что вы! Наш абсолютно надежный Перераспределитель Вероятностей действует мгновенно и совершенно безболезненно.

— Звучит вроде заманчиво, — вздохнул Брайант.

— Именно, сэр. — Марзиан кивнул. — Наши услуги действительно стоят каждого заплаченного клиентом цента. В реальности с какими параметрами вы бы хотели оказаться?

Покосившись на пухленькую девицу, Брайант повернулся к ней спиной и, понизив голос, забормотал:

— Как вы думаете?.. А нельзя ли?..

— Не стесняйтесь, сэр. Мы уже сталкивались с таким множеством самых причудливых требований, что теперь

нас ничем не удивишь. К тому же гарантирую, что наши услуги совершенно конфиденциальны.

— А вы можете?.. Можете перенести меня в такую действительность, где бы я... э-э-э... где я был бы самым физически развитым человеком?

Робость Брайанта легко объяснялась. Даже в ботинках на высоком каблуке он едва-едва достигал пяти футов четырех дюймов, да и прочие его физические данные были под стать росту. Он замер, с опаской ожидая реакции заведующего, но тот без малейшего намека на насмешку заговорил с непринужденной доверительностью:

— Не предвижу никаких затруднений, сэр. А мне, знаете, на мгновение показалось было, что вы попросите что-нибудь действительно сложное.

Брайанта захлестнул прилив радости, и он тут же представил себя всеми почитаемым суперменом в мире своих грез.

«Для начала опробую новое тело на полную катушку, — пронеслось у него в голове. — В первый месяц — не меньше пяти красоток в день! Потом можно перейти и к более умеренному образу жизни — не больше двух-трех...»

— Что ж, дело за малым, — прервал его мечты Марзиан. — За оплатой наших услуг.

— И сколько же с меня причитается?

— Сто тысяч долларов.

— Ого!

— Может быть, цена и покажется вам непомерно высокой, но, поверьте, запуск Перераспределителя Вероятностей стоит недешево. К тому же наша корпорация предоставляет вам Тройной Шанс. Иными словами, вам гарантирована возможность не единожды, а трижды изменить действительность.

— Да?.. — К Брайанту вернулись прежние сомнения. — А зачем мне ваш Тройной Шанс? Опасаетесь, что первый раз ваша хваленая техника откажет?

Марзиан снисходительно улыбнулся.

— Еще не было случая, сэр, чтобы Перераспределитель Вероятностей дал сбой. Тройной Шанс мы гарантируем клиенту лишь затем, чтобы он выбрал себе вселенную, идеально соответствующую его запросам. Уверяю вас, что причина всех изредка возникающих у нас затруднений — недостаточно ясный перечень пожеланий клиента.

— В самом деле? — Брайант нахмурился. — А мне почему-то кажется, что вы попросту морочите мне голову.

Марзиан развел руками.

— Допустим, вы помешаны на покере и желаете обрести реальность, где все, включая общественное положение, зависит лишь от умелой игры в покер. Особых условий вы не оговариваете, и может случиться так, что, попав в заказанный вами мир, вы обнаружите, что там известна только разновидность покера «Пять листов», вы же особенно сильны в «Семь листов». Вы недовольны и, нажав кнопку своего карманного Нормализатора Вероятностей, немедленно возвращаетесь в нашу действительность, а затем, воспользовавшись правом на Тройной Шанс, перемещаетесь именно туда, где играют исключительно в «Семь листов». Там вы вполне счастливы, а корпорация «Изменение Реальностей» приобретает в вашем лице очередного удовлетворенного клиента.

Складки у Брайанта на лбу разгладились, лицо прояснилось.

— Похоже, Тройной Шанс — весьма справедливое условие. Когда начнем?

— Хоть сию минуту, сэр. Вам нужно лишь... — Марзиан вежливо, но многозначительно кашлянул.

— Насчет оплаты не беспокойтесь, — жизнерадостно заверил его Брайант. — На моем банковском счете как раз чуть больше ста тысяч. Чтобы собрать их, я продал почти

все, что имел. Но к черту экономию! Я переносюсь в более совершенную реальность, а там, и дураку ясно, местные деньги мне уже не по... — Заметив на лице Марзиана брезгливое выражение, он замолк на полуслове.

— Мисс Крафт уладит все необходимые формальности. — Марзиан указал на пухленькую девицу. — А я тем временем настрою и проверю Перераспределитель Вероятностей.

Марзиан уселся за свой большой письменный стол и принялся проворно щелкать переключателями на пульте управления.

— Конечно, конечно, — извиняющимся тоном произнес Брайант, без подсказки уяснив, что истинному мастеру преобразования вероятностей нет и быть не может дела до вульгарных коммерческих подробностей.

Брайант подошел к мисс Крафт, но мысленно уже унесся к гибким длинноногим красавицам, восторженными воплями приветствующим своего кумира — лучше всех в мире сложенного мужчину, и не заметил ее приветливой улыбки. От радостных предчувствий голова шла кругом. Словно в тумане Брайант удостоверил свою личность и платежеспособность, перевел через компьютер на счет корпорации «Изменение Реальностей» необходимую сумму и подписал контракт.

— Вот портативный Нормализатор Вероятностей. — Марзиан вручил ему плоский предмет, похожий на портсигар с кнопкой посередине. — А теперь встаньте, пожалуйста, на фокусирующий круг...

Брайант послушно ступил на серебристый диск и стал смотреть, как Марзиан поворачивает ручки и щелкает переключателями на панели управления. Наконец молодой человек нажал самую большую красную кнопку, и Брайант почувствовал острый приступ страха, но тут и Марзиан, и мисс Крафт, и все, что их окружало, пропали.

* * *

Брайант стоял на широкой мощенной зеленой брусчаткой площади, окруженной непривычными зданиями, напоминающими птичьи яйца. Хоть ветра не ощущалось, растущие там и сям пальмы беспрерывно покачивались; от солнца спиралями расходились светящиеся ответвления, от чего оно смахивало на застывший в небе фейерверк. Но Брайанту было не до диковин иного мира. Ему не терпелось побыстрее испытать свое новое сверхтело.

Он оглядел себя, и из его горла вырвался жалобный стон.

Разочарованно похныкивая, он торопливо скинул куртку и рубашку. Ужасное открытие подтвердилось — его тело осталось прежним, до боли знакомым: рыхлая, жирноватая плоть на худосочных косточках. Брайант попробовал напрячь правый бицепс, но тот, как обычно, лишь безвольно обвис. Разочарование Брайанта сменилось гневом.

Будь проклят лживый Марзиан! Будь проклята поганая компания, на которую он работает! Будь проклят...

Тут за его спиной послышался благоговейный шепот:

— Ай да атлет! Держу пари, это — мистер Галактика!

— Ну нет, — уверенно заявил другой голос. — Бери выше! Мистер Галактика сам позавидовал бы его дельтовидным мышцам. Он — никак не меньше, чем мистер Космос!

Брайант развернулся и, увидев перед собой двух необычно одетых коротышек, выплеснул наконец-то душившую его ярость:

— Вы что, шутки со мной шутить вздумали?! Да если вы!..

Коротышки в испуге попятились.

— Что вы, что вы, сэр, — загнусавил ближайший. — Мы и не думали с вами шутить. Извините, если мы позволили себе лишнего. Понимаете ли, мы с приятелем увле-

каемся культуризмом, но, ей-богу, сроду не видели столь развитых мышц, как у вас.

— Клянусь святым Платиком! — с жаром подхватил другой. — За такое тело я бы, не задумываясь, отвалил миллион злинкотов! Да что там миллион, и двух бы не пожалел! Если б они, конечно, у меня были.

Все еще уверенный, что над ним насмеются, Брайант подозрительно переводил взгляд с одного коротышки на другого, и вскоре до него дошел комизм ситуации. Судьба-злодейка одарила его хилым тщедушным тельцем, но с этими парнями сыграла гораздо более гнусную шутку. Коротышки едва доставали ему до плеча, а висящая на них, как на вешалках, одежда была не в силах скрыть впалые груди и худосочные паучьи ножки. Брайант огляделся и, к своей несказанной радости, отметил, что фланирующие по площади мужчины сложены ничуть не лучше этих двух доходяг.

И тут он словно прозрел. Если все мужчины в этом мире — под стать тем, кого он уже видел, то он, Брайант, здесь действительно самый физически развитый человек. Похоже, корпорация «Изменение Реальностей» выполнила все условия контракта, но вовсе не так, как ему бы хотелось.

— Я и представить себе не мог, что бывают такие мощные грудные мышцы! — верещал меж тем первый коротышка, не сводя с груди Брайанта восхищенных глаз.

— И такие широкие плечи! — восторженно вторил ему приятель. — Не иначе как вы качались по несколько часов ежедневно.

— Да, по возможности я поддерживаю себя в приличной форме, — подбоченясь, скромно признался Брайант. — А как, по-вашему, девушкам моя фигура понравится?

— Понравится?! — вытаращил глаза первый недомерок. — Да вам от них отбою не будет!

Словно в подтверждение его слов за спиной Брайанта раздались вздохи, охи, ахи и смешки — одним словом, типичные звуковые проявления женского восторга. Брайант повернулся. К нему на приличной скорости семенила стайка молоденьких девиц с выпученными от восхищения глазами и зардевшимися щеками. Приблизившись, девицы наградили Брайанта ласковыми, сулящими негу взорами и потянули к нему жадные пальчики. Задние напирали, расталкивая передних, и не прошло и десяти секунд, как Брайант оказался в эпицентре настоящего стихийного бедствия. Он с трудом удерживался на ногах, а женщины просто висли на нем. Многочисленные руки бесцеремонно хватали и щипали его, губы в нетерпении прижимались к его губам, а острые зубки покусывали мочки ушей. От откровенных предложений и требований организовать для всех желающих живую очередь Брайант чуть не оглох.

Столь бурное проявление женского внимания к его скромной персоне доставило бы разочарованному в жизни Брайанту истинное удовольствие, если бы не одно печальное обстоятельство — здешние женщины были сложены ничуть не лучше мужчин. Их костлявые пальцы грозили вот-вот разорвать Брайанта на клочки, а острые, точно иглы, локотки и коленки оставляли на теле болезненные синяки... На мгновение ему даже показалось, что он атакован отрядом хищных скелетов.

Застонав от ужаса, Брайант нащупал в кармане плоскую коробочку Нормализатора Вероятностей, нажал кнопку и в тот же миг очутился в нью-йоркском офисе корпорации «Изменение Реальностей». Куртка на нем распахнулась, изрядно помятая рубашка спадала с плеч, а ремень на брюках был то ли расстегнут, то ли порван. Марзиан

оглядел его со сдержанным удивлением, мисс Крафт — с нескрываемым испугом.

— Смею предположить, сэр, что условия в заказанной вами реальности удовлетворили вас не полностью, — как всегда, вежливо изрек Марзиан.

— Какое там удовлетворили! — воскликнул Брайант, рухнув в ближайшее кресло. — Да меня там чуть не растерзали! Еле ноги унес!

Он принялся описывать свои злоключения, но вскоре, сообразив, что сидит в присутствии дамы полураздетым, привел одежду в относительный порядок и лишь потом закончил рассказ.

— Чрезвычайное невезение, — заметил Марзиан деловым тоном. — Однако теперь вы в полной мере оцените наши льготные условия, гарантирующие вам Тройной Шанс. Итак, у вас в запасе еще два перемещения.

— Два?!! — вырвалось у Брайанта. — Это что же, та живодерня, в которую вы меня заслали, тоже считается?!

— Разумеется, сэр.

— Но где же справедливость?! Ведь в никуда не годную вселенную меня занесло исключительно по вашей милости!

— Мы перенесли вас в действительность, полностью соответствующую вашему заказу.

— Но я предполагал, что получу в альтернативной реальности новое тело. Хотя бы такое, как у мистера Америка.

Марзиан едва заметно покачал головой.

— К сожалению, сэр, это исключено. Вы есть вы! Вы — неизменная точка в безбрежном оксана вероятностей, и переделать вас Перераспределитель Вероятностей не в состоянии.

— Как же так? Вы же сами говорили, что...

— В какую бы реальность мы вас ни перенесли, везде вы либо останетесь невысокого роста и... гм... субтильного телосложения, либо не будете существовать вовсе.

Заплатив все, что имел, до последнего цента, Брайант сразу сдаваться не желал.

— А может, существует такая реальность, где все мужчины — костлявые коротышки вроде тех двоих, о которых я вам рассказывал, а женщины... ну... нормальные?

Убедившись, что мисс Крафт смотрит в другую сторону, Брайант, чтобы не оставалось никаких сомнений относительно того, что он подразумевает под словом «нормальные», изобразил руками перед своей грудью два больших полушария.

— Но, сэр, желаемый вами мир нелогичен и, следовательно, существовать не может. — В голосе Марзиана явно слышались нотки нетерпения. — Самки и самцы одного вида в любом мире — совместимы и имеют сходные характеристики.

Плечи Брайанта поникли.

— Выходит, я напрасно потратил все свои деньги. А ведь я не так уж много и хотел. Всего лишь жить в мире, где красивые женщины сами бросаются в мои объятия.

С видом человека, чье профессиональное достоинство задето, Марзиан погладил подбородок.

— Не отчаивайтесь, мистер Брайант. Даже приглядевшись к нашей собственной реальности, вы без особого труда заметите множество внешне ничем не примечательных мужчин, которые не знают, что делать со своими многочисленными любовницами. Почему, спросите вы? Да просто эти мужчины умеют делать что-то лучше, чем остальные. Им сопутствует успех, а женщин, знаете ли, он привлекал во все времена. Причем вовсе не обязательно творить что-то сверхъестественное. Достаточно, например, хорошо танцевать. Или точно бить по мячу. Или мастерски водить машину. А у вас есть какие-нибудь таланты? Вам что-нибудь удастся особенно хорошо?

— Вроде нет.

— Ну да ладно. Что вам удастся неплохо?

— Боюсь, ничего... — Со скорбным видом Брайант вынул из кармана недавно подписанный контракт и проглядел набранный мелким шрифтом последний пункт. — Что тут говорится о возмещении?

— Быть может, вы прилично играете в бильярд? Или в детстве пробовали силы в любительском театре? — В голосе Марзиана зазвучало беспокойство. — Может, вы, на худой конец, фантастические рассказы писать умеете?

— Нет. — Брайант вдруг замер. — Хотя, еще в школе, я... Да нет, слишком глупое занятие, чтобы о нем говорить.

— Скажите же, скажите, — гнул свое Марзиан.

— Ну... — Брайант выдавил неуверенную улыбку. — В школе я пускал языком пузыри.

Марзиан задумчиво пригладил спадающие на воротник пиджака волосы.

— Значит, пузыри языком пускали?

— Именно, — подтвердил Брайант, слегка оживляясь. — Пускать языком пузыри — не так уж просто, как кажется на первый взгляд. Чтобы пузырь получился долговечным, вначале необходимо тщательно подготовить слюну, не слишком густую и не слишком жидкую. Затем, чтобы выдуть приличного размера пузырь, нужно дуть точно в правый угол кончика скрученного определенным образом языка. Я был единственным в классе, кто мог разом выдуть целых четыре пузыря.

— Считаю, стоит предпринять еще попытку. — Марзиан проворно застучал пальцами по клавишам пульта, затем, взглядевшись в экран монитора, перевел круглые от удивления глаза на Брайанта. — Моя работа то и дело преподносит мне сюрпризы!

— Что такое?!

— Как ни странно, существует не один, а целое множество миров, где излюбленный вид спорта — пускание языком пузырей.

— А женщины там... нормальные?

Марзиан кивнул.

— Все интересующие нас реальности находятся в секторе вероятностей первого порядка, то есть тамошние миры почти полностью соответствуют нашему.

— А вы можете отправить меня в такую реальность, где ни единому чемпиону никогда не удавалось выдуть больше трех пузырей за раз?

— Потребуется весьма точная настройка, но думаю, что справлюсь. — Марзиан кивком подбородка указал на мисс Крафт. — Составьте новое описание.

— Минуточку.

Заполняя бумаги, Брайант склонился над столом мисс Крафт и, конечно же, уловил пьянящий запах ее духов, но, захваченный видением гибких сирен с осиными талиями, не обратил на него ровным счетом никакого внимания.

— Удачи вам, — пожелала мисс Крафт.

Едва ли расслышав ее, Брайант расписался, широким шагом пересек приемную и, расправив плечи, встал на фокусирующий вероятности диск. Пальцы Марзиана забежали по клавишам пульта, последовал удар по красной кнопке, и, как и прежде, мгновенно совершилось перемещение.

Брайант очутился на оживленной улице, которая вполне могла бы находиться в привычном ему Манхэттене, будь здания тут чуть пониже, а шум транспорта чуть потише. Мужчины и женщины выглядели вполне нормальными, а стиль одежды лишь самую малость отличался от принятой в реальности Брайанта моды. Присмотревшись, Брайант с восторгом обнаружил, что многие спешащие по тротуарам

прохожие пытаются пускать языком пузыри, но за те десять минут, что он потратил на наблюдение, выдуть даже один-единственный крошечный пузырек никому из них не удалось.

Слегка смущаясь, Брайант вышел из своего укрытия — подъезда многоквартирного дома — и принялся выдувать пузыри. Далеко не сразу к нему вернулось былое мастерство, но вполне приличных результатов он достиг весьма скоро. Пузырь за пузырем, дрожа, отправлялись в полет. Наконец в воздухе появились сразу два пузыря пока еще не идеального, к сожалению, качества. Неожиданно Брайант обнаружил, что окружен толпой, приветствующей каждый его успех рукоплесканиями. Среди болельщиков оказалось и немало восторженно смотрящих на него привлекательных женщин. Он кивком поблагодарил зрителей за аплодисменты и с радостью подумал, что дела, похоже, идут на лад.

Рядом затормозил черный сверкающий лимузин. Из него вышел властного вида роскошно одетый толстяк и испытующе оглядел Брайанта. Тот напрягся и почти тут же выдул разом целых три пузыря. Толпа пришла в неописуемый восторг, на улице образовалась пробка, и со всех сторон раздались пронзительные автомобильные гудки.

— Ты — профессионал? — поинтересовался неведомо как пробившийся сквозь толчею толстяк. — Как тебя зовут?

— Артур Брайант. И я пока не профессионал.

— Не беда, станешь. Предлагаю для начала миллион за выступление.

— Согласен.

— Тогда пошли. — Толстяк указал на лимузин и, ни на кого не глядя, зашагал вперед.

Брайант вслед за своим благодетелем протолкался к лимузину, поспешно забрался на широченное заднее сиде-

ные и обнаружил рядом с собой двух таких потрясных красоток, каких никогда прежде не видывал.

— Девочки, познакомьтесь с Артуром, — небрежно бросил толстяк. — В самом ближайшем будущем он станет чемпионом мира по выдуванию пузырей. Так что будьте с ним милы. По-настоящему милы. Я доступно излагаю?

Девицы дружно закивали и, томно улыбаясь, повернулись к Брайанту. Каждая жилка его тела задрожала подобно туго натянутой струне.

Откинувшись на груду черных атласных подушек, Брайант восседал на огромной круглой кровати и уныло взирал на лежащую рядом красотку.

За три недели он стал в этой реальности чемпионом мира по выдуванию пузырей, заработал, помимо бесчисленных ценных призов, кучу денег, рекламируя горячительные напитки, игрушки и спортивные товары, обзавелся собственными островом и яхтой и подписал контракт на главные роли в трех фильмах. В его объятиях побывали бесчисленные страстные красотки, а еще больше с нетерпением ожидали своей очереди.

Казалось бы, чего еще желать? Но в мире грез что-то шло не так, чего-то он все-таки не предусмотрел.

Красотка открыла глаза, томно зевнула и, потянувшись, попросила:

— Еще разок, Артур.

Брайант покачал головой:

— Я не в настроении.

— Ну, Артур, душка, — не унималась она. — Еще хотя бы разочек.

Брайант упрямо поджал губы. От ежедневного выдувания тысяч и тысяч пузырей на нижней части языка появились болезненные волдыри, в результате чего несколько

дней назад ему пришлось изменить технику и дуть гораздо сильнее. Проклятые волдыри зажили лишь отчасти, а Брайанта стали донимать все учащающиеся приступы головокружения и тошноты. И в довершение всех несчастий само это занятие ему порядком наскучило.

Девушка придвинулась поближе и сладострастно замурлыкала:

— Всего лишь один-единственный. Прошу тебя.

— Нет.

— Ну, один крошечный пузырик.

Высунув распухший язык, Брайант с простительной невняtnостью пробормотал:

— Я состою не только из одного языка. У меня, знаешь ли, еще и мозги есть. Тебе никогда не приходило в голову, что я, может быть, желаю хотя бы изредка вести философские беседы?

Девушка наморщила прелестный лобик.

— Фило... Что?

— А вот что!

Повинуясь внезапному порыву, Брайант схватил со столика у кровати Нормализатор, нажал кнопку и в тот же миг оказался распростертым на полу приемной корпорации «Изменение Реальностей». Марзиан взирал на него с плохо скрытым изумлением, а мисс Крафт от смущения залилась румянцем.

Сообразив, что впопыхах позабыл одеться, Брайант вскочил и юркнул за спинку кресла, спешно приводя в относительный порядок свою шелковую пижаму.

— Со времени нашей последней встречи, мистер Брайант, прошло всего лишь три недели, — нейтральным тоном напомнил Марзиан и, открыв стенной шкаф, извлек оттуда одежду. — Опять непредвиденные проблемы?

— Ну да, будь они неладны! — Схватив одежду, Брайант поспешил облачиться. — А вы что, держите у себя шмотки на все случаи жизни?

По лицу Марзиана пробежала едва уловимая тень, и он, вновь став внешне абсолютно невозмутимым, вынул из податливых пальцев Брайанта Нормализатор Вероятностей и сунул себе в карман.

— Бывает, что клиенты возвращаются, как и вы сейчас, неожиданно. Вам наскучило в новой действительности?

— Наскучило — не то слово! Меня там считали бесчувственным чурбаном, ни минуты покоя!

— Вас отправили именно в ту действительность, какую вы заказывали.

— Да, но я нуждаюсь в действительности, где бы ценили подлинного меня, видели бы во мне мыслящую личность.

— А вы сами?

— Что я?

— Являетесь ли вы мыслящей личностью?

— Наверное. — Брайант задумчиво почесал затылок. — Ведь я постоянно думаю. Не так ли?

— Но не слишком усердно. Ведь выбрали же вы два раза подряд не подходящую для себя реальность.

— Это оттого, что я не все предусмотрел. — Заподозрив насмешку, Брайант прищурился. — Но теперь я продумал все детали и тонкости и хочу в такую реальность, где меня бы считали самым мудрым на свете.

— Боюсь, что Перераспределителю Вероятностей не по силам такой заказ, — печально сообщил Марзиан.

— Как так?

— Конечная цель, видите ли, весьма расплывчата. Разные люди совершенно по-разному представляют себе истинную мудрость. Таким образом, если мы попытаемся вы-

полнить ваш заказ, то вы непременно окажетесь распыленным по тысячам различных вероятностей, превратитесь в так называемый статистический газ. Весьма сомневаюсь, что подобная перспектива вам по душе.

Брайант на минуту задумался.

— Видимо, вы правы. Но что же делать?

— Займемся частностями, — предложил Марзиан. — Произнесите что-нибудь действительно значительное, и я перенесу вас в такую реальность, где сие изречение сочтут наивысшей мудростью. Вам понятно?

— Конечно.

— Тогда действуйте!

— Сейчас. Я... Я всего лишь... — Брайант неожиданно сообразил, что провозгласить себя мыслителем гораздо легче, чем быть им, и голос его сделался неуверенным. — Ну, значит, так. Я...

— Мы через десять минут закрываемся, — заявил Марзиан. — Поторопитесь, пожалуйста.

— Не сбивайте меня с мысли. — Сосредоточившись, Брайант приложил ладонь ко лбу. — Сейчас... Сейчас обязательно что-нибудь придет на...

— Пожалуйста, побыстрее. Иначе я из-за вас опоздаю на поезд.

— Есть! Придумал! — Брайант закрыл глаза и глухо пробормотал: — Без соответствующей наживки правду не выудишь.

Смешок Марзиана почти заглушил сдавленное хихиканье мисс Крафт.

— В чем дело? — возмутился не на шутку раздосадованный Брайант. — Разве я сказал что-то забавное?

— Нет, нет, ваша мысль весьма... э-э... глубока, — заверил его Марзиан, смахивая что-то с уголка левого глаза. — Извините, последние дни выдались весьма напряженны-

ми, и мои нервы несколько... Кхе-кхе... — Прочистив горло, он повернулся к пульту управления. — Встаньте, пожалуйста, на фокусирующий диск, и мы приступим.

— А как же моя подпись на новом контракте? — удивился Брайант. — Разве она не нужна?

— Новый контракт не понадобится, — небрежно ответил Марзиан, пробегая пальцами по клавишам. — Чтобы впоследствии не возникало недоразумений, перед двумя первыми перемещениями клиент излагает свои требования на бумаге, перед последней же, третьей, попыткой это уже ни к чему, поскольку какой бы негостеприимной ни оказалась заказанная им реальность, назад он уже не вернется.

— Понимаю, — протянул Брайант.

Умудренный тщетными попытками начать новую жизнь, он поневоле призадумался. Первые две попытки не удались, а третья отсекала все пути к отступлению. Засомневавшись, Брайант попятился было назад, но, заметив на себе пристальный взгляд мисс Крафт, расправил плечи и ступил на серебристый диск, кивком сообщая Марзиану о своей готовности.

— Начали! — Марзиан проворно набрал на клавиатуре спецификацию новой реальности. — Прощайте и будьте счастливы!

Жестом фокусника он вытянул руку и с силой ударил по красной кнопке.

Брайант съехал на секунду, но знакомая обстановка перед его глазами даже не дрогнула. Марзиан вновь и вновь давил на злосчастную кнопку, но реальность по-прежнему оставалась неизменной.

— Глазам своим не верю! — в сердцах воскликнул Марзиан. От избытка чувств его голубоватые щеки даже покраснели. — Впервые на моей памяти Перераспределитель Вероятностей не сработал. Почему?... Минутку, минутку!

Он нажал еще несколько клавиш, взгляделся в многочисленные экраны и шкалы приборов и откинулся на спинку кресла.

— Может, предохранитель сгорел? — предположил ничего не смыслящий в технике Брайант.

— Батареи полностью разрядились, — ответил Марзиан. — Значит, машина выполнила все, что полагалось.

Брайант в очередной раз оглядел приемную и, не отыскав даже самой незначительной перемены, с надеждой предположил:

— А что, если мы все вместе переместились в другую реальность?

Марзиан потряс головой.

— Исключено. Объяснение может быть лишь одно — кто-то в нашей собственной реальности считает ваше поспешное замечание относительно рыбалки проявлением высшей мудрости.

— Быть такого не может! Ведь я придумал его всего минуту назад, и никто не мог... — Брайант повернулся к мисс Крафт, и голос его сорвался.

Она поспешно потупила взор и залилась краской.

— Что вы натворили! — упрекнул ее Брайант, приближаясь. — Вы испортили мою последнюю попытку! Могли бы по крайней мере...

Тут голос вновь подвел его, и он с удивлением обнаружил, что отдельные, наиболее значимые части тела мисс Крафт более пухлые, чем другие, улыбка у нее просто обворожительная, запах ее духов вызывает в нем трепет, и самое главное, что она, несомненно, наделена проницательным умом и высоким интеллектом. В самом деле, ведь не много найдется на свете девушек, способных с первого раза оценить гениальное изречение по достоинству. По всему выходило, что он влюбился по самые уши.

— Согласен, это непростительная оплошность, — заметил Марзиан, по-прежнему не отрывая взгляда от пульта управления. — Учитывая сложившиеся обстоятельства, мистер Брайант, считаю, что вы имеете полное право на бесплатную четвертую попытку.

— Да бог с ней, с четвертой попыткой. — Брайант настолько оживился, что не устоял и выдал еще одну максиму: — На далеких пастбищах вовсю зеленеет медный колчедан.

Поначалу даже ему самому афоризм показался не слишком-то мудрым, но восхищенная улыбка на прекрасном лице мисс Крафт быстро убедила его в обратном. Несомненно, она точно знала, что он имел в виду, как знала и то, что в этом лучшем из всех возможных миров их ожидает чудесное будущее.

Ловец гроз*

Несколько лунных циклов — как поле под паром, как стальной клинок, сбрасывающий усталость, — я терпеливо ждал. Но в последнее время ощущение близкой опасности нарастало, и я пристрастился к ночным прогулкам на беззвучных санях — парил над трепещущей массой городских огней или, точно в детских грезах о полетах, отдавался на волю низких воздушных течений в атмосфере сродни прелюдии Дебюсси, создаваемой лунным светом и тенями башен. Время от времени я зависал возле бесстрастных древних конструкций, в деталях рассматривая их консоли и амбразуры, но — вот ведь странно — вблизи, когда сам ты застыл на якорной стоянке среди волн темных ветров, подобные вещи смотрятся совсем неуместно. Они рожают тревогу и головокружение, будто грозят внезапным завершением крылатого сна, и вот я уже поворачиваю прочь замешкавшиеся сани. Интересно, что думают о нас птицы?

Иногда в эти воздушные поездки я беру с собой Селену — по ночам, когда мы оба не можем сомкнуть глаз. Правда, после она всегда грустит. Пусть она на удивление восприимчива, некая практичная жилка все же заставляет ее с подозрением относиться к моей «профессии». Мы

---

* Stormseeker.

© Перевод. Никольский С.Л., 2003.

подумываем завести детей — меня заверили, что в потомстве не будет ни лунатиков, ни мутантов, — но когда в разговоре она согласно кивает, глаза ее туманятся сомнением. Кто посмел бы ее винить? Ведь лишь мне дано ощущать эфирную миграцию электронов и видеть тени еще не рожденных молний.

Наконец-то! Приближается первая гроза сезона.

Нынче утром меня вызывал Арчболд, но я-то знал об этом уже много часов — так ему и сказал! А потом не мог не похвастаться: мол, даже если б метеорологические спутники не онемели на своих орбитах, я бы все равно узнал об этом первым. Но его, разумеется, интересовали лишь мои услуги.

Как истинное дитя Мировой Войны Номер Три и Три в Периоде я жалею Арчболда — сидит как крот в своем подземном бункере, и его местонахождение отмечено лишь одинокой стальной мачтой да защитным слоем кабеля, который, окисляясь, придает странный окрас окружающей растительности. Те же политические и ядерные силы, что вызвали меня к жизни, низвели его род до нынешнего скромного положения. Ученых обычно не жалуют, но Глоб-Прав слишком мудр и опытен, чтобы запрещать их деятельность. Достаточно было просто лишить их финансовой поддержки. Теперь исконный физик Арчболд изнывает в своем подземелье, грезя о 300-гегавольтном ускорителе, который сгнил где-то в Берне, и уповая лишь на такие биологические феномены, как ваш покорный слуга.

Сказать по правде, некоторые его коллеги давно пустили бы меня под скальпель и выпотрошили в поисках избыточных органов или спинномозговых аномалий, лишь бы как-нибудь объяснить мое существование. Но Арчболд никогда не позволит расчленить курицу, несущую в каждое гнездышко по миллиарду золотых яиц.

* * *

Она вот-вот разразится — первая гроза сезона, — и, клянусь, я чувствую ее силу. Пропитанный влагой теплый воздух весь день поднимался над тихими улицами Брэндивелл-Хилл. Морская и речная вода, тусклые прямоугольные изумруды частных бассейнов — все в едином порыве ринулось в небеса, в общем водовороте образуя на десяти-мильной высоте гигантскую белую наковальню. Проникая внутренним взглядом в смутную вселенную дождевых облаков, я видел, что влага устремленного вверх центрального столпа конденсируется и замерзает в градины, которые, вырвавшись за пределы геометрий нормального мира, как ни стараются, не могут упасть. Танцую в струях, текущих вверх из устрашающей трубы, они поднимались все выше и выше, пока тяга не истощила свою силу, и тогда, извергнутые в разные стороны, градины увлекли за собой вниз холодный воздух. Все это время во мне росло возбуждение, ведь электроны внутри облака уже начали свою необъяснимую миграцию к его основанию. Там, в небе, но не многим выше парашютных камней городских башен, они накапливаются точно сперматозоиды, а их совместное давление растет, становясь столь же непреодолимым, как сила самой жизни.

Селена ничего этого не видит, но я вне себя от радости, что нынче она впервые встретит грозу вместе со мной. Сегодня вечером я смогу поделиться с ней своими ощущениями, показать ей, что такое миллиарды раз объезжать многомиллиардный гурт элементарных частиц. Сегодня вечером я буду упиваться удовлетворением, разлитым в ее глазах. В подернутом рябью небе скользят наши сани. Селена, бледная и немного грустная, откинулась в чаше позади меня, и судно, чуть потряхивая, описывает медлен-

ные круги в мрачнейшей выси. Но на этот раз мой взгляд обращен в другую сторону.

— Смотри, любимая. — Я указываю ей на упрямо мерцающие огоньки изолированного пригорода, сверкающего точно брошь в форме якорька.

— Ничего не вижу. — Она без всякого выражения глядит за борт.

— Тебе и нечего видеть... пока... но по этим домишкам уже гуляет призрак. — В санях есть микрофон, и я наконец прибегаю к его помощи. — Ты готов, Арчболд?

— Мы готовы. — Его надтреснутый голос раздается из сгустка темноты, пойманной в ямочку на моей ладони.

— Еще минутку, — говорю я, откладывая микрофон. Вот здесь и начинается моя работа. Я пытаюсь объяснить Селене: по мере накопления своего невероятного отрицательного заряда облако над нами буквально набухает электронами, а прямо под ним, на земле, точно отражение в зеркале, образуется равный по величине положительный заряд. Облако движется, и вместе с ним точно тень, которая «видна» только мне, перемещается земной положительный заряд, стремясь реализовать свои возможности.

Отражение беззвучно и целеустремленно скользит по земле, взбирается на деревья, карабкается по заросшим мхом башням и колокольням. Оно заглядывает внутрь домов и стремительно поднимается по водопроводным трубам, телевизионным антеннам и громоотводам — по всему, что только может помочь ему приблизиться к неуловимому партнеру, рожденному в облаках. Его мимолетное всеобъемлющее присутствие не ощущает никто — ни взрослые, ни чутко спящие дети, ни бдительные животные.

Внезапно Селена выпрямляется в санях — электрическое напряжение так близко подобралось к точке оргазма,

что стало заметно для обычных органов чувств. Из основания облака вырывается тонкая белая рука.

— Арчболд зовет это лидером. — Я еле шевелю пересохшими губами. — Газовая дугообразная дорожка, реагирующая на электричество, как газ в неоновой трубке.

— Она точно чего-то ищет. — Голос Селены тих и печален.

Я рассеянно киваю, одновременно разворачивая сеть своего разума, и вновь пугаюсь собственной способности контролировать — пусть даже ненадолго — немислимые силы, собирающиеся вокруг нас. Справа в легкой нерешительности свисает тот самый лидер; он растет и становится ярче по мере того, как электроны из облака роем устремляются внутрь него. Затем его рука вновь вытягивается, и теперь он уже в несколько раз длиннее прежнего, а я, бросив взгляд на землю, понимаю, что настало время действовать. Активность положительно заряженных частиц на земле возрастает до той отметки, когда с острых вершин высоких построек в небо змеятся выпелы огней святого Эльма. С верхушек колоколен ввысь потянулись страждущие руки. Через секунду любая из них может слиться со стремящимся вниз лидером — а когда это случится, по короткой дорожке меж небом и землей прошмыгнет молния.

— Я вижу, — выдыхает Селена. — И я живу.

В следующий миг я ударом головного мозга проявляю свою чудесную силу, приводя в действие тот двигатель, который может быть запущен, лишь когда чья-то нервная система прорастает ветвями сквозь расщелины иного континуума. Пламенеющий лидер меняет направление и перемещается южнее, туда, где в своем подземном бункере ждет Арчболд. Однако на поверхности земли его положительно заряженная копия тоже сбивается с прежнего курса, и белые стримеры тянутся все выше с мольбой и... с любовью.

— Пора, Арчболд, — шепчу я в микрофон. — Теперь пора!

Стальная телескопическая антенна, управляемая при помощи взрывчатки, копьём пронзает небо и втыкается в лидера, поглощая его заряд. Земное отражение стремительно бросается вперед, но его стримеры наталкиваются на непреодолимую преграду в виде стальной защитной сетки, тщательно разостланной Арчболдом. Оба заряда — рожденный в туче отрицательный и положительный земной — текут вниз по массивным кабелям. Всего мгновение — и их энергия израсходована глубоко под землей в ходе очередного эксперимента: заставляя частицы двигаться гораздо быстрее, чем в естественных условиях, Арчболд надеется найти верное объяснение сущности материи. Однако сейчас меня меньше всего заботят философские нелепицы и загадки физика.

— Они исчезли, — удивляется Селена. — Что случилось?

Нетвердой рукой я направляю сани прежним курсом.

— Как и было обещано, я переправил энергию удара молнии Арчболду.

В свете приборов ее лицо преображается в невозмутимую маску богини, но в устремленном на меня взгляде читается тревога.

— Тебе это понравилось.

— Конечно.

— Слишком понравилось.

— Я... я не понимаю. — Как всегда, по моим членам разливается странная прискорбная слабость.

— У нас не будет детей, — говорит она со спокойной убежденностью. — В тебе не развит инстинкт жизни.

Сезон гроз практически подошел к концу. С той ночи я не видел Селену, но часто размышлял, почему она оста-

вила меня. Конечно, насчет свойства моей работы она была права. Если бы не молния, преобразующая атмосферный азот в питательную для почвы азотную кислоту, на Земле не было бы ни растительности, ни животных, ни людей. Значит, отводя мощные разряды в берлогу Арчболда, я — в некотором смысле — противопоставляю свои силы и разум глобальным течениям самой жизни. Подозреваю, правда, что Селене нет дела до моего бесконечно малого влияния на биосферу. По-моему, отвергая меня, она руководствовалась личными соображениями.

Однако давно пора гнать от себя подобные мысли! Ведь приближается еще одна гроза — возможно, последняя в этом сезоне, — и я должен лететь ей навстречу.

Инопланетяне — не люди*

— Что за чудный денек! — шепеляво восторгался Кстон тонким голосом. — До чего приятно быть в гармонии с космосом и наслаждаться обществом добрых друзей! Жизнь хороша!

Через пять секунд его сбил автомобиль.

Пересекая площадь в обществе низенького доринианского дипломата, президент Джонни Чиано первым увидел несущуюся с бешеной скоростью машину. Краем глаза он уловил стремительно приближающееся размытое серебристо-голубое пятно, и инстинкт самосохранения — вообще очень развитый в их роду — заставил его резко остановиться. Серdito ревя магнитным двигателем, автомобиль вылетел на площадь, ловко проскочил между пышно украшенным фонтаном и киосками с прохладительными напитками и на скорости около ста миль понесся прямо на них.

Первым делом Чиано подумал, что машина потеряла управление, но затем он увидел согнувшегося над рулем своего двоюродного брата, Фрэнки Ритцо. Его глаза сверкали, как две маленькие автомобильные фары.

«Дурак!» — подумал Чиано, оборачиваясь, чтобы предупредить Кстона.

---

* Aliens Aren't Human.

© Перевод. Кириченко А.И., 2003.

Серокожий инопланетянин шел впереди, не замечая опасности, и что-то радостно лепетал о счастье бытия. Автомобиль по огромной дуге швырнул его в небо на высоту большого дома, к самым головам бронзовых статуй, украшающих площадь. В верхней точке траектории тело Кстона ударилось о вытянутую руку шестиметрового изваяния и деформировало ее столь неудачно, что теперь согнутая рука, казалось, ласкает левую грудь Матери Мира. Все еще вращаясь, плотное тело инопланетянина обрушилось на мраморную скамью, превратив ее в груды щебня, дважды перекувырнулось и покатилося прямо на стайку престарелых покупательниц, которые тут же истощно завизжали. Автомобиль резко развернулся и исчез в узкой улочке в западной части площади.

— Святая Мария! — Всхлипывая, Чиано кинулся к упавшему телу. — Какой ужас! Скорее пошлите за священником.

— Священник здесь совершенно ни к чему, — сказал Кстон, вскакивая на ноги. — Хотя, быть может, ваши святые отцы и подрабатывают по совместительству каменщиками... Умоляю простить моей скромной персоне плохое знакомство с людскими...

— Речь идет не о скамейке. — Чиано растерянно уставился на серую кожу дипломата, на которой не было никаких следов головокружительного полета.

— Значит, о статуе? — Кстон посмотрел на металлическую скульптурную группу. — Моя скромная персона решила, что замысел скульптора стоит немного усовершенствовать. Теперь она более аллегорична, чем ранее, если вы понимаете, что моя скромная персона имеет в виду.

— Я говорю о вас, Кстон. Я думал, что вы мертвы.

— Мертв? — Кстон прикрыл правый глаз, выражая таким образом свое изумление. — Как эта скромная персона может умереть в столь юном возрасте?

— Автомобиль мчался со скоростью по меньшей мере сто миль в час... Не знаю, что вы об этом думаете, Кстон, но можете не сомневаться — мы приложим все усилия, чтобы найти водителя. Независимо от того, сколько времени это займет, мы найдем его, и уж тогда...

— Моя скромная персона думает, что ваш двоюродный брат спешил к нам на ленч, — мягко заметил Кстон.

— Мой двоюродный брат? — У Чиано подкосились ноги. — Вы видели водителя?

— Конечно. Вашего кузена Фрэнки. Секретаря по внешним делам.

Ошеломленный Чиано посмотрел на Кстона и перевел взгляд на покупательниц, которые уже начали проявлять живой интерес к их беседе.

— Пойдемте отсюда, — поспешно предложил он, напрягая мозги в попытке найти выход из ситуации, в которую угодил из-за преступной выходки кузена. Неуклюжесть Ритцо вечно ставила его в затруднительное положение перед правительством Новой Сицилии, а уж за последнюю грубость его обязательно призовут к ответу. Чиано мысленно уже примирился с тем, что Ритцо придется принести в жертву, и готов был согласиться даже на публичную казнь ради спасения переговоров на высшем уровне.

— Вы уверены, что это был секретарь Ритцо? — сделал он последнюю попытку спасти жизнь своего двоюродного брата. — У нас ведь масса похожих машин.

— Это был Фрэнки, совершенно точно, — обнажил свои ослиные зубы Кстон. — Моя скромная персона понимает, почему вы поставили его на должность секретаря по внешним делам. Очень редко попадаются люди, умеющие выказать такую предупредительность к гостям. Совершенно очевидно, что его автомобиль не приспособлен для игр подобного рода, и все же он пошел на таран и подбро-

сил мою скромную персону, забыв о том, какие повреждения может нанести своему экипажу... Моя скромная персона находит это в высшей степени гостеприимным. А как по-вашему?

— Я... мы... — промямлил Чиано, и даже ему самому этот комментарий показался не слишком вразумительным. Но в данную минуту он был не в состоянии придумать что-нибудь другое.

— Очевидно, Фрэнки изучил доринианские обычаи и знает, что «Подпихни-ка дружка» — одна из наших любимых игр. Очень милый дипломатический жест, но... — Кстон опять улыбнулся своей печальной улыбкой. — Моя скромная персона опасается, что это не изменит ее мнения относительно наших тяжелых минеральных депозитов.

— Мне надо выпить, — пробормотал Чиано.

Он проводил Кстона в отель, принадлежавший его дяде, который заключил контракт на обслуживание с департаментом торговли. Они прошли прямо в бар для особо важных лиц — большую комнату, оформленную в традиционном земном стиле, последним штрихом которого был высоко установленный телевизор, показывающий спортивные программы.

Чиано заказал два тройных виски, и пока им готовили напитки, исподтишка изучал доринианина. Его можно было бы назвать пирамидальным гуманоидом: обтянутое серой кожей тело расширялось книзу, суживаясь у вершины, обозначающей голову, а чрезвычайно мощные ноги заканчивались ступнями, смахивающими на плиты. Кстон был обнажен, но человеческий глаз не различал наготы — отчасти оттого, что половые органы инопланетянина находились внутри тела, а отчасти потому, что благодаря гладкой коже он казался облаченным в цельный кусок вулканического туфа.

Потягивая виски, Чиано еще раз внимательнейшим образом оглядел эту шкуру, но так и не смог обнаружить ни

малейшего признака порезов или синяков, оставшихся от столкновения, которое смяло бы любого представителя человеческого рода, как перезрелый плод. Он подумал, что мощное тяготение на родной планете Кстона привело к появлению невероятно крепких ее жителей; и отсюда его мысли перешли к тому факту, что Доррин также является в местной системе единственной планетой с достаточным запасом элементов более твердых, чем железо. Развитие Новой Сицилии было невозможно без доступа к ним, но дорриниане оставались непоколебимы, отказывая людям в праве на разработку.

— Послушайте, Кстон, — сказал наконец Чиано, вложив в свой голос изрядное количество теплоты и участия. — Должно же быть хоть что-нибудь здесь, на Новой Сицилии, что ваш народ хотел бы иметь.

Кстон заморгал в знак согласия.

— Разумеется, есть. Наши кулинары особенно ценят в качестве приправы серу, а ее запасы у нас почти исчерпаны.

— Стало быть, мы можем договориться об обмене.

— Моя скромная персона боится, что нет. Это слово предполагает наличие двух сторон, каждая из которых является единственным владельцем товара или предмета потребления.

Чиано взвесил это заявление и оказался не в состоянии понять его.

— Итак, точку зрения дорриниан можно сформулировать следующим образом: поскольку эта планетная система служила нам домом за миллионы лет до того, как сюда прибыли первые корабли с Земли, следовательно, и все ресурсы на всех местных планетах автоматически принадлежат нам. — С этими словами инопланетный дипломат протянул руку к хромированному стальному ограждению, украшавшему стойку бара, и сжал большим и указатель-

ным пальцами металлический прут, оставив на нем заметную вмятину. — Мы вовсе не расположены отдавать наше имущество в обмен на то, что и так принадлежит нам по праву.

— Однако у вас отсутствовала необходимая космическая технология, пока вы не получили ее от нас.

— Но она должна была развиваться, — сухо возразил Кстон. — В любом случае эта планета — более чем равноценное возмещение за маленькое техническое ноу-хау.

Чиано улыбнулся, чтобы скрыть прилив раздражения и гнева. Доринианин изо всех сил старался показать, как он скромен и уступчив, но под этой личиной скрывался упрямый и чудовищно жестокий лицемер, который заслуживал того, чтобы его обули в бетонные сапоги и отправили прогуляться по речному дну. Беда в том, что Чиано начал подозревать: предприми он на самом деле такую попытку, инопланетянин сочтет ее за подводную экскурсию и вскоре, улыбаясь, появится на берегу.

Президент хватанул здоровенный глоток виски и, поставив стакан, увидел, что внимание Кстона привлечено к телевизору. На экране шел матч боксеров-тяжеловесов, и толпа, окружавшая ринг, бесновалась, ибо один из бойцов — гигант в голубых трусах — вплотную подошел к разрушительному финалу. Серией мощных тяжелых ударов по корпусу он отбросил своего противника на канаты и, сделав шаг назад, напоследок с такой жестокой силой нанес ему сокрушительный удар правой, что, несмотря на свои тревоги, Чиано сочувственно покачал головой. Получивший удар тут же упал, очевидно, потеряв сознание, ударился о брезентовый пол и замер, словно здоровенный кусок бекона, в то время как победитель танцевал вокруг него.

— Моя скромная персона не понимает, — сказал Кстон. — Что случилось?

Чиано повертел пустой стакан.

— Это спорт, который мы, люди, называем боксом. Суть его в том...

— Принцип мне ясен — у нас есть такой же спорт, называемый «Помеси-ка дружка». Но почему этот человек собирается спать?

— Вы имеете в виду, что он не... — Чиано задумался над тем, как ему объяснить этому бронированному созданию эффект нокаутирующего удара, но тут его мысли переключились на более серьезную проблему, а именно — как остаться в живых.

Задняя дверь большой комнаты распахнулась, послышался шум и панические возгласы, и в зеркало Чиано увидел своего кузена Фрэнки, секретаря по внешним делам, размахивающего уничтожителем. С рефлексивной скоростью Чиано шлепнулся на пол и скорчился, молясь и богохульствуя с одинаковым жаром, когда оружие начало создавать вокруг свою версию ада. Слепящие вспышки лазера сериями прорезали воздух, а из многочисленных стволов со скоростью сто выстрелов в секунду изливались потоки высокоскоростных пуль, часть из которых были разрывными, а часть — бронебойными, сходящиеся в один пучок в месте лазерных ударов. На миг Чиано увидел ломаные контуры фигуры доринианина, обрисованные голубым огнем в ужасном фокусе разрушения, затем наступила тишина, нарушаемая лишь звоном бьющегося стекла и перестуком разбегающихся шагов. Пытаясь унять дрожь во всем теле, Чиано рискнул подняться на ноги, уже подбирая мысленно выражения, в которых он сможет прокомментировать происшествие для прессы: «Я знаю, что предварительные торговые переговоры с доринианским посланником зашли в тупик, но это не означает, что моя семья имеет отношение к его убийству. Мы люди чести и не...»

Тут его мысли смешались, ибо он увидел, что Кстон не только стоит на ногах, но и почти не пострадал. Серая кожа инопланетянина, казалось, стала даже более гладкой, а рука, когда он помог Чиано подняться на ноги, была крепкой. Чиано почувствовал, что ему становится дурно.

— Моя скромная персона боится, что на этот раз ваш кузен зашел слишком далеко, — сказал Кстон.

— Вы правы, — пролепетал Чиано. — Обещаю вам, что он за это заплатит.

— Да, убытки должны быть значительными. — Кстон обзирал расколотые вдребезги и дымящиеся руины стойки бара. — Я вижу, Фрэнки прослышал о славном доринианском обычае «Освежуй-ка дружка» — когда заботливый хозяин свежует своего гостя, сдирая с него омертвевшие чешуйки кожи, — но это, как правило, происходит в специальных помещениях, чтобы не пострадала окружающая обстановка. Видимо, ваш кузен перестарался в своем рвении проявить гостеприимство.

Чиано кивнул, пытаясь заставить свой ум работать.

— Фрэнки всегда был сердечным малым. Послушайте, Кстон, а не вернуться ли нам в мой офис, где все-таки поспокойнее, и там продолжить разговор.

— Конечно. — Кстон оскалил свои темные зубы. — Моя скромная персона не может представить себе, как вы намереваетесь вести переговоры в столь безнадежном положении, но она охотно удостоится чести понаблюдать за вашими попытками. Возможно, она чему-нибудь даже научится.

— Надеюсь, что так.

Удалившись на минуту с управляющим отеля, Чиано утихомирил его, пообещав оплатить все счета по ремонту, а затем вернулся к своему инопланетному компаньону.

— Ну, пойдете. Это местечко выглядит так, словно здесь шла война.

— Война? Так вы называете игру «Освежуй-ка дружка»?

— Я полагаю, можно назвать ее и так, — рассеянно ответил Чиано, прикидывая, как бы поскорее разыскать своего кузена и потолковать с ним о его деятельности, прежде чем произойдет что-нибудь действительно опасное.

На самом деле Чиано не имел особенных моральных возражений против убийства Кстона. Чем больше времени он проводил с подобострастным маленьким инопланетянином, тем более привлекательной казалась ему подобная идея, но Новая Сицилия была молодой колонией с ограниченными военными силами и не могла отважиться противостоять густонаселенному соседнему миру Дорина. Секретарь Ритцо был отлично осведомлен о ситуации, что делало его безуспешные покушения столь же загадочными, сколь и смущающими.

Как только они вернулись в здание Департамента торговли, Чиано передал своего гостя на попечение помощников, а сам отправился на поиски Ритцо. Он обнаружил его в баре, пьющим импортную граппу прямо из бутылки. Лицо его выглядело гораздо бледнее обычного.

— Я был потрясен, как никогда в жизни, увидев, что ты возвращаешься через площадь с этим... с этим... — Не в состоянии найти подходящий эпитет, Ритцо дрожащей рукой вновь поднес к губам бутылку. — Я хотя бы оцарапал его?

— Слегка, — ответил Чиано. — И, к счастью для тебя, ему нравится, когда его царапают.

— Говорю тебе, Джонни, этот парень не простой смертный.

— Конечно, он не человек. — Чиано выхватил бутылку из рук своего кузена и бросил ее в мусорный ящик. — И там, откуда он явился, еще пара миллиардов таких же. Ты

представляешь себе, что сделают с нами дориниане, если тебе каким-нибудь образом удастся угрожать их представителю?

— Ничего.

— Вот именно! Оттого-то ты так и стараешься... Послушай, что значит твое «ничего»?

На узком лице Фрэнки появилось выражение легкого торжества.

— Несколько яйцеголовых из моего департамента наконец-то удосужились перевести эти старые доринианские книги, ну ты знаешь это барахло, которое пылится со времен культурного обмена в ...22-м. Одна из них — книга по истории, Джонни. И знаешь, что там написано?

— Что?

— Что дориниане — убежденные пацифисты. Их письменная история насчитывает около двадцати тысяч лет, и за все это время у них ни разу не было ни одной войны! Эти парни пацифисты до такой степени, что у них нет ни армий, ни флота. У них вообще нет никакого оружия.

— Но, может быть, оно им и не нужно.

— В том-то и дело, Джонни. Они верят, что все можно уладить при помощи переговоров, если вести их достаточно долго. Одна из их конференций продолжалась сотню лет, а они всего лишь решали, какой высоты быть фонарным столбам! Но мы не располагаем таким временем.

Чиано кивнул.

— Итак, что ты предлагаешь?

— Немного увещаний в проверенном стиле. Вот и все. А назад мы пошлем маленькое пресмыкающееся в деревянном ящике и скажем доринианам, что всех их ждет такая же судьба, если они попытаются помешать нашим шахтерам.

— М-м-м... Не слишком тактично.

— Джонни, сейчас не время проявлять мягкость.

— Мягкость тут ни при чем. Дело в том, что, пока Кстон здесь, мы можем просто объяснить ему все это. Думаю, лучше будет растолковать ему наши намерения, а затем отправить обратно, чтобы он передал наши слова остальным.

— Наверное, ты прав.

Выражение недовольства на лице Ритцо сменилось облегчением.

— А я уж собирался попробовать на нем в следующий раз бомбу. Но для этого пришлось бы взять тактическую ядерную.

В качестве единственного представителя своей планеты Кстон единолично занимал одну сторону длинного стола для конференций. Напротив него расположились Чиано и Ритцо с шестью остальными членами правящего семейства Новой Сицилии, включая и неуклюжего Марио Виценцо — секретаря по военным делам. Широкая улыбка, с которой Кстон созерцал присутствующих, ясно говорила, что инопланетянин не испытывает никакой подавленности, а наоборот, наслаждается перспективой крутых переговоров.

— Моя скромная персона польщена присутствием такого количества влиятельных людей и сделает все возможное, чтобы выразить свое почтение, — заявил он. — А теперь перед началом формальных переговоров я предлагаю, чтобы Новая Сицилия подробно изложила свои доводы. Мне кажется, для этой фазы переговоров будет достаточно двадцати дней, но я не стану протестовать, если это займет больше времени, с тем, однако, условием, что столько же времени будет отведено и для моего предварительного отклонения всех ваших предложений. Как только каждая из

сторон очертит свои позиции, мы можем отвести, скажем, по двадцать дней для обсуждения каждого пункта, которые мы...

— Простите, что перебиваю, — веско прервал его Чиано, — но мы не собираемся тратить время на всю эту ерунду...

Улыбка Кстона поблекла.

— Ерунду? Моя скромная персона не понимает.

— Поясню. Начиная с завтрашнего дня мы станем посылать на вашу планету проходческое оборудование и шахтерские бригады, чтобы приступить к разработке всех необходимых нам минералов. Если кто-нибудь попытается нас остановить, мы обрушим на ваши головы термоядерные бомбы, и огромное количество ваших соплеменников превратится в пар.

— Превратится в пар? — Кстон торжественно посмотрел Чиано прямо в глаза. — Вы хотите сказать... будут мертвы?..

— Именно. — При виде ошеломленного выражения на лице Кстона Чиано почувствовал непривычные угрызения совести. — Мертвое не бывает.

Военный секретарь, сидящий слева, издал произвольное рычание.

— Но это же несправедливо! Нечестно! Безнравственно! Если вы действительно склонны поступить подобным образом, то нам с вами вообще нечего обсуждать, не о чем дебатировать, договариваться...

— Это как раз то, чем нас привлекает наш метод, — заметил Чиано. — Стало быть, вы не возражаете против предоставления нам неограниченных прав на разработки?

— У моей скромной персоны просто нет выбора, — слабым голосом сказал Кстон, вставая. — Это огромное потрясение. Тысячелетние традиции на глазах обращаются

в прах, но моя скромная персона немедленно вернется к своему народу и объяснит ему ситуацию.

Чиано тоже поднялся на ноги. Ему было немного не по себе: пожалуй, он бы предпочел, чтобы маленький инопланетянин принялся брызгать слюной и угрожать, чем так смиренно принял ультиматум.

— Ну а теперь, когда мы поняли друг друга, не вижу, почему бы нам не остаться добрыми друзьями. Прошу вас, распейте с нами бутылочку, пока ваш корабль готовится к отправке.

— Конечно, это хорошая мысль. — Кстон выдавил из себя дрожащую улыбку. — Моя скромная персона будет рада извлечь хоть что-нибудь из соглашения.

Чиано и Ритцо чрезвычайно развеселило это замечание. Среди людей поднялся беспорядочный шум, и, хлопывая Кстона по спине, все дружно направились к столу, накрытому в дальнем конце конференц-зала. Красное вино полилось рекой, и кто-то уже требовал завести веселую музыку.

— Все вышло куда легче, чем я ожидал, — прошептал Чиано на ухо Ритцо. — Ни разу не видел, чтобы кто-нибудь так быстро сдавался.

— Эти дориниане, они все таковы, — с видом знатока отвечал Ритцо. — Я же говорил тебе, им вообще неизвестно, что такое драка. У них не хватает для нее задора и мужества. И даже гордости. Ты сейчас сам убедишься.

— Слушай, достаточно, оставь его в покое. — Чиано попытался образумить своего кузена, но было слишком поздно: тот уже со снисходительной улыбкой направился к Кстону.

— Выпьем за вечную дружбу, — предложил Ритцо, с оскорбительным лицемерием поднимая бокал.

— За вечную дружбу, — покорно отозвался Кстон.

— Мой маленький серый amico*, — промычал Ритцо и звучно шлепнул Кстона по спине.

— Мой большой розовый amico! — Кстон поднял свободную руку и, прежде чем Чиано смог отреагировать на внезапный звонок тревоги в своей голове, опустил ее, шлепнув Ритцо по спине.

Результат был немедленным и драматическим. Дружеский шлепок не только сломал позвоночник Ритцо, но и взметнул президентского кузена в воздух; пролетев через всю комнату, он шмякнулся о мраморную колонну и сполз по ней на пол. Колонна обильно окрасилась кровью. Всем присутствующим, кроме одного, было ясно, что Ритцо мертв.

— Почему мой друг Фрэнки лежит на полу, — тонким голосом нарушил внезапную гробовую тишину Кстон. Секретарь Виченцо опустился на колени возле тела, осмотрел его, а затем поднял на Кстона свои холодные желтые глаза:

— Потому что ты убил его.

— Убил? Но это невозможно! Я всего лишь... — Несколько секунд Кстон недоуменно разглядывал свою руку, а затем внимательно посмотрел на кучку людей. В его похожих на гальку глазах появилось выражение удивления — выражение, которое вызвало у Чиано приступ ледяного страха.

— Мы приняли тебя в наше общество как друга, — прошипел Виченцо, поднимаясь. Его рука скользнула во внутренний карман пиджака. — И вот как ты отплатил нам!

— Но моя скромная персона не может поверить, что люди такие хрупкие, — сказал Кстон, обращаясь скорее сам к себе, чем к окружающим. — Вы такие большие, такие агрессивные, и любой, естественно, сочтет...

---

* друг (ит.).

— Я покажу тебе, какие мы агрессивные, — перебил его Виченцо, вынимая старинный остро заточенный нож с костяной рукояткой — его любимое оружие в годы молодости — и наступая на Кстона. — А еще я покажу тебе, какого цвета у тебя кишки.

— Это может быть чрезвычайно интересно, — вежливо отозвался Кстон. — Но прежде моя скромная персона должна осуществить маленький эксперимент.

Двигаясь с пугающей скоростью, он схватил Виченцо левой рукой за шиворот, заставив гиганта нагнуться до своего уровня, и правой рукой ударил его сбоку. Немедленно хлынул фонтан крови, и что-то тяжелое ударилось о стену, отскочило от нее и покатилося по столу переговоров. Закрывший глаза Чиано ничуть не сомневался, что это была голова Виченцо. Его предположение подтвердил хриплый вопль ужаса, вырвавшийся из глоток присутствующих.

Слишком поздно президент с мучительной ясностью осознал, что он, и Ритцо, и все остальные совершили смертельную ошибку в отношении доринианина. Люди полюбили насилие еще с тех пор, когда их первый далекий предок воспользовался палкой, чтобы разрешить свой первобытный спор, но тут имелась одна маленькая деталь — среди людей насилие действовало. Вследствие несовершенства физического строения человека существовала дюжина сравнительно простых способов заставить критика или спорщика умолкнуть или успокоиться — как на время, так и навсегда. И вполне естественно, что наиболее практичные представители человеческого рода использовали это обстоятельство, но дориниане — как убедился Чиано — были фактически неистребимы. На заре их истории отдельные особи, вероятно, экспериментировали с дубинками, ножами и пулями, но, найдя их полностью неэффективными,

вынуждены были признать, что единственным способом уладить разногласия является диалог.

С точки зрения Чиано эта внезапная догадка сама по себе давала повод для серьезных опасений, но существовал еще один тревожный фактор, который следовало обдумать. На протяжении тысячелетий человек развил в себе свойство, именуемое совестью. Этот внутренний голос частично нейтрализовал его стремление убивать всех, кто ему не по нраву, и таким образом создавал возможность даже тем, кто наиболее склонен к насилию, уживаться со своими соседями. Однако Кстон вел себя как ребенок, восхищенный новой игрушкой...

— Я передумал, Кстон, — объявил Чиано, стараясь придать своему голосу твердость. — Мне кажется, мы были слишком неблагоразумны в наших требованиях. Думаю, будет справедливо продолжить переговоры.

— Моя скромная персона тоже передумала, и у нее возникла более подходящая идея, — весело сказал Кстон, отбрасывая тело Виченцо в угол. — Мой народ возьмет в этом мире столько серы, сколько захочет, и все, что надо сделать моей скромной персоне, — убивать всякого человека, который попытается помешать. Это так просто.

— Ты не сделаешь этого! — У Чиано пересохло во рту.

— Не сделаю? А вот посмотри!

Неуловимым движением Кстон подскочил к двум стоявшим поблизости людям, подпрыгнул и, оказавшись на высоте их плечей, двумя кулаками ударил обоих по головам. Они повалились на пол с черепами, вогнанными в ключицы.

— Я хочу сказать, — пробормотал Чиано, отшатнувшись, — что ты ничего не выиграешь, даже если убьешь всех в этой комнате. Их место займут другие. Я хочу ска-

зять, что нас здесь целый город... с тысячами и тысячами человеческих поселенцев... и тебе придется убивать каждого!

— Но, Джонни! Это именно то, что моя скромная персона собирается сделать!

И, улыбаясь своей серозубой улыбкой, со сверкающими от бесхитростного удовольствия черными кабошонами глаз, доринианский посланник принялся за работу.

Люби меня нежно*

Забавно — я в полном сознании, но могу думать о чем угодно, кроме будущего, словно завтра для меня уже не существует, а есть только наполненное дремотным покоем сегодня.

В лачуге почти всегда прохладно, и москитная сетка закреплена надежно, а мягкая постель несравненно лучше тех блошиных подстилок, на которых я когда-то валялся.

И она ухаживает за мной. Исполняет малейшие мои капризы. Более заботливой быть невозможно. По первому требованию она приносит мне вдоволь еды и питья, а потом обтирает меня. И если я просыпаюсь ночью, то вижу ее у дверей. Стоит. Наблюдает. Ждет.

Хотелось бы знать, чего она ждет...

Когда-то вездеход был обычной малолитражкой — смахивающим на жука «фольксвагеном» с откидным верхом, но теперь удлинненные оси и широкие самолетные колеса позволяли ему преодолевать любую грязь, а снеговые цепи обеспечивали отменное сцепление с любым грунтом. Шумный, неудобный и тихоходный, он зато, не буксуя, катил по раскисшим дорогам, пролегающим через Эверглейдс, и

---

* Love Me Tender.

© Перевод. Жаворонков А., 2003.

Джо Массик откровенно радовался, что, угнав его, избавился от уймы проблем.

Напряженно сидя за рулем, он то и дело оглядывался, не догоняют ли его полицейские вертолеты. Вертолетов, к счастью, не было, небо оставалось безжизненной серой пустыней, а горячий воздух настолько пропитался влагой, что невольно вспоминалась та старомодная прачечная, где Джо когда-то работал мальчиком на побегушках. По его худому жилистому телу ручьями струился едкий пот, и стоило колоссальных усилий не обращать на это внимания и постоянно держать курс на северо-запад, к Форт-Майерсу.

Если он сумеет быстро и незаметно пересечь Флориду, то почти наверняка избежит ареста. Путешествие предстояло не из легких. Многочисленные трясины и болота приостановили здесь победное шествие цивилизации, и северная часть Эверглейдса до сих пор оставалась редким в наши дни уголком дикой первозданной природы. Но Массик не замечал местных красот и чудес — ему, горожанину до мозга костей, за каждой складкой доисторического ландшафта мерещилась лишь скрытая угроза.

С полчаса назад ему встретилось засохшее дерево, густо облепленное мхом. Затем — второе. Третье. Мертвые стволы попадались все чаще, и проехать между ними становилось все труднее. Наконец Массик очутился в настоящем мертвом лесу, населенном бесчисленными обитателями — птицами, насекомыми, рептилиями. Перекрывая вой двигателя, слышался протестующий гам потревоженной птичьей колонии, и Джо ощутил на себе угрожающие взгляды других, пока невидимых, но, несомненно, опасных и первобытных форм жизни.

От ощущения разлитой вокруг угрозы Массику стало не по себе, и он невольно покосился на индикатор горячего. Судя по стрелке, в баке еще больше чем три четверти —

вполне достаточно, чтобы даже в объезд добраться до дальней оконечности Биг-Кипресса. Массик слегка расслабился на обтянутом джутовой тканью сиденье, но через минуту в его сознание скользкой змейкой закралась тревожная мысль.

Помнится, час назад, когда он садился в вездеход, стрелка стояла на том же самом делении. Оптимист, может, и предположил бы, что мастер, поменявший колеса, не поленился заодно и отрегулировать двигатель на предельно экономичный режим, но уж кому-кому, а Массику такая наивность была несвойственна. Он постучал пальцем по индикатору, но стрелка даже не шелохнулась. Оставалось лишь тешить себя надеждой, что час назад бак был полон. Или почти полон.

Через мило случилось то, чего Массик в глубине души и ожидал. Мотор заглох, даже не чихнув напоследок. Вывернув до отказа руль, Джо загнал вездеход в заросли высоченной травы и гигантского папоротника и, опустив голову, несколько минут шепотом проклинал всех и вся.

Та девушка в Вест-Палм-Бич наверняка умерла — ведь чтобы заткнуть ей рот, он от души саданул ее по башке рукояткой пистолета. Но если она все-таки жива, то фараоны как пить дать уже получили его описание, и хоть они дураки дураками, конечно, выяснили, кто он такой, и припомнили недавнее происшествие в Орlando. И еще одно, в Фернандино. Так что времени расслаживаться, жалея себя, нет.

Все пожитки уместились в пластиковом пакете, из тех, что бесплатно дают под покупки в супермаркетах. Массик достал его из-под сиденья, вылез из машины и, хлюпая по грязи, вернулся на дорогу, проложенную несколько лет назад скорее всего нефтяниками. Почва под ногами оказалась значительно плотнее, чем он думал, но проклятая одежда уже через дюжину шагов насквозь пропиталась потом и

так плотно облепила тело, что каждое движение давалось с неимоверным трудом. Влажный воздух, казалось, даже булькал в легких. Не успев отправиться в путь, Массик уже смертельно устал и с досадой подумал, что явно не создан для блуждания по болотам.

Теперь, когда затихли рев двигателя и звяканье цепей, болото казалось зловеще примолкшим, и даже в нескольких шагах ничего нельзя было толком разглядеть из-за стволов и завесы длиннющих лиан. Массик вновь всем телом ощутил, что за ним наблюдают. Ему представилось даже, что целая невидимая армия ждет не дождется, когда же он наконец свалится от истощения. В голове разгулялись детские фантазии и страхи, и время от времени Джо для собственного ободрения на ходу нащупывал в пакете увесистый пистолет тридцать восьмого калибра.

Часа через два, преодолев темный поток по одному из бесчисленных бетонных мостиков, он обнаружил, что путь раздваивается. Определить в сгущающихся сумерках, какая из дорог ведет на северо-запад, Массику оказалось не по силам. Тяжело дыша, он остановился на развилке и, напряженно прислушиваясь, огляделся. В легендах местных индейцев большие болота — неизменное обиталище духов. И в самом деле, вглядываясь во мрак, нетрудно увидеть каноэ с призраком, тенью скользящее вдоль бесконечной колоннады стволов.

Перспектива провести ночь в таком жутком месте вывела Массика из оцепенения, и он быстрым шагом двинулся по правой дороге, отыскивая глазами бугор или холм, где можно было бы расположиться на ночлег.

Неожиданно Джо припомнил, что змеи, особенно во влажный сезон, тоже предпочитают высокие и относительно сухие места, и впервые осознал, в какую же серьезную пелену его угораздило попасть. Массик даже смутно не

представлял, далеко ли еще до больших городов Западного побережья, но даже если он благополучно доберется на своих двоих до Биг-Сайпресса, то первый же коп, едва увидев заросшего человека в грязной одежде, тут же загорится желанием арестовать и допросить его.

При мысли, что всего через месяц после освобождения его схватят и вновь засадят в тюрьму, из груди Джо вырвался стон. Достав из пакета бутылку рома, он в несколько глотков осушил ее. Теплый ром отдавал жженым сахаром, но, господи, было бы его побольше! Массик в сердцах отшвырнул пустую бутылку, и та с плеском упала в болото. Тут же неподалеку запела цикада; песню с готовностью подхватили десятки, сотни ее подруг, и вот уже на мили вокруг их громким хором о присутствии Массика оповещен любой притаившейся во тьме человек или зверь. В испуге Джо ускорил шаг, хотя разбирать дорогу с каждой минутой становилось все труднее и труднее.

Не вернуться ли ему к последнему бетонному мостку? Но тут впереди и чуть левее замаячил желтый огонек.

Решив поначалу, что видит фары приближающейся машины, Массик выхватил из пакета пистолет, но сразу же сообразил, что не слышит того механического лязганья, которое непременно бы издавал болотный вездеход, и понял, что ошибся. С пистолетом на изготовку он двинулся вперед и вскоре достиг еще одной развилки. К мерцающему огоньку вроде бы вела левая дорога. Массик постоял. Огонек оставался неподвижным. Похоже, здесь, в самом сердце болотных топей, он набрел на чье-то жилище, но прилив радости не притупил врожденной осторожности Массика.

Люди, живущие в этой заболоченной глуши, вполне могут оказаться зрителями заповедника и, связавшись

по рации с полицейским участком, сообщить о подозрительном незнакомце.

Стараясь не шуметь, Массик двинулся по тропинке и, продравшись сквозь колючий кустарник, через несколько минут выбрался к пригорку, на котором стояла деревянная хибара. В бледном свете, сочившемся через окна и москитную сетку, заменяющую входную дверь, стало ясно, что это убогое, наспех сколоченное из трухлявых бревен жилище никак не может быть аванпостом властей. Массик подошел к ближайшему окошку и сквозь грязное стекло заглянул внутрь.

Заваленную картонными коробками комнату освещала масляная лампа на крюке под потолком; в центре — грубый деревянный стол; за ним в плетеном кресле — сухонький сгорбленный старичок лет шестидесяти с коротко стриженными седыми волосами, серебристой щетиной на подбородке и сетью глубоких морщин вокруг глаз. Старичок был одет в поношенные брюки и выцветшую рубашку цвета хаки, а на столе перед ним стояла полупустая бутылка виски и стеклянные банки, набитые то ли разноцветными лоскутками, то ли конфетными фантиками. Он аккуратно перекладывал их из банок в прозрачные пластиковые коробочки, изредка прихлебывая виски прямо из горлышка. Кроме входной, в комнате имелись еще две двери: одна вела в облезлую кухню, другая была закрыта — там скорее всего убогая спальня.

После довольно длительных наблюдений Массик убедился, что обитатель лачуги живет в одиночестве, и, сунув пистолет в боковой карман, крадучись, подошел к дверному проему и постучал по металлической москитной сетке. Звук получился слабым, но гулким, словно раскат отдаленного грома. Через секунду на пороге возник сгорбленный старичок и, осветив лицо гостя мощным фонарем сквозь москитную сетку, пробурчал:

— Кто там? Чего надо?

— Да вот на дороге застрял, — объяснил Массик, терпеливо выдерживая направленный прямо в глаза слепящий луч. — Мне бы переночевать.

— Убирайся. Свободных мест нет.

Массик распахнул дверь и, оттеснив старикашку, вошел.

— Мне много места не понадобится. За крышу над головой, не торгуясь, плачу двадцатку.

— А с чего ты взял, что можешь входить без приглашения?

Вместо ответа Джо пустил в ход отработанный годами прием: широко улыбнувшись, он одновременно жестко посмотрел собеседнику в глаза со всей убедительностью, на какую только был способен, посылая тому молчаливое послание: «Не сделаешь по-моему, башку сверну!» Старичок сразу скис и, отступив в глубину комнаты, сказал, пытаясь удержать за собой хоть какое-то преимущество:

— Хотелось бы получить плату вперед.

— Что ж, я не против. И еще, папаша: с меня сегодня семь потов сошло, так что я с удовольствием хлебнул бы чего-нибудь. — Вытащив бумажник, Джо отсчитал тридцать долларов и протянул хозяину. — Двадцать за ночлег, а десятка — за ту бутылку на столе. Справедливо, как по-моему?

— Думаю, что справедливо. — Приободрившись, старик взял деньги и сунул их в нагрудный карман. — Десятки и полная бутылка не стоят.

— Считай это вознаграждением за гостеприимство от усталого путника. — Массик улыбнулся, подумав, что, покидая дом, он не только вернет свои деньги, но заодно прихватит всю наличность и ценности, которые только отыщет здесь. — Как тебя звать, папаша?

— Эд. Эд Кромер.

— Рад знакомству, Эд. — Массик вошел в комнату и, взяв со стола початую бутылку, равнодушно отметил про себя, что в коробочки владелец лачуги, оказывается, упаковывал вовсе не фантики и не лоскутки, а мертвых бабочек и мотыльков.

— Это что — твое хобби?

— Работа, — важно расправил плечи Кромер. — Профессия.

— Да ну? И какой нынче спрос на клопов?

— Мы с напарником занимаемся чешуекрылыми. Собираем их по всему штату для состоятельных коллекционеров. Да что по штату — по всей стране!

— Вы с напарником? — Массик покосился на запертую дверь, и рука его сама собой скользнула в карман, к пистолету. — Он здесь?

— Нет. — Выражение гордой надменности исчезло с лица Кромера, глаза беспокойно забегали. — Там — моя личная комната, и туда никому нельзя входить, кроме меня.

Массик наблюдал за его реакцией со слабым интересом.

— Не напрягайся, Эд. Ты упомянул про напарника, вот я и спросил.

— У него магазин в Тампе, а сюда он приезжает раз в месяц забрать улов.

— И когда он здесь появится?

— Через неделю-другую, не раньше. Послушай-ка, мистер, а к чему этот допрос третьей степени?

— Брось, папаша. При чем тут допрос? Я просто спросил.

— Но я же не сую нос в чужие дела. Не спрашиваю, кто ты, откуда и почему шляешься по ночам вокруг Биг-Сайпресса.

— Так спроси, — с ледяным спокойствием посоветовал Массик. — Спроси, а я, может, и отвечу.

Ощувив внезапную усталость, он подошел к плетеному креслу у окна, небрежно смахнул журналы на пол и сел. Возможно, у Кромера где-нибудь спрятан болотный вездеход. А если нет, то все равно волноваться не стоит. Можно дожидаться, пока приедет на машине его напарник, а более укромной и безопасной норы на пару недель и представить нельзя. Прикидывая так и этак, Массик снял пропитанную потом куртку, повесил ее на спинку кресла и, устроившись поудобнее, глотнул виски.

Минут на пятнадцать в лачуге воцарилось молчание. Кромер вновь принялся сортировать и накалывать на булавки бабочек, впрочем, не забывая всякий раз, когда Массик подносил к губам бутылку, кидать на него выжидающие взгляды. В конце концов Кромер вытащил из буфета в углу непечатую бутылку и, откупорив ее, поставил перед собой. После тех колючих фраз в дверях он больше не выказывал недовольства ночным визитом, но Массик с удовлетворением отметил, что с его появлением движения Кромера стали менее уверенными и четкими, а глотки из бутылки участились. Между тем Кромер вставил в правый глаз ювелирную лупу и занялся голубокрылыми насекомыми, поочередно освещая их фонариком.

— А сейчас чем ты занят, папаша? — спросил Массик, наслаждаясь своим умением внушать людям страх. — Разделяешь мальчиков и девочек?

— Изучаю внешние сходства и различия. Ты что-нибудь знаешь о мимикрии?

— Пожалуй, нет.

Кромер презрительно фыркнул:

— Неудивительно. О ней толком не знают даже эти кичливые эксперты из Джексонвиля. Скажу больше! Никто не знает о мимикрии того, что знаю я! В один прекрасный день... — Лицо Кромера стало вдруг напряженным и

воинственным, и, замолчав, он сделал приличный глоток виски.

— И что же ты сделаешь, профессор, в этот прекрасный день? Выложишь этим университетским умникам парую другую своих питомцев?

Кромер бросил быстрый взгляд на закрытую дверь и, выбрав из общей кучи двух бледно-голубых бабочек, положил их на ладонь.

— Как по-твоему, они принадлежат к одному виду или к разным?

Задумчиво посмотрев на загадочную дверь, Массик перевел взгляд на насекомых.

— По мне, так они похожи, как две новенькие монеты.

— Так одного вида эти бабочки или нет?

— Одного.

— Может, заключим пари?

— Я азартными играми не балуюсь.

— Тебе повезло, а то бы точно проспорил, — победно сказал Кромер. — У той, что слева, крылья равномерной бледно-голубой окраски, и птицы, зная, что она несъедобна, ее не трогают. А другая — вполне съедобная, но отпугивает птиц тем же цветом, что и первая, только чешуйки у нее на крыльях вовсе не бледно-голубые, а голубые и белые, но в результате оптического смешения цветов ее крылья кажутся бледно-голубыми. Разумеется, такие тонкие различия без микроскопа не обнаружишь.

— Весьма поучительно, — проговорил Массик, размышляя, почему это дверь в спальню закрыта на крепкую щеколду, а щеколда еще и прикручена проволокой.

Неужели старый дурень прячет там что-то ценное? Но откуда у него ценности? Хотя случалось, что у нищих стариков под матрасами или под досками пола находили целые состояния. Надо будет непременно с этим разобраться.

ся, но не сейчас. Время пока терпит. Делая вид, что слушает разглагольствования Кромера, Массик продолжал неторопливо попивать виски.

А тот взалхлеб описывал, какую уйму ценных сведений о жизни местных животных он почерпнул из народных преданий и легенд семинолов. Способность к мимикрии у насекомых, рыб и зверей, похоже, восхищала его больше всего на свете, и, не забывая, впрочем, периодически прикладываться к бутылке, он то и дело возвращался к этой теме. По мере того как уровень спиртного в бутылке понижался, его лицо и оттопыренные уши наливались краской, а речь становилась все более невразумительной.

— Ты бы не налегал так на свое пойло, — посоветовал Массик с ухмылкой. — Учти, я тебя в постель не поташу.

— Сам справлюсь. — Держась за край стола, Кромер встал, пошатнулся и торжественно воззрился на Массика воспаленными глазами. — Пойду прогуляюсь до ветру, — сообщил он.

Нетвердым шагом старик пересек комнату, распахнул входную дверь и, ухватившись за молнию брюк, скрылся в ночи. Выждав несколько секунд, Массик поднялся и с удивлением обнаружил, что его тоже покачивает. Голод и усталость в сочетании с крепостью дрянного виски давали о себе знать. Поморгав, он с трудом сфокусировал взгляд, подошел к закрытой двери и, размотав шеколду, бросил проволоку на пол. Распахнув дверь, Джо сделал всего лишь шаг, да так и застыл с отвисшей челюстью.

На узкой кровати, укрытая простыней, лежала молодая привлекательная женщина.

Услышав шаги, она вяло, словно больная, приподнялась на правом локте. У нее была гладкая смуглая кожа и черные волосы, а на лбу треугольником вытатуированы три точки. Столь необычного знака у индейцев Массику ви-

деть еще не доводилось, но он все же сразу смекнул, что перед ним — индианка. Некоторое время она без тени страха молча глядела на него, а затем приветливо улыбнулась. Зубы у нее оказались белыми и совершенно ровными.

— Извините, — смущенно пробормотал Массик. — Я не знал, что...

Попятившись, он покинул комнату, плотно затворил за собой дверь и, привалившись к косяку, задумался.

Почему вид этой женщины вдруг привел его в такое замешательство? Только ли потому, что он никак не ожидал увидеть ее в спальне? А может, дело в том, что ее, судя по всему, против воли держат взаперти? Массик сделал большой глоток из бутылки и вытер губы тыльной стороной ладони. И тут его озарило. Конечно же! Там, в спальне, его смутило то, что женщина смотрела на него и... улыбалась. Улыбалась ему!

За последние двадцать лет ни разу не было случая, чтобы женщина, глядя на Массика, улыбнулась. В юности Джо часами просиживал у зеркала, силясь постичь, что же именно в его внешности заставляет ровесниц избегать его взглядов и отказываться от свиданий. Года два ушли у него на безуспешные попытки стать обаятельным парнем, пользующимся успехом у девушек, и хотя каждый мускул его лица протестовал, Джо при любом удобном случае подмигивал, улыбался, сыпал почерпнутыми из дешевых брошюр и журналов остроумиями и без усталости учился танцам. Но чем активнее становились его потуги, тем больше шарахались девушки, и Джо пришлось добиваться своего вопреки их желаниям.

Со временем Массик настолько вжился в эту роль, что уже испытывал наслаждение при виде смеси ужаса и отвращения на лице очередной жертвы. И все же где-то в глубине его сознания по-прежнему жил мальчишка Джо Массик, тоскующий по свиданиям, на которых вместо силы

требуется мягкость, а вместо испуга — радость. Он жаждал нежных прикосновений, теплых сияющих взглядов и ласковых, сулящих блаженство улыбок...

— Ну, вот и полегчало, — произнес Кромер от входной двери.

Массик вернулся в свое облюбованное плетеное кресло и оценивающе оглядел хозяина лачуги.

Как мог костлявый и непривлекательный Кромер понравиться пылкой индианке? Массика кольнуло непривычное чувство — ревность. Он повидал на своем веку немало девушек и отлично понимал, что та, в спальне, — настоящее сокровище: с высокой грудью, сочная, полная желаний. И она достанется ничтожному старикашке?! Ну нет! Если кто и ляжет с ней этой ночью в постель, то только Джо Массик! Потому что именно он прошел через настоящий ад и именно его истерзанное тело заслуживает наслаждений. А еще потому, что сполна удовлетворить девушку может только он. И потому, что ему так хочется. И еще потому, что она улыбнулась ему...

Шаркая и покачиваясь, Кромер добрался до кресла у стола, плюхнулся в него и, тупо уставившись на пластиковые коробки, забормотал:

— Калюзасы, вот кто действительно знал здешние болота. Они жили здесь задолго до семинолов и, разумеется, знали эти места как свои пять пальцев... Знали, когда нимфы превращаются в имаго*... Знали, когда приходит пора сниматься с насиженного места и двигаться на новую стоянку... Знали...

— А ты, я гляжу, парень-то ушлый, — прервал его излияния Массик. — Нигде не пропадешь. У тебя и в преисподней, поди, будет все, что нужно, и даже сверх того.

---

* Имаго (от *лат.* imago — образ, подобие) — конечная стадия развития крылатых насекомых, а также название самого взрослого насекомого; для имаго характерна функция размножения. — *Примеч. пер.*

Очевидно, не поняв намека, Кромер забормотал:

— Слышишь, как заливаются цикады? — Он кивнул на темный провал двери. — Семнадцать лет они живут под землей и выходят на поверхность только затем, чтобы произвести потомство. Весьма вероятно, что на свете существуют создания, которые проводят под землей еще больше времени. Тридцать лет... А может, пятьдесят... Или даже...

— Я в тебе разочарован, дружище Эд. Вот уж не думал, что ты — законченный эгоист.

— Эгоист?.. — Глядя на Массика, Кромер растерянно заморгал. — О чем это ты?

— Ты не представил меня своей подружке.

— Подружке? Но у меня нет...

С окаменевшим лицом Кромер бросил взгляд на дверь спальни и вдруг, суетливо подбежав к ней, подобрал проволочку, упал на четвереньки и принялся судорожно обматывать ею щеколду.

Массик наблюдал за ним с волчьей усмешкой.

— Ты всегда держишь подружек взаперти?

— Она... Она больна... — Взгляд Кромера метался по комнате, из широко раскрытого рта со свистом вырывалось дыхание. — Ей необходим покой.

— По-моему, она больна не больше меня. А как ее зовут?

— Не знаю. Она забрела сюда позавчера. Я присматриваю за ней, и все.

Покачив головой, Массик недоверчиво хмыкнул:

— Сдается мне, старый извращенец, ты эту киску держишь для собственных забав.

— Ты сам не знаешь, что несешь! Она больна, и я только присматриваю за ней.

— Ну, тогда пойду дам ей лучшее в мире лекарство. — Массик поднялся. — Вот из этой бутылки.

— Нет! — Кромер бросился на него, пытаясь перехватить руку с бутылкой. — Если ты только...

Массик хотел лишь убрать старика с дороги и ткнул Кромеру в лицо свободной рукой. Ткнул скорее с раздражением, чем со злобой, но тот сам натолкнулся на кулак и значительно увеличил силу удара. Предплечье Массика пронзила резкая вспышка боли, а Кромер, отлетев в сторону, ударился о стол и с глухим шлепком, с каким падает кусок свиной грудинки, повалился на пол и замер. Глаза его закатились, обнажив слепые белки. Даже без поверхностного осмотра было ясно, что он мертв.

— Старый дурак, — с отвращением прошептал Массик.

В несколько секунд оценив изменившуюся ситуацию, он опустился на колени и, вытащив из нагрудного кармана мертвеца все деньги, неторопливо пересчитал. Кроме его собственных тридцати долларов, в пачке оказалось всего лишь одиннадцать однодолларовых банкнот. Из личных вещей старика внимания заслуживали разве что дешевые наручные часы. Небогатый улов. Часы и деньги Массик сунул себе в карман и, ухватив Кромера за воротник, выволок его за дверь и потащил в непроглядную темень болот. Чем дальше он отходил от лачуги, тем пронзительней верещали насекомые и, казалось, еще пристальней наблюдали за Джо таящиеся в зарослях враги. На слабость нервов Массик никогда не жаловался, но сейчас, несмотря на жару, по спине у него бегали мурашки, а глаза заливал холодный пот. Уговорив наконец себя, что до восхода тело все равно толком не спрячешь, он бросил свою ношу и припустил назад, к успокаивающему мерцанию масляной лампы.

Очутившись под крышей, Джо сразу же запер входную дверь на засов и, обойдя комнату, задернул на всех окнах занавески. Почувствовав себя защищенным от злобных взглядов из темноты, он схватил бутылку и влил в себя изрядное

количество виски. По мере того как унимались его страхи, мысли Массика перенеслись к индианке за дверью спальни, и внизу живота разлилось приятное тепло.

То, что Кромер мертв, наверное, даже к лучшему. Ведь, как известно, третий всегда и везде лишний.

Оставив бутылку, Джо подошел к двери и размотал проволоку. Дверь легко открылась, из комнаты проникла полоса света, и он увидел по-прежнему спокойно лежащую на кровати черноволосую девушку. Она, конечно же, слышала шум, но, похоже, ничуть не встревожилась.

Как и в первый раз, она приподнялась на локте, не спуская с него глаз. Массик стоял на пороге и пристально смотрел на девушку, но так и не дождался привычного ему выражения ужаса на ее лице. Наоборот, на ее губах, как и тогда, заиграла манящая улыбка. Обрадованный Массик то ли ухмыльнулся, то ли оскалился и, подойдя к кровати, процедил:

— Как тебя зовут, детка?

Словно не слыша, она в упор глядела на него и по-прежнему улыбалась.

— Может, у тебя нет имени? — не унимался Массик. — Или... Ты — глухонемая?

Вместо ответа девушка немного приподнялась, и простыня соскользнула еще ниже. Грудь у нее были само совершенство: округлые, упругие, с торчащими сосками. Во рту у Массика мгновенно пересохло, он присел на краешек кровати и наклонился к ней. Девушка не сводила с него темных зовущих глаз. Джо поднял руку, кончиками пальцев коснулся трех точек у нее на лбу, провел по щеке, шее, мягко притронулся к груди, а затем его рука устремилась ниже и, сдвинув простыню, достигла округлых бедер. Неожиданно индианка негромко протестующе вскрикнула и крепко вцепилась Массику в запястье.

Раздосадованный, он хотел было дернуть простыню совсем, но вдруг замер, увидев, что девушка все еще улыбается. Отпустив его запястье, она принялась нетерпеливо расстегивать ему рубашку.

— Ты что, ошалела?

Ответа не последовало.

Тогда Массик вскочил на ноги и быстро сбросил с себя всю одежду. Девушка ожидала его, откинувшись на подушку. Обнаженный, он опустился рядом с ней на кровать и приник губами к ее губам. На поцелуй она ответила как-то странно, неумело, и это еще больше распалило его страсть. Джо приподнялся на локте и сорвал простыню, предвкушая увидеть дивной красоты живот и бедра.

Высунувшийся из ее паха конической формы яйцеклад был твердым и острым, а из небольшого отверстия у него на кончике истекли, тесня друг друга, прозрачные, покрытые пузырящейся слизью яйца. Ее раздутый живот уже весь покрылся желеобразной икреной массой.

Массик успел лишь вскрикнуть, а тварь, навалившись, с нечеловеческой силой прижала его, не давая пошевелиться. Первый укол яйцеклада был адски мучительным, но через мгновение в кровь Массика проникло древнее химическое вещество, и его охватил паралич, а боль исчезла. Одурманенный и безвольный, он лежал неподвижно, а она, умело избегая жизненно важных органов, вновь и вновь прокалывала его тело и начинала проколы яйцами, из которых вскоре суждено вылупиться тысячам голодных личинок.

Жаль, что она изменилась. Прежде она мне нравилась больше. До того, как точки у нее на лбу стали чувствительными черными бусинами. До того, как глаза превратились в фасеточные полусферы и разошлись по обеим сторонам

головы. До того, как пышные, великолепные груди развились в пару центральных ножек.

Но все это не важно. Главное, что она добра ко мне. Заботится обо мне. Обхаживает. Исполняет малейшие мои капризы. Более внимательной любовницей и быть невозможно. И даже проснувшись ночью, я вижу ее у дверей. Стоит. Наблюдает. Ждет.

И все же хотелось бы знать, чего она ждет.

Точь-в-точь*

Хиллувен мягко притворил за собой обшарпанную дверь и, услышав повторное позвякивание крошечного колокольчика над головой, поспешно огляделся. Свет, проникающий в единственное окошко над самым тротуаром, — серенький и тусклый отблеск дождливых январских сумерек; прилавок из потемневшего от времени дерева, делящий полуподвальчик надвое; за ним — занавешенный бусами дверной проем и полки, уставленные старыми пыльными грессбухами...

Эта контора на окраине города, словно сошедшая со страниц книг Чарльза Диккенса, даже отдаленно не напоминала врата в царство земного блаженства, но Хиллувен считал, что для того, кто избегает излишнего к себе внимания, лучшей маскировки и не придумаешь.

Хиллувен постучал по прилавку и через минуту, не дождавшись ответа, забарабанил уже более решительно.

Занавес из бусин загремел, из-за него вышел невысокий пожилой опрятно одетый человек с карими глазами и располагающей улыбкой на некрасивом лице. Опершись кончиками пальцев о прилавок, он отвесил Хиллувену едва заметный, но тем не менее учтивый поклон и изрек:

---

* To the Letter.

© Перевод. Жаворонков А., 2003.

— Добрый день, сэр. Чем могу быть полезен?

Речь незнакомца была лишена определенного акцента, но все же казалось, что английский для него — не родной язык.

— Вы — мистер Зурек? — спросил Хиллувен.

Улыбка на лице хозяина конторы слегка увяла, и он тихо ответил:

— Да, это я, грешный.

— Отлично! Меня зовут Хиллувен, я — близкий друг мистера Джорджа Лорримера. — Хиллувен извлек из внутреннего кармана почтовый конверт. — Вот мои рекомендации.

— Лорример... Лорример... — слегка хмурясь, нараспев повторил Зурек, не выказывая заметного интереса к письму. — Лорример...

— Месяцев шесть назад у вас с ним состоялась некая сделка, — напомнил Хиллувен и поспешно прибавил, многозначительно понизив голос: — Мой друг теперь живет за границей.

— А, припоминаю. — Карие глаза в упор уставились на Хиллувена. — Я вроде бы пристроил того джентльмена на южные моря.

— Вот именно. На остров Ткамируи.

— И даровал ему великое множество неопытных девиц и местную компанию по заготовке копры.

— И хорошую погоду пожизненно!

— Да, было дело, — хихикнув, подтвердил Зурек. — Сделка, разумеется, весьма банальная, но... Надеюсь, ваш друг счастлив?

— Вполне.

— Замечательно. — Глаза Зурека в отличие от улыбки неожиданно утратили простодушие. — Насколько я понимаю, мистер Хиллувен, вы заинтересованы в подобной сделке?

— Ну... — Поняв, что предварительное знакомство позади, Хиллувен судорожно сглотнул. — В общем-то да.

— Хм-м-м... — Улыбка на лице Зурека исчезла окончательно, а в глазах появилась профессиональная сосредоточенность. — Похоже, мистер Хиллувен, вас ждет разочарование, вдвойне обидное после красочных рассказов вашего приятеля.

— Но почему?

— Вряд ли между нами будет заключена сделка.

Хиллувен насупился:

— Я что же, вас не интересую?

— Боюсь, что так.

— Глупость какая-то! — Хиллувен возвел очи, словно обращаясь к невидимой аудитории. — Ведь, как правило, вы упрашиваете потенциальных клиентов, льстите, задабриваете лживыми посулами... — В Хиллуvene закипала обида, и голос его становился все пронзительней. — Ведь мы с вами, в конце концов, ведем речь не о паях на строительство туннеля под Ла-Маншем, а о моей бессмертной душе!

— Я знаю, мистер Хиллувен, и весьма сожалею.

— Но всего лишь полгода назад вы были весьма заинтересованы в сделке с Джорджем. Почему? Чем моя душа хуже его?

Зурек печально покачал головой:

— Мистер Лорример молод, и у него в запасе еще годы и годы жизни. К тому же он наделен прискорбной склонностью к доброте, и существует весьма значительная вероятность того, что при определенных обстоятельствах и предоставленный самому себе он приобретет некий духовный кредит, уравновешивающий тот дебет, с которым все мы приходим в этот мир. Вот почему Тот, кому я служу... — Зурек обеспокоенно огляделся. — Мой Хозяин решил, что имеет смысл связать мистера Лорримера контрактом. Что

касается вас, мистер Хиллувен... Откровенно говоря, вы и без контракта уже практически в мешке.

— Мне не нравятся ваши слова, — обиженно заявил Хиллувен. — Согласен, я — не праведник, но, весьма вероятно, еще наберу достаточно очков, как вы выразились, «духовного кредита» и попаду на небеса.

— Красивый у вас галстук, мистер Хиллувен. Это, если не ошибаюсь, цвета Лондонской Экономической Школы?

— Да, но...

Зурек пожевал губами, однако так и не смог скрыть ухмылки.

— Как я уже сказал, мистер Хиллувен, вы и так практически в мешке.

— Но с чего вы взяли, что я не изменяюсь? — запротестовал Хиллувен. — Конечно, я не молод, но в запасе у меня еще по меньшей мере несколько лет, а то и десятилетий. Срок вполне достаточный, чтобы обратиться к вере и...

Зурек достал с полки гроссбух и открыл его. Хиллувен умолк.

— Так, так, — забормотал Зурек и, подслеповато шурясь, провел кривым коротким пальцем по строчкам. — Нашел! Норман Стэнли Хиллувен, пятидесяти трех лет. Страдает запущенным сердечно-сосудистым заболеванием, и к тому же у него поражена печень... Хотите знать точно, сколько вам осталось?

— Нет! — отшатнулся Хиллувен. — Точную дату не способен предсказать никто! Даже ученик самого Сатаны!

— Четыре года, — равнодушно изрек Зурек. — Четыре года и... Сейчас уточню. И одиннадцать дней.

— Да чтоб вам!.. — Хиллувен поежился. — А вы вовсе не такой, каким я вас представлял. Поначалу вы показались мне вполне порядочным и даже приятным, а теперь...

— Пораскинь мозгами, смертный! — перебил его Зурек. — Ты что же, думаешь, Он доверил бы дело тому, кто не в силах добиться наиболее выгодных условий в каждой конкретной сделке?

— Сделка?.. — На ватных ногах Хиллувен шагнул к прилавку. — Вы сказали — сделка? Так у нас с вами будет сделка?

— Вы по-прежнему горите желанием ее заключить? — Зурек прищурился, точно ювелир, оценивающий сомнительного качества камень, и тотчас откуда-то из-за его спины на прилавок бесшумно вспрыгнула тощая черная кошка.

— Мне осталось всего четыре года! Ради бога!.. — Зурек с кошкой шарахнулись от него, и Хиллувен осекся. — Извините, случайно вырвалось... Что в общем-то вовсе не удивительно для человека в моем положении.

— Ничего, ничего, — ободрил его Зурек, отрешенно глядя кошку.

— Спасибо. — Не доверяя ногам, Хиллувен оперся о прилавок и страстно заговорил: — Вот что я предлагаю. В обмен на мою бессмертную душу вы...

Зурек прервал его взмахом руки:

— Не горячитесь, мистер Хиллувен! Чтобы не тратить времени на пустопорожние разговоры, доведу до вашего сведения, что в результате сделки вы ни в коем случае не станете обладателем никаких материальных благ. — Словно цитируя заученный наизусть и давно набивший оскомину параграф из официального документа, он принялся перечислять: — Вы не получите ни банкнот, ни акций, ни иных ценных бумаг. Не получите золота и прочих драгоценных либо цветных металлов. Не получите драгоценных камней, минералов или артефактов. Под последними подразумеваются конечные либо промежуточные продукты генной инженерии и...

— Плевать мне на материальные блага, — решительно перебил его Хиллувен. — Но все же хотелось бы узнать, почему мне их не получить?

— Дело в том, мистер Хиллувен, что мы по возможности избегаем проблем, связанных с последующей ликвидацией материальных ценностей. — Зурек обреченно пожал плечами, и лицо его озарилось слабым подобием прежней улыбки. — Хотя, признаюсь, наиболее перспективным клиентам мы иногда все же предлагаем весьма выгодные долгосрочные ценные бумаги.

Хиллувен задумчиво склонил голову:

— Нельзя ли узнать, какие именно?

— Ну, если вы настаиваете, то я, возможно, предложу вам... — С шумом втянув носом воздух, Зурек застучал по крышке прилавка, точно по клавишам невидимого компьютера. — Да вот хотя бы акции имперской железной дороги в Кванси. Точнее, три тысячи акций с фиксированным дивидендом по цене один доллар за штуку. — Он многозначительно замолчал.

— Кванси? А где это?

— В Китае.

— В Китае! — вскричал Хиллувен, чувствуя болезненную пульсацию в висках. — Да я гроша ломаного в Китай не вложу!

— Кроме того, вы ни при каких условиях не продлите срок своей жизни, — твердо заявил Зурек, не намереваясь терять достигнутой инициативы в переговорах. — О бессмертии или дополнительной сотне-другой лет жизни не может быть и речи. В принципе можно омолодить вас, ну, скажем, до сорока или даже до тридцати пяти лет, но все равно проживете вы лишь положенные вам четыре с небольшим года.

Хиллувен кивнул.

— Я не настолько наивен, как вы, возможно, посчитали. Четыре года — небольшой срок, но если я проживу их так, как хочу, то наслаждений они вместят не меньше, чем на четыре столетия. Моим успехам позавидовали бы многие. Превосходный дом на Ройал-Танбридж, высокое положение в обществе, недурная карьера... Казалось бы, чего еще желать? Но всю жизнь мне было отказано в одном. В том, чего я жаждал больше всего на свете. В том, что...

— Успех в политике также не подлежит обсуждению, — поспешно вставил Зурек. — Я до сих пор с дрожью вспоминаю, чего мы натерпелись века полтора назад от той особы, которая...

— Нет, нет и нет! Политика меня не волнует. В оставшиеся мне годы я лишь хочу...

— Не тяните, мистер Хиллувен, и выкладывайте наконец, чего вы хотите. — Зурек поднял черную кошку и прижал к груди. — Мы с Мардж понимаем проблемы любого смертного с полуслова.

Хиллувен набрал в легкие побольше воздуха и едва слышно пробормотал:

— Я хочу стать неотразимым для женщин.

— И только-то? — Зурек бесцеремонно сбросил кошку на пол. — Чего ж вы сразу не сказали? Сберегли бы кучу времени.

— Вы имеете в виду... — Хиллувен глубоко вздохнул, стремясь унять тяжелые толчки в груди. — Вы сделаете то, о чем я прошу?

— Да.

— И я действительно стану неотразимым для женщин?

— Разумеется.

— Но я желаю, чтобы при виде меня у них подкашивались колени, чтобы они рук от меня оторвать не могли, чтобы...

— Я прекрасно вас понял, мистер Хиллувен. Теперь вы совершенно неотразимы для женщин... — Зурек страдальчески улыбнулся. — Вернее, станете таковым, как только подпишете необходимые бумаги.

Хиллувен был захвачен врасплох, и его одолели сомнения — не слишком ли гладко все идет?

— Что-то вы уж больно быстро согласились. С чего бы это?

— Открою вам маленький коммерческий секрет, мистер Хиллувен, — вкрадчиво заговорил Зурек, извлекая из-под прилавка пачку документов. — Дело в том, что сегодня вы уже третий желающий стать неотразимым для женщин.

Чувствуя, что краснеет, Хиллувен напустил на себя важный вид и деловито осведомился:

— Выходит, такая неотразимость — ходкий товар?

— Только среди мужской части наших клиентов. Теперь внимательно ознакомьтесь со всеми пунктами нашего с вами договора и...

— Это ни к чему. Убежден, что бумаги в полном порядке. Мистер Лорример уверял, что с контрактом ему сказочно повезло и все свои обязательства вы выполняете точно-в-точь.

— Приятно, что нас ценят. Ну, тогда дело только за вашей подписью.

— Надеюсь, не обязательно подписываться кровью? — Хиллувен боязливо поежился и смущенно прибавил: — Видите ли, я с детства плохо переношу физическую боль.

— Сойдет и шариковая ручка. — Хохотнув, Зурек достал из кармана серебристый стерженек. — Вот, возьмите мою. Теперь подпишите здесь... И здесь... И на розовой копии... И на ведомости для компьютерного центра... Отлично!

В ту же секунду необъяснимым образом исчезли и шариковая ручка, и многочисленные копии контракта. Зурек с теплой улыбкой пожал Хиллувену руку, а на прилавок вспрыгнула победно урчащая кошка.

— Мистер Хиллувен! — дружелюбно объявил Зурек. — Поздравляю! Сделка совершена!

— Великолепно! — Замершее было в груди Хиллувена сердце забилося вновь. — Но я не чувствую никаких перемен! В чем дело?

— Вам осталось лишь вслух сосчитать до трех.

— И как только я произнесу «три», то стану...

— Именно.

— Что ж. — Хиллувен решил не терять понапрасну из отпущенных ему четырех с небольшим лет ни единой драгоценной секунды. — В таком случае — раз...

— До свидания, мистер Хиллувен.

— Всего доброго.

Внезапно Хиллувен увидел мир словно в калейдоскопе: зубы Зурека, например, превратились во вращающийся белый обруч, а кошачья голова — в черный бильярдный шар с шестнадцатью ушами. Несмотря на волнение, картина показалась Хиллувену забавной, и он, хихикнув, произнес:

— Два.

Хиллувен ощутил приятное головокружение, картинки калейдоскопа перед его глазами пришли в движение, а окружающий мир плавно закрутился. Хиллувена потянуло в дремоту.

— Три, — прошептал он и тут же провалился в густую угольную тьму.

Проснулся он от неприятных беспорядочных звуков и обнаружил, что лежит на спине. Перед глазамиплыли разноцветные лишённые смысла пятна, а слух резали громкие звуки. Судя по всему, он очутился на улице.

Где-то далеко в вышине мерцал расплывчатый яйцевидный предмет. Внезапно он приблизился. Хиллувен заморгал и, с трудом сфокусировав взгляд, различил над собой лицо с нежно-голубыми глазами, напудренным носом и растянутыми в ласковой улыбке громадными, ярко окрашенными губами.

— Гу-гу-гу, — заворковало лицо. — Кто это у нас такой красивенький? Кто это такой пригоженький?

Хиллувен сморщил крошечное личико, взбрыкнул от гнева и разочарования коротенькими пухлыми ножками и, зайдясь в истошном реве, выбросил из коляски свою ярко-зеленую погремушку.

Дивная новая планета*

Дикарь набылся в залитом ярким светом углу Столовой номер 127 и, сгорбившись, устался на гладкую грязе-отталкивающую поверхность стола. Сомабургер и стаканчик суррокофе по-прежнему стояли нетронутыми у его локтя. Внезапно, побуждаемый, очевидно, мрачным любопытством, он выдавил немного кетчупа из пластикового помидора на атомно-полированную поверхность стола, и та, естественно, тут же отвергла осквернение. Красная капля, как возбужденная амеба, метнулась к краю и, скатившись Дикарю на колени, моментально впиталась в непрочную ткань одежды XX века. Несколько секунд губы Дикаря беззвучно шевелились, а затем он снова впал в апатичную дрему.

— Хотелось бы знать, что ему не нравится, — проворчал Экспериментатор Гетсби, разглядывая удрученную фигуру через тайное наблюдательное устройство. — Ведь не отправь мы его сюда, в наше время, он бы погиб в той автокатастрофе. По-моему, он должен быть нам благодарен.

— Я пробовал обсудить с ним это, — отозвался Контролер Карсон. — И все, что он ответил: «Я чужак в земле чужой». Очевидно, цитировал своего современника Хайнц-Лайона, автора философского труда «57 истин».

---

* Courageous New Planet.

© Перевод. Кириченко А.И., 2003.

Гетсби покачал головой:

— Но это же просто невероятно! Он так и не досмотрел до конца ни одной программы сенсовидения и от наших лучших нимфоботов нос воротит! Кстати, если мы не сумеем добиться успешной адаптации, это скажется на нашем продвижении по службе.

— Можно побеседовать с ним еще разок, — сказал Карсон и, повернувшись к ближайшему аптекомату, нажал на клавиши, набирая индекс капсулы для улучшения проницательности, психической ауры и способности разрешать проблемы. Через секунду в его ладонь скользнуло сияющее пластиковое яйцо. Карсон сунул его в рот и, подкрепившись таким образом, пружинистой походкой устремился на очередную встречу с Дикарем. Отказавшись от капсулы, Гетсби поплелся следом.

— Честно говоря, вы ставите меня в тупик, — пожаловался Карсон. — Мы перенесли вас в будущее, в мир, где не существует болезней, голода и войн. У нас никто не обязан работать, если сам того не захочет, и каждому доступно куда больше чувственных наслаждений, чем самым могущественным королям древности. О таком будущем люди вашей эры могли только мечтать, и все же вы недовольны. Почему? Пожалуйста, объясните нам.

— Если хотите знать, — отвечал Дикарь, пощипывая бороду, — так это отчасти потому, что я был настоящим фанатом научной фантастики.

Повернувшись к коллеге, Карсон вопросительно поднял брови.

— Я выяснил значение этого выражения, когда Дикарь употребил его впервые, — сказал Гетсби. — По-видимому, он принадлежал к поклонникам небольшой кучки писателей со странными именами вроде Азимуф, Анни Логг и Фанни-

гут. Они занимались научным провидением и большую часть времени проводили в попытках представить будущее. Впрочем, не все они носили такие диковинные имена — скажем, одного из лучших звали Шоу.

Дикарь встрепенулся, и глаза его сверкнули.

— О, Шоу!

— Но это же ничего не объясняет, — возразил Карсон, — наоборот, еще больше сбивает с толку. Если вас так интересовало будущее, то вы должны быть просто на седьмом небе, оказавшись в нем взаправду. Почему же вы не счастливы?

— Почему? Почему? — Дикарь выпрямился, и лицо его отразило стремительную смену чувств — гнева, безнадежности, презрения. — Разве вам, пресмыкающимся, вам, ничтожным кротам, не ясно, что тут у вас чересчур много всего?! Не осталось места для выбора и поиска, сомнений и разочарований, которые придают жизни остроту. Вы живете в бесконечной пустыне изобилия, в пустыне, из которой невозможно убежать.

— Убежать?

— Да, именно это я и сказал. Я любил фантастику, потому что она давала шанс прорваться сквозь унылые баррикады XX века — ибо она была ярким пятном на темной палитре времени. Человеческая душа питается контрастами. Наслаждение уравнивается болью, любовь — ненавистью...

— Но нимфоботов можно запрограммировать на причинение боли, — быстро отреагировал Карсон. — В определенных...

— ...установленных пределах, — усмехнулся Дикарь. — А можно ли хотя бы представить, что какая-нибудь ваша механическая красotka попытается убить меня из ревности к одной из своих механических сестер? Нет, этот ваш совершенный пластиковый мир полностью стерилизован, и вам плевать,

что сама по себе жизнь — это радужное пятно на белом сиянии вечности. Вы выжгли из нее все, что делает человека человеком. Реальные женщины непредсказуемы, а у настоящего пива всегда разный вкус! И боже мой, как не хватает мне шелеста и поцелуев дождя, перехватывающего дыхание запаха черного табака старичков пенсионеров, безумных политиков и священников, едва сдерживаемого насилия толпы футбольных болельщиков и...

— Пойдите-ка, — перебил его Карсон. — Вы сказали — футбол? Так вы любите футбол?

— Если не считать фантастики, нет вещи, которую я любил бы больше, — выдохнул Дикарь. — Но, конечно, все это сметено вашим так называемым прогрессом.

Карсон покачал головой:

— Вы не правы, футбол — самый популярный у нас спорт.

— Что? — С отвисшей челюстью Дикарь переводил взгляд с одного собеседника на другого. Затем взор его прояснился. — А-а-а, понимаю, вы превратили его в мельтешение электронных пятен на поверхности катодной трубки.

— Но это свело бы на нет самую суть игры. — Карсон одарил Дикаря ободряющей улыбкой. — Футбол был и остается контактным спортом, испытанием человеческой силы, скорости и умения.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что футбольная лига живет и процветает в Британии XXV столетия, — ответил Карсон. — Обрадует вас, если мы завтра вечером сходим на футбольный матч здесь, в Лондоне? Я уверен, что даже в ваше время «Арсенал» и «Манчестер-Сити» были реальными претендентами на кубок Футбольной ассоциации.

— «Арсенал» и «Сити» в кубковом матче! — Дикарь поспешно потупил взор, но Карсон и Гетсби успели заме-

тить слезы на его глазах. Обменявшись торжествующими взглядами, они на цыпочках вышли из комнаты.

Атмосфера большого матча не слишком изменилась за пять столетий, и все же Дикарь выглядел разочарованным.

Беспокойно расхаживая по директорской ложе, он глядел вниз на залитое светом прожекторов зеленое поле, на четкие движения двадцати двух игроков, на толпу, заполнившую трибуны. С каждой минутой первого тайма Дикарь приходил во все большее возбуждение, с хмурой усмешкой на бородатом лице обзревая толпящихся внизу болельщиков.

— Вас что-то огорчает? — спросил Гетсби, наблюдавший за ним с легкой тревогой.

— Эта люди так спокойны... и пассивны... — Дикарь в изумлении повернулся к Гетсби. — Я вижу только повязки «Арсенала». Они все болельщики «Арсенала»!

— Естественно.

— Ну а где же противники? Где болельщики «Манчестера»?

— В Манчестере, конечно. Они смотрят матч там.

— Тьфу! — Физиономия Дикаря выразила крайнее отвращение. — По телевизору!

Гетсби энергично замотал головой:

— Вовсе нет! Всякий знает, что телевидение не способно передать подлинную атмосферу футбольного матча, тут необходимо личное присутствие. В Манчестере смотрят настоящий матч — точно так же, как и мы здесь.

Дикарь с досадой сжал кулаки.

— Это какое-то недоразумение. Либо мы смотрим настоящий матч, либо...

— Возможно, мне следует кое-что объяснить, — мягко вмешался Контролер Карсон. — Видите ли, в конце XX

столетия целые районы порой разрушались пришедшими в неистовство фанатиками, приехавшими на матч издалека, и все, казалось, шло к тому, что футбол запретят. Но наука, к счастью, нашла выход. Благодаря стремительному прогрессу роботехники удалось вообще избавиться от концепции матча «в гостях». Теперь каждая футбольная игра — это «домашний» матч. Думаю, вы согласитесь, что толпы пролов* гораздо легче контролировать на их собственной территории.

— Роботехника? — Дикарь растерянно уставился на фигуры, перемещающиеся по ярко освещенному полю. — Вы хотите сказать, что это соревнование между роботами?

Карсон громко рассмеялся.

— Ну что вы, конечно, нет! Состязание роботов — плохая замена традиционной схватке двух команд людей из плоти и крови.

— Но...

— Вы не понимаете? Одна из команд, команда гостей, действительно состоит из роботов, но каждый из них полностью связан и контролируется человеческим двойником в Манчестере. Точно так же все игроки «Арсенала» связаны с роботами-двойниками, которых отправили в Манчестер сегодня утром. Малейшее движение любого человеческого игрока с величайшей точностью и совершенством воспроизводится на другом поле, равно как и траектория мяча со всеми его подскоками и вращениями. Один и тот же матч разыгрывается одновременно в двух разных местах на глазах двух толп болельщиков, которые наблюдают игру дома, — это полностью устранило извечную проблему хулиганства на матчах «в гостях».

— Но это же просто чудь! — воскликнул Дикарь. — Так вот почему матч такой мертвый. Ведь людей-игроков

---

* Пролы (от сокращенного «пролетарии») взяты Бобом Шоу из знаменитого романа-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984».

не воспламеняет, не воодушевляет и не бросает в бой эмоциональная энергия, которую излучает толпа. А где же чувство племенного конфликта, катарсис личного участия в игре и хотя бы намек на опасность? Постойте-ка! Неужели болельщики приняли эту дурацкую систему так спокойно и пассивно? Почему они по-прежнему не ездят в другие города, как всегда это делали?

Карсон положил в рот капсулу и проглотил ее.

— Поначалу некоторые пробовали, но затем Правительство осознало, что в интересах каждого жителя следует ограничить передвижение пролов. Геосинхронные спутники накрыли страну особым излучением, которое у любого — кроме особо защищенных персон, — кто пытается путешествовать на расстояние более чем пять километров, вызывает боль и тошноту. Кстати, в известном смысле это сделало идею двойных матчей почти излишней за исключением тех преимуществ, что игроки не тратят времени, путешествуя лично, и никогда не встречаются лицом к лицу с враждебной толпой чужаков. В целом система оказалась весьма эффективной.

— Но это же безнравственно и антигуманно, — прошептал Дикарь, и на его лице, похожем теперь на застывшую маску, грозно запылали глаза. — Скажите-ка, мои добрые друзья, а я защищен от вашего проклятого излучения, которое держит в невидимых силках простых людей?

— Ваши передвижения никак не ограничены, — заверил его Гетсби, — но я не понимаю...

— Поймете, это я вам обещаю! — Шагнув к краю директорской ложи, Дикарь мощным плавным движением перескочил через балюстраду и исчез в толпе. В этот момент один из игроков забил гол, и стадион откликнулся вежливыми сдержанными аплодисментами.

— Что будем делать? — спросил Гетсби, когда хлопки утихли. — Сообщим в полицию?

— Не беспокойтесь, — небрежно отозвался Карсон. — Мне Дикарь уже изрядно надоел, а он скоро сам убедится, что ровным счетом ничего не может сделать, чтобы поколебать систему.

Контролеру Карсону пришлось вспомнить собственные слова всего лишь месяц спустя, когда на финальном матче кубка футбольной ассоциации он схлопотал пивной бутылкой по голове. Удар был с нечеловеческой точностью нанесен рукой хулиганствующего робота-болельщика, члена многочисленной банды, которая под предводительством бородатого мужика с дикими глазами начала весьма по-человечески терроризировать стадионы по всей стране.

Проверенный способ похудеть*

Проснулся Брайн Херли от возни, которую подняла жена, встающая с постели. Чтобы не видеть ее обнаженного тела, он глаз не открывал, а лишь напряженно вслушивался. Вот зашлепали по полу босые ноги, затрещали электрические разряды. Сообразив, что жена снимает ночную рубашку, он непроизвольно плотнее сомкнул веки. Вот зашуршала ткань. Одевается. Брайн расслабился, и тотчас сквозь ресницы сияющими иголочками проникло утреннее солнце.

— Что будешь на завтрак, дорогой? — спросила его Джун Херли.

— Как обычно — чашку кофе и сигарету, — по-прежнему избегая смотреть на нее, ответил Брайн, а про себя добавил: «Сейчас скажет — маловато. Завтрак должен быть питательным».

Задержавшись в дверях спальни, жена послушно произнесла:

- Маловато. Завтрак должен быть питательным.
- В таком случае — чашку кофе и две сигареты.
- Все шутишь.

Она вышла, и Брайн услышал, как его супруга медленно, неуклюже переваливаясь, спускается по лестнице.

---

* Cutting Down.

© Перевод. Жаворонков А., 2003.

Вставать Брайн не спешил. Закинув руки за голову, он привычно размышлял, что же случилось с девушкой, на которой он женился всего лишь восемь лет назад. Как такое тоненькое подвижное создание стало безнадежной толстухой? Почему аккуратные остренькие груди расплылись выменем, а мальчишеские ягодицы и бедра превратились в мешки жира, на которых даже от легкого шлепка остаются обширные, не проходящие неделями синяки. Правда, за ставшими чужими чертами Брайну изредка удавалось разглядеть прежнюю Джун, но в последнее время такое, к сожалению, случалось все реже и реже.

Временами ему казалось, что бесповоротно изменилось не только тело любимой, но и ее разум, и в результате она превратилась в совершенно иного человека. Такое объяснение вызывало отвращение и даже приводило в ярость. но в самом деле: та, знакомая ему, хрупкая, тоненькая Джун непременно бы бежала из жирной тюрьмы плоти, а эта чужачка, с которой он в последние годы делил кров, была ее полной противоположностью. Ведь не могла же, не могла прежняя Джун быть столь снисходительной к топившим ее волнам бледной плоти, не стала бы так беспечно по-творствовать тирании собственного обезумевшего желудка. Нет, всему виной толстуха, что возится сейчас на кухне с завтраком. К примеру, последний ее самообман — диета, согласно которой из рациона полностью исключаются углеводы, а жиров и белков, наоборот, можно лопать сколько душе угодно.

Помогла ли такая диета хоть кому-нибудь, Брайн не знал, но мог поспорить, что Джун от нее проку не будет. Ведь жена использует диету не для того, чтобы похудеть, а лишь для оправдания трех, а то и четырех обильных трапез у него на глазах и безудержного поглощения сладостей в его отсутствие.

Запах жарящегося окорока из кухни сообщил Брайну о том, что жена по-прежнему придерживается новой формы самообмана. Он встал, бесшумно ступая босыми ногами, спустился по лестнице и резко распахнул дверь кухни. Джун, склонившись над открытым мусорным ведром, пожирала из пластикового стаканчика шоколадное мороженое. Увидев мужа, она испуганно вскрикнула, бросила стаканчик в ведро, отпустила педаль и едва слышно прошептала:

— Там оставалось на самом донышке, и я только...

— Не кори себя, дорогая. Преступления ты не совершила. Да и что за жизнь без удовольствия от еды?

— А я боялась, что ты... — Во взгляде жены хоть и не было полного доверия, но все же читалось явное облегчение. — Что ты ненавидишь меня за то, какая я.

— Чепуха!

Брайн обнял и привлек к себе жену, привычно поборов страх перед ее расплывшейся плотью и неприязнь к нелепым и безвкусным тряпкам на ней.

Самому Брайну недавно стукнуло тридцать, и был он высоким, стройным, подтянутым малым с рельефной мускулатурой под тугой эластичной кожей, как на рисунках Леонардо. Страшась стать таким же жирным и безобразным, как Джун, он неукоснительно соблюдал строжайшую диету, нередко ел всего раз в день и трижды в неделю усердно занимался атлетикой.

Сочтя, что вытерпел контакт с телом жены достаточно долго, Брайн отстранил ее от себя и сказал:

— Дай знать, как только кофе будет готов. Мне через тридцать минут выходить.

— У тебя же сегодня выходной, — удивилась Джун.

— Ничего не поделаешь, выходным придется пожертвовать. Сегодня беру интервью у Хеймиша Коркорана.

— А почему не в рабочий день?

— После ухода из госпиталя Коркоран живет затворником, и мне повезло, что он вообще согласился на встречу со мной.

— Бедняжка этот Коркоран! — посочувствовала Джун. — Говорят, несчастный случай с женой свел его с ума.

Брайн интересовался лишь одним примечательным аспектом работы известного биохимика, а отнюдь не его личной жизнью, поэтому он, слегка пожав плечами, бросил:

— Всякое болтают.

— Сухарь ты бесчувственный! — неожиданно взвилась Джун. — Подозреваю, что, придя однажды домой и обнаружив располосованное каким-нибудь маньяком мое остывающее тело, ты вот так же равнодушно пожмешь плечами и отправишься на поиски новой женщины!

— Не раньше, чем похороню тебя, дорогая. — Увидев ужас на лице жены, Брайн расхохотался. — Не мели ерунды, глупышка. Тебя я ни на кого не променяю. Женился я раз и на всю жизнь.

Джун, тяжело вздохнув, пробормотала:

— Хотелось бы верить.

Брайн, с наслаждением подточив на ремне опасную бритву, чисто выбрился, не спеша выпил чашку крепкого черного кофе без сахара и направился к двери. Джун по-прежнему сидела на кухне, и складки ее бедер свешивались со стула.

«Поглощенных ею за завтраком калорий с лихвой хватит на весь день, но выходить из-за стола она, судя по всему, не намеревается, — пронеслось в голове Брайна. — Все же не стоит на нее сердиться. Особенно сегодня...»

Торопясь на утренний поезд, милую до вокзала Олдесли Брайн преодолел быстрым пружинистым шагом.

Хеймиш Коркоран, пока работал в госпитале, жил в Ол-десли, но, уволившись, перебрался в пригород Ридинга — небольшого городка милях в шестидесяти от Лондона. Поездка туда обещала быть утомительной, но встреча с Коркораном, по мнению Брайна, с лихвой окупит дорожную скуку. Постоянно Брайн работал редактором в «Олдест пост» и лишь изредка в свободное время строчил статьи. Свой досуг он чрезвычайно ценил и даже в поисках журналистского материала поездок далее чем на несколько миль обычно не совершал, но сегодня случай был особый.

Сойдя с поезда в Ридинге, Брайн, как и опасался, довольно долго ждал автобуса, затем с полчаса терпел духоту пропахшего бензином и дорожной пылью салона и лишь к полудню оказался на чистой, ухоженной улице, где жил Коркоран. Вдоль дороги росли высокие буки, за ними тянулись аккуратно подстриженные залитые солнцем лужайки, а дальше — особнячки. Выстроенный в классическом стиле прошлого века дом Коркорана был скрыт от любопытных взоров плотными зарослями кустарника. Шагая по гравиевой дорожке, Брайн ощутил приступ зависти. Оказывается, эксцентричность Коркорана, помешавшая, по слухам, его карьере в госпитале, на материальном благосостоянии биохимика существенно не сказалась.

Поднявшись на крыльцо, Брайн позвонил, и дверь, к его удивлению, открыл не дворецкий, а седовласый мужчина лет шестидесяти — без сомнения, сам хозяин дома. Был он сутул и худощав, на продолговатом лице светились насмешливые голубые глаза и сияла белозубая улыбка. Одет он был, несмотря на летнюю жару, в толстый джемпер, а шею замотал шарфом, из-под которого виднелись накрахмаленный воротничок сорочки и узел голубого галстука.

— Здравствуйте, мистер Коркоран. Я — Брайн Херли из «Пост». Если помните, вчера я договорился с вами по телефону о встрече.

— Как же, как же. — Коркоран одарил Брайна широкой улыбкой. — Входите, мой мальчик, входите. Весьма лестно, что ваша редакция интересуется моей работой.

— Да, «Пост» не раз писала об исследованиях в госпитале Олдесли. — Брайн воздержался от упоминания того, что о его визите сюда в редакции не известно ни единой живой душе. — Мы считаем, что нашим читателям следует знать о них поподробнее. И из самых достоверных источников.

— Совершенно верно! Надеюсь, вы, как и все прочие известные мне журналисты, не откажетесь от капельки спиртного с дороги?

— В такую погоду промочить горло — святое дело.

Старик провел Брайна в прохладную полутемную комнату в глубине дома и, усадив в огромное кожаное кресло, занялся выпивкой. Брайн внимательно оглядел многочисленные полки на стенах, заваленные книгами, справочниками и электронным оборудованием неизвестного назначения. Коркоран вручил ему высокий хрустальный бокал с изрядной порцией виски, уселся в такое же кожаное кресло по другую сторону резного стола и, хлебнув из своего бокала, непринужденно спросил:

— Что нового в Олдесли?

— Да вроде все по-прежнему.

— Выходит, там не произошло ничего достойного упоминания, особенно — после столь долгого пути, который вы проделали.

Коркоран глотнул еще виски, и Брайн вдруг понял, что хозяин уже изрядно навеселе.

— Мистер Коркоран, расскажите, пожалуйста, о «быстрых» и «медленных» мышцах. Слышать я о них уже слышал, но, признаюсь, разницы так и не уловил.

Коркоран пустился в пространное описание своей работы по изучению химического состава нервных волокон.

По готовности, с какой он повел рассказ, и по блеску его глаз сразу стало ясно, что возможности обсудить с кем-нибудь столь волнующую тему он был лишен давно. Брайн изредка чиркал в блокноте и всем своим видом выказывал живой интерес, но на самом деле выжидал подходящей минуты перевести разговор на главное. Как ему уже было известно, исследовательский отдел в «Олдесли дженерал» доказал, что «быстрые» мускулы, такие, например, как на ногах, иногда из-за размыкания и последующего неверного соединения нервных волокон превращаются в «медленные», типичные для брюшной полости. Из этого следовало, что тип мускулатуры обусловлен отнюдь не жестким генетическим кодом, как считалось прежде, а деятельностью нервов в организме человека. Хеймиш Коркоран выдвинул смелую гипотезу, согласно которой феномен изменения мышечной ткани вызывается неизвестным прежде химическим веществом, поступающим от трофических* нервов к мышцам. Он было уже приступил к работе над анализом и выделением в свободном виде этого химического вещества, но исследования сначала были приостановлены трагической смертью его жены, а затем и вовсе прерваны из-за его отставки — по слухам вынужденной. Поговаривали, что он повредился рассудком, но благодаря энергичным мерам руководства, как зеницей ока дорожащего репутацией госпиталя, достоверные подробности этого дела в печать не просочились.

— Как выяснилось, я ошибался насчет химической природы превращения «быстрых» мышц в «медленные», — всматривался меж тем Коркоран. — Сейчас однозначно установлено, что причина кроется в электрических токах, циркулирующих в нервных волокнах. Для нормальной жизнедеятель-

---

* Трофический — в биологии: управляющий питанием и жизнедеятельностью организма. — *Примеч. пер.*

ности «медленные» мышцы непрерывно получают слабые сигналы низкой частоты, «быстрые» же — короткие высокочастотные импульсы. Но в том-то и прелесть науки, что и ошибка иной раз оказывается весьма ценной. Так, можно, отправившись, скажем, в Китай, открыть Америку. В моем случае Америкой стало абсолютно эффективное лекарство от ожирения.

— Эффективное лекарство от ожирения? — переспросил Брайн, чувствуя себя точно облитым холодной водой. — Весьма любопытно! Уверен, что эффективному лекарству от ожирения гарантирован коммерческий успех.

— Ошибаетесь, мой мальчик.

— Неужели? Значит, лекарство невозможно изготовить?

— Ничего подобного! Я берусь изготовить хоть цистерну такого лекарства.

Коркоран кинул произвольный взгляд на полку справа, а затем, обнаружив, что его бокал пуст, поднялся, подошел к бару и налил себе третью за время интервью порцию выпивки. Брайн, воспользовавшись благоприятной возможностью, внимательно рассмотрел со своего места шкаф, на который невольно указал хозяин. Среди бесчисленных безделушек его внимание привлекла дешевая красная коробочка с орнаментом, какие во множестве штампуют на сувениры для невзыскательных иностранных туристов, и он с торжеством подумал, что именно в ней и лежат таблетки.

В дом Коркорана Брайна привела случайная встреча в баре. Несколько дней назад некий лаборант-выпивоха из госпиталя пространно вещал о преступной халатности врачей при лечении. Брайн слушал его вполуха, как вдруг из потока пустопорожней болтовни вырвалось упоминание тайного чудо-лекарства от ожирения. Хотя Брайн, как часто делают профессиональные репортеры, искусно скрыл свой интерес к этому вопросу, подробности все же обо-

шлись ему недешево. По капле выжатая из лаборанта информация звучала весьма правдоподобно, но лишь после того, как Коркоран украдкой взглянул на красную коробочку, Брайн окончательно поверил в существование эффективного лекарства от ожирения.

— А вы, молодой человек, почему не пьете? — возвращаясь к столу, с шутливым недовольством поинтересовался Коркоран.

Хотя голос его был по-прежнему бодр и чист, на скулах выступили малиновые пятна, а походка стала нетвердой.

Пригубив из бокала, Брайн ответил:

— Одной порции на пустой желудок мне более чем достаточно.

Коркоран смерил взглядом его стройную фигуру.

— А вы, похоже, и едите немного.

— Совсем немного. Слежу за весом.

Биохимик кивнул:

— Весьма разумно. Ведь либо вы управляете своим весом, либо он — вами.

— Лично я своему весу не оставил никаких шансов, — сказал Брайн с улыбкой.

— В моем утверждении нет ничего смешного, молодой человек, — слегка раздраженно заметил Коркоран. — Запомните, достигнув критической массы, жировая ткань в теле человека начинает в буквальном смысле управлять его действиями, а подчас даже руководить всей его жизнью.

С первых минут интервью Брайн придирчиво выискивал в несколько своеобразной речи хозяина нелепости, которые бы подтвердили упорно ходящие о нем слухи. Явных признаков помешательства обнаружить не удалось, но от последних слов Коркорана у Брайна по спине пробежал холодок. Ведь и сам он частенько спрашивал себя, как

случилось, что так рьяно заботившаяся прежде о своей внешности Джун позволила аппетиту взять над собой верх.

— У некоторых просто-напросто слабая сила воли, — сказал Брайн. — Вот и возникает привычка к перееданию.

— Вы, юноша, в самом деле так считаете?

— Да. Но я...

— К примеру, молодая женщина приобрела избыточный вес, — перебил его Коркоран и, сверкая голубыми глазами, заговорил весьма быстро: — Женщину я приплек потому, что они вообще уделяют своей внешности повышенное внимание. Допустим, вес женщины увеличился на шестьдесят процентов от нормы. Она стала уродливой, жалкой, больной. Она вынуждена либо постоянно сносить остроты в свой адрес, либо как можно реже бывать на людях. Ее шансы получить сексуальное удовлетворение равны нулю, и дальнейшая жизнь не сулит ей ничего, кроме болезней, одиночества и отвращения к себе. Представляете такую ситуацию?

— Да. — Брайн поерзал в кресле.

— Тогда перейдем к сути проблемы. Женщине прекрасно известно, что ее страдания не фатальны, она отчетливо осознает, что избавится от мучений, изменив свой физический облик. В ее силах, заплатив буквально гроши, стать стройной, здоровой, привлекательной — достаточно лишь строго придерживаться нормальной диеты. И, зная все это, как же обычно поступает молодая особа? — Стукнув зубами о край бокала, Коркоран сделал очередной приличный глоток.

— Отчетливо представляю, как она поступает, — сказал Брайн, пораженный тем, какой оборот принял их разговор. — Она с каждым днем ест все больше и больше.

— И не просто больше, а гораздо больше! Со стороны кажется, что она переедает. Ан нет! Она съедает ровно

столько, сколько необходимо для питания ее растущего жирового органа.

Брайну становилось все более не по себе.

— Простите, боюсь, я не уловил...

— Что вы, молодой человек, знаете о жире? — с жаром спросил Коркоран.

— Ну... Жир — это вещество вроде сала.

— Общепринятое заблуждение! Человеческий жир — весьма сложное образование, ведущее себя аналогично самостоятельному органу. Многие считают, что поскольку жир — бледного цвета и при разрезании не кровоточит, то в нем мало кровеносных сосудов. В действительности жир пронизан капиллярами гуще, чем, скажем, мышцы. По количеству кровеносных сосудов на единицу объема жир занимает второе место после печени. Жировой орган также располагает собственной сетью нервов, активно взаимодействующей с центральной нервной системой. — Коркоран сделал очередной глоток и, глядя поверх бокала, спросил: — Вы понимаете, к чему я веду?

— В общих чертах. — Брайн неуверенно усмехнулся.

Раскрасневшийся Коркоран подался вперед.

— Я утверждаю, что жировой орган подобно паразиту живет в нашем организме собственной жизнью. Он успешно управляет окружающей его средой и, следовательно, своим тучным хозяином, вынуждает его постоянно переедать и оставаться толстым.

Брайн глядел на старика с нарастающей тревогой. Безумцев он боялся с детства и теперь испытывал сильнейшее желание бежать. Чтобы избавиться от сухости во рту, он хлебнул из бокала и нашел в себе силы пробормотать:

— Весьма... э-э... интересная теория...

— Больше, чем просто теория, молодой человек. Надеюсь, теперь вам ясно, почему желающим похудеть день ото дня все труднее соблюдать диету?

— Признаюсь, не совсем.

— Жировой орган не позволяет им убить себя. Люди часто скидывают некоторое количество жировой ткани, но почти всегда вскоре наращивают ее вновь. Это происходит оттого, что жировой орган, едва почувствовав угрозу, начинает бороться за свою жизнь и заставляет хозяина бросить диету. Лишь в исключительно редких случаях задумавшим похудеть удастся, снизив массу жирового органа ниже критической, уморить его голодом. Тогда им внезапно становится легко придерживаться даже самой строгой диеты и оставаться стройными, здоровыми, сильными.

Брайн все с большим трудом сохранял внешнее спокойствие.

— Ваши идеи просто замечательны, но я не вижу, какая связь между ними и эффективным лекарством от ожирения.

— Принцип действия лекарства основан на умерщвлении жирового органа.

— Понятно. Но производство лекарства, наверное, связано со значительными техническими сложностями и стоит немалых денег?

— Отнюдь. Признаюсь по секрету, с весьма малыми затратами я уже изготовил в условиях домашней лаборатории пробную партию. — Коркоран вновь покосился на шкаф. — Для гарантированной нормализации веса взрослого человека достаточно четырех доз лекарства по одному кубическому сантиметру.

— Но тогда почему же вы уверяете, что лекарство не будет иметь коммерческого успеха?

— Все дело в самом жировом органе, — со снисходительной усмешкой ответил Коркоран. — Он весьма действительно сражается против медленной гибели. Да иначе и быть не может! После первой же дозы пациент, не пони-

мая, что происходит внутри его тела, вдруг почувствует сильнейшее отвращение к лекарству и под тысячью предложений откажется от дальнейшего лечения. Вот почему я уверен, что пользоваться спросом лекарство не будет.

«Его речи становятся все бредовее», — подумал Брайн, а вслух сказал:

— А что, если, например, незаметно подмешивать лекарство в пищу? Или давать его пациенту силой?

— Сомневаюсь, что удастся обмануть жировой орган. А что касается вашего второго предложения, то напомним вам о существовании такого понятия, как врачебная этика.

Брайн настороженно следил за постепенно возбуждающимся Коркораном и пытался предугадать, что же он выкинет дальше. Теперь было очевидно, почему администрация «Олдесли дженерал» так ревностно хранила в тайне связь компании с Коркораном. Несмотря на то что имя ученого было широко известно в научных кругах, сам он пребывал в невменяемом состоянии.

— Значит, вы даже не пытались продать пробную партию? — задумчиво спросил Брайн.

— Продать? — Коркоран издал сдавленный смешок. — Конечно, нет. Ни за миллион фунтов, ни даже за миллиард.

— Ваши принципы, сэр, вызывают восхищение. Боюсь, меня бы соблазнила даже сотня. — Брайн с унылой гримасой встал и спрятал блокнот в карман. — Было чрезвычайно приятно поговорить с вами, но, к сожалению, мне уже пора.

— Мне было не менее приятно. Ужасно наскучила одинокая жизнь в громадном доме. — Коркоран с явным трудом поднялся и протянул через стол руку Брайну. — Не забудьте прислать копию статьи.

— Копию? Да-да, разумеется. Как только статья будет отпечатана, непременно вышлю с полдюжины копий. — Брайн

посмотрел через окно за спиной Коркорана в сад. — Какой у вас прекрасный куст! Вон тот, с серыми листьями.

Коркоран повернулся к окну.

— Ах, этот... Это — *Olearia scillonensis*. Очень хорошо приживается на здешней почве.

Брайн проворно шагнул в сторону, схватил с полки и сунул под куртку красную коробочку. Он уже как ни в чем не бывало стоял на прежнем месте, когда Коркоран обернулся, двинулся вперед и, пошатнувшись, ухватился за край стола.

— Еще раз огромное спасибо, — сказал Брайн почти спокойно, хотя сердце неистово стучало в груди. — Не провожайте меня, я найду выход сам.

— Безусловно, найдете, но прежде чем уйти, сделайте старику одолжение.

Брайн растянул губы в напряженной улыбке.

— Какое одолжение?

— Верните то, что по праву принадлежит мне. — Коркоран протянул руку. — Коробочку, которую вы без спроса взяли на полке. Отдайте ее мне. Немедленно!

— Не понимаю, о чем вы. — Брайн попытался изобразить на лице искреннее недоумение. — Если вы полагаете, что я...

Коркоран шагнул вперед, порываясь залезть Брайну за пазуху. Тот отбил руку и попытался отпихнуть Коркорана, но был поражен его силой и цепкостью. Мужчины топтались в нелепом шаркающем танце. Наконец более молодой и сильный Брайн что было сил толкнул старика в грудь. Тот отлетел назад, ударился головой о мраморный угол камина, упал на шипцы для угля и прочую каминную утварь и замер. Глаза его, обнажив белки, закатились, из носа потекла струйка крови — удар, как видно, пришелся в основание черепа.

Брайн отшатнулся и, прижав к губам пальцы, забормотал:

— Ты сам во всем виноват! Упрямый старик! Пьяница! Ты!..

Он замолчал и с запоздалым страхом оглядел комнату в поисках следов своего пребывания. На подлокотнике кожаного кресла стоял бокал, из которого он пил виски. Брайн взял его дрожащими пальцами, тщательно протер носовым платком и поставил в буфет среди таких же. Потом отыскал среди разбросанных на столе бумаг большой ежедневник, открытый на сегодняшней дате, убедился, что записи о встрече с ним нет, и, даже не взглянув на тело у камина, бросился вон из комнаты.

На улице Брайна охватило вялое удивление от того, что мир вокруг остался таким же теплым, зеленым и беззаботным, каким был, когда он входил в дом Коркорана. Даже солнечные зайчики в кронах деревьев выглядели так же. Словно кошмарная трагедия разыгралась не совсем рядом, в гостиной Коркорана, а в другом измерении, в иное время...

Прячась от случайных взглядов за деревьями и кустами, Брайн стиснул в кармане красную коробку и заспешил домой.

— Настоящее чудо! — Джун не отрываясь глядела на бутылочку, которую Брайн поставил на кухонный стол. — Даже не верится!

— Успех гарантирован. — Брайн взял шприц, найденный вместе с бутылочкой в красной коробке, и придирчиво осмотрел иглу.

По дороге из Ридинга он принял окончательное решение. Чтобы Джун не болтала лишнего и чтобы никому не пришло в голову связать его визит со смертью Коркорана,

Брайн солгал, где и каким образом достал чудо-лекарство. Жена знала, где он провел день, и рано или поздно непременно услышит о смерти Коркорана в результате «несчастливого случая». Следовательно, надо основательно подготовиться к разговору с ней и подобрать подходящие успокаивающие слова.

— Только представь, дорогая, всего четыре укола, и ты навсегда избавлена от лишнего веса! — с воодушевлением воскликнул Брайн. — И никакой диеты, никаких нудных подсчетов калорий, никаких изматывающих физических упражнений. Обещаю, ты скоро станешь такой же, как прежде.

Джун посмотрела на свои расплывшиеся груди и выпирающий живот, скрыть который было не в состоянии ни одно платье.

— Я снова смогу носить модную одежду.

— Мы набьем ею гардероб до отказа. Платьями, юбками, купальниками — всем, что душа пожелает!

Она залилась восторженным смехом.

— Ты и вправду считаешь, что я вновь смогу появляться на пляже?

— Непременно, дорогая. В черном бикини.

— М-м-м... Скорей бы уж!

— Скоро, дорогая, скоро.

Брайн откупорил бутылочку и наполнил шприц прозрачной бесцветной жидкостью. Некоторую досаду у него вызвало открытие, что лекарство представляет собой не таблетки, растолоочь которые и незаметно подсыпать Джун не составило бы труда, а раствор для инъекций, но тут уж ничего не поделаешь. Хорошо еще, что он умеет обращаться со шприцем.

— Обойдемся без стерильных тампонов и прочих медицинских излишеств, — сказал он. — Дай мне руку, дорогая.

В глазах жены явственно промелькнуло беспокойство.

— Как, прямо сейчас?

— Конечно, сейчас. Давай руку.

— Так быстро? Мне бы подумать...

— Подумать о чем? Уж не вообразила ли ты, что я замыслил тебя отравить?!

— Нет, но... Я не знаю, откуда взялось это лекарство.

— Я приобрел его в лучшей клинике на Харли-стрит, Джун. Новинка. Обошлась мне в кругленькую сумму.

Губы Джун побледнели.

— А почему инъекцию делаешь ты, а не профессиональный доктор?

— Думай, что говоришь! Доктор запросит не меньше ста гиней.

— Но у тебя же нет ни необходимой квалификации, ни опыта.

— Глупости. Ты неоднократно своими глазами видела, как я делаю уколы твоей матери.

— Да! — вскричала Джун. — И бедняжка мама умерла!

Не веря собственным ушам, Брайн в упор уставился на жену.

— Побойся Бога, Джун! Всем же известно, что твоя мать умерла от того, что много лет подряд сидела на морфии!

— Мне все равно! — Джун, повернувшись, демонстративно направилась к холодильнику. — Подопытным кроликом я не стану!

Брайн перевел взгляд с необъятной спины жены на шприц в своей руке, и в голову ему бросилась кровь. Он налетел на нее, толкнул плечом и, прижав к холодильнику, обхватил левой рукой за шею. Вначале она барахталась, пыталась вырваться, но едва в дряблую плоть правой руки вонзилась игла, обреченно затихла, словно дикое

животное, лишь поначалу инстинктивно дергающееся и повизгивающее в лапах хищника, а Брайн разозлился еще больше. Вогнав ей под кожу целый кубик лекарства, он отступил назад; дыхание его, помимо воли, перешло в тихое рычание.

Джун прикрыла ладонью темно-красную струйку, текущую по правому плечу и, повернувшись к мужу, печально спросила:

— Почему, Брайн? Разве я заслужила такое обращение?

— Не строй из себя великомученицу! Меня ты этим больше не проймешь! И заруби на носу! Отныне у нас все будет по-другому!

Вечером зарядил нудный дождь, и поработать в саду, как намеревался, Брайн не смог. Сев у окна с раскрытой книгой, он незаметно наблюдал за Джун. Та, храня оскорбленное молчание, разглядывала увядшие цветы на камине, а каждые четверть часа отлучалась на кухню и, вернувшись, жевала не таясь. Однажды она даже принесла с собой пакетик соленых орешков, и комнату тотчас наполнил тошнотворный запах орехового масла и слюны.

Брайн безмолвно сносил ее выходки, душу его терзали уныние и страх. Теперь он отчетливо понимал, что свалил дурака, выскользнув из дома Коркорана тайком. Надо было немедленно вызвать полицию, а потом с дрожью в голосе поведать о том, как напившийся в стельку Коркоран споткнулся и ударился головой об угол камина. Тогда бы удалось не только унести с собой лекарство, но и без особых затруднений выйти сухим из воды. А теперь, если власти все же пронюхают о его визите к Коркорану, убедительно объяснить им свое поведение будет ой как непросто.

А тут еще жена со своими выкрутасами! Не желает проявить хотя бы каплю благоразумия! И вообще дура, нарас-

тившая на себе толстенный слой жира и ведущая полурас-
тительный образ жизни, права на сочувствие не имеет.

Дождь будто нарочно лил не переставая, в комнате становилось холодно, сыро и даже вроде запахло поганками. Брайн от души пожалел, что несколькими часами раньше не развел в камине огонь. К тому же чертовски хотелось выпить, но в доме, как назло, не было ни капли спиртного, и он довольствовался тем, что курил сигарету за сигаретой.

В полдвенадцатого он встал и сказал:

— Думаю, на сегодня повеселились достаточно. Ты собираешься в постель?

— В постель? — Джун смотрела на него, точно видела впервые в жизни. — В какую постель?

— В ту самую, на которой мы спим.

Тут Брайн засомневался, то ли лекарство дал жене. Ведь доподлинно не известно, что именно хранил Коркоран в красной коробке.

— Иди, я скоро поднимусь, — пробормотала Джун. — Только вот немного подумаю... Подумаю обо всем.

— Послушай, дорогая, я искренне сожалею о случившемся. Но пойми и меня. Поступить иначе я не мог. Ведь медициной точно установлено, что тучные люди испытывают безотчетный страх перед эффективными препара...

Осознав вдруг, что «медицинский факт» почерпнут им из болтовни безумного Коркорана, Брайн оборвал себя на полуслове и пристально поглядел на жену. Уж не мерещится ли ему? Она вроде стала еще толще, чем прежде. Вон даже голова в сравнении с альпийскими склонами ее тела кажется совсем крошечной.

— Не забудь запереть дверь. — Стремясь скрыть отвращение, он отвернулся.

В спальне он разделся, лег и выключил ночник. Комната погрузилась во мрак. Вскоре холодные простыни со-

грелись, и Брайн, к своему удивлению, обнаружил, что, несмотря на одолевающие его безрадостные мысли, засыпает.

Сегодняшний день, без сомнения, оказался не самым удачным, но, если не терять головы, у полиции не будет повода прицепиться. И, возможно, Джун, убедившись к утру, что инъекция не повредила ее здоровью, успокоится. Ладно, все еще образуется. Все будет хорошо...

Брайна разбудили до боли знакомые ворчания и вздохи, сопровождаемые треском статических разрядов. Жена, раздевшись в темноте, улеглась рядом, и он, рискуя, что его жест будет превратно истолкован как приглашение к любовной игре, дружески положил ей руку на плечо и через секунду провалился в избавляющий от мрачных дум сон.

Во сне Брайн перенесся в детство. Отец отправился в очередную деловую поездку, и поэтому двухлетнему Брайну позволено лечь к матери в постель. Мать читает почти до самого утра и, как всегда, когда муж в отъезде, ест домашнего приготовления помадки, отламывая изредка ломтики для маленького сынишки. Мать — громадная женщина, и когда Брайн лежит, прижавшись к ней, спина матери возвышается над ним как стена — теплая, удобная, живая защита от любых неожиданностей и невзгод окружающего мира. Брайн улыбается и прижимается к ней покрепче, но стена мяса вдруг рушится на него, он силится закричать «Мама!», но и рот, и нос оказываются забитыми кусками ее тела, и с губ не срывается ни звука.

Проснувшись в кромешной тьме, Брайн с ужасом обнаружил, что действительно задыхается. На лице было что-то теплое и клейкое, а на грудь давила влажная тяжесть. Он попытался освободить хотя бы рот, но преуспел лишь отчасти, поскольку вещество, словно застывшая смола, намертво прилипло к коже. Пальцы с легкостью проникали

сквозь поверхность липкой массы, напоминающей на ощупь теплую жидковатую глину, и вязли.

В панике всхлипывая, Брайн приподнялся с подушки и потянулся к ночнику. Повернул дрожащими пальцами выключатель. Рядом лежало сплошь забрызганное кровью обнаженное тело с разорванной в лохмотья кожей. Это было хоть и уменьшившееся непостижимым образом, но все же явно тело жены, а сам Брайн с ног до головы извальный в бледной студенистой массе, испещренной сетью тонких кровеносных сосудов.

Он с воплем попытался соскрести с себя клейкую мерзость, но та, разрываясь под пальцами на пузырящиеся шматки, упорно не отделялась. Вскоре выяснилось, что студенистая субстанция, проникнув под кожу, уже вторглась в святая святых его тела, и крик застрял у него в горле. Брайн в ужасе вскочил на ноги и, шатаясь и спотыкаясь, бросился в ванную. Пальцы сами нащупали на полочке под зеркалом опасную бритву, раскрыли остро заточенное лезвие.

Не замечая, что наносит себе глубокие раны, Брайн принялся полосовать, и полосовать, и полосовать себя...

Детектив Билл Майерс вышел из ванной в спальню и, закулив сигарету, сказал старшему офицеру:

— Черт знает сколько лет я занимаюсь убийствами и повидал, казалось, всякое, но от этой парочки меня впервые тянет блевать.

— Года два назад я уже такое видел, — мрачно сообщил инспектор Барраклоф, кивнув на безжизненное тело на кровати. — Точно так же выглядела жена Хеймиша Коркорана, когда ее нашли. Естественно, подробностей газетчикам мы тогда не сообщили. Сам понимаешь, появившись такое в прессе, к нам косяком бы хлынули всякие придур-

ки с ложными признаниями, да и убийц-подражателей, поди, сыскалось бы не меньше. Слава богу, теперь мы без шума разом закроем оба дела.

— Полагаешь, шеф, что этот Брайн был психом?

— Ясное дело.

— И именно он совершил все убийства?

— А кто же еще! Точно установлено, что вчера он приезжал к Коркорану. Два года назад Брайн залег на дно, но Коркоран, похоже, как-то его раскусил, за что и поплатился жизнью. Убийство старика завело Брайна, и он, вернувшись домой, учудил напоследок и здесь.

— Жаль его жену. — Майерс подошел к кровати и с непрофессиональным сочувствием взглянул на распростертое тело. — До чего она худенькая!

Облава*

Тэбон пристально смотрел на черную пасть пещеры, где угодило в ловушку двуногое съедобное создание. Его одолевало неприятное ощущение, что в его плане возникла какая-то неувязка, но он никак не мог решить, какая именно.

Его супруга нетерпеливо ворочалась рядом, и зеленый солнечный свет рябью бежал по ее мощному телу.

— Я по-прежнему считаю, что следует отправить туда нескольких самок, — заявила она. — А если съедобное создание и уколошит парочку — тем лучше. Мы с тобой получим его, а остальные — мертвых самок.

Тэбон с трудом удержался от сарказма. Многие годы он старательно оттачивал свой образ невозмутимого Короля-Философа, но иногда Кадеск раздражала его настолько, что он был готов поступиться результатами своих усилий. Уже, наверное, в тысячный раз он горько пожалел, что не родился самкой и не имеет возможности прихлопнуть жену одним ударом, а потом нанести ей последнее оскорбление, отказавшись ее съесть.

— Будь повыдержаннее, дражайшая, и не забывай, что я многие годы слушал радиопередачи этих существ, а ос-

---

* Hue and Cry.

© Перевод. Кириченко А.И., 2003.

тальные — я вынужден это подчеркнуть — тем временем предавались грубым плотским утехам. Я знаю этих животных. В космическом корабле их должно быть еще не меньше двадцати.

— Где-где?

— В космическом корабле.

— Ты имеешь в виду раковину?

— Да, дражайшая, я имею в виду раковину, но нам следует научиться думать о ней как о чем-то большем, чем просто о контейнере с пищей, — это машина, которая может перелетать со звезды на звезду. До тех пор, пока их приятель в ловушке жив, остальные не улетят отсюда. Я предвижу, что в любой момент они могут выйти из космического корабля, чтобы прийти ему на выручку, и таким образом, благодаря моей мудрости у нас окажется уже двадцать существ, которых мы сможем разделить между собой. Я, разумеется, не стану жадничать, и, возможно, двоих или троих...

— Хватит болтать, — грубо перебила его Кадеск. — Я не могу одновременно слушать и тебя, и эти идиотские вопли.

Тэбон бросил взгляд туда, где, выполняя его приказ, шестеро самцов, столпившихся у входа в пещеру, выпускали из своих речевых центров радиоволны всякий раз, когда съедобное создание пыталось связаться с космическим кораблем, выйдя из которого оно заблудилось. Тэбон подумал, не попытаться ли объяснить жене кое-что из того, что он уже знал об этих двуногих уродцах.

Впервые услышав доносящиеся с неба голоса, он вообразил, что они принадлежат существам, обладающим, как и он сам, мощными металлическими трассами в нервной системе и способным общаться при помощи радиоизлучения.

И лишь гораздо позже Тэбон понял, что эти его воображаемые гиганты, перекликающиеся от звезды до звезды,

в действительности общаются всего лишь при помощи звуковых волн, а радио используют, только чтобы увеличить дистанцию. Потом он сделал большой шаг вперед, выяснив, что создания передают еще и картинки. На это открытие ушли годы напряженных умственных усилий и самодисциплины, на протяжении которых Кадекск постоянно угрожала бросить Тэбона, поскольку его сексуальная сила значительно увяла. Зато Тэбон научился понимать сигналы и в буквальном смысле видеть картинки с неба, благодаря чему он узнал очень много о незнакомых существах и изучил их язык.

— Если эти крики продлятся еще немного, — капризно сказала Кадекск, — я вообще не смогу есть.

Тэбон не обратил на ее замечание ни малейшего внимания, отчасти потому, что это была явная ложь, но главным образом оттого, что именно в этот момент понял, в чем заключается накладка. Первоначально объект охоты делал паузы между попытками использовать свой радиопередатчик, но вот уже несколько секунд они следовали одна за другой, в то время как дружные выкрики шести самцов, добросовестно наложенные на сигналы из пещеры, по-прежнему образовывали узор из длинных вспышек радиошума.

Тэбон в панике дернул Кадекск за хвост.

— Немедленно беги к пещере и скажи самцам, чтобы шумели непрерывно. Этот кусок мяса использует паузы для отправления своего послания.

Бросив на мужа уничтожающий взгляд, Кадекск послушно двинулась через желтый подлесок к пещере. Тэбон давно уже изучил код, который применяли небесные создания, и сейчас внимательно вслушивался в передачу из пещеры.

* * *

...возможность некоторое время изучать этих зверей незаметно для них. Когда пойдете на выручку, помните, что убивать могут только самки. Если вы сразу устраните их, то самцы тут же обратятся в бегство. Их очень легко отличить, и вы не ошибетесь, определяя, кто самец, а кто самка, потому что...

Тут Кадеск наконец добралась до самцов, и те принялись орать без перерыва. Тэбон содрогнулся от облегчения.

В неотложном порядке был собран Совет Старейшин.

— Итак, — живо сказала Кадеск, обрисовав ситуацию. — Глупо теперь отрицать, что съедобные создания знают наш секрет. Я предлагаю сейчас же ворваться в пещеру и добыть по крайней мере хоть что-нибудь. Отмечу также, что существу не пришлось долго гадать, кто из нас имеет значение, а кто — нет.

Она расслабила свои гигантские мышцы убийцы и улеглась. Остальные пять членов Совета были всего лишь самцами, и хотя выразили свой протест как можно решительнее, аудитория ясно понимала, что перевес явно на стороне Кадеск.

Тэбон быстро шагнул вперед, сознавая, что ему выпал исключительный шанс продемонстрировать превосходство ума над мускулатурой.

— Это верно, — объявил он. — Съедобные создания знают, что нашим самкам присущи... наименее приятные функции, связанные с поддержанием нашего рода, но...

— Не скромничай, — перебила его Кадеск. — Скоро ты научишься заговаривать их до смерти.

— ...но как бы ни была, без сомнения, важна эта информация, на самом деле тому, кто встретится с нами впервые, она принесет мало пользы. Разница во внешности,

мускулатуре, окраске и так далее, которая позволяет нам мгновенно отличить самца от самки, не имеет смысла без предварительных сведений. Короче говоря, съедобные создания не смогут определить, кто из нас самец, а кто — самка, так что, по сути, ничего не изменилось.

Его речь произвела впечатление даже на Кадеск.

— А знаете, он прав. Разумеется, мы должны придерживаться первоначального плана, и надеюсь, скоро что-нибудь да произойдет. Я уже почти слышу их запах. — Кадеск облизнулась и слегка пустила слюнку на тот особый манер, который, помимо воли, так очаровывал Тэбона.

В полдень следующего дня действительно кое-что произошло. Дверь космического корабля распахнулась, и четырнадцать двуногих с оружием наперевес углубились в джунгли, отделяющие корабль от пещеры.

План начал немедленно претворяться в действие. Его нельзя было назвать тщательно разработанной схемой, ибо трелганы, являясь доминирующей формой жизни в мире примитивных джунглей, имели обыкновение попросту бросаться на что-либо движущееся и пожирать его. Но Тэбон предупредил сородичей об оружии, и на этот раз они решили изменить привычной тактике. Вместо этого трелганы придумали маневр, который представлялся им чрезвычайно хитрым: спрятаться за деревьями, чтобы окружить пришельцев, а затем разом наброситься на них и сожрать.

И вот настал великий момент, тем более что съедобные создания сами облегчили им осуществление плана, ибо направились напрямик к пещере. Они медленно продвигались сквозь охряные заросли, держа наготове оружие, а их красная униформа ярко сверкала на солнце.

Тэбон и Кадеск выстроили для атаки свое воинство — две дюжины самок и четверо больше самцов. У них даже хватило времени, чтобы занять отличную командную по-

зицию, взобравшись на дерево, откуда можно было наблюдать все происходящее на большой поляне у пещеры.

— Ты уверен, что не случится ничего непредвиденного? — Долгое ожидание исчерпало небольшой естественный запас терпения Кадеск.

— Безусловно, дражайшая, — спокойно ответил Тэбон. — Тот, в пещере, сообщил остальным, что они без труда отличат наших самок, но уже не имел возможности объяснить, как именно. Они млекопитающие и, разумеется, уверены, что и мы тоже. Стало быть, станут искать особей с большими молочными железами, выпирающими наружу.

Он рассмеялся своим мыслям и тут же умолк, когда маленькая цепочка съедобных созданий появилась в поле его зрения на дальнем конце поляны.

Казалось, что медленно движущаяся вереница будет добираться до центра поляны целую вечность, но вот наконец она достигла середины, и Тэбон дал сигнал к нападению.

Перемещаясь с удивительной точностью, трелганы выскакивали из укрытий и на высокой скорости обрушились на своих жертв, по пути сметая невысокие деревья и кусты. Пришельцы пустили в ход оружие, но Тэбон с удовлетворением отметил, что самки удачно распределены среди самцов, и Кадеск почти поверила в беспочвенность своих опасений.

— До чего ароматные, — прочавкала она. — Смелее, рвите их на части!

Тэбон снисходительно улыбнулся, и вдруг до него дошло, что он видит уже только половину начавших атаку самок, а шеренга съедобных созданий сплотилась в маленькую кучку, и резкие звуки выстрелов гремят не переставая. Но самым ужасным и ошеломляющим было то, что они сосредоточили огонь исключительно на рассеянных в

толпе самках, и не успел Тэбон осознать происходящее, как точные попадания уменьшили число самок до пяти... четырех... трех... двух...

Атакующие отхлынули назад, словно круги от брошенного в воду булыжника, и единственная оставшаяся самка позорно бежала с отступающими самцами. С начала операции прошел всего лишь десяток адских секунд, а Тэбон потерял уже больше половины своих подданных, включая всех самок, кроме одной. Ему с трудом верилось в происходящее. Как это могло случиться?

— Это ты во всем виноват, — злобно бросила ему Кадеск. — Все было бы в порядке, если бы не твоя замечательная идея. Ты доказал свою никчемность, и отныне здесь буду командовать только я.

— Но я не понимаю, — возразил ошеломленный Тэбон, а цепочка съедобных созданий тем временем перестроилась и двинулась к пещере. — То существо, которое мы поймали в ловушку, не успело передать ни малейших сведений о том, как отличать самок трелганов от самцов, и у них не было никакой возможности это узнать.

Кадеск отвесила мужу пощечину своим могучим хвостом.

— Заткнись и иди за мной, — отрезала она. — Я голодна.

Они спустились с дерева и вместе вышли на поляну, где оставшиеся в живых участники горе-атаки, вернувшись, закусывали своими менее удачливыми подругами. Тэбон и Кадеск, несмотря на испытанное ими страшное потрясение, все еще были красивой, по трелганским понятиям, парой, и полуденное солнце сверкало на их тяжелых лоснящихся телах.

На его голубом теле.

И на ее розовом.

Воительницы века техники*

Обстоятельный рассказ дяди о машинах вообще и о двигателях внутреннего сгорания в частности Томми Биверидж не слишком вежливо прервал восклицанием:

— У бабушки Джины холодильник работает, а в сеть не включен!

Улыбнувшись племяннику, Уиллетт Моррис терпеливо пояснил:

— Бывают холодильники, работающие на газе.

— Но у бабушки Джины нет газа, — с высоты своих одиннадцати лет авторитетно заявил Томми. — У нее все на электричестве.

— Значит, ее холодильник все-таки подключен к сети, — снисходительно заметил Уиллетт и, чтобы разъяснить мальчугану абсурдность его высказывания, перевел разговор с автомобильных двигателей на устройство холодильников.

Вскоре на лице Томми явственно отразилась скука, и, улучив момент, когда дядя отвернулся, он стремглав выскочил из гаража, который одновременно служил мастерской, и тут же погнался за порхающей над лужайкой бабочкой. И без того обиженный упорным нежеланием членов семьи разобраться в принципах работы хотя бы простей-

---

* The K-Y Warriors.

© Перевод. Жаворонков А., 2003.

ших механизмов, Уиллетт огорченно покачал головой и с явным удовольствием вновь принялся за перемотку мотора посудомоечной машины.

Упоминание о холодильнике, работающем без внешнего источника питания, он посчитал настолько нелепым, что тут же выбросил его из головы, и даже вспомнив о нем много месяцев спустя, так и не счел его предвестником собственной внезапной кончины.

Обучая Мюриель вождению, Уиллетт хлебнул горя сполна. К примеру, первые два месяца жена, заведя мотор, упрямо пыталась стронуться с места, просто убрав ногу с педали сцепления. Машина, понятное дело, дергалась и, словно налетев на невидимую преграду, глохла, а Уиллетт болезненно сжимался, и перед его мысленным взором возникали крошащиеся шестерни коробки передач. И хотя при этом каким-то чудом не слышалось хруста металла и рева работающего на холостом ходу двигателя, возвещающих о том, что сломана полуось, такое обращение со сцеплением, несомненно, значительно сокращало механическую жизнь автомобиля.

За это время Уиллетт по крайней мере раз двадцать набирал в грудь воздуха и, отрешенно глядя перед собой, поучал:

— Отпускать педаль сцепления следует плавно.

Мюриель обычно отвечала раздраженным вопросом:

— Разве ты не видел?

— Не видел что?

— Приближался грузовик, и мне, естественно, хотелось побыстрее отъехать.

Уиллетт в таких случаях интересовался:

— Извини за тупость, но разве заглушенный столь варварским образом двигатель помог тебе тронуться с места быстрее?

К сожалению, его сарказм всякий раз пропадал втуне.

Частенько прямо перед самым капотом неожиданно вырастало опасное препятствие, и Уиллетт, цепенея от страха, кричал жене «тормози!», но та словно в трансе, не снижая скорости, гнала машину в прежнем направлении. Уиллетт непроизвольно бил ногой по несуществующей педали тормоза, и напуганная резким звуком Мюриель в последний миг выворачивала руль, а затем, разразившись слезами, обвиняла мужа в пренебрежении к ее и без того издерганным нервам.

Но эти ледяющие кровь приключения первых месяцев обучения показались Уиллетту цветочками, когда Мюриель стала отважно выруливать на дороги с интенсивным движением и, что хуже всего, обрела абсолютную уверенность в себе. Для Уиллетта настала пора поистине суровых испытаний.

Вот и сейчас, привалившись спиной к машине, он глядел в темнеющую голубизну апрельского неба и мысленно умолял жену поторопиться. Ему всей душой хотелось завершить проклятый урок до темноты — источника постоянных опасностей для машины и пассажиров. Уиллетт перевел взгляд на дом и сквозь оконное стекло уловил в прихожей неясное движение: судя по всему, Мюриель общалась по телефону с матерью или с какой-нибудь из своих сестер. Хотя со времени их последней встречи за чаем и печеньем не прошло и двух часов, для пятерых женщин, видимо, уже назрела необходимость поделиться друг с другом новостями.

Неужели послеобеденные домашние хлопоты настолько важны, что весть о них с дорогостоящей помощью Британской Телефонной Компании должна безотлагательно разнестись по всей округе? И что они могут там

обсуждать — еженедельный ритуал мытья розовой занавески в ванной?

В нетерпении Уиллетт поддел носком ботинка сорняк, нахально пробившийся сквозь гравий подъездной дорожки, тяжело вздохнул и задумался.

Прежде к советам Хэнка Бивириджа, женатого на Ивонне, самой младшей из трех сестер Мюриель, Уиллетт относился скептически.

— Будешь с женой спорить, толку не добьешься, — бывало, убеждал его Хэнк. — А если все же попытаешься, враз здоровье подорвешь. Гипертония, старик, для женщин самый верный способ убить тебя, и заметь, твоими же собственными руками.

Хотя недели за две до смерти Хэнк начал проявлять очевидные признаки невроза, выходящие порой за рамки социально допустимого, Уиллетт до сих пор еще скучал по приправленным черным юмором циничным замечаниям свояка да по традиционным воскресным встречам в пабе «Стрелок не промах». «Стрелок» находился как раз на полпути между их домами. К счастью, в его единственном тесноватом полутемном зале не было ни музыкальных ящиков, ни игровых автоматов, и Уиллетт с Хэнком всласть беседовали там в долгие послеобеденные часы. Излюбленные темы их разговоров назывались «Куда же, в конце концов, катится мир?» и «Загадочный женский характер».

— Представляешь, Уиллетт, в доме свежего яйца днем с огнем не сыщешь, — поделился однажды Хэнк. — А знаешь почему?

— Н-ну?

— Да просто Ивонна сует их куда угодно, только не в холодильник. Она, видишь ли, где-то вычитала, что яйца лучше всего сохраняются при комнатной температуре. А как ты думаешь, чем забит холодильник?

— Мясом и колбасой? — предположил Уиллетт.

— Если бы! Вареньем и консервами, с которыми и в тропиках ничего не сделается! Но я, старик, помалкиваю, в дискуссии не вступаю. Меня она гипертонией не изведет!

Хэнк не упускал случая, чтобы лишний раз развить фантастическую теорию, согласно которой старшие сестры Ивонны, в девичестве Стерми, сознательно довели до гробовой доски своих супругов, намекая при этом на Клива и Эдварда, — несчастные один за другим недавно скоропостижно скончались от сердечной недостаточности...

Хлопнула входная дверь, и Уиллетт поднял голову. К нему приближалась жена, тонкие каблочки ее розовых босоножек при каждом шаге глубоко вонзались в гравий. Все предки Мюриель славились долголетием, к тому же она всегда вела чрезвычайно умеренный образ жизни, в свои пятьдесят выглядела на двадцать и при случае без труда заимствовала платья у собственной дочери. Моррис давно свыкся с мыслью о бренности своего тела, но, осознав как-то раз, что жена его не прожила еще и половины отпущенного ей природой срока, испытал сильнейшее потрясение. Вот и сейчас, глядя на Мюриель, Уиллетт поймал себя на мысли, что, если он вскорости отойдет в мир иной, у нее впереди будет новая, приятная во многих отношениях жизнь.

Мюриель была не высокой и не низкой, не толстой и не худой; и если бы не постоянное выражение настороженного беспокойства в глазах да сжатые в ниточку губы, Уиллетт, пожалуй, назвал бы ее лицо — с правильными в общем-то чертами — даже красивым. Для поездок на автомобиле она всегда специально переодевалась, и сегодня на ней были белые блуза и брюки, а на черные волосы она повязала красно-белую косынку.

— Почему ты так долго? — с упреком спросил Уиллетт.

— Мне надо было поговорить с Ивонной, — ответила Мюриель, усаживаясь на водительское место и сбрасывая босоножки.

Уиллетт открыл дверцу и сел рядом.

— Вы же провели с ней почти весь день.

— Успокойся, я не звонила по межгороду, так что это не будет стоить ни гроша.

— Меня не волнует плата за переговоры. Просто интересно, что за неотложные вопросы вы решали.

— Господи, Уиллетт, ты прямо дитя малое! Конечно же, мы обсуждали чисто женские дела.

Мюриель запустила руку под сиденье и нашарила среди трех пар обуви, которые постоянно держала в машине, матерчатые туфли без каблуков. Несмотря на все благие намерения, в УилLETTE вспыхнула злость. Ну разве хоть один мужчина на свете способен превратить автомобиль в передвижной гардероб?!

— Сели? — обратилась в пространство Мюриель и, не дождавшись ответа, почти миролюбиво добавила: — Вот и славненько.

Наконец она надела туфли, пристегнула ремень и повернула ключ, предусмотрительно оставленный мужем в замке зажигания. Уиллетт уже приготовился к ритуальному сражению с ручным тормозом, но Мюриель, будто впервые в жизни заметив озарившийся огнями приборный щиток, подозрительно спросила:

— Уиллетт, почему здесь загорелась леечка?

Тот, закрыв глаза, переспросил с деланным недоверием:

— Загорелось что?

— Ты, часом, не оглох? Почему леечка горит?

— Господи, Мюриель! Я же сотни раз объяснял, как работает автомобиль, а в результате ты меня спрашиваешь про простейший указатель! Да еще и называешь его леечкой!

— Но он же вылитая леечка, которой я дома цветы поливаю.

Не открывая глаз, Уиллетт тяжело вздохнул.

— Может, все-таки не леечка, а указатель давления масла?

— Какое мне дело до твоих дурацких названий! Скажи лишь, почему горит.

— О боже! — простонал Уиллетт, чувствуя болезненное жжение в животе.

— Не богохульствуй! — возмутилась Мюриель. — А если тебя не волнуют твои глупые ржавые указатели, то меня и подавно!

Она завела двигатель, после привычной борьбы отпустила ручной тормоз, врубила скорость и рванула машину с места так резко, что, не вращая задние колеса в рыхлом покрытии подъездной дорожки свободно, непременно заглох бы мотор. По днищу крупной картечью забарабанил гравий. Уиллетт поморщился, как от зубной боли.

На пересечении с автострадой Мюриель свернула налево, к Бат-роуд, и, внезапно обретя благодущие, произнесла:

— Не сердись на меня, Уиллетт. Расслабься. А то у тебя не ровен час еще сердце прихватит.

Искренность ее заботы вызывала у Уиллетта некоторые сомнения, но вслух он ничего не сказал. Вдруг ему вспомнился покойный друг. Не эта ли мнительность под конец жизни привела беднягу Хэнка к прогрессирующей паранойе?

Обучать свою жену водить автомобиль Хэнк отказался наотрез. По этому поводу он обычно говорил:

— Да я, старик, лучше суну башку в пасть разъяренному тигру!

Он был твердо убежден, что именно уроки вождения и доконали Эдварда.

— Понимаешь, это был главный козырь Берил. Оттого-то она и отказалась от автошколы и не выучилась водить машину до свадьбы! Выжидала, пока здоровье Эдварда окончательно расстроится.

— Звучит, конечно, интригующе, но верится с трудом, — небрежно заметил Уиллетт.

— Ты еще убедишься в моей правоте! И моли Бога, чтобы Мюриель не применила сестричкину тактику к тебе, старичок! Даже если она на колени встанет, не сажай ее за руль, иначе кончишь, как недотепа Эдвард. На его месте я еще в прошлом году свалил бы куда-нибудь в Австралию, а то и подальше.

Вечно мрачным Эдвард запомнился Уиллетту в основном благодаря своим язвительным рассказам о причудах Берил за рулем. Например, он говорил:

— Заглушит мотор, покосится на меня и включает «дворники».

Или:

— Зеркальце заднего вида она всякий раз ставит так, чтобы собой любоваться, а не на дорогу смотреть.

За кружкой пива Уиллетт с Хэнком частенько облакали накопившиеся в душе горечь и попранное мужское достоинство в едкие реплики.

— Эдвард раскис, и теперь женушка его непременно достанет, — пророчески заявил как-то Хэнк, точно гадалка вглядываясь в дно своей пивной кружки. — Он ступил на ту же скользкую дорожку, что и старина Клив перед смертью. Помяни мое слово!

— Но зачем, скажи на милость, женщинам средних лет изводить своих мужей? — пряча усмешку, поинтересовался Уиллетт.

— А затем, старичок, что мы им больше не нужны.

— Как так?

— Видишь ли, после того, как мужчина зачал детей и вознес на алтарь финансового благополучия семьи свое здоровье, весь интерес женщины к нему сводится лишь к его страховому полису. Отныне он — в пути.

— И жена его что, убивает?!

— Именно! Хотя подозреваю, что действует тут не расчет, а скорее чистый инстинкт. Стоит бабе обнаружить, что мужик весьма чувствителен к стрессу, как она тут же избирает этот самый стресс своим оружием и незаметно, исподволь использует его до победного конца.

— Хэнк, да неужели ты серьезно? — Брови Уиллетта поползли вверх.

— Более чем, — подтвердил тот.

— Но ведь женщины тоже подвержены стрессам.

— Природа сдала им лучшие карты, старичок. Женские мозги и тела так устроены, что им чихать на любой стресс. — Заметив, что их подслушивает барменша, Хэнк понизил голос: — Вспомни, например, как женщинам легко в постели.

— В постели? Не понимаю.

— Чем старше мужчина, тем труднее ему выполнять супружеские обязанности, и мало-помалу ночные утехы из наслаждений превращаются в источник стресса. А женщины все нипочем! И неудивительно. Ведь от нее требуется лишь время от времени увлажнять собственное лоно, а с этой нехитрой задачей одинаково успешно можно справиться и в восемнадцать лет, и в пятьдесят. Точно говорю тебе, Уиллетт, расклад — не в нашу пользу.

Не раз по прошествии времени вспоминал Уиллетт те фантастические теории Хэнка, так веселившие его когда-то. Вспоминал и неизменно улыбался.

Удивительно только, почему они так глубоко врезались в его память? Не оттого ли, что вскоре после того разговора не стало сначала Эдварда, а затем — и самого Хэнка?..

Ярдах в четырехстах впереди замаячили тормозные огни стоявшего у обочины грузовика, и их колючий рубиновый блеск в тени растущих вдоль дороги деревьев вернул Уиллетта к действительности. Он выжидающе поглядел на жену. На лице ее застыло профессиональное спокойствие командира авиалайнера, а глаза были устремлены на дорогу. Приказав своему телу расслабиться, Уиллетт ожидал, что Мюриель вот-вот либо притормозит, либо вырулит на правую полосу, но машина, не снижая скорости, по-прежнему неслась по левой.

Пока соображения дипломатии боролись в Уиллетте с инстинктом самосохранения, горящие огни стремительно приближались. Уиллетт уже было открыл рот в предупреждающем крике, но тут обстановка на дороге стремительно переменилась — огни потухли, возвещая о том, что водитель грузовика убрал ногу с педали тормоза. Мюриель тут же с запоздалой решимостью ударила по тормозам, и их машина, едва не ткнувшись в задний бампер грузовика, остановилась.

— Ты видел?! — возмутилась Мюриель.

— Еще бы! — молвил Уиллетт, с трудом унимая дрожь в теле.

— Ни предупреждающих огней, ни тебе сигналов! Надо бы сообщить об опасном лихаче в полицию.

Подав автомобиль немного назад, Мюриель крутанула руль вправо и покатила дальше. объезжая грузовик, она повернула голову и пронзила водителя испепеляющим взглядом.

Объяснять ей, что произошло в действительности, Уиллетт не стал. Себе дороже. Она скорее всего не только ему не поверит, но и, разозлившись, поведет машину хуже прежнего.

Доехав до конца улицы, Мюриель свернула на Бат-роуд. Забившееся было в нормальном ритме сердце Уиллетта вновь екнуло в груди. Он-то надеялся, что их поездка завершится до начала часа пик, но как бы не так — движение в городе уже было интенсивным, и с каждой минутой машин на дороге становилось все больше. И тут, когда управление автомобилем потребовало предельной собранности, Мюриель взбрело в голову поболтать:

— А мы сегодня опять проспекты листали.

— Рад за вас.

Что за проспекты, Уиллетту было ясно без лишних объяснений. Джина Стеми и три ее овдовевшие дочери собирались следующей зимой в круиз, и составление планов предстоящей поездки поглощало у них прорву времени. Хотя финансы не позволяли Мюриель отправиться с родственницами в увеселительное путешествие, а те, судя по всему, приглашать ее за свой счет не намеревались, она все же участвовала во всех заседаниях круизного комитета семьи. Вообще-то Уиллетт давно подметил, что едва только дело доходило до денег, как взаимной любви между женщинами Стеми тут же приходил конец. Впрочем, прижимистость сестричек легко объяснима: убив своих мужей, они прибрали к рукам все сбережения и страховки покойных и так запросто расставаться с денежками теперь не...

Заметив, что последнее время все чаще возвращается к болезненным фантазиям Хэнка, Уиллетт прервал размышления.

— Четырехместная каюта на «Миноре» — просто очаровательна! — меж тем делилась впечатлениями Мюриель.

— Почему четырехместная? — поинтересовался Уиллетт.

— А почему бы и нет?

— По моему глубокому убеждению, океанские круизы придуманы в основном для того, чтобы завести на корабле роман, но если в каюте живут четверо, то речь может идти только о групповом сексе, а твоя мать, на мой взгляд, несколько старовата для столь бурных забав.

— Уиллетт, как тебе не стыдно! — Мюриель смерила мужа негодующим взглядом, и едва ее глаза оторвались от шоссе, машина привычно вильнула в сторону.

— Велосипедист! — поспешно вскричал Уиллетт. — Следи за дорогой!

— А ты, Уиллетт Моррис, следи за своим грязным языком! И впредь не смей говорить о моей маме гадости!

— Я всего лишь пошутил, — с готовностью заверил ее Уиллетт, в очередной раз давая себе зарок не отвлекать Мюриель за рулем.

Хотя ему было доподлинно известно о нескольких интрижках жены после того, как остыли их чувства в браке, в речах она оставалась такой же ханжой, как ее сестры и мать. Уиллетту крепко запомнился один показательный случай: описывая работу машины, он назвал одну из деталей женской, а в ответ на ее удивленный вопрос разъяснил, что деталь нарекли так потому, что при работе в нее проскальзывает другая, так называемая мужская деталь; жена обвинила его в сексуальной озабоченности и поверить в то, что термины «мужская и женская деталь» общеприняты среди механиков, наотрез отказалась. Когда же он, продемонстрировав каталог, доказал свою правоту, ее и без того не слишком лестное мнение о мужчинах упало до нуля.

Чтобы впредь было неповадно бестактно отзываться о ее матери и сестрах, оставшиеся пятьдесят минут урока

вождения Мюриель посвятила наказанию грубияна мужа. Она совершала почти смертельные броски на пересекающих дорогу пешеходов; выполняла чертовски опасные правые повороты перед носом грузовых автомобилей; принципиально не переключала при приближении встречных машин дальний свет на ближний, чем вовлекла себя в поединок фарами с полудюжиной разъяренных водителей; на остановках перед светофорами мотор не заглушала, зато потом пускала в ход стартер, вызывая яростный скрежет всей двигательной системы; а по дороге домой надменным тоном заявила, что устранил скрип «дворников» по ветровому стеклу, побрызгав их антистатиком.

Когда наконец автомобиль свернул на подъездную дорожку, грудная клетка Уиллетта прочно сидела в невидимых стальных тисках, и при каждом слове Мюриель их хватка только крепла. Машина давно остановилась, но Мюриель, следуя своим неписаным правилам, осталась внутри — поправить перед зеркальцем прическу и переобуться для пешей прогулки в десяток ярдов к дому. Уиллетт же проворно заскочил в гостиную, плеснул себе из графина виски и разом осушил бокал. Услышав хлопок входной двери и быстрые шаги по коридору, он приготовился к лекции о вреде алкоголя, но, на его счастье, из холла раздался стрекот телефонного диска. Уиллетт налил себе новую порцию, вчетверо щедрее той, что подают в пабе, и одним глотком прикончил ее. И тут в комнату вошла Мюриель.

— Ты превращаешься в алкоголика, — бросила она от двери. Однако сегодня столь щекотливый вопрос, похоже, не слишком ее волновал, поскольку она тут же велела: — Сгоняй-ка к маме и привези пакет сахарной глазури. Только не обычного сахара, а именно сахарной глазури. Запомнил?

— Думаю, с мамочкиным заданием я справлюсь, — бодро откликнулся Уиллетт. — А как срочно тебе нужна сахарная глазурь?

— Прямо сейчас, разумеется. У тебя ведь все равно нет других дел. Или я ошибаюсь?

Уиллетт, правда, намеревался перебраться перед ужином карбюратор газонокосилки, но он утешил себя мыслью, что по дороге к Джине заглянет в «Стрелок» и в спокойной обстановке выпьет еще стаканчик.

— Ты права, срочных дел у меня действительно нет, — ответил он. — Может, я схожу пешком? Разомну слегка старые ноги.

— Только к ужину не опоздай. За стол мы, как обычно, сядем ровно в семь, — предупредила Мюриель и ушла наверх переодеваться.

Оставшись в гостиной, Уиллетт кинул взгляд на графин, но, решив, что выпивка украдкой — удовольствие не из великих, поднялся и направился к двери.

Вечер выдался на славу — безветренный, ясный и теплый. Вдохнув полной грудью напоенный свежестью воздух, Уиллетт расправил плечи и бодро зашагал выполнять задание, а деревья, пряча в своих кронах уличные фонари, выстлали ему путь причудливым узором теней.

В итоге Уиллетт пропустил в оранжевом уюте «Стрелка» целых два стаканчика, а завершив полумильную прогулку, был внутренне готов к общению с тещей.

Свой построенный более столетия назад большущий особняк семидесятилетняя Джина почти без посторонней помощи умудрялась содержать в идеальной чистоте и порядке. Потоптавшись у порога, Уиллетт позвонил, и хотя в подтверждение того, что его ждут, сквозь стекла входной двери струился свет из прихожей, ответа не последовало.

Он позвонил еще пару раз, затем повернул фарфоровую ручку двери и вошел. Из глубины дома, по-видимому из кухни, в прихожую пробивался слабый свет.

— Джина! — позвал Уиллетт. — Джина, вы здесь?

Чувствуя себя неловко, чуть ли не взломщиком, он пересек неосвещенную столовую. Кухня встретила Уиллетта немым укором, а в бликах на буфете и на полках с посудой ему даже почудилось предупреждение не искать без разрешения хозяйки сахарную глазурь.

— Джина! — завопил он почти вызывающе.

Тишина.

Продолжать поиски без риска напугать тещу или, того хуже, застать ее неодетой Уиллетт теперь не мог, и ему ничего не оставалось, как торчать тут. Чертыхаясь себе под нос, он растерянно огляделся. Из глубин памяти всплыли вдруг слова, брошенные как-то прошлым летом маленьким Томми Бивериджем: «У бабушки Джины холодильник работает, а в сеть не включен!»

Нелепость, конечно, но Уиллетт все же повернулся к холодильнику. Большой, старомодный, с округлыми боками, будто перенесенный из голливудского фильма сороковых годов холодильник гудел тихо и самодовольно. Уиллетт подошел ближе, поискал глазами настенную розетку. Вилки в ней не было. Покрутив головой, он заметил в узкой щели между холодильником и буфетом трехконтактную вилку, от которой к холодильнику змеился гибкий электрический провод. Он и в самом деле не был подключен к сети! Ошеломленный Уиллетт достал из нагрудного кармана куртки отвертку и, нагнувшись, разобрал вилку. Предохранитель в ней отсутствовал. Уиллетт заглянул за холодильник, но дополнительного провода, ведущего к какому угодно источнику питания, не обнаружил.

Он рывком распахнул выпуклую дверцу, и загоревшаяся внутри лампочка осветила стеклянные полки с банками, бутылками и пластиковыми коробками, а его лодыжки обдал хлынувший вниз поток холодного воздуха.

— Быть такого не может, — недоуменно пробормотал Уиллетт, опускаясь на колени.

Подсветив себе портативным фонариком, он заглянул под холодильник, но и показавшееся ему сразу маловероятным предположение, что недотепа электрик подключил холодильник к сети, пропустив кабель сквозь дырку в полу, не подтвердилось.

— Черт знает что такое! — в полный голос заявил Уиллетт, встав и засунув отвертку с фонариком в карман.

Он вышел из кухни, потоптался, собираясь с мыслями, в прихожей и решил уже подняться по ступенькам, как услышал шаги на втором этаже. Через секунду на лестничной площадке появилась Джина Стеми собственной персоной. В мандариновом костюме современного покроя она выглядела не старше любой из своих дочерей, и Уиллетта на миг пригвоздил к месту приступ безотчетного страха.

— Привет, Уиллетт, — бросила Джина, спускаясь по лестнице. — Я слышала, как ты вошел, но встретить тебя не смогла — красила ногти. — Подняв растопыренную пятерню, она продемонстрировала ему лак точно такого же ядовитого цвета, что и костюм. — Как делишки?

— Я... Э-э...

— Сейчас принесу сахарную глазурь, — перебила его Джина. — Мюриель жаловалась, что забыла ее купить, и оттого у бедняжки все из рук сегодня валится. А ведь только в прошлую пятницу мы видели в продаже чудесную глазурь, но, как назло, попали в послеобеденную толчею и едва на улицу выбрались. Сколько раз я ей говорила: за покупками надо ходить с утра пораньше, но она все твер-

дит, что можно выскочить слишком рано, когда витрины еще не переоформлены после вчерашнего, а значит...

— С вашим холодильником творится что-то неладное, — громко сказал Уиллетт. — Какой осел в нем ковырялся?

Джина неожиданно издала смешок, характерный только для женщин семейства Стеми.

— Ну конечно, я тут жалуясь на дырявую память Мюриель, а сама-то не лучше! Все собираюсь сказать ей, чтобы она попросила тебя занести предохранители, и каждый раз в самую последнюю минуту из головы вылетает. Уиллетт, душка, будь добр, принеси мне предохранители. Без пылесоса я еще до завтра продержусь, а вот без...

— Вы не поняли, — прервал ее Уиллетт. — Ваш холодильник работает без сетевого питания!

— Не может быть!

— Я и без вас знаю, что не может, да только ступайте и убедитесь сами.

На лице Джины читалось любопытство пополам с недоверием.

— Ты шутишь? — спросила она.

— Мне не до шуток. Пойдемте!

Уиллетт повернулся и двинулся напрямик на кухню, Джина последовала за ним.

Холодильник в начищенной до блеска кухне молчал и работать, судя по всему, не намеревался. Уиллетт решительно распахнул дверцу, но лампочка внутри не зажглась.

— Странно, — обескураженно пробормотал он. — Всего минуту назад холодильник работал.

— Да от тебя, Уиллетт, за милую разит спиртным.

— Клянусь, он работал!

— Сколько виски ты сегодня выпил?

— При чем здесь виски? Суньте руку в морозильник. Там все еще холодно.

— Естественно, холодно. — Джина говорила с ним мягко, точно с малолетним ребенком. — Холодильник отключился всего минут двадцать назад, а изоляция, как известно, еще несколько часов сохраняет температуру.

— Обойдемся без школьного курса физики... — Оскорбленный Уиллетт выпрямился.

Он точно знал, что не включенный в сеть холодильник совсем недавно усердно урчал, Джина же упорно отрицает этот факт. Почему? Что ей с того, что холодильник выкидывает фокусы?

Уиллетт взгляделся в строгое холеное лицо тещи, в ее вытянутые стрункой губы, в слегка прищуренные глаза, и его внезапно осенила догадка.

Племянник обнаружил феномен месяцев девять назад, следовательно, Джина знает, что ее холодильник работает без сетевого питания. Знает и тем не менее продолжает уверять, что он оставался без тока всего несколько минут. Почему она лжет? Похоже, ей отлично известно, что с холодильником. Интересно, как она будет выкручиваться, если спросить ее напрямую?

Уиллетт открыл рот и тут же подпрыгнул от неожиданности — на стене за его спиной пронзительно затрезвонил телефон. Взяв трубку, Джина с минуту кивала и поддакивала, затем сказала:

— Успокойся, Мюриель. Самое главное, что ты цела и невредима. А машина... Машину можно и починить.

Имя жены и упоминание о поврежденной машине заставили сердце Уиллетта учащенно забиться.

— Да, он рядом, — сообщила Джина и, не спуская с зятя глаз, передала ему трубку.

— Мюриель, что ты натворила? — сразу же набросился он. — Что с моей машиной?

— У тебя только твой ржавый драндулет на уме! — не медленно пошла в наступление жена, что лишь подтверждало серьезность ее проступка. — Обо мне ты не беспокоись! Не так ли? Я едва жива осталась, а ты даже...

— Машина, Мюриель! Что с машиной?

— Я решила помочь тебе, — наконец призналась Мюриель, — стала загонять машину в гараж, а она... она не остановилась. Я нажала на тормоз, но машина рванулась вперед.

— Ты нажала на тормоз, а машина рванулась вперед? — переспросил Уиллетт, надеясь, что, услышав собственные слова, жена поймет, до чего они абсурдно звучат.

— Именно! — невозмутимо подтвердила Мюриель.

Уиллетт глубоко вздохнул.

— Мюриель, раз машина поехала вперед, значит, ты нажала не на тормоз, а на газ.

— Уиллетт, я — не идиотка и разницу между тормозом и газом знаю! — негодуя воскликнула она. — Как бы то ни было, твой токарный станок разбит вдребезги, а у машины помят бампер и вылетело заднее стекло.

— Мой токарный станок!.. — Грудную клетку Уиллетта в который уже раз за этот вечер сдавили гигантские тиски. — Ничего не трогай! Через пять минут буду дома!

Не говоря больше ни слова, он бросил трубку и направился к двери, но его остановил окрик Джинь:

— Уиллетт! Ты ничего не забыл? Как насчет сахарной глазури?

— К черту глазурь! — рявкнул он на ходу.

Выскочив на улицу, Уиллетт во весь дух припустил к дому, но через несколько ярдов почувствовав в груди уже не просто давление, а непереносимую боль, волей-неволей перешел на шаг и постарался дышать глубоко и разме-

ренно. Боль постепенно отступила, но стеснение в груди все же сохранилось, а на память вдруг сами собой пришли слова Хэнка: «Вот самый верный способ убить тебя, старичок, и заметь, твоими же собственными руками». Уиллетт остановился, энергично помотал головой и, избавившись от наваждения, не спеша продолжил путь.

Приветливо освещенные окна «Стрелка» еще издали поманили его, но искушению Уиллетт не поддался. Выпив за короткое время изрядное количество виски, он, без сомнения, совершил ошибку — действие спиртного сказалося как раз в тот момент, когда ему особенно требовались спокойствие и невозмутимость. Нынче Джина получила дополнительное преимущество, а одержать над ней верх в споре Уиллетту и без того удавалось далеко не всегда. Достаточно вспомнить случившееся тем летом...

Уиллетт мыслями перенесся в прошлое, и его неторопливая поступь еще замедлилась.

Лет десять назад, следуя наставлению врача, он бросил курить. С тех пор книжную полку в гостиной украшала большая серебряная зажигалка. Как-то воскресным днем жена со своей матерью и сестрами пили после обеда чай, а Уиллетт возился с бегониями на заднем дворе. Мельком взглянув в окно гостиной, он увидел, как Анна, третья по старшинству сестрица, достала из пачки сигарету, подошла к книжной полке и, шелкнув давно не действовавшей зажигалкой, мгновенно прикурила. Озадаченный Уиллетт вернулся в дом и осмотрел зажигалку. Память его не подвела — в зажигалке действительно не было батареек. На вопрос жены, что он ищет, Уиллетт поведал о случайно подсмотренной сцене. Анна выказала было явные признаки беспокойства, но на выручку ей пришла Джина Стеми. Презрительно хихикнув, она заявила, что Анна уже курила, когда машинально взяла в руку старую зажигалку, и та

с готовностью подтвердила слова матери. Возражать женщинам Уиллетт не посмел, однако тот противоречащий здравому смыслу случай занозой засел у него в памяти. Теперь ему подумалось, что сработавшая в руке Анны недействующая зажигалка и тещин холодильник, не подключенный к сети, — явления одного порядка.

А что, если Джина Стеми и ее дочери — ведьмы, в чьих силах приводить в действие вышедшие из строя механизмы?

— Я рехнулся! — во весь голос сообщил Уиллетт пустой улице. — У меня глюки похлеще тех, что мучили старину Хэнка!

Будучи неплохим механиком, Уиллетт безоговорочно верил в незыблемость физических законов окружающего мира. Как ни удивительно, но осознание того, что его умозаключения относительно жены и ее ближайших родственников противоречат причинно-следственному закону, принесло ему облегчение.

— Ведьмы?! — Уиллетт фыркнул и, собрав воедино остатки спокойствия и здравого смысла, громко произнес: — Как бы не так!

Ну разбила жена машину. Ну не разобрался, как работает доисторический холодильник тещи. Что с того? Разве стоит из-за такой ерунды доводить себя до инфаркта или сходить с ума? Безусловно, нет!

К тому же теория о том, что Стеми — ведьмы, не согласуется с известными ему фактами. Отбросим древние суеверия и воспользуемся модными нынче терминами вроде «пси-способности». Все равно остается непонятным, почему Джина и весь ее выводок столь бестолковы в технике. Если уж они наделены сверхъестественной способностью непосредственно внушать свою волю механизмам, то обращаться с ними мастерски должны тем паче. Противоречие налицо! А может, и нет?

Уиллетт вновь презрительно фыркнул. Изобретенная им только что игра ума пришлась ему по вкусу, и отказываться от собственной стройной теории он, как и всякий уважающий себя мыслитель, без борьбы не желал.

А может, его ошибка в том, что он рассуждает как человек, слишком уважающий технику? Что, если его жена чувствует неприязнь ко всем механизмам именно потому, что они занимают в ее жизни весьма важное место? Стоп! Ведь и в самом деле, считай она механизмы малозначительными, то скорее всего относилась бы к ним с пренебрежением, а уж никак не с ненавистью. Да и остальные Стеми ведут себя под стать его женошке. При необходимости они подчиняют себе неисправные машины, но, оберегая свою спокойную жизнь, не щеголяют уникальными способностями. А ослепленные собственным превосходством их мужья-недотепы, в том числе и он, Уиллетт, не в силах даже уразуметь, что все трудом добытые ими познания о моментах вращения и о шаблонах, о размагничивании и о дифференциалах в сравнении с инстинктивным и небрежным механическим колдовством жен яйца выеденного не стоят.

— Неплохо, неплохо, — вслух подбодрил себя Уиллетт. — Мне бы в свободное время фантастические рассказы писать. Глядишь, и мое имя замелькает на обложках книг... Правда, моя теория все-таки не без изъяна.

Предположим, Стеми — современные ведьмы, скрывающие свои недюжинные способности. Но к чему им строить из себя абсолютных тупиц в области техники? Возьмем, к примеру, те же уроки вождения... Зачем Мюриель вместо пусть не классной, но, на худой конец, посредственной сзды на автомобиле упорно демонстрирует непробиваемую глупость?

«Удивляюсь тебе, старичок, — зазвучал в голове Уиллетта голос Хэнка-призрака. — Ведь и дураку понятно, что ты жене стал в тягость. Ей страсть как хочется вместе с сестричками в круиз, оттого она и решила, что пора получить кругленькую сумму по твоему страховому полису. А ведь я предупреждал тебя, старичок, насчет уроков вождения. Твоя жена воспользовалась своим последним, самым смертельным оружием. Она вовсе не учится водить машину, а убивает тебя твоими же собственными руками».

— Чушь, — пробормотал себе под нос разочарованный Уиллетт.

Первая попытка выстроить логичную теорию о ведьмах не удалась, а на вторую не оставалось времени — впереди уже маячили дом и залитый светом гараж.

Уиллетт не удержался и на последних ста ярдах прибавил шагу, от чего его дыхание сделалось тяжелым и прерывистым.

Мюриель сидела на крыльце под лампой и, судя по всему, дожидалась его. На ней были серый пуловер, твидовая юбка того же цвета и туфли на низком каблуке — самая эффективная, по ее мнению, экипировка для ситуации «я-только-что-разбила-автомобиль». Чтобы жена глубже осознала свою вину, Уиллетт кивнул ей с ледяной любовью и вошел в гараж, но едва перед ним предстала картина учиненного там чудовищного разрушения, как напускная безмятежность покинула его, с губ сорвался жалобный стон, а на глаза навернулись слезы. Токарный станок оказался не просто разбит, но с такой силой вдавлен в дальнюю стену гаража, что несколько кирпичей выпало наружу; задняя часть автомобиля была сплюснута, а чудом уцелевшее стекло валялось на полу.

В гараж вошла Мюриель, и Уиллетт, с величайшим трудом взяв себя в руки, почти бесстрастно произнес:

— Огромное спасибо за чудный подарочек к возвращению домой.

— Не смей надо мной насмехаться, Уиллетт Моррис! — взорвалась Мюриель. — Виновата не я, а твоя идиотская машина.

— Ты по-прежнему утверждаешь, что нажала на тормоз, а машина рванула вперед?

— Именно. Должно быть, у нее что-то случилось с... — Покопавшись немного в своем небогатом запасе технических терминов, она выпалила: — Со сцеплением!

— Со сцеплением?! Да ты хотя бы отдаленно представляешь, о чем говоришь?!

— Конечно.

— Ты, черт возьми, нажала не на ту педаль, а теперь!.. — Голос, окончательно отказавшись подчиняться Уиллетту, предательски сорвался. — Теперь несешь ахинею!!

— Вот как? Значит, несу ахинею?! — Во взгляде Мюриель было больше злобы, чем когда-либо доводилось видеть Уиллетту. — Тогда садись за руль и води машину сам! Докажи, что я не права!

— Будь по-твоему!

Не обращая внимания на безжалостно сдавивший грудь стальной обруч, Уиллетт сел на водительское место и, хлопнув дверцу, повернул ключ зажигания, который жена оставила в замке. Громко выругавшись, он врубил первую скорость, вывел машину из гаража и, проехав до середины подъездной дорожки, нажал на тормоз, но автомобиль, вместо того чтобы остановиться, с устрашающей скоростью устремился вперед.

Уже не владея собой, Уиллетт вдавил педаль тормоза в пол, мотор басовито взревел, и машина, непрерывно набирая скорость, проскочила между стойками ворот, в мгновение ока пересекла улицу и вылетела на тротуар. Уиллетт

толком не успел заметить несущуюся навстречу каменную стену, как ужасный удар швырнул его на рулевое колесо, и в глазах потемнело.

Очнулся он на коленях, в неестественном полусогнутом положении, с лицом почти прижатым к приборному щитку; в его грудной клетке слились воедино два источника невыносимой боли — внешний и внутренний. Автомобиль, словно вознаграждая хозяина за многолетнюю заботу, устроил ему красочное световое представление. Один за другим зажглись индикаторы, вишневым цветом засияли пластиковые циферблаты. Указатель давления масла с расстояния нескольких дюймов казался огромной лейкой, имеющей, к ужасу Уиллетта, даже насадку с дырочками.

«Мюриель, пожалуйста, пожалей меня», — мысленно взмолился он, истекая кровью.

Лейка, придя в движение, наклонилась и оросила водой стилизованную маргаритку. Та, точно в диснеевском мультике, затрепетала и повернула распутившийся цветок к солнцу... Но это уже никто не мог оценить: Уиллетт был мертв, а Мюриель слишком спешила позвонить матери.

Размякший дипломат*

Устроившись в удобном напольном сосуде, Гринглдунк от отчаянной скуки ставил опыты над самим собой. Из трех точек по периметру своего тела он выпустил тонкие псевдоподии**, переплел их на небольшом расстоянии в центре, затем расщепил каждую надвое и загнул в форме шести маленьких крючков.

Безо всякого воодушевления он отвердил это сооружение и извлек глаз, чтобы посмотреть, что получилось. Результат не слишком ему понравился.

В Федерации насчитывалось несколько рас, которые прикрывали свои тела тканями, и только что сконструированная им штуковина могла бы сгодиться для кого-нибудь из них, но только не для цивилизованных существ. Заскучав еще больше, он начал медленно размягчать затвердевшие псевдоподии.

В это время из входа в трубопровод в стене дворца донесся тихий свист. Открылась маленькая круглая дверь, и на пол шлепнулся Магг, министр внутренних дел. Мгновение он лежал, сохраняя форму пули, которую гьёнки при-

---

* Dissolute Diplomat.

** Псевдоподии (*биол.*) — ложноножки, временные выросты у одноклеточных организмов.

© Перевод. Кириченко А.И., 2003.

нимают для перемещений по трубопроводам, а затем расплылся и втек в напольный сосуд к Гринглдунку.

Как только тело его прекратило рябить и колыхаться, Магг извлек глаз, но при виде Гринглдунка из него принялись выскакивать все новые и новые глаза все большего размера — министр хотел получше рассмотреть пикантный облик, который принял его правитель. Гринглдунк наблюдал за ним с отвращением: несмотря на все усилия, Магг, казалось, так и не смог понять, насколько невоспитанно обнаруживать подобное любопытство.

— Что вы сделали с собой, Ваша Мягкость? — осведомился наконец Магг.

— Ничего особенного, — раздраженно ответил Гринглдунк. — Зачем ты явился? Ты же знаешь, что сейчас у меня период отдыха.

— Это очень важно, — сказал Магг. — В систему вошел космический корабль и направляется к нашей планете.

На мгновение Гринглдунк утратил зеленый оттенок, приличествующий его положению, и позволил проявиться своей естественной рябой оранжевой окраске.

— Что? Что за корабль?

— Судя по всему, терранский, Ваша Текучесть.

— Но Договор не разрешает приземляться здесь терранским кораблям, — произнес Гринглдунк. — Это весьма неожиданно. Нужно будет порыться в библиотеках и узнать, как следует встречать офицеров терранского флота.

Он сошел со своего блюда, с трудом балансируя на все еще твердых триподиях, и направился ко входу в трубопровод. Теплое мягкое излучение, шедшее изнутри, помогло ему размягчиться, и, преодолев непривычную жесткость, он исчез в узком отверстии.

После стольких лет бездействия Гринглдунк, Глава и Представитель гьёнков, вновь был при деле.

* * *

Хэл Потмен шел на умеренной скорости в 800 С, когда его генераторы искривленного пространства издали тихий вздох и пропали в каком-то неизвестном измерении. Древний «Моррис Звездоплаватель», тошнотворно сотрясаясь, всплыл в нормальном пространстве.

Сверившись с картой, Потмен обнаружил, что поблизости находится планета под названием Йоинк — по астрономическим понятиям, на расстоянии плевка. Он ввел координаты Йоинк в селектор места назначения и, коротая время, принялся потягивать пиво.

Спустя два дня — или тридцать две банки пива — «Звездоплаватель» пулей устремился вниз.

Стерев пивную пену с обросшей щетиной верхней губы, Потмен открыл люк и, спрыгнув на пружинистую желтую почву, обнаружил, что его окружает толпа дрожащих от возбуждения разноцветных существ неопределенной формы. Он не мог решить, вызвано ли такое поведение внезапным появлением его корабля, или же тем, что при приземлении он, по-видимому, разрушил парочку их пластиковых домишек.

Он вытянулся по стойке «смирно» и гаркнул:

— Тихо, друзья! Я, гражданин... гм... Верховной Земли, требую вашей покорности. Я хочу...

Один из студенистых конусов без верхушки перебил его и, растянув громадный рот, промычал что-то о нарушении Договора. Потмен направил на маленького инопланетянина кольт сорок пятого калибра, и вспышка выстрела обратила того в кучку хрустящих угольков.

— Ах какие мы нежные! — Хэл поспешно перешел на шутливый тон, в глубине души чувствуя, что лучше было бы избежать инцидента. В лоции говорилось, что гьёнки неагрессивны, но тем не менее лучше действовать в более дружественном духе. Потмен знал о Договоре, но кон-

трабандный груз светящейся шерсти, который он вез на борту, мог стать поводом для малоприятного разговора, если вызвать корабль службы аварийного ремонта.

— А теперь послушайте, друзья, — повторил Хэл, угрожающе размахивая оружием. — Мы прекрасно поладим, если никто не будет мне возражать. И не пытайтесь выкинуть какую-нибудь шуточку! Мой корабль сломался. Замените мне генераторы, и я улечу с миром. Верховная Земля вас не забудет, — добавил он, пораскинув мозгами. Парню, который знает, как управлять людьми и вещами, трудно было придумать эту дипломатическую уловку.

Несколько гъёнков немедленно отрастили у себя короткие толстые ноги и потопали внутрь корабля, а остальные отправились в сторону большого куполообразного здания, бормоча что-то насчет необходимых инструментов.

Потмен заглянул на корабль, чтобы запастись пивом, пинками отшвыривая в сторону гъёнков, попадавшихся ему на пути, а затем растянулся на ярком дерне, с удовлетворением наблюдая, как продвигается работа. Несмотря на то что гъёнки выглядели всего лишь одушевленными безделушками, они оказались весьма хорошими механиками космических двигателей.

После полудня, когда Потмен сидел, покуривая, под прозрачным розовым небом, со стороны города на горизонте появился еще один большой бледно-зеленый гъёнк, который раньше вроде бы не попадался Потмену на глаза.

— Что тебе надо? Ты, между прочим, беспокоишь представителя Верховной Земли!

— Понимаю, понимаю, — смиренно ответил гъёнк. — Меня зовут Гринглдунк.

— Хочешь передать привет бостонским Гринглдункам? — добродушно осведомился Потмен.

— Вовсе нет, — сказал Гринглдунк, слегка поморщившись. — Я пришел извиниться за невежливое поведение своих подчиненных. Услышав о вашем прибытии, я явился из столицы лично убедиться, что вас приняли с должным вниманием и почтением, достойными представителя...

— Да, да, за этим стоит присмотреть, — прервал его Потмен. — Один из ваших студней сегодня спорил со мной. Спорил! Как тебе это понравится? — Вынув сигару из тонких губ, он неодобрительно скривился.

— Достоинство всяческого сожаления, — согласился гъёнк. — Заверяю вас, подобных инцидентов больше не повторится. Видите ли, мой народ невежествен в отношении того, как следует принимать капитана терранского корабля, но, к счастью, в наших библиотеках имеется кое-что о традициях космического флота великой Земли, и мы постараемся соблюсти их настолько хорошо, насколько позволяют наши ограниченные возможности.

— Вот это мне уже больше нравится, — одобрил Потмен.

Необходимо было разобрать силовой агрегат корабля, и поскольку ночи на Йоинке прохладные, а установка новых генераторов вынужденно затягивалась до утра, Потмена провели в одну из пластиковых хижин примерно в миле от места посадки. Там он обнаружил наспех сооруженный гамак, и ему понадобилось совсем немного времени, чтобы приловчиться и уснуть в нем.

Утром Хэл проснулся от звона колоколов и настойчивых толчков гъёнка, который протягивал ему на маленьком подносе стакан коричневой жидкости. Блестящая поверхность гъёнка стала ярко-голубой. Потмен потребовал объяснений.

— Восемь склянок, сэр, — ответил гьёнк. — А это ваш завтрак, сэр!

Голос его звучал весьма искренне.

Потмен привольно вытянулся в гамаке, взял стакан и обнаружил, что гьёнки ухитряются производить довольно приличный ром. Удовлетворенно усмехаясь, он поднялся и вышел из хижины, нагнувшись, чтобы не удариться о притолоку.

Снаружи его ждала открытая плоская повозка на четырех колесах, управляемая двумя еще более голубыми гьёнками. Выглядела она совершенно новой, и по краям к ней крепились ремни безопасности.

— Главный механик докладывает, что ваш корабль готов, сэр, — отпартовал один из гьёнков. — Садитесь в экипаж, и мы доставим вас на борт, сэр. Есть, сэр! Так точно, сэр!

Потмен сел в машину, и они тронулись в путь. Подъезжая к кораблю, Хэл вдруг обнаружил, что почти жалеет о столь скором отбытии. Все же эти студни наконец-то поняли, кто здесь — босс, и ведут себя отлично, несмотря на то что вначале так безобразно грубо встретили его.

Потмен с трудом узнал свой потрепанный старый «Звездоплаватель». Корпус сиял в утренних лучах ярким медным блеском. Гринглдунк застыл в ожидании на маленькой платформе возле кормы. Остальные ярко-голубые гьёнки стройной шеренгой выстроились рядом.

— Доброе утро, сэр, — сказал Гринглдунк голосом, полным дружелюбия. — Надеюсь, катер, который мы сконструировали для вас, был удобным.

— Катер? Ах да, очень мягкий ход. Один из студней заявил, что корабль готов. Это так? — Потмен ступил на платформу.

— Все в полном порядке, сэр, — ответил гьёнк. — Покорнейше надеюсь, что сделали все наилучшим образом в соответствии с...

— Знаю, знаю... Ладно тебе. Если вы поставили новые генераторы, я вполне удовлетворен.

— И даже более того, сэр, — сказал гъёнк.

Шеренга раздвинулась, открыв неглубокую впадину в платформе, в центре которой виднелось круглое отверстие дюймов шести в диаметре. Из-под впадины через корму внутри корабля вели пластиковые трубы.

— Что это? — рявкнул Потмен.

— Мы используем это только на больших расстояниях, но в наших библиотеках...

— Да ладно! — оборвал его Потмен.

Он оттолкнул Гринглдунка в сторону и, перегнувшись через платформу, заглянул под корму. Хэл слишком поздно заметил, что над впадиной поднимается какое-то странное излучение, выходящее из маленькой полупрозрачной панели, расположенной по ее окружности. Он попытался отскочить назад.

Но его кости размягчались слишком быстро, и ступни уже вытекали из ботинок, присоединяясь к тому, что когда-то было его ногами, а также к остаткам нерастворившегося тела. Вопли Потмена затихли, но глаза, казалось, оставались зрячими до тех пор, пока голова, завершив изящный спуск, не шлепнулась лицом в огромную лужу, в которую он столь неспостижимым образом превратился. Хэл продолжал разжигаться и дальше, и наконец бранные останки Харольда Потмена с прискорбно лишенным благородства шумом всосались в отверстие у основания платформы. Пластиковые трубы помутнели, перекачивая его в недра корабля.

— Это всего лишь традиция, — гордо объяснил Гринглдунк присутствующим. — Наши сведения о терранском космическом флоте отрывочны, но все они совпадают в одном — почетные проводы без труб не обходятся.

Третье желание*

Ибн Зухайн, владыка Большой долины, прогуливался по тенистому вечернему саду. Снаружи, за тройной изразцовой стеной, песок и камни пустыни возвращали окрестностям накопленный за день жар, но в обители Зухайна воздух оставался прохладным, свежим и влажным благодаря пышно украшенному фонтану в центре выложенного мозаикой дворика.

Вода, вырывающаяся из недр земли, была столь холодна, что, приблизившись к фонтану, Зухайн даже зябко пожегся. В этом, как он считал, проявлялась еще одна из многочисленных милостей Аллаха, и улыбка все еще играла на его губах, когда он заметил маленький голубой флакон, стоящий на ониксовом цоколе.

Не прикасаясь к флакону, он внимательно рассмотрел его и пришел к выводу, что эта простенькая вещица, покрытая неряшливой глазурью и выпачканная в смоле, вряд ли может принадлежать ему. Стало быть, в сад вторгся кто-то чужой.

В тяжелом вздохе Зухайна раздражение мешалось с печалью. Вечера должны быть посвящены молитвам и удовольствиям, а сегодня ему придется отдать приказ об одной или

---

* Well-Wisher.

© Перевод. Кириченко А.И., 2003.

даже нескольких казнях. Он не любил бессмысленной жестокости, но все слуги знали, что за любую небрежность их неизбежно ожидает наказание, и это приучило каждого со всем тщанием избегать всякого рода оплошностей.

Краем мантии Зухайн смахнул преступную бутылочку, и она разбилась, упав на сверкающий мозаичный пол. Он повернулся и пошел было прочь, чтобы призвать начальника стражи, но не успел сделать и нескольких шагов, как за его спиной раздался голос:

— К чему такая спешка, мой господин? Разве ты настолько богат и могуществен, что во всем мире уже не осталось того, чего бы ты мог пожелать?

Положив руку на рукоять богато украшенного кинжала, Зухайн резко повернулся и увидел перед собой высокого человека, похожего на перса или индуса. Незнакомец встретил его гневный взгляд дружелюбной улыбкой. Спокойствие и свободные манеры незваного гостя были одновременно оскорбительными и пугающими — казалось, убийца совершенно хладнокровен и уверен в себе. Зухайн оглядел его, раздумывая, возможно ли, что стража и слуги перебиты незаметно для господина.

— Я один и не желаю тебе зла, — сказал незнакомец, очевидно, догадываясь, о чем думает Зухайн.

— Прежде чем я получу удовольствие, казнив тебя, ответь мне, зачем ты здесь, — потребовал Зухайн.

— Удовольствие ты можешь получить, только приняв от меня три дара — все, что пожелаешь, и никак иначе.

Незнакомец стоял у самого фонтана, и водяные брызги окутывали его радужным ореолом, мешая ясно разглядеть лицо.

— Ты, может, и вправду один, зато я — нет, — возразил Зухайн. — И от меня ты сможешь получить лишь один дар — смерть.

— Смерть? Для меня? — Улыбка незнакомца сделалась еще шире. — Должно быть, владыка Большой долины и в самом деле могущественный правитель.

— Откуда ты? — резко спросил Зухайн, выведенный из себя дерзкими манерами собеседника.

Носком сандалии незнакомец пошевелил голубые осколки на полу.

— Неужели это так важно?

— Да.

— На твой вопрос нет и не может быть ответа. Начиная, мой господин, у меня мало времени — загадывай свое первое желание.

— Мое первое... — Зухайн прищурился, пытаясь разглядеть сквозь сияющий туман размытые очертания фигуры незнакомца, и тут на него нахлынули старые воспоминания. Восемь лет назад он повредил левую руку, и с тех пор, несмотря на все усилия придворных врачей, она была похожа на сухую клешню.

— Верни мне руку, — сказал он. — И я узнаю, кто ты или что ты есть на самом деле.

— Исполнено, — бесстрастно ответил незнакомец, и пальцы Зухайна распрямились, как лепестки медленно распускающегося цветка. В этот миг в его уме расцвело понимание. Аллах и в самом деле благоволит к нему больше, чем к прочим смертным, и теперь у него появился шанс снова стать молодым, а сила юности в союзе с его мудростью распространят царство Зухайна до границ ислама и далеко за их пределы. Но как бы ни хотелось сбросить бремя лет, неугомонный разум владыки увлекал его к другой, еще более заманчивой возможности. Давнишней страстью, к которой он по-прежнему остался равнодушен, была история. Зухайн самозабвенно любил ее не за те уроки, которые можно извлечь из прошлого, но потому, что

она приоткрывала завесу над будущим. Мир представлялся ему чередой непрерывных изменений, и более всего Зухайн сожалел о том, что жизнь человеческая слишком коротка и позволяет всего лишь мельком взглянуть на грандиозное зрелище, узреть, как Сыны Пророка триумфально несут истинную веру во все концы земли. И вот теперь прямо в руки дается возможность парить подобно орлу над скрытыми ландшафтами грядущих времен.

— Скажи мне, — сказал Зухайн пришельцу, — как твое имя?

Глаза незнакомца сверкнули.

— Это твое второе желание?

— Не шути со мной.

— Хорошо, мой господин. Можешь называть меня Эмад. Зухайн направил на него указательный палец:

— Эмад, я приказываю тебе показать мне мир таким, каким он будет через тысячу лет.

Пришелец покачал головой:

— Тебе следовало бы уже понять: никто — даже владыка Большой долины — не волен приказать мне что-либо. От меня можно потребовать только исполнения трех желаний.

— В твоей ли власти показать мне будущий мир?

— Это твое второе желание?

— Да. Это мое... желание.

— Очень хорошо, мой господин. Смотри!

Эмад указал рукой на пол, и внезапно мозаичный рисунок начал двигаться, приобретая текучесть и глубину прозрачного, залитого солнцем моря. Зухайн вдруг обнаружил, что смотрит сверху на знакомые холмы и долины, окружающие его столицу. Но каким колоссальным и устрашающим переменам они подверглись! От нынешнего богатого торгового города осталась лишь жалкая горстка убогих полуразвалившихся лачуг, а оживленная гавань пре-

вратилась в убежище для дюжины разошедшихся рыбацких лодок. Но досаднее всего было то, что на месте его собственного дворца не осталось ничего, кроме смутных очертаний фундамента, занесенного белым песком, струящимся через него подобно дыму.

Под завороченным взглядом Зухайна сцены начали меняться, и за несколько минут он посетил все отдаленные земли своих праотцов, простершиеся от побережья океана на западе до узкого моря на востоке. И по всей Аравии картина оставалась одной и той же — бедность, запустение и упадок: заброшенные земли, разрозненные нищие селения, где люди цеплялись за жизнь на развалинах былого величия.

— К чему этот дьявольский трюк? — ледяным тоном спросил Зухайн. — Что за ложные видения ты мне показываешь?

— Мне нет смысла обманывать тебя, — бесстрастно ответил Эмад, хотя в глазах его блеснул огонек, который можно было бы принять за гнев. — Это твой мир, каким он станет тысячу лет спустя. Это, ибн Зухайн, владыка Большой долины, и есть то, чем увенчаются твои старания.

— Предупреждаю тебя, — свирепо прошептал Зухайн, — что твои дешевые уловки не помогут тебе, если...

Он умолк, так как его внимание привлекла одна деталь сияющей панорамы, разворачивающейся внизу. По горной дороге шел караван, состоявший, к изумлению владыки, из больших колесных повозок, которые словно по волшебству двигались сами собой, без помощи каких-либо тягловых животных. На боку каждой из повозок были нарисованы белые квадраты с красным крестом посередине. Видение длилось так долго, что Зухайн успел ясно различить людей, сидящих внутри чудесных повозок, и его ноздри задрожали от ненависти, когда он понял, что это не-

верные — гладкие, откормленные, высокомерные неверные, путешествующие без всякого страха там, где их должны были тут же убить и бросить на корм собакам.

— Что теперь? — выдохнул Зухайн. — Что это значит?

— Все очень просто, мой господин. — На этот раз в голосе Эмада уже отчетливо слышалась злоба. — Мир очень велик, и есть много земель, где солнце палит не так жаростно, а вода имеется в изобилии. Будущее принадлежит людям из этих зеленых земель.

— Не лги мне, — приказал Зухайн, стиснув свой кинжал.

— Суди сам, ибн Зухайн. — Эмад повел правой рукой, и наплывающие друг на друга картины начали сменяться с ошеломляющей быстротой. Чувства Зухайна словно онемели от череды пылающих образов: великолепных многолудных городов, бесконечных просторов полей, где зрел обильный урожай, густых лесов, кипящих жизнью морских портов. Повсюду он видел огромные торговые экипажи, снующие по дорогам, громадные корабли, плывущие по океанским волнам без ветра и парусов, и даже машины, парящие над облаками, как металлические птицы. И все это пышное зрелище свидетельствовало о богатстве, роскоши и силе.

— Надеюсь, мой господин удовлетворен? — спросил Эмад, выказывая признаки нетерпения. Он вновь взмахнул рукой, и пол дворца утратил прозрачность. — Настало время загадать третье желание.

— Еще нет. — Зухайн пытался осмыслить увиденное. Его разум стремился выхватить главное, что объединяло все развернувшиеся перед ним видения. — Те корабли, что я видел, повозки и летающие машины... Чем они движимы? Я не видел ни парусов, ни лошадей с верблюдами, ни тягловых птиц.

— Все экипажи перемещаются самостоятельно при помощи двигателей.

— Это не объяснение. Какая сила в них используется?

— Сила голубых кристаллов, мой господин.

— О каких кристаллах идет речь? Сапфиры? Аметисты?

— У тебя нет для них названия, ибо в других краях они встречаются в изобилии, но их почти невозможно найти в землях ислама. Достаточно сказать, что голубые кристаллы имеют силу, которая в одном отношении даже больше моей, ибо она не знает преград. Помести ее в самый прочный сосуд, она все равно вскоре вырвется наружу. Но, как ты сам убедился, люди научатся использовать ее и заставят служить себе на благо. И тогда самый последний крестьянин разбогатеет, точно князь... А теперь, — завершил Эмад, — назови свое третье и последнее желание. Уверен, ты, как и все остальные, пожелаешь вернуть себе юность и здоровье.

— Не так быстро. Я не заметил процветания ни в моих владениях, ни в какой-либо иной части Аравии.

— Я уже объяснял: в этих местах нет запасов голубых кристаллов. Но не огорчайся, мой господин, — успокаивающе произнес Эмад. — Другие народы будут щедры в своих дарах — еде и лекарствах. Они не позволят вашим детям погибнуть от голода.

Зухайн наполовину обнажил кинжал:

— Если ты дорожишь своей жизнью, собака, не говори со мной подобным образом.

— Я трепещу, — насмешливо сказал Эмад, увеличившись в росте и почти сравнявшись размерами с центральным фонтаном в саду. — Торопись, старик, загадывай желание. Каким ты хочешь стать? Двадцатилетним? Пятнадцатилетним?

— Ты прав, я — старик, — ответил Зухайн, сдерживая гнев. — Мне недолго осталось жить, и было бы, конечно, неплохо еще раз вкусить сладкий мед молодости. Но что

такое жизнь по сравнению с вечностью? Семьдесят лет, которые ты мне предлагаешь, пролетят так же быстро, как те, что уже за плечами.

— А что, если я предложу тебе вечную жизнь?

— У меня нет желания навсегда захлопнуть перед собой врата в Рай.

— Ты глупец, ибн Зухайн, — сказал Эмад. — Так каково же твое последнее желание?

— Повелеваю тебе очистить мир от этих проклятых голубых кристаллов и вручить мне равный им по силе талисман.

Эмад помолчал, а когда заговорил вновь, его голос, казалось, стал глуше:

— Даже для тебя, владыки Большой долины, подобные притязания слишком...

— Исполни что велено! — крикнул Зухайн.

Затем он выхватил кинжал и метнул его в гигантский силуэт. Сверкнула вспышка, по небу рябью пробежала тень, и Эмад исчез.

Зухайн огляделся вокруг в поисках драгоценного камня, ради которого пожертвовал вечной юностью, и его плечи поникли, когда он понял, что его жестоко обманули. Никакого сокровища, никакого сверкающего талисмана, который помог бы его потомкам приоткрыть дверь в только что виденное им будущее. Похоже, он бы только выиграл, если бы обращался с Эмадом любезнее и осмотрительнее, но не таков владыка Большой долины.

Удрученный и разгневанный Зухайн уже собрался покинуть сад, но тут едва уловимое изменение в напеве струй высокого фонтана насторожило его. Зухайн обернулся, и глаза его сузились от ярости, когда он полностью оценил всю степень зловредности и коварства джинна-искусителя.

Чистая вода фонтана — последнее утешение на склоне лет — иссякла, а вместо нее струилась черная и зловонная маслянистая жидкость, уже начавшая уродовать окрестности.

Луна-палач*

— Проснись! — закричал Майк Тагитт хриплым от возбуждения голосом. — Компьютер утверждает, что впереди какая-то деревня!

Дэйв Сэдженер очнулся от легкой дремоты и, выпрямившись на левом сиденье «Модуля-5», посмотрел на передний экран. Их разведывательный катер на максимальной скорости скользил в метре от поверхности Коррилл IV, и пейзаж, куда ни кинь взгляд, оставался точно таким же, что и в предыдущие дни. В небе теснились разноцветные луны, а под ними, от горизонта до горизонта, простиралась плоская, покрытая снегом равнина, однообразная и безжизненная.

— У кого-то из вас сгорели провода, — заметил Сэдженер. — И скорее всего у тебя.

— Клянусь, Дэйв. Послушай сам! — Тагитт нажал на кнопку, и компьютер, который до того еле бормотал, чтобы Сэдженер мог выпасться, завопил во всю мочь.

— Получены нетипичные данные, — разорвался он. — Получены нетипичные данные.

— Повтори подробности, — приказал Тагитт, бросив на напарника торжествующий взгляд.

---

* Executioner's Moon.

© Перевод. Кириченко А.И., 2003.

— В пяти километрах отсюда находится глубокая, узкая долина, — возвестил компьютер. — Она тянется с севера на юг. Предварительный анализ атмосферы в этой местности указывает на присутствие растительности, а в пробах воздуха обнаружены очищенные металлы и остатки горючих веществ, свидетельствующие, что поблизости находится небольшая колония разумных существ, использующих примитивную технологию.

— Слушай мое слово, — быстро произнес Сэдженер кодовую фразу, открывающую доступ к Эзопу — центральному компьютеру «Сарафанда», корабля-матки. — Что нам делать дальше?

В ожидании ответа он бесстрастно посмотрел на младшего напарника, напустив на себя вид космического волка, давно утратившего способность удивляться. Но сердце его забилося часто и сильно...

Работа на Коррилл IV представляла определенные трудности для экипажа «Сарафанда», наблюдательного судна типа «Следопыт-Шесть», принадлежащего Картографической службе.

Стандартный порядок работ на других планетах был следующим: корабль-матка приземляется на южном полюсе, выгружает шесть исследовательских модулей, после чего, полностью управляемый компьютером, снова взлетает, описывает над планетой полуокружность и опускается уже на северном полюсе. Исследовательские модули проделывают тот же путь — обшаривают всю поверхность планеты и прилегающее пространство, постоянно передавая все сведения в центральный компьютер корабля-матки, а тот составляет полную карту ресурсов планеты.

Обычно на такой перелет кораблю требовался час, в то время как исследовательские команды тратили на облет по-

верхности много дней. Но на Коррилл IV осуществить стандартную процедуру оказалось невозможно, потому что планету окружала подвижная оболочка из вращающихся вокруг нее под различными углами сорока трех больших лун и приблизительно четырехсот маленьких естественных спутников.

«Сарафанд» потерял уйму времени в поисках подходящего «окна» — просвета в постоянно изменяющемся скоплении спутников, — чтобы приземлиться на южном полюсе и затем снова взлететь. Сейчас, когда изыскания были уже наполовину завершены, корабль находился на достаточно удаленной от планеты безопасной орбите, ожидая возможности приземлиться на северном полюсе и встретить там разведывательные модули.

За долгие годы, проведенные Сэдженером в Картографической службе, подобная ситуация возникала только однажды, и вот теперь приключился еще один столь же необычный случай. Служба посылала экспедиции на планеты, только если была уверена, что они необитаемы, и случаи, когда команды изыскателей сталкивались с признаками разумной жизни, были в самом деле очень редки.

— Господи, да как же можно выжить в этих местах? — пробормотал Сэдженер, трясясь так, словно ледяной ветер проникал даже сквозь защитный костюм, и задумчиво оглянулся на силуэт «Модуля-5», уже почти невидный в завихрениях сухого снега.

— Когда спустимся в долину, станет намного теплее, — отозвался Тагитт. — Эзоп утверждает, что там температура достигает пятнадцати градусов.

— Будем надеяться, что он прав. — Сэдженер двинулся к краю утеса, тянувшегося, насколько хватал глаз, с севера на юг. Он заглянул вниз и, хотя был подготовлен к тому, что увидел, все же невольно задохнулся от волнения, различив далеко в глубине яркую зелень. Долина словно яви-

лась из волшебной сказки — фантастический оазис сочной земли и тепла в ледяной пустыне.

— Если это и вправду те, кто выжил после аварии, как считает Эзоп, им чертовски повезло, что они забрели сюда до того, как превратились в снеговиков, — заметил Тагитт.

Сэдженер покачал головой:

— Вряд ли это случайность. Скорее всего они обнаружили эту долину еще из космоса и, наверное, использовали последние возможности управления, чтобы направить сюда корабль.

Сделав Тагитту знак идти следом, он двинулся вдоль утеса, пока не отыскал место, где склон был не таким отвесным, и начал осторожно спускаться. Всего лишь через несколько минут лед под ногами уже сменился голым камнем, затем появились трава и кустарник. Вскоре они почувствовали необходимость откинуть капюшоны парок и снять теплозащитные куртки.

— Если так пойдет и дальше, мы доберемся туда минут за двадцать или около того. — Сэдженер оглянулся на Тагитта и увидел, что тот вытащил из кобуры свой ультралазер. — К чему эта артиллерия? Ты что, нервничаешь?

— Надо быть готовым ко всему, — ответил Тагитт. — Помнится, на Хорта VII я наткнулся на роботов-убийц — и эти торпеды чуть не оторвали мне голову.

— Но здесь-то все по-другому, — покачал головой Сэдженер. — Я уверен, что, настрадавшись за столько лет на этом ледяном шаре, они встретят нас с распростертыми объятиями.

— Наверное, ты прав, — сказал Тагитт, убирая оружие обратно в кобуру. И едва он это сделал, как что-то чуть слышно свистнуло возле уха, и небольшой темный предмет размером с осу впился ему в шею. Он вскрикнул, прихлопнул его ладонью, а затем с чрезвычайно удивленным

видом осел на траву, как марионетка, у которой оборвались нитки.

— Это еще что!.. — Заметив в соседних зарослях движение, Сэдженер в бешенстве потянулся к своему ультра-лазеру, но тут что-то укусило его в руку. Он успел лишь разглядеть, что это крошечный дротик, как силы оставили его, и он повалился на косогор.

Через несколько секунд из кустов выскочила кучка бородатых мужчин.

Их было около десяти человек, одетых только в набедренные повязки, вооруженных духовыми трубками и копьями и разрисованных зелеными и желтыми полосами, делавшими их тела неразличимыми среди окружающей зелени. Бородачи молча окружили двух упавших мужчин.

— Как ты, Майк? — прошептал Сэдженер, обнаружив, что сохранил способность говорить, хотя не может двигаться ни рукой, ни ногой.

— Просто великолепно, — уныло отозвался Тагитт. — Встречен с распростертыми объятиями, как ты и обещал. В последний раз следую твоим советам...

— Молчите, дьявольские создания! — Один из дикарей, мускулистый и черноволосый, угрожающе поднял копье и шагнул к Тагитту.

— Не трогай его, Чак! — повелительно сказал другой, высокий и медноволосый. В отличие от остальных его лицо выражало напряженное любопытство.

— Ты что, свихнулся, Харлд? Ведь это именно то, о чем говорил нам король Гарадан. — Обличающим жестом Чак указал на Сэдженера и Тагитта. — Разве не предсказывал он, что бесы в человеческом обличье могут вторгнуться к нам в долину и уничтожить нас и наши семьи?

— Двое — это еще не вторжение. И как они могут уничтожить нас, если парализованы соком листьев карпалы? —

Харлд перевел взгляд на пленников, и удивление в его карих глазах возросло. — Они куда больше похожи на обычных людей, чем на...

Чак усмехнулся:

— Дьяволы будут хитры и притворятся людьми, чтобы усыпить нашу бдительность — так предостерегал нас король. Говорю тебе, мы должны убить монстров сейчас же.

Остальные одобрительно заворчали.

— Послушайте, — как можно миролюбивее начал Сэдженер, обращаясь в основном к человеку по имени Харлд. — Мы самые обычные люди, такие же, как и вы. Ведь мы даже говорим на одном языке. Мы так же, как и вы или, должно быть, ваши предки, прилетели в этот мир на космическом корабле...

— Ложь! — проревел Чак. — Все на свете говорят на одном языке, потому что другого не существует! Наш народ жил здесь с незапамятных времен, и как эти создания могли появиться с неба, если всеми лунами и звездами управляет король Гарадан? Дьяволы пытаются сбить нас с толку... Говорю, с ними надо покончить!

Несколько человек, подняв копыя, двинулись было вперед, но отступили, когда в центр круга прыгнул Харлд.

— Я ваш предводитель, мне и решать, что следует делать.

— Мы ждем твоего решения, о великий вожь! — насмешливо произнес чей-то голос.

— Я... — Харлд нерешительно глянул на Сэдженера и Тагитта. — Свяжите им руки. Мы отведем их к королю.

Двое охотников тут же вытащили из сумок на поясе ремни и, опустившись на колени, связали пленникам руки за спиной. Сэдженер обнаружил, что паралич постепенно проходит, но это открытие доставило ему мало удовольствия. Случившееся ясно доказывало, что небольшая колония существует довольно давно, может быть, сотни лет, и потомки

выживших после кораблекрушения на Коррилл IV, успев забыть о своем происхождении, впали в варварское состояние. И он не ждал ничего хорошего от встречи с Гараданом, этим так называемым королем, который, судя по всему, правил, опираясь на суеверия, страх и жестокость.

Охотники рывком поставили Сэдженера и Тагитта на ноги и, насмехаясь над тем, как они пошатываются и норовят упасть, ослабев от наркотического зелья, начали спускаться по склону. В узкой долине скоро наступило время сумерек, и разноцветные луны заметно переменили свое положение. Сэдженер против воли восхищался сверхъестественной красотой этого зрелища. Зеленая долина, на первый взгляд столь притягательная, теперь была полна опасности и дурных предчувствий.

— Одно хорошо, — прошептал Тагитт, поравнявшись с Сэдженером. — Они оставили нам ультралазеры... Не поняли, что это оружие.

— Сомневаюсь, что это нам поможет, — отозвался Сэдженер. — Типы, которые нас связывали, знают свое дело. У меня уже кисти онемели.

— Значит, мы вообще ничего не сможем сделать?

— Не падай духом! На всякий случай я захватил передатчик, так что Эзоп видит и слышит все, что с нами происходит.

— А ты уверен, что он работает? — Тагитт с сомнением взглянул на переговорное устройство в виде кнопки на отвороте куртки Сэдженера. — Эзоп-то молчит.

— Потому что он не настолько глуп, — ответил Сэдженер. — Мы не прожили бы и двух секунд, если бы эта компания услышала голос привидения! Не сомневайся, Эзоп знает, что здесь творится.

— Не вижу, в чем разница, — упрямо ответил Тагитт. — Из-за этих проклятых лун корабль здесь не посадишь, а если

он использует тяжелую артиллерию с орбиты, мы с тобой превратимся в пар.

— Надо доверять Эзопу. Так или иначе — он обязан прийти к нам на помощь. — Сэдженер постарался придать своему голосу побольше оптимизма, ибо не хотел показывать, что и ему нелегко свою собственную жизнь ставить в зависимость от изобретательности искусственного интеллекта, ныне такого далекого. В Картографической службе о подобных ситуациях болтали все кому не лень, вот только он никогда не думал, что и сам угодит в такой же переплет.

— Эзоп? Что это за Эзоп, о котором вы толкуете? — Пока они переговаривались, склонившись друг к другу на ходу, Харлд незаметно приблизился к Сэдженеру.

Тот почел за лучшее даже и не пытаться объяснить, что Эзоп — разумная машина.

— Это капитан нашего звездолета.

Харлд оглянулся, желая удостовериться, что его не подслушивают.

— Незадолго до смерти отец рассказал мне странную историю. По его словам, наш народ пришел в эту долину с корабля, который упал с неба. Он предупредил, чтобы я помалкивал об этом, а то король разгневется. Я уж и думать забыл о его словах, но вы сказали то же самое, и тогда я начал...

— Мы говорим правду, — прошептал Сэдженер. — Никакие мы не бесы. Мы люди и готовы помочь твоим братьям. Мы можем дать вам еду, одежду и лекарства, но сначала нам нужно вернуться на корабль.

Харлд покачал головой:

— Я не осмелюсь выступить против короля Гарадана. Он всевидящ и всемогущ.

— Он обыкновенный человек. Мы защитим тебя от него.

— Это не в ваших силах, — ответил Харлд. — Даже луны в небе подчиняются ему.

— Что ты имеешь в виду?

Харлд взглянул на узкую полоску неба.

— Если король прикажет зеленой луне пройти над нами, она так и сделает. Его власть и магия простираются до небес, и брось я ему вызов, он явит Кровавую луну. — И словно испугавшись того, что наговорил лишнего, Харлд покинул пленников и присоединился к своим товарищам.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Сэдженер у Тагитта.

— По-моему, здесь происходит то же, что и в примитивных обществах древности у нас на Земле, — ответил Тагитт. — Жрецы изучили азы астрономии и держат народ в страхе, угрожая вызвать затмение.

— Стало быть, этот чертов король довольно хорошо знает схему движения лун. Но что тут особенно впечатляющего? Другие тоже могут заметить повторяющиеся циклы траектории движения...

— В том-то и дело, Дэйв, — мрачно усмехнулся Тагитт. — Здесь нет никаких регулярных циклов. У этой планеты так много лун, что они постоянно сталкиваются друг с другом, и рисунок движения никогда не повторяется. Если этот Гарадан может предсказать ход здешних астрономических событий, то он гений. Впрочем, мне неприятно говорить о нем, Дэйв, но я скажу тебе кое о чем, что нравится мне еще меньше...

— Ну?

— Подлетая к этой системе, мы обнаружили, что одна из самых больших лун имеет на поверхности огромные запасы железных окислов, придающих ей густой красный цвет: Должно быть, это и есть та самая Кровавая луна, и у

меня странное предчувствие, что они выбрали это имя не только из поэтических соображений.

Поселок состоял из пяти десятков убогих глинобитных лачуг, двойной линией протянувшихся вдоль узкой долины. Мужчины, женщины и дети, сбегавшиеся поглазеть на плененных демонов, имели чрезвычайно голодный вид. Как только Сэдженер и Тагитт проходили мимо, люди присоединялись к толпе и шли следом. Вскоре процессия остановилась перед самым большим жилищем, которое даже в сгущающейся темноте сияло блеском отполированного металла.

— Это плиты корпуса корабля, — прошептал Тагитт. — Здесь, должно быть, живет Гарадан.

— И вот он выходит, чтобы лично поприветствовать нас, — подхватил Сэдженер, вглядываясь в человека средних лет, появившегося в дверях металлического здания. В отличие от своих подданных король Гарадан был одет в богато расшитую мантию, а в руках держал небольшую резную шкатулку, инкрустированную золотом и драгоценными камнями. Тело его выглядело пухлым и мягким, чего нельзя было сказать о глазах. Некоторое время он с холодной враждебностью рассматривал в упор Сэдженера и Тагитта, а затем повернулся к Харлду.

— Зачем ты привел их сюда? — спросил он. — Ведь я совершенно ясно указал, как поступать в подобных случаях. Ты должен был убить демонов сразу же, пока они не успели навредить моему народу.

Харлд глубоко вздохнул:

— Сир, они больше похожи на людей, чем на бесов.

— Это одна из дьявольских хитростей.

— Но если они так опасны и могущественны, зачем им подобные уловки? И почему нам удалось так легко захватить их, если...

— Молчать! — Лицо Гарадана побледнело от гнева. — Ты сомневаешься в моей божественной власти?

— Нет, сир. — Харлд оглянулся на толпу поселян. — Но урожай выдался таким скудным, что наши дети не переживут этой зимы, а незнакомцы обещали нам еду и одежды. Вот я и подумал, что, может быть, лучше...

— Не воображай, что знаешь больше своего короля! — Гарадан окинул ледяным взглядом своих подданных, которые начали перешептываться, услышав слова Харлда о еде и одежде. Опустив головы, они принялись неловко топтаться на месте.

— Не тревожьтесь, — обратился к ним Гарадан. — Боги разгневались, но не на вас. Божественная кара падет на Харлда, ибо он привел в деревню бесов и посеял сомнение в ваших умах.

Гарадан заглянул в свою инкрустированную шкатулку.

— В знак проявления своего гнева и в подтверждение моей божественной власти они шлют четыре белых луны, чей свет превратит ночь в день и укажет вам, что боги видят ваши сокровенные мысли и желают вам добра.

— Луны появятся... — Гарадан снова бросил взгляд на шкатулку, — ...сейчас!

Он простер руку в небеса над западной частью долины, и в тот же миг раздался общий вздох, ибо там появился белый сверкающий диск большой луны, затмевающий блеск трех остальных. Около минуты деревня была ярко освещена четырьмя движущимися спутниками, затем они пересекли видимую часть небосвода, и опять воцарилась тьма.

— Король всемогущ! — разрезал тишину вопль какой-то женщины. — Мы должны подчиниться ему и убить бесов!

— Только так вы сможете умиловить богов! — вскричал Гарадан голосом, сиплым от самодовольства. — Под-

готовьте их к казни! Я повелел Красной луне поспешить сюда, и как только ее свет падет на алтарь, бесы должны умереть.

Алтарь оказался плоским круглым камнем, закрывающим вход в металлический дворец Гарадана. Его окружили кольцом факелов, и их неровный свет трепетал на массивном обоюдоостром мече, ожидавшем, когда настанет его черед, на золоченой подставке. Сэдженера и Тагитта, связанных по рукам и ногам, положили в центре. Все население деревни в нетерпении сгрудилось вокруг алтаря.

— По крайней мере теперь ясно, как Гарадан это делает, — сказал Сэдженер своему напарнику. — Кто-то из его предков сохранил у себя маленький компьютер, и умение пользоваться им передавалось только членам семьи, чтобы держать других поселенцев в благоговейном страхе перед их так называемой божественной властью. Благодаря этой нехитрой уловке Гарадан и живет в роскоши, распоряжаясь сотнями жалких рабов.

— Я думаю, Харлд задел людей за живое, когда упомянул о еде и одежде, — заметил Тагитт. — Но надо отдать должное Гарадану. Он очень ловко использовал восход четырех белых лун.

— Меня больше волнует появление Красной луны. — Сэдженер предпринял очередную бесплодную попытку ослабить путы. — Как ты думаешь, сколько у нас еще времени?

— Почему я знаю? Часа два, наверное.

При мысли, что вся хваленая технологическая мощь Земли бессильна спасти их от рук жалкой кучки дикарей, в груди Сэдженера шевельнулся темный холодок.

— Слушай мое слово, Эзоп, — отрывисто произнес он в передатчик, вмонтированный в кнопку. Обращение ад-

ресовалось компьютеру на борту корабля. — Где ты? Что ты там делаешь?

— Здесь Эзоп ничего не может сделать, — с мрачным фатализмом сказал Тагитт. — Пройдет несколько дней, прежде чем ему удастся провести «Сарафанд» сквозь этот частокол из спутников, но к тому времени в посадке не будет никакой нужды.

— Он может приказать другим модулям изменить курс и поспешить нам на помощь.

— Да, но это ничего не изменит. Даже ближайший к нам модуль не успеет добраться сюда прежде, чем... — Конец фразы потонул в гуле восхищения.

Сэдженер повернул голову и увидел, как облаченный в мантию Гарадан торжественно выходит из дворца. По-прежнему держа в руках свою резную шкатулку с инкрустацией, он медленно направился к алтарю, и подданные благоговейно расступились, давая ему дорогу. В колеблющемся свете факелов лицо короля казалось неподвижным и почти нечеловеческим. Подойдя к плоскому камню, он ступил на него и повелительно поднял руку. Над толпой повисло молчание.

— Кровавая луна повинуетя моему приказу, — звнящим голосом провозгласил Гарадан. — Скоро она явится, чтобы лицезреть и освятить казнь бесовских созданий.

— Тебе это так не сойдет, Гарадан, — свирепствовал Сэдженер, тщетно пытаясь освободиться от пут. — Мы не одни на этой планете, и наши друзья уже спешат к нам... с мощным оружием.

— Демоны — мастера обмана и лживых уверток, — сказал Гарадан, поглядывая в шкатулку. — Но их уже ничто не спасет, ибо... — Он поднял правую руку и указал на западный край узкой полоски неба. — Я повелеваю Кровавой луне явиться... немедленно!

Страх приковал взгляд Сэдженера к западной стороне долины. Сердце его бешено колотилось в ожидании первых отблесков розового сияния, возвещающего о конце его жизни. И в самом центре этого водоворота ужаса и сожалений пульсировал один настойчивый вопрос: почему Эзоп даже не попытался помочь?

Причудливую сцену накрыла гнетущая тишина. Все взгляды были прикованы к указанной точке на небосводе.

С полминуты Сэдженер испытывал странное ощущение — словно время остановило свой бег, а потом постепенно осознал, что компьютер Гарадана, по всей видимости, слегка ошибся в расчетах. Красный спутник запаздывал. Деревенские жители беспокойно зашевелились.

Гарадан запустил руку в резную шкатулку, явно обследуя находящийся там компьютер.

— Красная луна появится! — снова крикнул он, но теперь в его голосе слышался панический оттенок. — Я, король Гарадан, приказываю ей!

Прошло еще несколько секунд, небо по-прежнему оставалось темным, а в толпе усилился неясный гул. Сэдженер ощутил слабые проблески надежды. Что-то нарушилось в работе компьютера, и в этом заключался их с Тагиттом шанс на спасение.

— Кровавая луна отказывается повиноваться, — извиваясь, выкрикнул он. — Боги обратились против Гарадана! Это знак, что они желают нашего освобождения!

— Замолчи! — проревел Гарадан. — И вы все тоже! Я ваш король, и я приказываю вам...

— Он просто обычный человек, — перебил его Сэдженер, надрываясь, чтобы перекрыть нарастающий ропот толпы. — Он обманом заставляет вас служить ему, а ваши дети мерзнут и голодают. Не позволяйте больше себя дурачить! Это ваш шанс...

Голос Сэдженера увял при виде того, как Гарадан, рыча от бешенства, отшвырнул свою шкатулку и бросился к подставке, на которой покоился ритуальный меч. Схватив его, он повернулся к Сэдженеру и занес сверкающее лезвие над головой пленника. Описав дугу, клинок начал опускаться вниз, и тут у края алтаря возникло какое-то движение. Охотничье копьё просвистело в воздухе и пронзило грудь Гарадана. Король рухнул на спину, судорожно дернулся и затих, а какой-то охотник вскочил на плоский камень и поднял руку, призывая к тишине столпившихся односельчан. Сэдженер узнал медные волосы Харлда.

— Слушайте все! — загремел Харлд. — Я убил Гарадана, и боги пальцем не пошевелили, чтобы помочь ему, значит, пришельцы не лгали, и он был всего лишь обыкновенным человеком. Я уверен, что и они — обыкновенные люди, а не бесы, и еще я уверен, что они могут сделать нам много добра. Давайте хотя бы выслушаем, что они скажут, и если вы сами не убедитесь в правдивости их слов, можете предать мечу и пришельцев, и меня.

В наступившей тишине Сэдженер услышал, как рядом заворочался Майк Тагитт.

— Ты всегда любил поговорить, — сказал он дрожащим от облегчения голосом. — Теперь настал твой час — подмости полностью в твоём распоряжении.

На следующий день рано утром, распростившись на время с жителями деревни, Сэдженер и Тагитт начали свое долгое восхождение. Они собирались вернуться в модуль и дожидаться там остальных поисковых экипажей, а возможно, и приземления «Сарафанда». Потом предстояла обширная работа по налаживанию нормальной жизни в потерянной колонии — воссоединение с современным человечеством дол-

жно было увенчаться конечным возвращением ее жителей на Землю.

— Это самое счастливое избавление, какое только возможно, — радовался Тагитт. — А представь, что компьютер Гарадана не дал бы сбой — ведь мы бы уже были покойниками!

— Не напоминай мне об этом, — ответил Сэдженер. — Да уж, помог нам Эзоп, ничего не скажешь! Вот вернусь на корабль, возьму молоток и оставлю несколько вмятин в его блоках памяти!

— Советую вам не портить казенного имущества, Дэвид. — Голос, звучавший из переговорного устройства на лацкане Сэдженера, несомненно, принадлежал Эзопу.

— А-а-а, значит, ты все-таки функционируешь, Эзоп! — съехидничал Сэдженер. — А я уж было решил, что у тебя короткое замыкание.

— Моя система невосприимчива к такого рода неисправностям, — педантично отметил Эзоп. — Я не мог связаться с вами, пока жители деревни находились в пределах слышимости. Как вы верно предположили, это бы излишне взволновало их.

Сэдженер фыркнул в знак своего неудовольствия:

— Зато, знаешь ли, излишне поволновались мы с Майком. Если бы компьютер Гарадана не ошибся...

— Компьютер работал превосходно, — прервал его Эзоп. — Это TCM-84C — тип, который широко использовался на переселенческих кораблях в прошлом веке, но до сих пор известен своей исключительной надежностью. Могу также добавить, что Гарадан отлично его программировал — у него к этому был врожденный талант.

— Но... — Сэдженер пытался осмыслить услышанное. — Отчего же он неверно рассчитал траекторию Красной луны?

— Элементарное отсутствие исходных данных, — бесстрастно, как и прежде, пояснил Эзоп. — Гарадан не мог

знать, что я решил дискредитировать его в глазах последователей, чтобы спасти вашу жизнь и жизнь Майкла.

— Дискредитировать его? Как?

— Я перехватил Красную луну на дальней точке ее орбиты и дал по ней залп из всех наших антиметеоритных орудий... — Эзоп продолжал так буднично, словно речь шла о починке кофемолки. — Разумеется, она отклонилась от своей траектории совсем незначительно, но по мере движения отклонение нарастало, и этого оказалось достаточно, чтобы луну не заметили со дна долины.

— Господи! — Тагитт так и замер с открытым от удивления ртом.

— То есть ты хочешь сказать, — продолжал Сэдженер, — что просто столкнул ее с орбиты?

Ошеломленный гигантским размахом этого замысла Сэдженер в который раз подумал о пропасти, разделяющей его собственный, человеческий способ мышления и интеллект машины. Человеческое существо сочло бы кощунственным изменить ход небесных светил для собственных нужд, но Эзоп действовал как чистый разум, лишенный всяких эмоций. Для него это было всего лишь небольшое упражнение в логике.

— Лобовой подход к проблеме часто является наиболее эффективным, — сказал Эзоп. — Вы согласны, Дэвид?

— О, полностью, — беззаботно ответил Сэдженер, пытаясь вернуть себе прежнее спокойствие.

И не будь голос компьютера абсолютно бесстрастным, таким же, как и всегда, Сэдженер задумался бы: а не подшучивает ли над ними Эзоп? Да и возможно ли, чтобы компьютер обладал чувством юмора?

Некоторое время Сэдженер размышлял над этим, а затем покачал головой и, вздохнув, продолжил восхождение к далеким снежным полям, что, сверкая на солнце, растлались в вышине.

Нестабильный две тысячи первый*

Лестер Перри мрачно уставился на торговый автомат, плюющий в пластиковую чашку темно-коричневой жидкостью. Вот уже почти месяц чашка кофе стабильно стоила восемь долларов, и он уже надеялся, что цена еще долго останется неизменной. Но не тут-то было.

Пригубив напиток, Перри скорчил рожу и в сердцах воскликнул:

— Десятка за чашку! А кофе-то мерзкий, да еще и холодный!

Его личный пилот Бойд Данхилл, пожав плечами, углубился в изучение своего форменного кителя и, лишь убедившись, что все золотые шнуры не потревожены небрежным движением, равнодушно пробормотал:

— Ничего удивительного. Когда на прошлой неделе начальство аэропорта отклонило требование ремонтников кофейных автоматов о повышении зарплаты, их профсоюз, естественно, призвал к проведению итальянской забастовки, и цены на кофе немедленно подскочили.

— Но ведь всего месяц назад цена на чашку кофе поднялась с четырех с половиной долларов до восьми, и зарплату ремонтников тогда увеличили на сто процентов.

---

* Deflation 2001.

© Перевод. Жаворонков А., 2003.

— Они требовали двухсотпроцентного повышения.

— Да ребенку ясно, что администрация просто не в состоянии увеличить им зарплату втрое!

— Почему бы и нет? Добились же ремонтники шоколадных автоматов трехкратного увеличения зарплаты.

— Добились ли? — Перри недоверчиво покачал головой. — Об этом что, по ящику сказали?

— Телепередачи не транслируются уже третий месяц, — напомнил пилот. — Требования телевизионных техников о минимальной заработной плате в два миллиона в год по-прежнему не удовлетворены.

Перри с отвращением допил коричневую бурду и, выбросив чашку в урну, спросил:

— Мой самолет готов?

— Уже четыре часа как готов.

— Так чего же мы ждем?

— Соглашением профсоюза механиков легкой авиации с администрацией аэродрома минимальный срок выполнения предполетных работ увеличен до восьми часов.

— Восемь часов на замену щетки стеклоочистителя?! — Перри ошеломленно хихикнул. — Ничего не скажешь, продуктивная работа!

— На нашем аэродроме гарантированный государством минимальный срок предполетных работ всего лишь удвоен.

— Хорош закон! Значит, при сохранении почасовой оплаты по нему можно тратить на получасовую работу треть суток, а на... — Заметив на лице пилота мрачное выражение, Перри поспешно умолк.

Плохое настроение Бойда было легко объяснимо. Между ассоциацией нанимателей и профсоюзом пилотов частных двухмоторных самолетов разгорелся очередной конфликт. Наниматели предлагали пилотам семидесятипятипроцентную прибавку к жалованью, а те в свою очередь требовали сто пятьдесят процентов плюс премиальные за дальность поле-

тов, и в обозримом будущем разрешения конфликта не предвиделось.

Они помолчали, думая каждый о своем. Наконец Перри сказал:

— Распорядись, пожалуйста, чтобы носильщик отнес мой чемодан в самолет.

Данхилл покачал головой:

— Носильщики бастуют с прошлой недели, так что вам придется надрываться самому.

— А им-то чего нужно?

— Они возмущаются, что в наши дни слишком многие носят свой багаж сами.

— Н-да.

С тяжеленным чемоданом в руке Перри пересек бетонную площадку, поднялся по трапу на борт самолета и, усевшись в одно из пяти пассажирских кресел, аккуратно пристегнулся. Желая скоротать время в полете, он решил полистать журнальчик поцветастей, но журнальный столик оказался пуст, и Перри с горечью вспомнил, что из-за забастовки полиграфистов вот уже вторую неделю ничего не издается.

Авиадиспетчеры с кем-то горячо торговались, от чего приготовления к взлету чрезвычайно затянулись. Наконец самолет вырулил на взлетную полосу и поднялся в небо, а Перри погрузился в тяжелую дремоту.

Разбудил его резкий порыв обжигающе холодного ветра. Открыв глаза, он вздрогнул. У распахнутого люка стоял Данхилл, его смятую униформу стягивали парашютные ремни.

— Что?.. Что стряслось? — воскликнул Перри. — Пожар?

— Нет, — подчеркнуто официально сообщил пилот. — Просто я бастую.

— Ты шутишь.

— Отнюдь. Только что поступила радиограмма: отвергнув справедливые требования профсоюза пилотов частных двухмоторных самолетов с низкой посадкой крыльев, наниматели покинули стол переговоров. Заручившись поддержкой независимых профсоюзов пилотов одномоторных самолетов с низкой посадкой крыльев и двухмоторных самолетов с высокой, наш профсоюз отдал всем своим членам распоряжение о прекращении работы ровно в полночь. То есть приблизительно через тридцать секунд.

— Но Бойд!.. Что же будет со мной? У меня же нет парашюта!

На лице пилота появилось выражение угрюмой решимости.

— С какой стати мне за вас беспокоиться? Вам же было плевать на меня, когда я добивался жалких трех миллионов в год.

— Ну ладно, я был эгоистом. — Отстегнув ремни, Перри встал. — Не прыгай, Бойд, я удвою твою зарплату.

— Наш союз требует большего, — нетерпеливо бросил Данхилл.

— Хорошо, я ее утрою! Бойд...

— Оставьте ваши щедрые посулы при себе. Я не нарушу профсоюзной солидарности. — С этими словами Данхилл повернулся и сиганул в ревущую тьму.

Проводив его взглядом, Перри закрыл крышку люка и побрел к пилотской кабине. Самолет шел на автопилоте. Перри плюхнулся в левое кресло и вгляделся в приборную доску. Мысли его перенеслись в далекое прошлое, когда он служил военным летчиком во Вьетнаме.

Конечно, его самостоятельное приземление вызовет недовольство профсоюза, но умирать он тоже не собирался. Лестер отключил автопилот и решительно взялся за штурвал.

* * *

Пролетев несколько тысяч футов, Данхилл дернул кольцо. Тряхнуло его гораздо слабее, чем он ожидал. Секунды две он падал почти с прежней скоростью, а когда задрал голову, его глазам вместо туго натянутого купола предстал развевающийся пучок разноцветных нейлоновых лоскутков.

Слишком поздно он вспомнил, что профсоюз укладчиков парашютов, не добившийся увеличения оплачиваемых ежеквартальных отпусков, угрожал подрывной деятельностью.

— Коммунисты проклятые! — запоздало завопил он. — Грязные красные анархисты! Сволочи пога-а-а!..

Голос его потонул в реве ветра.

Тень крыльев*

В один прекрасный день маг по имени Дардаш, еще относительно молодой — ему исполнилось сто три года, — решил удалиться от мира.

Он выбрал островок неподалеку от побережья Колданы и построил там небольшой, но уютный домик, снаружи похожий на иссеченный ветрами каменный пик. Свое жилище он оборудовал всем необходимым для жизни, а потом перевез туда все свое достояние, в том числе и наиболее ценную его часть: двенадцать увесистых свитков в герметических цилиндрах из промасленной кожи, скрепленной серебряной проволокой. Новый дом Дардаш окружил особыми магическими завесами и в завершение, как бы для того, чтобы его уединение было действительно полным, сделал весь остров невидимым.

Маг, как было сказано, решил, что покончил с миром. Но мир был далек от того, чтобы покончить с Дардашем...

Стояло чудесное весеннее утро, одно из тех, когда мир кажется сотворенным заново. На востоке, там, где солнечные лучи касались песчаных откосов, земля мерцала, как расплавленное золото, украшенное белым пламенем, а голубая необъятность моря, уходящая за горизонт и почти гра-

---

* Shadow of Wings.

© Перевод. Кириченко А.И., 2003.

ничающая с пустотой, словно подвергала сомнению всю человеческую историю: Минойский Крит, и Египет, и Шумер будто никогда не существовали или исчезли так же бесследно, как их предшественницы — древние цивилизации, основанные на магии. Казалось, в мире царит один лишь ветер, поющий песню новых начал.

Дардаш медленно брел вдоль берега своего островка, вспоминая ту пору, когда такое вот утро наполняло его мучительным и радостным томлением. Увы, эти времена давно миновали.

Как всякому магу, Дардашу не составляло труда сохранять свое тело сильным и здоровым, однако ум его был стар и развращен сомнением. Когда двенадцать свитков впервые попали к нему в руки, он сразу догадался, что они содержат заклинания, записанные в незапамятные времена расцвета магии, и с пугающей ясностью понял, что судьба уготовила ему стать величайшим волхвом, который когда-либо жил на свете. Это случилось почти два десятка лет назад, а сейчас он уже растерял значительную часть своей уверенности и — хотя сам он редко себе в этом признавался — все чаще стал поддаваться отчаянию — и все из-за единственного, сводящего с ума, неразрешимого вопроса.

Погруженный в свои унылые мысли, не замечая окружающей его красоты, Дардаш дошел до северо-восточной оконечности своих владений и уже решил повернуть на юг, когда его внимание привлекло белое пятнышко, блеснувшее на дальнем берегу за полоской воды, отделяющей его остров от материка. Здешнее побережье Колданы каменисто, в таких местах обычно селятся чайки, но предмет, замеченный Дардашем, не был птицей, а напоминал скорее человека в белом одеянии, хотя путешественники редко забирались в эти края. Несколько мгновений Дардаш вглядывался в сверкающее пятнышко, пытаясь рас-

смотреть его получше, но даже острое зрение мага было не в силах пробиться сквозь легкую дымку, вызванную окутывающим островок невидимым экраном.

Он пожал плечами и вернулся к более важным размышлениям. Дардаш изъездил мир вдоль и поперек, говорил на всех основных языках и знал все виды письменности, которые только существовали. Заклинания двенадцати свитков были изложены на Древнем Языке, и на первый взгляд это не создавало особых затруднений, тем более для того, кто привык разбирать всевозможные странные надписи. Несколько месяцев, возможно, даже несколько лет кропотливой работы, и тайна старых рукописей, несомненно, будет раскрыта, и тогда он получит возможность осуществить свою изначальную мечту — стать бессмертным и обрести всю фантастическую мощь колдунов минувшей эпохи грез.

Но сделать это Дардашу не позволял пробел в десять тысяч лет.

Древняя цивилизация, основанная на магии, столь могущественная в дни, когда мана растекалась повсюду в изобилии, оказалась колоссом на глиняных ногах. Как только необходимое для магии вещество исчезло с лица земли, рассыпалась и обратилась в ничто и сама цивилизация.

От тех времен сохранились лишь несколько реликвий, и те из них, что Дардаш видел или думал, что видел, совершенно не отвечали направлению его поисков. Ему необходим был ключ к Древнему Языку, и пока он оставался ненайденным, Дардаш не мог полностью развить свои способности.

Похоже, двери судьбы останутся навсегда закрытыми для него, а ведь существуют места, где опять начала аккумулироваться мана. Это обстоятельство и стало основной причиной ухода Дардаша от внешней суеты. Он предпочел посвятить все свое время, всю энергию своего ума, всю

свою образованность одной сверхважной задаче — разрешить загадку заклинаний.

Поглощенный ею, Дардаш под охраной своей магической защиты, казалось, забыл обо всем остальном мире, но в это утро он ощущал какое-то странное беспокойство и рассеянность, а его ум обнаруживал досадную склонность к погоне за совершенно не относящимися к делу тривиальными мелочами. Добравшись до южной оконечности острова, где располагался его дом, маг опять невольно принялся гадать, кто или что привлекло его внимание на противоположном берегу.

Поддавшись внезапному порыву, он бросил взгляд на восток и увидел, что загадочная белая пылинка все еще маячит на водной глади. Дардаш нахмурился, а затем признался себе, что ум его не успокоится, пока не будет решена эта маленькая тайна.

Поморщившись от собственной глупости, он вошел в дом и по каменной лестнице взобрался на верхний балкон. Только вчера он использовал подзорную маску, чтобы рассмотреть корабль, который ненадолго появился на горизонте, и она все еще лежала на низкой скамье, похожая на отрубленную голову гигантского орла. Дардаш прижал маску к лицу и повернулся в сторону материка. Поскольку подзорная маска действовала по магическому, а не оптическому принципу, ее не требовалось настраивать или фокусировать, и Дардаш немедленно увидел загадочный предмет так, словно смотрел на него с расстояния нескольких шагов.

Молодая женщина была, наверное, самой прекрасной из всех, что он когда-либо встречал. По виду ее следовало причислить к аморитянам — у нее были пышные черные волосы и гладкая красно-коричневая кожа, свойственные этому племени, а ее лицо — чувственное и волевое, с темными глазами и полными губами, великодушное, но тре-

бовательное — было лицом той совершенной возлюбленной, которую все мужчины помнят по своим грезам, но лишь немногие стремятся иметь в действительности. Дардаш наблюдал, как девушка, стоя по лодыжки в воде в узкой бухте, расстегнула свой белый льняной хитон, отбросила его на песок и окунулась в волны.

Ее движения были томными и грациозными, словно танец, исполняемый лишь для него. У Дардаша пересохло во рту, когда он рассмотрел каждую интимную деталь ее тела, следуя взглядом за ручейками стекающей воды — от роскошной груди до упругого живота и стройных бедер.

Дардаш даже не представлял себе, долго ли длилось его купание. Он пребывал в безвременном, похожем на транс состоянии до тех пор, пока девушка не вышла из воды, не оделась и не исчезла в каменных нагромождениях, образующих естественный барьер между морем и сушей. И лишь когда она пропала из виду, маг вышел из оцепенения. Он снял орлиную маску, и знакомые маленские владения показались ему странно холодными и невеселыми.

Спустившись в кабинет, Дардаш внезапно понял причину своего недавнего дурного настроения, своей раздражительности и рассеянности. Желание посвятить свою жизнь разгадке заклинаний целиком исходило от ума, но сам-то он был существом сложным — амальгамой ума и тела, — и физическая сторона его природы бунтовала. Конечно, он мог бы захватить парочку девушек из прибрежных селений, когда обустроивал свое убежище, и они бы только сочли за честь прислуживать ему в обмен на несколько основных магических приемов, но Дардаша одолевало тягостное чувство, что время для подобных соглашений прошло. Даже самые юные из местных женщин, как правило, быстро увядали, измученные тяжелой рабо-

той, и, кроме того, он только что увидел ту, единственную, которую истинно возжелал себе в подруги.

Но кто она? Откуда она пришла и куда направляется?

Этот вопрос тревожил Дардаша весь оставшийся день, отвлекая от бесконечных попыток установить связь между графическим видом заклинаний и сложными абстракциями, составляющими их суть. Торговые караваны обычно избирали более долгий прибрежный маршрут между столицей Колданы и северными землями, значит, маловероятно, что она дочь или наложница богатого торговца. Какие еще могут быть предположения? Только в сказках принцессы и всякие высокородные девицы отправлялись по миру в поисках знания. Примирившись с фактом, что все эти рассуждения бесплодны, Дардаш закончил работу уже за полночь, но, несмотря на усталость, никак не мог уснуть. Всякий раз его покой нарушали видения неизвестной женщины, и он просыпался, чувствуя на своих губах прикосновение ее уст, которое, исчезая, оставляло ощущение утраты, все более сильное и настойчивое.

Во многом его настроение определяла уверенность, что счастливый случай выпадает только однажды и наказанием за бездействие служит вечное сожаление. В результате, почти утратив веру в особую благосклонность богов, на следующее утро Дардаш отправился на восточную границу своего острова и снова увидел мелькающее на том берегу белое пятнышко. На этот раз зрение было дополнено памятью, и ему не составило труда истолковывать ленивые передвижения и изменения формы туманного пятнышка. Она была здесь. Она раздевалась, сбрасывая покровы с роскошного тела, и прихорашивалась, готовясь принять ласки моря.

Дардаш задержался ровно настолько, сколько требуется, чтобы скинуть сандалии. Он вошел в прозрачную воду

и сильными и экономными гребками поплыл к материку. Расстояние до берега быстро сокращалось. Едва он миновал границу невидимого экрана, защищавшего его остров, очертания женщины обрели четкость, и Дардаш подумал, что с этой минуты и она может его видеть. Впрочем, девушка, очевидно, была слишком увлечена купанием.

Она не замечала его присутствия до тех пор, пока Дардаш не почувствовал под руками гальку и не встал на ноги по колено в воде. Его полуголое тело внезапно возникло чуть ли не у самого берега, и девушка застыла, полурасстегнув хитон, слегка обнаживший ее груди, и бросила на мага взгляд, выражавший удивление и гнев, но лишенный всякого намека на страх.

— Я полагала, что одна здесь, — холодно произнесла она. Ее прекрасное лицо светилось надменным недовольством. — И вдруг в море не протолкнуться.

— Отчего же, — возразил Дардаш, пытаясь улыбкой завоевать ее расположение. — Нас здесь только двое.

— Скоро ты останешься в одиночестве.

Повернувшись, девушка подхватила свою плетеную сумочку и пошла прочь по направлению к узкому выходу из бухты. Солнце просвечивало сквозь тонкую ткань одежды, обрисовывая ее тело.

— Подожди! — крикнул Дардаш, решив, что вызов может быть наиболее действенным способом привлечь ее внимание. — Ты ведь не боишься меня?

Девушка едва заметно вскинула голову, но не остановилась. Подгоняемый нетерпением Дардаш широкими шагами устремился за ней, убежденный, что если упустит и этот случай, то ему уже никогда не видать покоя по ночам. Он почти догнал женщину и уже ощущал аромат ее распущенных черных волос, когда его охватило предчувствие близкой опасности. Дардаш остановился, собравшись ныр-

нуть в глубокую расщелину слева, но застонал, поняв, что опоздал.

В воздухе стрелою просвистел сплетенный из кожи бич и обвил его руки чуть выше локтей. Дардаш крутанулся на месте, намереваясь еще больше обернуть бич вокруг своего тела и вырвать оружие из рук нападающего, но усталость после долгого заплыва, слепящий блеск доспехов и тяжесть противника подкосили его, и он рухнул наземь. Тут же другой воин обрушился на мага сверху, и он почувствовал, как ремень затягивается вокруг его запястий и лодыжек. Не успело сердце стукнуть трижды, как Дардаш оказался неподвижным, беспомощным и вне себя от гнева от того, что позволил так легко заманить себя в ловушку.

Прищуriv глаза, он посмотрел на своих похитителей. Их было четверо, все в конических шлемах и кожаных панцирях с металлическими заклепками. Они мало походили на солдат, но их одинаковая одежда и вооружение говорили о том, что они состоят на службе у важной особы. К ним присоединился пятый человек — женщина, и Дардаш отвернулся, чтобы не видеть ее презрительного лица. Впрочем, сейчас его ум был занят вопросом, кто именно задумал это подлое нападение. В прежние годы у Дардаша было много врагов, но большинство из них давным-давно умерли, а в последнее время он так усердно занимался своими заклинаниями, что едва ли имел возможность навлечь на себя гнев действительно опасного противника.

— Назови мне имя своего хозяина, — спокойно проговорил он. Несмотря на свою полную беспомощность, Дардаш хотел показать, что его не волнует собственная безопасность, ибо он держит про запас страшную магическую силу. На самом деле большинство магических приемов требуют длительной и кропотливой подготовки, и эти головорезы легко могли покончить с ним в любой момент.

— Ты скоро его узнаешь, — бросил самый высокий из похитителей, обросший рыжей щетиной и с ноздрей, изуродованной старой раной, от которой на лице остался диагональный шрам.

— Он не заслуживает твоей верности, — сказал Дардаш, пытаясь использовать любую возможность. — Повинуясь его приказам, ты подвергаешь себя ужасной опасности.

Рыжебородый хладнокровно рассмеялся.

— Должно быть, я смелее, чем сам предполагал, ибо не чувствую совершенно никакого страха.

«Ты еще почувствуешь его, — пообещал про себя Дардаш. — Если я останусь жив». Печальная мысль о том, что этот день может оказаться последним в его жизни, заставила мага погрузиться в задумчивое молчание. Тем временем бандиты притащили из тайного укрытия деревянные носилки, не слишком любезно вкатили на них Дардаша и понесли его по пологому откосу на равнину, занимавшую большую часть Колданы. Женщина, уже переодевшаяся в более будничную одежду — полностью закрытый бурнус, — указывала путь. Дардаш по-прежнему мучился догадками, с какой целью его захватили, не зная, радоваться или огорчаться тому, что его похитители не закололи его сразу, как только им представился случай. Возможно, их хозяин — старый враг, который желает лично расправиться с Дардашем.

Когда отряд выбрался на равнину, Дардаш вытянул шею, надеясь понять, на чем его собираются везти дальше, но вместо этого увидел в нескольких шагах от себя квадратный шатер, расположенный так, чтобы его нельзя было разглядеть с острова. Шатер поддерживали золоченые столбы, а чуть поодаль щипали чахлую травку дюжина лошадей и вьючных животных. Было ясно, что это временный лагерь какой-то важной особы из тех, кто никогда не

пускается в дальний путь без привычных роскошных излишеств, и Дардаш понял, что теперь ему недолго осталось пребывать в неведении относительно собственной судьбы. Он откинулся на спину и напустил на себя безразличный вид.

Женщина побежала вперед, вероятно, затем, чтобы предупредить о прибытии, и когда вся процессия подошла к шатру, придержала занавеску у входа. Воины внесли Дардаша в лимонную тень шатра, опустили носилки на пол и, не говоря ни слова, вышли, задернув за собой полог. Когда глаза Дардаша привыкли к полумраку, он обнаружил, что находится в обществе пухленького человечка с пышными усами и гладкой, ухоженной кожей, умащенной, как у молодой наложницы. Он был облачен в дорогие шелка, и Дардаш с мгновенно вспыхнувшей надеждой заметил, что на его темно-голубой тунике вытканы астрологические символы. По опыту он знал, что астрологи редко бывают склонны к насилию — разумеется, исключая тех, чьи предсказания не сбываются, — и был совершенно уверен, что никогда не вставал у них на пути.

— Я Уртарра, придворный астролог короля Маркурардеса, — представился человечек. — Сожалею, что пришлось доставить тебя сюда таким хитрым способом, но...

— Хитрым! — Дардаш презрительно фыркнул. — Простейшая из всех детских уловок, которые когда-либо изобретали!

— Тем не менее она сработала. — Уртарра сделал паузу, чтобы посмотреть, какое впечатление произвели его слова. — Надеюсь, это не значит, что ты тоже прост и ребячлив, поскольку в таком случае ты не сможешь выполнить задачу, которую я хочу тебе поручить.

— Ты узнаешь, насколько я ребячлив, — пообещал Дардаш, гнев которого нарастал вместе с уверенностью, что

его не собираются убивать. — Ты много обо мне узнаешь, как только я освобожусь от пут.

Уртарра покачал головой.

— Я уже узнал все, что мне требовалось. И я не настолько глуп, чтобы освобождать тебя, пока ты не услышишь мое предложение и не согласишься работать на меня. — Он оглядел крепкое тело Дардаша. — На вид ты вполне способен постоять за себя и без помощи магии.

Дардаш чуть не задохнулся от возмущения — слишком уж самонадеян был этот изнеженный астролог.

— Не знаю, какие жалкие желания ты возымел, но могу заявить одно — я никогда и ни за что не стану служить тебе.

— Станешь! — Уртарра, казалось, забавлялся, поправляя под собой подушки. — Дело в том, что я обладаю необычными способностями, которые в известном смысле родственны твоим собственным. Я провидец. У меня есть дар приоткрывать завесу времени и узнавать отдельные детали из того, что уготовано нам в будущем, и я видел нас двоих, совершающих совместное путешествие.

— Провидец? — Дардаш взглянул на астральные символы, украшающие одежду Уртарры. — Стало быть, ты из тех, кто носит с абакой и аastroлябией, как...

— Это свойственно не мне, а молодому королю Маркурадесу. Он не верит ни в какие формы магии — даже в ту скромную ее разновидность, которой владею я. Он философ, а философы, как ты сам понимаешь, верят в оросительные системы больше, чем в заклинания погоды, а в броню — больше, чем в амулеты. Я бы не удержался при его дворе, если бы применял свои силы явно, и вынужден притворяться, что мои предсказания основаны на науке астрологии. Я не имею ничего против астрологии, кроме одного: ей не хватает... хм... точности.

— То есть того же, чего и твоему собственному провидению, — с нажимом произнес Дардаш. — Я не собираюсь ни служить тебе, ни путешествовать с тобой... и все же мне любопытно, что за тяжелую задачу ты для меня выдумал? Что-нибудь невообразимо банальное? Приготовление любовного зелья или превращение полезного свинца в бесполезное золото?

— Нет-нет. Кое-что гораздо более подходящее для такого мага, как ты. — Уртарра остановился, чтобы глянуть Дардашу в лицо, а когда заговорил опять, голос его прозвучал тихо и серьезно. — Я хочу, чтобы ты убил короля Маркурадеса.

Первым инстинктивным побуждением Дардаша была попытка освободиться от пут. Он извивался и корчился на подстилке, стараясь развязать или сбросить ремни, но те оказались прочными и умело завязанными, и здесь не могла помочь даже его необычная сила. В конце концов он только вспотел и застыл неподвижно, устремив взор на крышу шатра.

— Зачем изнурять себя? — внушительно произнес Уртарра. — Разве для тебя так много значит жизнь короля?

— Я беспокоюсь о своей собственной жизни, — ответил Дардаш. Его в самом деле не заботили звания и титулы — князь в его глазах стоял ничуть не выше горшечника, но король Маркурадес являл собой редкое исключение: это был правитель, чьи дела вызывали всеобщее восхищение. За пять лет, прошедшие с тех пор, как он взошел на трон Колданы, Маркурадес сделал безопасными границы страны, расширил торговлю и лично приложил немало усилий для развития сельского хозяйства и ремесел. Его правление несло с собой благосостояние и спокойствие, и подданные платили ему всеобщей преданностью и любовью,

которую испытывали к монарху все, начиная от высших сановников и кончая последним крестьянином. Потому Дардаш считал, что трудно выдумать нечто более глупое и нелепое, чем убийство такого короля.

— Разумеется, обыкновенный человек не в силах выполнить задание и при этом остаться в живых, — заметил Уртарра, в точности угадывая мысли Дардаша, — но ты не обыкновенный человек...

— ...и к тому же не падкий на лесть. Почему ты хочешь, чтобы король умер? Ты сговорился с его наследниками?

— Я действую лишь ради себя... и ради народа Колданы. Позволь мне показать тебе кое-что.

Уртарра поднял руку, и по ткани шатра побежала рябь, но вовсе не от морского ветра. Затем стена, казалось, растворилась в тумане, и сквозь мерцающие завихрения Дардаш увидел прямую и величественную фигуру молодого короля, стоящего на колеснице, которая двигалась по городским улицам. Со всех сторон его окружали рукоплещущие толпы, матери поднимали детей повыше, чтобы те лучше разглядели правителя, а девушки устилали путь колесницы цветами.

— Таков Маркурадес сейчас, — пробормотал Уртарра. — Но давай заглянем вперед и посмотрим, каким курсом следует он по реке времени.

Магические образы возникали и блекли, сжимая время в стремительной смене картин, и Дардаш видел, как король становится старше и как с течением лет изменяется выражение его лица. Все плотнее сжимаются губы, все холоднее становится взгляд, и постепенно меняется королевская процессия. Вот уже позади него маршируют полчища солдат, лошади тянут военные машины. Толпы, выстроившиеся по обочинам, по-прежнему рукоплещут и приветствуют его кри-

ками, но очень мало среди них детей и девушек, и зрители одеты заметно беднее, а лица их истощены.

Предвидение, которое разворачивалось перед Дардашем, являло собой нечто большее, чем просто череду образов. Знание и догадка слились для него в беззвучный шепот, и Дардаш понял, что король, развращенный собственной силой и амбициями, становится все более и более жестоким и безрассудным. Вот он поднял армии и захватывает соседние страны, увеличивая тем самым свою военную мощь. Вот он уже отвернулся от всех своих просветительских реформ и проектов мирного строительства. В конце концов Маркурадес попытался увеличить свои владения в тысячу раз, ввергнув весь материк в горнило жутких войн и катастроф, завершившихся полным уничтожением его народа.

Когда поблекло последнее ужасное видение и стена шатра вновь превратилась в обычный медленно колышущийся прямоугольник ткани, Дардаш с невольным уважением посмотрел на Уртарру.

— Ты действительно провидец, — сказал он. — У тебя есть дар, которому даже я могу только завидовать.

— Дар? Для него больше подходит слово «проклятие». — На мгновение лицо Уртарры отразило терзавшие его мучительные мысли. — Я мог бы прекрасно обойтись без подобных видений и без бремени ответственности, которое они накладывают.

— Какое бремя? Теперь, зная удел Колданы и ее народа, все, что от тебя требуется, — это переселиться в какую-нибудь безопасную страну и прожить свою жизнь в мире. Я бы сделал именно так.

— Но я — не ты, — отозвался Уртарра. — И события, которые мы видели, не predetermined. Время подобно реке, и русло ее можно изменить, вот почему, пока не поздно, ты должен убить короля.

Дардаш откинулся на подстилку.

— Я не собираюсь впутываться в столь сомнительную и опасную авантюру. Да и зачем?

— Но ты ведь только что видел бедствия, которые обрушатся на множество людей, — войны, моровые язвы, голод.

— Что мне до них? — поморщился Дардаш. — У меня есть свои собственные задачи, которые я должен решить, и слишком мало времени. Вот что я предлагаю — освободи меня, и наши дороги разойдутся; обещаю, что уйду, не причинив никакого вреда ни тебе, ни кому-либо из твоих людей.

— Мне говорили, что ты думаешь только о себе, — с циничной усмешкой сказал Уртарра, — но все же очень трудно поверить, что человек может быть настолько лишен сострадания.

— Придется поверить, — произнес Дардаш, протягивая ему свои связанные запястья. — И прикажи-ка снять это, ведь время не ждет.

— Но есть одна вещь, которую ты не принимаешь во внимание, — сказал Уртарра, и в голос его вкралась загадочная нотка. Он встал на ноги и подошел к богато украшенному сундуку, стоящему в углу шатра. — Я могу заплатить тебе за услугу.

Дардаш невесело рассмеялся:

— Чем? Золотом или драгоценностями? С помощью чар я могу создать их из навоза. Благодарностью той шлюхи, что ждет снаружи? В любом городе я найду сотни таких, как она. У тебя нет ничего, что могло бы заинтересовать меня, предсказатель.

— Ну что ж, очень жаль, — мягко произнес Уртарра, вынимая что-то из сундука. — Я-то надеялся, что у меня найдется кое-что занимательное.

Астролог повернулся, и Дардаш увидел, что он держит в руках клочок пергамента длиной примерно в две ладони, несомненно, оторванный от какого-то свитка. Маг бросил на пергамент скучающий взгляд и уже хотел отвернуться, как вдруг по его телу пробежала дрожь: надпись на свитке напоминала Древний Язык, те самые загадочные и непостижимые письмена, что и на его собственных двенадцати свитках.

Чтобы лучше видеть, Дардаш наклонил голову и внезапно, словно от удара превосходящей по силе магии, потерял дар речи и чуть не задохнулся. Сердце его неистово затрепыхалось в груди, а перед глазами заплескали радужные искры, когда он понял, что текст в руках Уртарры составлен на двух языках. Под каждой строкой, написанной на Древнем Языке, помещалась другая, где перемешивались идеограммы и фонетические символы, в которых Дардаш узнал письменность позднего Аккосиана, одного из почти исчезнувших языков, изученного им много лет назад.

— Это, разумеется, только обрывок, — заверил Уртарра. — У меня есть и оставшаяся часть рукописи, спрятанная в надежном месте, но если тебя не интересует...

— Не шути со мной, я этого не люблю. — Дардаш мгновенно осознал, что именно здесь находится ключ к разгадке тайны двенадцати свитков, которая сделает его фактически бессмертным и наделит безграничными силами волшебников древности. — Признаюсь, я испытываю некоторый глубоко научный интерес к древним рукописям и готов предложить за хорошие образцы приличную цену. Разумеется, об убийстве короля не может быть и речи, но есть много других...

— Не шути и ты со мной, — прервал его Уртарра. — Маркурадес должен умереть, или же вся рукопись будет предана огню.

По спине Дардаша пробежал холодок.

— С другой стороны, в мире полным-полно королей, — медленно произнес он. — Так ли уж на самом деле важно, будет их одним больше или меньше?

Время шло к полудню, когда Дардаш тщательно отобрал магические приспособления, которые, как он думал, могли ему понадобиться, и переправился на плоту к берегу. Он лично проследил за тем, чтобы все предметы вместе с небольшим количеством его дорожных пожитков были аккуратно навьючены на двух мулов, а потом, слегка нахмурившись, повернулся к Уртарре.

— Все-таки любопытно, — не выдержал он, — как ты сумел найти мой маленький незаметный островок? Я был убежден, что спрятал его вполне сносно.

— Ты спрятал его очень хорошо... от людских глаз, — с довольной улыбкой ответил Уртарра. — Но он виден с высоты, а на твоём острове гнездится очень много птиц.

— Ну и какое это имеет значение?

— Для меня — никакого; но для ястребов, как выяснилось, это очень важно.

— Понимаю, — задумчиво протянул Дардаш, внезапно осознав, что Уртарра, при всей его мягкости евнуха, в высшей степени опасный противник. — Ты никогда немышлял о том, чтобы стать магом?

— Никогда! Мне хватает тревог с даром провидения. Если добавить к этому что-нибудь еще, я вообще лишусь сна.

— Наверное, ты прав. — Дардаш ловко вскочил на коня, которого ему подвели заранее. — Скажи мне, а ты когда-нибудь вызывал видение собственной смерти?

— Ни один провидец не в состоянии сделать этого до тех пор, пока не будет готов, — со странной улыбкой отве-

тил Уртарра и подал знак четверем охранникам и молодой женщине; все они уже сидели верхом и ждали неподалеку.

Процессия тронулась на юго-восток, в сторону Бхитсалы, столицы Колданы. Равнина мерцала от жара, и линия горизонта стала почти неразличимой.

Дардаш, предпочитавший относительную прохладу побережья, не находил ничего привлекательного в предстоящей четырехдневной прогулке верхом. Стараясь не отставать от Уртарры, маг утешал себя мыслью, что это, быть может, последнее путешествие, которое он совершает таким банальным и неудобным образом. Когда он овладеет знаниями, скрытыми в двенадцати свитках, то сможет безо всяких усилий перемещаться на любые расстояния иным способом — возможно, верхом на облаках, а возможно, так, что и во сне не приснится. А до тех пор придется довольствоваться тем, что есть.

— А эта женщина, — сказал Дардаш задумчиво, — она знает, что нам предстоит совершить?

— Нет! Никто не должен знать о нашем соглашении, иначе, будь мы хоть в сто раз сильнее, это не уберет нас от гибели.

— Но не кажется ли твоим людям наша экспедиция немного... необычной?

— Они привыкли никогда не задавать вопросов. Тем не менее я сказал им то, что скажу и Маркурадесу: дескать, ты непревзойденный математик и мне нужна твоя помощь в составлении гороскопов. Я распространил слух о таком расположении звезд, которое указывает на некие важные события, но делает это весьма невнятно, так что даже я в затруднении. Видишь ли, я давно уже готовил почву...

Взгляд Дардаша вернулся к фигуре всадницы впереди процессии.

— А где ты взял женщину?

— Нирринин — дочь моего двоюродного брата. — Уртарра удовлетворенно хихикнул. — Мне повезло, что она так ответственно подошла к заданию, которое я ей поручил. Прислать ее к тебе сегодня ночью?

— В этом нет необходимости, — ответил Дардаш, не подавая виду, что уязвлен предложением астролога. — Она придет ко мне по собственному желанию.

Они двигались по раскаленной равнине — точно в самом центре неясной полусферы ослепительного сияния — до тех пор, пока с заходом солнца горизонт вновь не обрел прежнюю отчетливость, а окружающий мир не возродился к жизни. Не дожидаясь, когда окончательно стемнеет, путешественники разбили лагерь — величественный квадратный шатер для Уртарры и скромные конические палатки для остальных — и разожгли костры. Нирринин принялась готовить ужин для Уртарры и Дардаша, а охранники занялись своими делами. Маг расположился поближе к девушке и поместил ее в орбиту своей личной силы, действующей неторопливо, но верно.

— Когда мы встретились нынче утром, — начал он, — я был совершенно уверен, что ты принцесса.

— А я совершенно уверена, что ты льстец, — парировала Нирринин, не отрываясь от приготовления еды.

— Я никогда не пользуюсь лестью.

— Значит, она проявляется в том, что ты ее отрицаешь.

— Очень хорошо, — рассмеявшись, сказал Дардаш, и его желание возросло от того, что женщина, склонившаяся над огнем, оказалась всесторонней личностью, а не просто куском недолговечной плоти. — Вчера, когда я следил за твоим купанием, я понял...

— Вчера? — Глаза ее сверкнули в сумерках, словно две луны.

— Да. Не забывай, что я не только математик, но и маг. Используя свои чары, я долго стоял, незримый, рядом с тобой и понял, что мы созданы друг для друга. Как меч и ножны.

— Меч! Теперь ты решил польстить себе?

— Есть лишь один способ проверить, — небрежно бросил Дардаш.

Много позже они лежали рядом в темноте — довольная Нирринин спала в его объятиях, а он с торжеством осознавал, что ум его снова обрел свою былую ясность.

И Дардаш начал обдумывать способы убийства короля.

Город Бхитсала раскинулся вокруг полукруглой бухты — отличной стоянки для торговых кораблей. Его защищала гряда невысоких холмов, которая, соединяясь с береговой линией на южной оконечности бухты, образовывала возвышение из утесов, где располагался дворец королей Колданы — обширное сооружение со множеством зданий, чьи колоннады красовались под толстым слоем золота вплоть до того момента, когда Маркурадес вступил на трон. Одним из первых деяний молодого короля стал приказ ободрать золото с колонн и распределить его между простыми людьми. Несмотря на это, белая мраморная плоть колонн сияла все так же ярко, а на закате отражала солнечные лучи — словно в знак того, что сами боги позолотили дворец Маркурадеса, приветствуя щедрость короля.

Дардашу казалось, что он физически ощущает всеобщее обожание, окутывающее правителя, когда тот проезжает по городу, и для мага оно являлось источником опасности. Задача, за которую он взялся, должна быть решена с предельной осмотрительностью. Дардаш уже понял, что о явном убийстве не может быть и речи, но даже естественным образом протекающая болезнь сразу вызвала бы

массу подозрений, а мага — предполагаемого изготовителя странных снадобий и приворотных зелий — обвинили бы в отравительстве. Самое главное, говорил себе Дардаш, смерть Маркурадеса должна произойти на глазах у как можно большего количества людей, да так, чтобы она выглядела как несчастный случай или — еще лучше — как неотвратимый удар судьбы. Беда лишь в том, что божественные действия очень трудно симулировать.

— Я приготовил для тебя комнату в моих собственных покоях во дворце, — сказал Уртарра, когда они миновали раскаленный полуденным солнцем город и начали подниматься к королевской резиденции. — Ты сможешь отдохнуть и подкрепиться.

— Это хорошо, — ответил Дардаш, — но сначала я хотел бы принять ванну, и чтобы Нирринин размяла меня и умастила благовониями — я начинаю смердеть сильнее, чем эта проклятая лошадь.

— Я собирался отправить Нирринин обратно к отцу.

— Нет! Я хочу, чтобы она осталась со мной.

— Во дворце много женщин. — Уртарра подъехал поближе и понизил голос: — Не очень-то мудро в такое время делить ложе с той, что проявляет к тебе особый интерес.

Дардаш сразу же понял, что Уртарра дает ему добрый совет, но мысль о том, чтобы расстаться с Нирринин, которая творила свою собственную магию в сладостные ночные часы, — эта мысль отозвалась в его сердце непривычной болью.

— Не тревожься понапрасну, — вслух сказал он. — Девушка ничего не узнает. Ты ведь не считаешь меня глупцом?

— Я лишь пекусь о твоей безопасности.

— Среди нас только один рискует своей головой, — заметил Дардаш, глядя на величественные башни, вздымающиеся перед ними на фоне неба.

Когда они наконец добрались до дворцовых ворот, Уртарра, коротко посоветовавшись со своими людьми, отпустил их по домам, расположенным неподалеку. После чисто формального осмотра, который учинил им капитан дворцовой стражи — еще одно свидетельство добрых отношений короля с его подданным, — Дардаш, Уртарра и Нирринин проехали во дворец. Служители, вызванные астрологом, увели лошадей и мулов. Другие слуги взяли пожитки Дардаша, чтобы доставить их в покои Уртарры, которые располагались в высоком крыле, выходящем на море, но маг остановил их и сам понес туго упакованные узлы.

По дороге он заметил в углу дворика диковинный экипаж, состоявший из большого деревянного бочонка, установленного на четыре колеса. В основании бочонка виднелся цилиндр и медные трубки, откуда выступала длинная Т-образная рукоять, а в верхней части находилась изогнутая, как змея, гибкая кожаная труба, швы которой были промазаны битумом.

— Что это за устройство? — спросил Дардаш, указывая Уртарре на странный предмет. — Никогда не видел ничего подобного.

Уртарру, казалось, забавляет удивление гостя.

— Ты увидишь еще много изобретений Маркурадеса, если пробудешь здесь подольше, а эту конструкцию он называет огненной машиной.

— Огненная машина? Это осадное орудие?

— Нечто прямо противоположное, — ответил Уртарра и откровенно рассмеялся. — Это для того, чтобы поливать водой горящие здания.

— О! Весьма необычная забава для королей.

— Больше чем забава, мой друг. Маркурадес настолько одержим своими проектами, что половину времени проводит в дворцовых мастерских. Иногда его желание увидеть

последнее изобретение в действии настолько велико, что он сбрасывает свою мантию и трудится над ним, как рядовой ремесленник. Я видел, как он вываливается из кузни вымазанный сажей и залитый потом почти до неузнаваемости.

— А знает ли он, что подобная деятельность опасна?

— Маркурадеса это не беспокоит... — Уртарра запнулся и бросил пыливый взгляд на мага. — Что ты задумал?

— Я еще не уверен, — улыбнулся Дардаш, но ум его уже ухватился за только что полученные сведения. — Ну так где я могу тут принять ванну?

— Глянь-ка, — сказал Дардаш Нирринин. Они стояли в тщательно ухоженном саду, широкой полосой раскинувшемся между королевским дворцом и высоким обрывом. Было свежее утро, и легкий ветерок, дувший с моря, идеально подходил для целей Дардаша. В правой руке маг держал крест, сделанный из двух плоских деревянных дощечек, плотно скрепленных в центре. Он поднял руку, намереваясь швырнуть крест в воду.

— Не выбрасывай его, — попросила Нирринин. Она не понимала, для чего Дардаш так старается, но видела, как он чуть ли не весь день планомерно придавал предмету нужную форму, плавно закругляя одни грани и заостряя другие, и ей была неприятна мысль о том, что его труд пропадет напрасно.

— Эта вещичка мне надосла, — смеясь, объявил Дардаш и, резко взмахнув рукой, как человек, хлопающий бичом, отпустил крест. Тот молниеносно рванулся прочь, его лопасти вращались в вертикальной плоскости, унося крест прямо вниз, к голубым водам залива. Нирринин вскрикнула, но в тот же миг крест, накренившись на одну сторону, словно пренебрегая тяготением, опять взмыл вверх,

поднимаясь все выше до тех пор, пока не оказался на том же уровне, с которого был запущен. Как ястреб, он парил в воздухе, ярко поблескивая на солнце. Нирринин застыла от удивления и ужаса, увидев, что крест действительно возвращается. Когда странный артефакт пересек границу скал и упал на землю в нескольких шагах от них, девушка бросилась в объятия мага.

— Ты не сказал мне, что он заколдован, — упрекнула она, прижимаясь к Дардашу и с опаской глядя на лежащий на земле предмет, словно тот был живым и мог внезапно напасть на нее.

— Тут нет никакой магии, — возразил он, высвобождаясь и поднимая крест, — хоть я и в самом деле вычитал его секрет из очень древней книги. Посмотри, какую форму я придал каждой части этой деревяшки: она напоминает крыло чайки. Я смастерил для тебя маленькую деревянную птичку, Нирринин, — домашнего голубя.

— А по-моему, он все-таки заколдован, — с сомнением сказала она. — Не думаю, что эта штука мне понравится.

— Обязательно понравится. Смотри, как она не хочет с тобой расставаться.

Дардаш опять отработанным движением швырнул крест в море, и тот повторил свой удивительный круговой полет, на этот раз вернувшись еще ближе к месту, откуда был запущен. Нирринин отскочила от него, но теперь в ее глазах было больше любопытства, чем опасения, и после третьего броска она уже отважилась поднять крест и передать его Дардашу.

Маг продолжал бросать крест, изменяя скорость и направление полета, а потом они затеяли игру, увертываясь от неизменно возвращавшегося снаряда. Вскоре несколько дворцовых служителей и высокопоставленных придворных, привлеченных смехом Нирринин, собрались поглазеть на спек-

такль. Словно не замечая зрителей, Дардаш продолжал без устали бросать крест, но на самом деле не упускал ни одной детали из их разговоров и вскоре понял — просто по тому, как изменился гомон голосов, — что его план начал претворяться в жизнь. Он обернулся и увидел, как кучка придворных расступилась, давая дорогу красивому, хрупкому молодому человеку с осанкой, в которой удивительным образом сочетались непринужденность и властность.

«Это новая разновидность высокомерия, — подумал Дардаш. — Вот человек, который понимает, что ему не надо даже пытаться производить впечатление на других».

Но мысли эти испарились, когда он впервые увидел вблизи молодого короля и ощутил на себе психическую власть правителя. Дардаш как искусный маг отлично понимал, что его призвание — нечто большее, чем готовность и умение запоминать заклинания. Не раз ему приходилось сталкиваться — часто в самой обычной жизни — с людьми, обладавшими мощным магическим потенциалом, но никогда прежде он не встречал человеческое существо с такой мощной харизмой. Дардаш внезапно испытал растерянность и смущение от того, что попал в общество человека, который может без труда обойти мага в его собственном ремесле.

— Ты, должно быть, новый помощник Уртарры, — с небрежной любезностью сказал Маркурадес. — Надеюсь, тебе по душе пребывание в Бхитсале.

Дардаш поклонился:

— Я наслаждаюсь им, государь. И оно дает мне привилегию служить Вашему Величеству.

Про себя он подумал: «Имею ли я право, несмотря на видения Уртарры, убить подобного человека?»

— Сожалею, что мы не встретились раньше, но на мое внимание претендуют мириады... — Маркурадес замолк и

взглянул на Нирринин. — Впрочем, я полагаю, что ты вряд ли нуждаешься в утешении.

Нирринин улыбнулась и потупила взор с видом, который — как подсказывала обостренная чувствительность Дардаша — не имел ничего общего со скромностью. «Сука, — подумал он, сам испугавшись силы своей ненависти, — эта сука готова отдаться ему прямо здесь, на глазах у всех».

— Я вижу, ты мастак не только по гороскопам. — Маркурадес кивнул на крест, лежащий на траве. — На первый взгляд твой кусок дерева наделен магической силой, но поскольку я не верю в эти фокусы, то предположу, что все дело в скрытых свойствах его формы.

— Разумеется, государь. — Дардаш поднял крест и, лежа в душе мысль об убийстве, начал объяснять все, что знал о принципах аэродинамики, благодаря которым снаряд совершал свой круговой полет. Теперь, когда его отношение к Маркурадесу оформилось окончательно, тот факт, что король обращается с ним на равных и облачен в простое льняное одеяние без каких-либо украшений, служил лишним подтверждением невероятного высокомерия и самонадеянной гордости правителя. Нетрудно было представить, как эти свойства со временем преобразятся в тяжелое и опасное помешательство, постепенно развращая юного короля, пока тот не станет чудовищем, которого еще не видел свет.

— Как только крест прекращает вращаться, он падает на землю, — пояснил Дардаш. — Это доказывает, что именно быстрое движение лопастей в воздухе делает его легким, как летящее по ветру семя чертополоха. Я часто думаю, что если бы человек смог построить большой крест, десятка два шагов в размахе и с точно таким же очертанием лопастей, и придумать способ заставить его быстро вра-

щаться, то он воспарил бы, как орел, поднявшись выше всех земель и всех людей на свете.

Дардаш остановился и посмотрел на короля, выбирая точный момент.

— Но, увы, такая затея невыполнима.

Глаза Маркурадеса, поглощенного новой идеей, заблестели.

— Я не согласен с тобой, Дардаш. Мне кажется, такую машину можно построить.

— Но вес лопастей...

— Конечно, глупо использовать для этого сплошное дерево, — прервал Маркурадес, и его голос сделался более резким. — Нет, мне думается, это должна быть легкая рама, обтянутая кожей или... еще лучше — шелком. Да, шелком!

Дардаш покачал головой:

— Ни один человек, даже самый могучий борец, не сможет вращать лопасти достаточно быстро.

— Тебе, как и всем звездочетам, недостает знаний о таких сугубо земных субстанциях, как медь, вода... и огонь, — ответил Маркурадес, вышагивая по кругу. — Я могу внутри малого пространства произвести силу, равную силе десяти человек, силе лошади... Проблема в том, как заставить ее служить моим желаниям. Она должна быть направлена... и... и...

Маркурадес поднял палец, проведя вертикальную невидимую линию, а затем с отрешенным видом начал вращать рукой по горизонтальной окружности.

— Отсюда и досюда, — бормотал он, беседуя сам с собой. — Что ж, это, может быть, способ...

— Я не понимаю, государь, — сказал Дардаш, тщательно скрывая вспыхнувшее в душе ликование. — О чем вы...

— Увидишь сам, звездочет. — Маркурадес повернулся и направился к дворцу. — Думаю, что смогу удивить тебя.

— И я думаю, что смогу удивить тебя, — еле слышно произнес Дардаш, глядя, как Маркурадес спешит прочь. Весьма довольный своими утренними достижениями Дардаш посмотрел на Нирринин и почувствовал укол холодной ненависти, увидев, какой пристальный взгляд она устремила вслед удаляющемуся королю.

«Чем скорее я выполню свое задание, — подумал он раздраженно, — тем лучше».

Личные покои Уртарры представляли собой богато украшенную комнату, по стенам которой были развешены темно-зеленые гобелены с вышитыми на них астрологическими знаками. Предсказатель оправдывал перед Дардашем эту показуху тем, что, поскольку он не настоящий астролог, ему необходимо хотя бы подчеркнуть превосходство своих покоев над всеми другими покоем во дворце. Сейчас он сидел, удобно скрестив ноги, на ложе и выглядел точно так же, как во время их первой встречи: пухлый, умащенный благовониями и обманчиво мягкий.

— Я полагаю, что должен поздравить тебя, — сказал он задумчиво. — Подняться ввысь на летающей машине — можно ли вообразить более опасную затею! Если тебе удастся подстроить королевскую смерть, не используя магию, твой успех станет еще более значительным. Я не откажу тебе в заслуженной награде.

— Даже и не пытайся, — предостерегающе заметил Дардаш. — Кроме того, ты ошибаешься в главном: я собираюсь использовать магию. И очень много магии.

— Но если нужно лишь дождаться, когда Маркурадес рухнет с неба, то я не понимаю...

— Прежде всего ты не понимаешь, что машина не в состоянии оторваться от земли! — перебил его Дардаш, поражаясь, что человек с таким опытом, как у Уртарры, может

проявлять столь детскую наивность относительно устройства материального мира. — Во всяком случае, без моей помощи. Люди, как и все другие животные, принадлежат земле, и ни одна затея, ни одно изобретение, сочетающее рычаги, пружины и перья, не в состоянии поднять человека над его естественной стихией. Обрати внимание — я сказал: естественной стихией, потому что суть магии — игнорировать природу. Я собираюсь применить чары к любой машине, какую бы ни построил Маркурадес. И силой моей магии машина поднимет его вверх, все выше и выше, в мир богов, а затем, когда я сочту момент подходящим, боги разгневаются на вторжение смертного в их владения и...

— ...И ты отменишь свои чары. — Уртарра прижал руки к вискам. — Превосходно!

Дардаш кивнул:

— Вся Бхитсала увидит своего короля в небе на высоте, недостижимой для обычного смертного, а затем он рухнет вниз, чтобы разбиться. Кто, кроме богов, может быть ответственен за это? Даже Маркурадес не имеет права помогаться божественного положения и надеяться при этом остаться безнаказанным.

— Я преклоняюсь перед тобой, Дардаш, — сказал Уртарра. — Ты заслужил мою вечную благодарность.

— Оставь, — холодно бросил Дардаш. — Я лишь выполняю особую работу за особое вознаграждение, и ничего более.

Последующие дни потребовали от мага немалого числа тщательно взвешенных решений. С одной стороны, он не хотел чересчур часто появляться в дворцовых мастерских, опасаясь, что людские умы свяжут его личность с летающей машиной и смогут предъявить ему какие-то обвинения в последующей трагедии. Но с другой стороны, он

должен быть в курсе происходящего, дабы успеть разработать соответствующие магические приемы. В окрестностях Бхитсалы скопился огромный запас маны. Дардаш чувствовал ее по тому, как возрастала его собственная сила и ощущение молодости, но не желал растрачивать ее понапрасну в злокозненных чарах. Если мана опять возвращается в мир, возможно, спустившись со звезд, то ему следует запастись ею, хранить ее как зеницу ока, в особенности если он стремится быть магом очень долгое время, а то и целую вечность.

Ему удалось осторожно вывести, что Маркурадес разделил работы по постройке летающей машины на две полностью независимые части. Команда плотников целиком сосредоточилась на изготовлении четырех крыльев самой легкой конструкции. Рамы, поверх которых предполагалось натянуть шелк, получились столь легковесными и прочными, что уважение Дардаша к способностям Маркурадеса возросло, хоть он и знал, сколь тщетна работа мастеров.

Король постоянно усовершенствовал устройство, предназначенное для вращения крыльев. Его сердцем был большой и прочный медный контейнер, под которым находилась соединенная с мехами миниатюрная топка, где горели уголь и деготь. Невидимая сила, бушующая в кипящей воде, вертикально поднималась по жесткой трубе со скользящим кольцом на вершине. Из кольца выходили четыре меньшие трубки, загнутые в горизонтальной плоскости, образуя нечто вроде свастики. Когда огонь в топке разгорался, пар вырывался из трубок, заставляя свастику вращаться со значительной скоростью, а Маркурадес с каждым днем еще увеличивал эту скорость, сокращая потери давления, совершенствуя смазку и повышая устойчивость устройства.

Дардаш воздерживался от каких-либо комментариев. Из некоторых экспериментов он знал, что главные затруднения появятся, когда крылья встанут на свое место. Дардаш мог бы объяснить, что чем быстрее вращаются крылья, тем труднее заставить их двигаться вперед — сопротивление воздуха возрастает гораздо стремительнее, чем можно было бы ожидать. В нормальных условиях машина Маркурадеса смогла бы выдать лишь слабое и спотыкающееся вращение крыльев, очень далекое от скорости, достаточной для создания тяги, необходимой для полета. Но обстоятельства складывались необычным образом.

Дардаш приготовил простое кинетическое волшебство и направил его силу в четыре недавно собранных крыла, изменив их невидимую физическую сущность таким образом, что чем быстрее они двигались, тем меньше усилия требовалось для поддержания их скорости. Когда Маркурадес впервые собрал свою машину, маг благоразумно укрылся в дальней части дворца, но совершенно точно знал, что первое испытание прошло успешно. Изысканное кольцо, которое он носил на левой руке, начало слегка вибрировать, давая понять, что используется некоторое количество маны и крылья летающей машины вращаются вполне удовлетворительно.

Дардаш представил себе хлипкое сооружение, подрагивающее в нетерпеливом желании оторваться от земли, и наострил уши, ожидая, не закончатся ли испытания несчастным случаем. Он знал, что охваченный энтузиазмом король становится безрассудным, и если в своем безрассудстве он зайдет так далеко, чтобы решиться подняться в воздух на машине в ее нынешнем виде, то он непременно погибнет, а Дардаш получит награду раньше, чем рассчитывал. Однако, не услышав никаких встревоженных воплей, маг понял, что Маркурадес осознал необходимость

дальнейшего усовершенствования аппарата, прежде чем взмыть с заднего двора в потоки ветра, всегда танцующего над скалами.

«Что ж, я могу еще немного подождать, — подумал Дардаш, восхищенный инженерным талантом молодого короля. — Что такое несколько лишних дней по сравнению с вечностью?»

Новость о том, что король сооружает машину, на которой собирается полететь в небеса, распространилась по Бхитсале и ее окрестностям со скоростью лесного пожара. Никакой публичной церемонии, связанной с первым полетом, не предполагалось: Маркурадеса и в самом деле слишком увлекла новая задача, и его вовсе не заботило то, что его предприятие вызывает такой лихорадочный интерес у подданных. Но слухи распространялись все дальше, становились все более интригующими, и народ потянулся в Бхитсалу.

Город заполнили приезжие, жаждущие посмотреть, как их правитель взлетит ввысь на спине механического дракона, орла или летучей мыши, в зависимости от того, на какой из вариантов слухов они опирались. Все постоянные дворы и таверны Бхитсалы были переполнены, и атмосфера возбуждения возрастала с каждым днем. То и дело кто-нибудь прибегал из дворца, чтобы сообщить свежие новости о том, как продвигаются работы. На улицах прохожие не сводили глаз с белоколонного королевского дворца, и каждое известие принималось с таким громким воодушевлением, что всякий раз со скал срывались стаи морских птиц и в беспокойстве носились над городом.

Напустив на себя безразличный вид, Дардаш внимательно следил за ходом дел у Маркурадеса. Большую часть своего времени маг проводил на террасе, прикидываясь,

что занят астрологическими расчетами, а на самом деле наблюдая за западным валом дворца, где велись последние приготовления к полету.

За время вынужденного безделья он научился ценить общество Нирринин, но та предпочитала компанию куртизанок, которые обслуживали короля. Уртарра как-то заметил, что, может, оно и к лучшему, поскольку у девушки остается меньше возможностей испортить все в последний момент. Дардаш на словах согласился с ним, но чувствовал, что становится раздражительным, желчным и все более нетерпеливым. Когда же маг внимательно всматривался в вырисовывающийся в отдалении силуэт дворца, глаза, казалось, выдавали его истинный возраст.

И вот однажды в дрожащий багровый зной полудня Уртарра прибыл к нему с известием, что Маркурадес собирается совершить пробный полет.

— Самое время, — кивнул Дардаш. Ведь он уже знал, что это знаменательное событие должно вот-вот произойти, поскольку его сенсорное кольцо мощно вибрировало в такт стремительно вращающимся крыльям машины.

Внизу в городе нарастало возбуждение: население Бхитсалы, словно чайки, тучами гнездящиеся на скалах, высыпало на крыши и высокие балконы, люди взбирались куда угодно, лишь бы получше рассмотреть предстоящее чудо.

— Народ Колданы еще отблагодарит тебя, — сказал Уртарра, когда они вместе вышли на балкон. Под ногами лежал голубой изгиб залива. Голос звездочета был тих и серьезен, словно его начали терзать явившиеся в последнюю минуту сомнения и он пытался отмести их прочь.

— Лишь бы ты не забыл о моем вознаграждении, — ответил Дардаш, бросив на него пренебрежительный взгляд.

— Тебе не стоит беспокоиться об этом... — начал Уртарра, как вдруг воздух наполнился странным звуком —

мощным и ровным гудением, которое, казалось, отдавалось в грудной клетке.

Мгновением позже королевская летающая машина взмыла над западной оконечностью дворца.

Ее четыре вращающиеся крыла слились в туманный белый диск, окаймленный золотом. Под ним была подвешена корзина в виде гондолы, в которой сидел сам король. Своим острым зрением Дардаш различил грузы, подвешенные на веревках под корзиной, что придавало всему сооружению дополнительную устойчивость. Ему показалось, что Маркурадес прибавил еще какое-то приспособление на вершине трубы, по которой пар поступал к вращающей крылья свастике.

Вздых, вобравший удивление и восхищение, прокатился по толпе наблюдающих, когда машина продолжила свой волшебный подъем в ясный голубой свод небес. Там, на головокружительной высоте над дворцом, почти за пределами видимости, король передвинул рычаг. Полупрозрачный диск, образованный вращающимися крыльями, слегка наклонился, и машина устремилась вниз, к скалам над водами залива.

Исступленные рукоплескания, огромные волны восторженных голосов поднимались и опускались словно прибой, когда Маркурадес — богоподобный в своей новой власти, — искусно управляя машиной, выполнил серию широких кругов в вышине над беспокойным морем.

— Пора! — подгонял Уртарра. — Давай же!

— Так тому и быть, — сказал Дардаш, доставая клочок пергамента, испещренный заклинаниями для кинетического колдовства. Он произнес одно магическое слово и разорвал пергамент надвое. И в тот же миг сверкающая на солнце машина остановилась в полете, словно натолкнувшись на невидимую преграду, дрогнула и начала падать.

Звук, пронесшийся над многотысячной толпой, был бессловесным стоном ужаса и скорбного недоверия. Дардаш на секунду задержался на балконе, прислушиваясь с бесстрастным лицом, потом повернулся, чтобы удалиться, когда произошли две вещи, заставившие его застыть на месте.

На безопасном расстоянии от воды машина Маркурадеса внезапно выровнялась и зависла, не снижаясь, но и не набирая высоты. Тем временем острая боль пронзила левую руку Дардаша. Он сорвал с пальца сенсорное кольцо и швырнул его на пол, где оно мгновенно раскалилось добела. Вокруг воцарилась мертвая тишина, словно каждый из подданных Маркурадеса не осмеливался дышать, чтобы не помешать его спасению.

— Король летит, — прохрипел Уртарра. — Ты недооценил возможности его механизма.

— Я так не думаю, — мрачно ответил Дардаш. — Смотри, крылья машины едва вращаются. По всем законам она должна падать! — Маг бросился к сундуку, где хранились некоторые из его приспособлений, и вернулся, держа в вытянутой руке блестящий обруч. Взглянув на летательный аппарат сквозь металлический круг, он увидел слепящий, солнцеподобный источник излучения. Дардаш почувствовал, как в нем поднимается страх.

— Что это значит? — спросил Уртарра. — Я не...

— Этот свет — мана, необработанная энергия за пределами магии. — Горло Дардаша пересохло, голос его сделался тонким и слабым. — Высвободившаяся в неимоверном количестве, она поддерживает в воздухе Маркурадеса и его машину. Я никогда не встречал подобной концентрации.

— Неужели здесь поработал другой маг?

— Ах, если б дело было только в этом! — воскликнул Дардаш. Он опустил серебряный обруч и взгляделся в мер-

цающую пылинку, в которую превратилась летающая машина. Она вновь начала перемещаться, медленно снижаясь и двигаясь по направлению к берегу, и Дардаш с тупой обреченностью понял, что на борту машины находится человек новой породы — тот, кто способен использовать ману в огромных, ужасающих масштабах для удовлетворения собственных нужд и потакания личным амбициям. Маркурадес мог подключаться к источникам маны и расточать их, даже не догадываясь о том, что творит, и теперь Дардаш полностью осознал, отчего предсказанное королю будущее грозит страшными катаклизмами. Подобная власть без дисциплины, без знания традиционных приемов волшебства могла лишь развращать. Каждое удовлетворенное с помощью маны желание властолюбца породит новые притязания, все более грандиозные и проникнутые тщеславием, что в итоге обернется величайшим злом и безумием.

Дардаш, слишком хорошо осознавший опасность, что таила в себе эта энергия во власти дилетанта, внезапно ясно представил себе скорое возникновение новой разновидности тиранов — стремительно плодящихся монстров, столь развращенных успехом и непомерными амбициями, так свято верящих в неиссякаемость собственной силы, что они неизбежно станут добиваться главенства над всем миром и будут готовы сжечь его дотла, если кто-либо посмеет помешать исполнению их желаний.

— Я не допущу этого, — прошептал он. Его страх уступил место негодованию и глубокой неукротимой ненависти. — Я, Дардаш, говорю НЕТ.

Подстегиваемый мыслью, что с каждой упущенной секундой Маркурадес приближается к спасению, маг вынул из сундука тонкий черный жезл. Сам по себе инструмент не имел силы, но он служил для того, чтобы направлять и концентрировать магическую энергию. В это время в со-

седней комнате раздались шаги. Взглянув через приоткрытую дверь, Дардаш увидел Нирринин, спешащую к нему. На ее лице застыло выражение детского восторга, руки ласкали золотое ожерелье, висящее у нее на шее.

— Посмотри, что подарил мне король, — начала она, — разве оно не...

— Убирайся! — вскричал Дардаш, пытаясь справиться с охватившей его паникой, когда он понял, что у него почти не осталось времени на выполнение своего намерения. Он повернулся к балкону и расстилающемуся за ним пейзажу, на правил жезл и произнес заклинание, которое, как он раньше надеялся, ему никогда не придется применять, ибо это была святотатственная разрушительная формула, использующая ману против маны и для ее же нейтрализации.

Летающая машина распалась на части.

Четыре крыла, вращаясь, разлетелись в разные стороны, и корпус машины, вырвавшись из эпицентра разрушения, рухнул вниз, как свинцовый груз. Громадный фонтан брызг поднялся из воды, и Маркурадес сгинул в пучине. О властолюбивом правителе напоминали лишь расходящиеся круги по воде да четыре медленно планирующих вниз крыла, вознесших его к гибели. В наступившей тишине слышался только крик одинокой морской птицы.

Дардаш пережил лишь краткий мучительный миг торжества, а затем его зрение затуманилось и померкло. Маг взглянул на свои руки, которые превратились в некое подобие клешней — немощных и пятнистых, — и сразу понял, что его короткая битва с Маркурадесом оказалась даже более разрушительной, чем он предполагал. В один миг была уничтожена мана всего региона — вся, до последней капли, — и он, Дардаш, более не имел доступа к магической силе, которая прежде оберегала его тело.

— Убийца! — Голос Нирринин, казалось, долетел до него из иного времени, из иной жизни. — Ты убил короля!

Дардаш обернулся к ней:

— Ты преувеличиваешь мою силу, дитя. — Он старался успокоить девушку, тем временем делая знаки Уртарре зайти сзади и перекрыть выход. — Почему ты думаешь, что скромные упражнения дилетанта в простейшей магии могут... — Он умолк, заметив, с каким отвращением смотрит на него Нирринин: словно сто с лишним лет тяжелой жизни наложили на его лицо и тело ужасный отпечаток — свидетельство его вины.

Нирринин тряхнула головой и почти со сверхъестественной скоростью побежала прочь. Коротко прозвучали ее удаляющиеся шаги и тут же были заглушены скорбным воем, который начал проникать в комнату с улицы, как только народ Бхитсалы осознал, что их правитель мертв.

— Ты должен был остановить ее, — упрекнул Дардаш Уртарру, слишком слабый и усталый, чтобы выразить нечто большее, чем мягкий укор. — Она бросилась за дворцовой стражей, и теперь мы оба...

Он умолк, заметив, что Уртарра, безвольно опустившись на кушетку, прижал руки к вискам и смотрит сквозь него невидящими, расширенными от ужаса глазами.

— Итак, свершилось, предсказатель, ты наконец узрел собственную смерть, — произнес Дардаш, интуитивно угадывая, что творится в уме Уртарры. — Но не трать впустую ту толику времени, что у тебя еще осталась. Дай же мне знать, что моя жертва не напрасна, что шлюха не носит в своем чреве семя Маркурадеса. Подтверди, что не явятся другие монстры, чтобы узурпировать власть магов и в своем слепом невежестве предать мир огню и мечу.

Уртарра, который, казалось, не слышал его слов, поднял руку и указал на противоположную стену комнаты.

Голубые гобелены приобрели прежде немыслимую ужасающую глубину и ожили образами грядущих времен. Картины быстро сменялись, являя различные места и различные эпохи, но во всех них присутствовало и много общего.

Всюду был огонь. Всюду — разруха. Всюду гуляла смерть в таких масштабах, какие Дардаш и представить себе не мог. И на этом леденящем душу фоне проходила череда харизматических, исполненных маны фигур. Знание, или прозрение, опять снизошло на Дардаша в беззвучном шепоте, и незнакомые имена рождали незатухающее эхо...

Александр... Юлий Цезарь... Тамерлан...

На небо легла тень от тысяч крыльев. Разрушение проливалось дождем с огромных летающих кораблей, создавая огненную завесу, на фоне которой выступила надменная фигура Адольфа Гитлера...

Дардаш закрыл глаза ладонями, упал на колени и замер, не шевелясь до тех пор, пока звуки тяжелых шагов и бряцание оружия не возвестили о прибытии дворцовой стражи. Удар меча, не заставивший себя долго ждать, пожаловал словно добрый друг, принося единственную награду, о которой он теперь только и мечтал.

Схватка на рассвете*

Какой-то серебристый блеск примерно в миле впереди вывел Грегга из раздумья. Он натянул поводья, остановил лошадь и достал из кармана куртки, лежащей рядом на повозке, маленькую подзорную трубу в кожаном чехле. Грегг выдвинул ее секции и поднес к глазу, сморщившись от тупой боли в суставах. Только-только рассвело, и, несмотря на жару, в руках еще сохранялась ночная окоченелость.

Почва уже начала раскаляться, приводя нижние слои воздуха в колышущееся движение, и подзорная труба показала расплывчатую мерцающую фигуру молодой женщины, возможно мексиканки, в серебристом платье. Грегг опустил трубу, отер пот со лба и попытался осмыслить увиденное. Одетая подобным образом женщина будет редким зрелищем где угодно, даже в самых роскошных салунах Сакраменто. Но увидеть ее на тропе, в трех милях к северу от Коппер-Кросс — к такому событию Грегг был совершенно неподготовлен. Другой любопытный факт заключался в том, что пять минут назад, глядя с гребня горы, он готов был поклясться, что впереди никого нет.

Он снова посмотрел в подзорную трубу. Женщина стояла на месте и потерянно озиралась по сторонам. Это тоже

---

* Skirmish on a Summer Morning.

© Перевод. Белкин Б., 2003.

весьма озадачило Грегга. Посторонний легко мог сбиться с пути в прериях южной Аризоны, но осознать, что она заблудилась, ей следовало задолго до окрестностей Коппер-Кросс. Вряд ли сейчас есть толк внимательно изучать монотонный ландшафт, словно при виде чего-то нового.

Грегг повел трубой, пытаясь обнаружить повозку или убежавшую лошадь — словом, то, что могло объяснить присутствие женщины. Но разглядел только пятнышко пыли вокруг едва заметных точек в виде двух всадников, скачущих по боковой тропе к ранчо Портфилда. Сперва он решил, что тайна наконец прояснилась. Джош Портфилд иногда привозил девиц из своих вылазок на ту сторону границы, и в его характере попросту вышвырнуть потом неугодившую или надоевшую гостью. Но более внимательный взгляд на всадников показал, что они приближаются к основной тропе и, вероятно, пока не догадываются о присутствии женщины. Однако именно их появление заставило Грегга призадуматься, ибо скорее всего его ожидала неприятная встреча.

Он не был по природе осторожным человеком, и первые сорок восемь лет своей жизни почти умышленно следовал политике борьбы со скукой. Очертя голову он бросался на защиту слабых и обиженных, в каждой сомнительной ситуации полагаясь на свою сообразительность и быструю реакцию. Эта политика привела его к посту неофициального блюстителя порядка и — жарким полднем одного зловещего лета — поставила лицом к лицу с невыносимой задачей укрощения Джошуа Портфилда и четырех его дружков, возбужденных немалым количеством виски. Из этого эпизода Грегг вышел с изувеченными руками и новой привычкой продумывать каждый свой поступок с тщательностью шахматиста.

Возникшая сейчас ситуация не казалась очень опасной, но, на его взгляд, содержала чересчур много неизвестных факторов. Грегг потянулся за лежащей на дне повозки двустволкой, зарядил ее, взвел курки и, проклиная неуклюжесть едва сгибающихся рук, засунул ружье в сыромятные кожаные петли, прибитые под сиденьем. Не самое безопасное место, что и говорить, но выстрелы грозили задеть только тех, кто будет ехать рядом, а он мог предупредить их, если попутчики окажутся расположенными доброжелательно или хотя бы не слишком враждебно.

Грегг щелкнул поводьями, и лошадь перешла на иноходь. Взгляд его был устремлен прямо вперед. Вскоре он увидел у развилки дорог двух всадников, остановившихся рядом с серебристым пятнышком, каким представлялась женщина его невооруженному взгляду. Грегг от всей души надеялся (ради своей незнакомки), что эти двое — из числа сравнительно порядочных работников ранчо, а не пара головорезов из развеселой свиты Портфилда. Приблизившись, он заметил, что всадники не спешили и не остановили лошадей, а взяли женщину в узкое кольцо и ездят вокруг нее. Из чего Грегг заключил, что ей не повезло, и в груди у него неприятно похолодело. Случись это, когда его руки были целы, Грегг пустил бы коня в галоп; теперь же он испытал желание повернуть вспять и удалиться подобру-поздорову. Он пошел на компромисс: позволил лошади неторопливо нести себя к месту событий.

Подъехав ближе, Грегг заметил, что на женщине не мантилья, как он полагал, а какое-то необычное серебристое одеяние с капюшоном, надвинутым на голову. Она поворачивалась то в одну, то в другую сторону, пытаясь увернуться от преследователей. Грегг перевел взгляд на всадников, и сердце его упало — он узнал Вольфа Кейли и Сигги Соренсона. Белые волосы и борода Кейли, несмот-

ря на неизменный «трантер» за поясом, никак не изобличали в нем аппетита и инстинктов стервятника. Соренсон, коренастый швед лет тридцати, бывший рудокоп, был невооружен, но угрозу не меньшую, чем огнестрельное оружие, несли его огромные конечности. И тот и другой находились среди тех, кто двумя годами раньше проучил Грегга за вмешательство в дела Портфилда. Сейчас они делали вид, будто не замечают его присутствия, и продолжали кружить вокруг женщины, изредка наклоняясь в седле и пытаясь скинуть серебристый капюшон с ее лица. Грегг остановился поодаль.

— Что вы затеяли, ребята? — дружелюбно спросил он.

При первых звуках его голоса женщина повернулась, и Грегг увидел бледный овал ее лица. От резкого движения странное одеяние натянулось, и ошеломленный Грегг увидел, что она на последних месяцах беременности.

— Поди прочь, Билли-мальчик, — небрежно бросил Кейли, не поворачивая головы.

— Я думаю, вам лучше оставить даму в покое.

— А я думаю, что ты скажешь, когда затрешат твои кости, — ответил Кейли. Он снова потянулся к капюшону женщины, и та едва увернулась от его руки.

— Послушай, Вольф, брось. — Грегг устремил взгляд на женщину. — Прошу прощения, мадам. Если вы направляетесь в город, то можете поехать со мной.

— В город? Поехать? — Она говорила с каким-то странным акцентом. — Вы англичанин?

У Грегга хватило времени удивиться, что его можно принять за англичанина, а не за американца на том лишь основании, что он разговаривает на английском языке.

Потом вмешался Кейли:

— Не суй свой нос куда не следует, Билли. Мы знаем, как поступать с мексиканками, прошмыгнувшими через границу.

— Она не мексиканка.

— Кто тебя спрашивает? — рявкнул Кейли, и его рука опустилась на рукоятку «трантера».

Соренсон перестал кружить, подъехал к повозке Грегга и заглянул на дно. При виде восьми кувшинов, обложенных соломой, глаза его расширились.

— Погляди-ка, Вольф! — воскликнул он. — Мистер Грегг везет в город все запасы своей пульке. Можно неплохо отметить этот случай.

Кейли резко повернулся, его бородатое лицо выглядело почти добрым.

— Дай-ка мне кувшинчик.

Грегг незаметно опустил левую руку под сиденье.

— С тебя восемьдесят пять..

— Я не собираюсь платить восемьдесят пять за всякие помои! — Кейли угрожающе помотал головой и направил свою лошадь к повозке.

— Это цена, которую мне дает Уэйли, но мы можем договориться, — рассудительно сказал Грегг. — Я дам вам по кувшину в долг, и вы можете выпить, пока я отвезу даму в город. Ясно, что она заблудилась и...

Грегг осекся, увидев, что он совершенно неправильно истолковал настроение Кейли.

— Ты что о себе думаешь?! — взревел Кейли. — Разговаривать со мной так, словно я мальчишка! Была бы моя воля, я бы прикончил тебя еще пару лет назад! В общем-то... — Рот Кейли превратился в узкую щель в белой бороде, светло-голубые глаза загорелись. Большой палец взвел курок не вытасченного еще из кобуры «трантера».

Грегг обвел взглядом раскаленную землю и высившиеся вдали горы Сьерра-Мадре. Он понимал, что для принятия решения оставались считанные секунды. Кейли еще не был на линии огня спрятанной двустволки и, кроме

того, сидя на лошади, находился слишком высоко. Но иного выхода не оставалось. Заставляя омертвевшую руку подчиниться своей воле, Грегг дотянулся до спускового крючка и резко дернул. В последнее мгновение Кейли догадался, что происходит, и попытался кинуться в сторону. Раздался оглушительный выстрел. Плотный клубок дрови прошил ногу Кейли прямо над лодыжкой и пропахал кровавую борозду в боку лошади. Обезумевшее животное взвилось, сверкая белками глаз сквозь черный пороховой дым, и упало вместе со всадником. С отчетливым, тошнотворным треском сломалась какая-то кость, и Кейли взревел от боли.

— Не надо! — завопил Соренсон со вставшей на дыбы кобылы. — Не стреляй! — Он судорожно дернул шпорами, отъехал ярдов на пятьдесят и остановился с поднятыми в воздух руками.

Грегг с трудом сообразил, что из-за шума, дыма и смятения швед не понимает, что произошло, не понимает, насколько беспомощен его противник. Отчаянный рев Кейли мешал Греггу сосредоточиться. Загадочная женщина высоко подняла плечи, словно пряча голову, и стояла, закрыв лицо руками.

— Оставайся на месте! — крикнул Грегг Соренсону и повернулся к женщине: — Нам надо уходить.

Она задрожала, но не сделала ни шагу. Грегг спрыгнул на землю, вытащил ружье из петель, подошел к женщине и повел ее к повозке. Она кротко подчинилась и позволила посадить себя на сиденье. Прямо за спиной Грегг услышал перестук копыт. Резко обернувшись, он увидел, что лошадь Кейли освободилась и помчалась галопом на восток, в направлении Портфилда.

Кейли лежал, сжимая изувеченное бедро. Он перестал кричать и, похоже было, потихоньку приходил в себя. Грегг подошел к раненому и на всякий случай вытащил у него

из-под пояса тяжелый пятизарядный револьвер со все еще взведенным курком.

— Тебе повезло, что он не выстрелил, — заметил Грегг, осторожно спустив курок и засунув револьвер себе за пояс. — Простреленная нога — не худшее, что могло случиться.

— Считай себя на том свете, Грегг, — слабо прохрипел Кейли с закрытыми глазами. — Сейчас Джош в отъезде... но он скоро вернется... и привезет тебя ко мне... живым... и я...

— Побереги силы, — посоветовал Грегг, стараясь не думать о своем будущем. — Джош рассчитывает, что его люди сами в состоянии постоять за себя.

Он направился к повозке и вскарабкался на сиденье рядом с опустившей голову женщиной.

— Сейчас я отвезу вас в город, но это все, что я могу для вас сделать, мадам. Куда вы направлялись?

— Направлялись? — Она как будто усомнилась в слове, и Грегг убедился, что английский не родной ее язык, хотя на мексиканку или испанку она тоже не походила.

— Куда вам надо попасть?

— Мне нельзя в город.

— Почему?

— Принц меня там найдет. Мне нельзя в город.

— Вот как?.. — Грегг щелкнул поводьями, и повозка покатила вперед. — Вас за что-то разыскивают?

Она колебалась, прежде чем ответить:

— Да.

— Что ж, вряд ли это так серьезно. К тому же они должны быть снисходительны. Я имею в виду, учитывая ваше положение...

Пока Грегг мучился в поисках подходящих слов, женщина все еще заметно дрожащей рукой откинула капюшон с лица. Стали видны чудесные золотые волосы, и про-

яснился возраст — лет двадцать пять. По бледной коже можно было предположить, что она выросла в городе. В нормальных условиях она поражала бы красотой, но сейчас ее черты были искажены страхом и пережитым потрясением и, вероятно, полным упадком сил. Ее серые глаза жадно ощупали его лицо.

— Мне кажется, что вы хороший человек, — медленно сказала она. — Где вы живете?

— В трех милях назад по тропе.

— С вами никого нет?

— Я живу один... — Прямота вопросов смутила Грегга, и он решил сменить тему: — Где ваш муж, мадам?

— У меня нет мужа.

Грегг отвел взгляд в сторону.

— А-а... Ну что ж, пожалуй, нам лучше все-таки податься в город.

— Нет! — Женщина привстала, словно собираясь спрыгнуть с повозки, затем схватила за свой раздутый живот, медленно осела и всей тяжестью навалилась на плечо Грегга. Он с тревогой огляделся в поисках чего-нибудь, что могло бы ему помочь, но увидел только Соренсона, который вернулся к Кейли и опустился рядом с ним на колени. Кейли уже сидел, и оба следили за повозкой с ненавистью змей.

Испуганный внезапностью, с какой жизнь вышла из-под контроля, Грегг выругался про себя и повернул лошадь к дому.

Это было маленькое ветхое строение, начавшее свое существование десятью годами раньше в качестве простой лачуги, которой изредка пользовались ковбои с большого, но пришедшего в упадок ранчо. Грегг купил его вместе с куском земли в те дни, когда казалось, что он сам сможет стать хозяином. Позже он пристроил еще две комнаты, что

придало строению несуразный залатанный вид. После рокового столкновения с людьми Портфилда, оставившего его калекой, едва способным управиться с грядкой овощей, Грегг продал почти всю землю прежнему владельцу, но дом сохранил. С точки зрения прежнего владельца, сделка была невыгодной, однако он пошел на нее — знак того, что местные жители ценят усилия Грегга по поддержанию закона и порядка.

— Ну вот.

Грегг помог женщине спуститься с повозки, вынужденный поддерживать большую часть ее веса и немало беспокоенный их близостью. Женщина оставалась для него полной загадкой, однако было ясно, что она не привыкла к грубому обращению. Он провел ее в дом и бережно усадил на самый удобный стул в большой комнате. Она откинулась на спинку, закрыв глаза и прижимая руки к животу.

— Мадам, — с тревогой окликнул ее Грегг, — может, пора?.. Я имею в виду... вам нужен доктор?

— Нет! Не надо доктора!

— Но если...

— То время еще надо мной, — сказала она уже более твердым голосом.

— Ну и хорошо — доктор живет милях в пятидесяти отсюда. До него почти как до ближайшего шерифа.

Грегг посмотрел на женщину и с удивлением отметил, что ее туго обтягивающее одеяние, сверкавшее на солнце, как новенький серебряный доллар, теперь приобрело густой сине-серый цвет. Он внимательно пригляделся к материи, но не заметил никаких швов. Его недоумение усилилось.

— Я в жажде, — произнесла женщина. — У вас есть пить?

— Я не разводил огня, так что кофе нет, но могу дать ключевой воды.

— Воды, пожалуйста.

— А еще есть виски и пульке. Я сам ее делаю. Вам бы не помешало.

— Воды, пожалуйста.

— Хорошо.

Грегг подошел к дубовой бадье, снял крышку и зачерпнул холодной воды. Повернувшись, он увидел, что женщина изучает голые бревенчатые стены и грубую мебель со смесью отвращения и отчаяния. Ему стало ее жалко.

— Это не дворец, — извинился он. — Но я живу тут один. Мне мало что надо.

— У вас нет женщины?

Снова Грегга поразили контраст между ее очевидной мягкостью и резкой прямоотой вопросов. Он подумал мимоходом о Рут Джефферсон, работавшей в лавке в Коппер-Кросс. Сложись обстоятельства по-иному, Рут могла бы стать здесь хозяйкой.

— Да нет...

Женщина взяла у него черпак и отпила.

— Я хочу остаться с вами.

— Конечно, вам надо передохнуть, — смущенно произнес Грегг в предчувствии того, что последует.

— Я хочу остаться на шесть дней. — Женщина подняла на него прямой и спокойный взгляд. — Пока не родится мой сын.

Грегг недоверчиво хмыкнул:

— Это не больница, а я не повивальная бабка.

— Я хорошо заплачу. — Она потянулась к своей накидке и извлекла пластинку желтого металла около восьми дюймов в длину и дюйма шириной, блестящую масляным глянцем высокопробного золота. — По одной за каждый день. Всего будет шесть.

— Ерунда какая-то... — пробормотал вконец сбитый с толку Грегг. — Я хочу сказать, что вы даже не знаете, будет ли шесть дней достаточно.

— Мой сын родится послезавтра.

— Кто может утверждать наверняка?..

— Я могу.

— Мадам, мне... — Грегг взвесил на ладони тяжелую металлическую пластинку. — Эта вещь стоит очень много денег... в банке.

— Она не краденая, если вас это беспокоит.

Грегг смущенно кашлянул, не желая противоречить госте или допрашивать ее.

— Я не имел в виду, что она украдена... Но сюда не слишком часто приезжают богатые дамы, чтобы рожать у меня детей. — Он криво улыбнулся. — По правде говоря, вы первая.

— Учтиво сказано, — ответила она, в свою очередь слабо улыбнувшись. — Я понимаю, как все это для вас странно, но у меня нет права объяснять. Могу лишь заверить, что я не нарушала никаких законов.

— Просто на какое-то время решили укрыться.

— Пожалуйста, поймите, что в других местах обычаи могут отличаться от тех, что приняты в Мексике.

— Прошу прощения, мадам, — удивленно поправил Грегг, — эта территория принадлежит Америке с 1848 года.

— Это вы меня простите. — Она заметно огорчилась. — Я никогда не была сильна в географии и нахожусь очень далеко от дома.

У Грегга сложилось впечатление, что с ним хитрят, и он решил не поддаваться.

— А как насчет Принца?

Солнечный луч, отражавшийся на черпаке, который она держала в руке, дрогнул и расплылся кругами.

— Я ошибалась, думая, что можно вовлечь вас, — произнесла она. — Я уйду, как только передохну немного.

— Куда? — Грегг усмехнулся, чувствуя себя вовлеченным независимо от ее или своего желания. — Мадам, вы, кажется, не понимаете, как далеко вы находитесь от чего угодно. Между прочим, как вы сюда попали?

— Я уйду немедленно. — Она с трудом поднялась, и ее лицо побелело еще сильнее. — Благодарю вас за ту помощь, которую вы оказали. Надеюсь, вы не откажетесь принять этот кусочек золота...

— Садитесь, — устало велел Грегг. — Если вы такая сумасшедшая, что хотите остаться и рожать здесь ребенка, то, полагаю, я достаточно сумасшедший, чтобы согласиться.

— Спасибо. — Женщина тяжело опустилась на стул, и Грегг понял, что она близка к обмороку.

— Не надо меня постоянно благодарить.

Грегг говорил намеренно грубовато, пытаясь скрыть смущение. На самом деле, к своему собственному удивлению, ему было приятно, что молодая, красивая женщина готова довериться ему после столь кратковременного знакомства. «Мне кажется, что вы хороший человек», — сказала она. И в этот миг он отчетливо осознал, какой серой и изнурительной была его жизнь эти последние два года. Искалеченный, высушенный десятилетиями тяжелого труда, он должен был бы стать невосприимчивым ко всяким романтическим бредням — особенно если учесть, что эта женщина скорее всего аристократка из иностранцев и не удостоила бы его взглядом при обычных обстоятельствах. Однако от факта, что он выступил на ее защиту и теперь подвергался большой опасности, уже не уйти. Женщина полагалась на него и была готова жить в его доме. Молодая, красивая и загадочная — комбинация, которая каза-

лась для него сейчас столь же неотразимой, какой была четверть века назад...

— Пора подумать о практической стороне дела, — сказал он словно в отместку разгулявшейся фантазии. — Можете располагаться на моей постели. Она чистая, но нам все равно понадобится свежее белье. Я поеду в город и кое-чем подзапасусь.

Женщина встревожилась:

— Это необходимо?

— Совершенно необходимо. Не беспокойтесь, я никому про вас не скажу.

— Благодарю, — сказала она. — А эти двое мужчин, которых я встретила?

— Что вы имеете в виду?

— Они, наверное, догадываются, что я у вас. Они не станут говорить об этом?

— Люди Портфилда не откровенничают с городскими, да и ни с кем из живущих здесь.

Грегг вытащил из-за пояса револьвер Кейли и собрался положить его в ящик буфета, когда женщина протянула руку и попросила показать ей оружие. Слегка удивленный, он дал ей револьвер и заметил, как дрогнула ее рука, приняв тяжесть.

— Это не женская игрушка, — прокомментировал он.

— Очевидно. — Она подняла на него глаза. — Какова скорость пули на вылете?

Грегг снова хмыкнул:

— Вас не должны интересовать такие вещи.

— Довольное странное замечание с вашей стороны, — сказала она, и в ее голосе прозвучала доля прежней твердости, — когда я только что выразила свой интерес.

— Извините, просто... — Грегг решил не напоминать про ужас, который охватил ее, когда он выстрелил из ру-

жья. — Я не знаю скорости вылета, но вряд ли она высокая. Это старый капсульный пятизарядный револьвер, сейчас таких немного. Понять не могу, чего ради Кейли его таскает.

— Ясно. — Она разочарованно вернула оружие. — От него нет никакого толка.

Грегг взвесил револьвер на ладони:

— Не поймите меня неправильно, мадам. Его неудобно заряжать, но против пули пятьдесят четвертого калибра не устоит ни один человек.

Говоря, он не сводил глаз со своей гостьи, и ему показалось, что при последних словах на ее лице промелькнуло странное выражение.

— Вы думаете о большом звере? — предположил он. — О медведе?

Она оставила его вопрос без внимания.

— У вас есть свое оружие?

— Да, но я не ношу его. Таким образом я не ввязываюсь в неприятности. — Грегг вспомнил события предыдущего часа. — Обычно, — добавил он.

— Какова скорость вылета пули у вашего оружия?

— Откуда мне знать? — Греггу было все труднее совместить поведение женщины с ее непонятным интересом к техническим характеристикам огнестрельного оружия. — В наших краях так об оружии не судят. У меня, к примеру, «ремингтон» сорок четвертого калибра, который всегда делает то, что я хочу, и этого мне вполне достаточно.

Невзирая на раздражение, сквозившее в его голосе, женщина оглядела комнату и указала на массивную железную кухонную плиту, на которой он готовил:

— Что произойдет, если вы выстрелите вот в это?

— Куски свинца разлетятся по всей комнате.

— Вы ее не прострелите?

Грегг хохотнул:

— Мадам, нет еще такого оружия, способного это сделать. Вы не могли бы поведать мне, откуда такое любопытство?

Он уже начал привыкать к тому, как она отвечала — меняя тему разговора.

— Вас зовут Билли-мальчик?

— Достаточно просто Билли. Раз уж мы собираемся перейти на имена.

— Меня зовут Морна. — Она одарила его мимолетной улыбкой. — Нет смысла соблюдать формальности... в данных обстоятельствах.

— Пожалуй, так. — Грегг почувствовал, как к щекам прилила кровь, и поспешно отвернулся.

— Вам когда-нибудь доводилось принимать ребенка?

— Это не моя специальность.

— Не беспокойтесь чересчур, — сказала она. — Я вас научу.

— Спасибо, — хрипло ответил Грегг. У него появились сомнения в благородном происхождении своей гостьи. Безусловно, об этом свидетельствовали ее внешность и — теперь, когда она больше не боялась, — определенная владность поведения. Но она, казалось, не имела ни малейшего представления, что существуют вещи, которые можно обсуждать лишь с самыми близкими.

Днем он отправился в город, поехав в объезд, подальше от ранчо Портфилда, и освободился от восьми галлонов пульке в салуне Уэйли. Стояла невыносимая жара, пропитанная потом рубашка липла к спине, но он позволил себе лишь одну кружку пива, перед тем как идти к Рут Джефферсон в лавку ее двоюродного брата. Грегг нашел Рут в кладовке, когда она пыталась взвалить мешок бобов

на нижнюю полку. Это была крепкая привлекательная женщина лет сорока, со все еще узкой талией и прямой осанкой, хотя годы вдовства и тяжелой работы проложили глубокие линии вокруг ее рта.

— Добрый день, Билли, — сказала она, услышав его шаги, а затем обернулась и пристально посмотрела на него. — Ты что задумал, Билл Грегг?

У Грегга дрогнуло сердце — именно это заставляло его всегда опасаться женщин.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что ты нацепил галстук в эту жару. И свою лучшую шляпу. И если не ошибаюсь, свои лучшие ботинки.

— Давай-ка помогу тебе с мешком, — сказал он, подходя ближе.

— Это чересчур тяжело для твоих рук.

— Как-нибудь справлюсь. — Грегг нагнулся, неуклюже прижал мешок к груди, затем выпрямился и бросил его на полку. — Ну? Что я тебе говорил?!

— Ты весь перепачкался, — неодобрительно сказала она и стала смахивать пыль платком.

— Ерунда, не шуми.

Несмотря на протесты, Грегг покорно застыл и позволил себя вычистить, наслаждаясь таким вниманием.

— Мне нужна твоя помощь, Рут, — сказал он.

Она кивнула:

— Я твержу тебе это не один год.

— По совершенно особому случаю. Я даже рассказать тебе не могу, пока ты не пообещаешь хранить секрет.

— Я так и знала! Я знала, что что-то случилось, как только ты сюда вошел!

Грегг добился желаемого обещания и стал описывать события. По мере его рассказа линии вокруг ее рта углуб-

лялись, в глазах появился жесткий блеск. Грегг с облегчением вздохнул, когда, едва закончил повествование, в магазин вошли две женщины и минут десять выбирали ткань. К тому времени Рут немного успокоилась, но Грегг видел, что она все еще кипит.

— Не понимаю тебя, Билли. Мне показалось, что ты кое-чему научился в последний раз, когда столкнулся с людьми Портфилда.

— А что мне оставалось делать? — сказал он. — Я должен был ей помочь.

— Этого-то я и боялась.

— Ты хочешь сказать...

— Билли Грегг, если я когда-нибудь узнаю, что ты спутался с какой-то девкой из салуна, а теперь у тебя хватило наглости просить моей помощи при родах...

— Рут! — Грегг был поражен до глубины души.

— Легче поверить в это, чем в то, что ты мне наплел.

Он вздохнул и вытащил из кармана слиток золота:

— Стала бы она мне платить? Вот этим?

— Думаю, нет, — согласилась Рут. — Но все-таки странно... Что это за имя — Морна? Откуда она?

— А я почему знаю?

— Да ты еще и побрился!.. — Она смотрела на него в растерянном изумлении. — Нет, мне просто необходимо повидать женщину, способную заставить Билли Грегга прихорашиваться. Интересно, что в ней такого, чего у меня...

— Спасибо, Рут... Слово с души свалился. — Грегг осмотрел просторное затемненное помещение, заполненное товарами. — Что мне надо взять с собой?

— Я соберу все необходимое и отвезу к тебе перед ужином. Возьму двуколку Сэма.

— Здорово. — Грегг благодарно улыбнулся. — Только езжай по западному пути.

— Теперь убирайся отсюда и дай мне заняться делом, — велела Рут. — Портфилдовские бродяги мне не помеха.

— Хорошо. До встречи. — Грегг уже повернулся к выходу, когда его внимание привлекли рулоны ткани, лежавшие на прилавке. Он потрогал кусок шелковистой ткани и нахмурился. — Рут, тебе приходилось слышать о материи, которая серебрится на открытом воздухе и становится синей в помещении?

— Никогда.

— Так я и думал.

Грегг подошел к двери, на мгновение задержался на пороге и вышел на зной и пыль главной улицы городка. Он взобрался на повозку, щелкнул поводьями и медленно покатился к поилке. Возле нее стоял молодой ковбой с пониженными пшеничными усами, терпеливо ждущий, пока напьется кобыла. Это был Кол Мэшэм, один из немногих сравнительно порядочных работников Джоша Портфилда. Грегг кивнул ему.

— А, Билли... — Мэшэм кивнул в ответ и вынул из рта трубку. — Говорят, повздорил поутру с Вольфом Кейли?

— Новости быстро расходятся.

Мэшэм огляделся.

— Тебе не мешает знать, Билли, — Вольфу совсем худо.

— Да, я слышал, как затрещала его нога, когда на него упала лошадь. Я тоже обязан ему парочкой сломанных костей. — Грегг с завистью принялся. — Недурной у тебя табачок.

— Это не просто перелом, Билли. Говорят, нога вся распухла и почернела. И у него лихорадка.

В разгар невыносимого полуденного зноя Греггу вдруг стало холодно.

— Ты хочешь сказать, он умирает?

— Похоже на то, Билли. — Мэшэм вновь огляделся по сторонам. — Никому не говори, что я тебе сказал, но через два-три дня вернется Джош. На твоём месте я бы не стал дожидаться.

— Спасибо за совет, сынок.

Грегг дождался, пока напилась лошадь, сел в повозку и тронул поводья. Лошадь покорно опустила голову, и вскоре повозка, покинув прохладную сень водопоя, выехала на жаркую улицу.

Грегг оставил Морну спящей на своей постели и вошел в дом тихо, боясь потревожить ее сон, но она уже сидела за столом. Морна сняла свое загадочное одеяние и осталась в простом синем платье с короткими рукавами. Перед ней лежала одна из десятка книг Грегга — потрепанный школьный атлас, раскрытый на карте Северной Америки.

Морна распустила волосы и выглядела еще красивее, но внимание Грегга привлекло странное украшение на ее запястье. Оно походило на круглый кусок темно-красного стекла величиной с доллар, окаймленный золотом и удерживаемый узким золотым браслетом. Под стеклом пульсировал лучик рубинового света, расположением и размером напоминающий стрелку часов; примерно через каждые две секунды он вспыхивал и гас.

Женщина подняла голову и улыбнулась, показав на атлас:

— Надеюсь, вы не возражаете...

— Пожалуйста, мадам.

— Морна.

— Пожалуйста... Морна. — Грегг всегда с трудом сближался с людьми. — Вам лучше?

— Да, я чувствую себя гораздо лучше, спасибо. Я не спала с... довольно долгое время.

— Понимаю.

Грегг сел за стол напротив и позволил себе внимательнее взглянуть на необычное украшение. По окружности стеклышка были нанесены метки, вроде как на компасе, а внутри продолжал пульсировать рубиновый лучик.

— Мне бы не хотелось совать нос в чужие дела, мадам... Морна... — сказал Грегг, — но за всю свою жизнь я не видел ничего подобного тому, что у вас на запястье.

— Пустяки. — Морна прикрыла украшение рукой. — Простая безделушка.

— Но каким образом она так вспыхивает?

— О, я не разбираюсь в подобных вещах, — беззаботно отмахнулась она. — Какая-то электроника.

— Что-то связанное с электричеством?

— Да-да, я и хотела сказать «электричество» — мой английский немного хромает.

— Но для чего она?

Морна рассмеялась:

— Разве ваши женщины носят только то, что приносит пользу?

— Пожалуй, нет, — с сомнением признал Грегг, чувствуя, что с ним снова хитрят. После нескольких первых неточностей Морна говорила по-английски очень уверенно, и он подозревал, что непонятные слова, которыми она пользовалась, — например, «электроника», — отнюдь не оговорка. Он решил при случае забежать к Рут и отыскать это слово в словаре.

Морна рассматривала атлас, на который в направлении «запад—восток» положила соломинку, так что один ее конец примерно обозначал расположение Коппер-Кросс.

— Судя по карте, мы в тысяче двухстах милях от Нового Орлеана.

Грегг покачал головой:

— Побольше.

— Я только что измерила.

— Это расстояние по прямой, — терпеливо разъяснил он. — Оно ничего не значит — если, конечно, не лететь, как птица.

— Но вы согласны, что тут тысяча двести миль?

— Верно — для птицы.

Грегг вскочил на ноги, причем, забывшись от раздражения, попытался сделать это так, как сделал бы любой нормальный человек — оттолкнувшись обеими руками от стола. Левый локоть отчетливо щелкнул и поддался; Грегг навалился плечом на стол. Смущенный, он встал — на сей раз не торопясь, стараясь не выказать боль, и подошел к плите.

— Надо приготовить горячей еды.

— Что у вас с рукой? — негромко спросила Морна из-за его спины.

— Вам совершенно ни к чему беспокоиться, — ответил он, удивляясь ее вниманию.

— Позвольте мне взглянуть, Билли. Может быть, я сумею помочь.

— Вы разве доктор?

Как он и ожидал, ответа не последовало. Но Грегг все-таки закатал рукава и показал ей свои изуродованные локтевые суставы. А размягчившись до такой степени, рассказал о том, как — в отсутствие блюстителей закона — он был настолько глуп, что позволил себя уговорить и стал неофициальным стражем порядка. И о том, как, проявив еще большую глупость, однажды встал на пути пьяного разгула Джоша Портфилда и четырех его дружков. Они по двое держали его за руки и до тех пор бросали взад-вперед, пока локти не вывернулись.

— Ну почему так всегда?.. — едва слышно выдохнула Морна.

— Что, мадам?

Морна подняла глаза.

— Я ничем не могу вам помочь, Билли. Суставы треснули и образовалась контрактура.

— Контрактура, да? — Грегг пометил еще одно слово для проверки.

— Сильно болит? — Она увидела выражение его лица. — Простите, глупый вопрос...

— Хорошо, что я пристрастился к виски, — сознался он. — Иначе не всякую ночь мог бы заснуть.

Она сочувственно улыбнулась.

— Боль мы, пожалуй, успокоим. В интересах, чтобы вы были как можно в более хорошей форме к... Какой сегодня день?

— Пятница.

— К воскресенью.

— О воскресенье не волнуйтесь, — сказал Грегг. — Скоро к нам придет друг. Женщина, — поспешно добавил он, когда Морна отступила назад и на ее лице появилось затравленное выражение.

— Вы обещали никому не говорить о моем присутствии!

— Но это именно ради вас. Рут Джефферсон — прекрасный человек, я знаю ее не хуже себя самого. Она не проболтается ни одной живой душе.

Морна слегка успокоилась.

— Она много для вас значит?

— Когда-то мы собирались пожениться.

— В таком случае я не возражаю, — сказала Морна, и глаза ее были непроницаемы. — Но, пожалуйста, помните, что вы сами решили рассказать ей обо мне.

* * *

Двуколка Рут Джефферсон показалась за час до заката.

Грегг, поджидавший ее снаружи, вошел в дом и постучал в открытую дверь спальни, где, не раздеваясь, спала Морна. Испуганно вскрикнув, она мгновенно очнулась и взглянула на свой браслет. Грегг заметил, что лучик света в украшении, словно стрелка необычного компаса, постоянно указывает на восток. Возможно, его подвело воображение, но ему показалось, что лучик пульсирует быстрее, чем утром. Но куда более странным и удивительным было само присутствие златовласой молодой женщины, появившейся из ниоткуда, носящей новую жизнь и теперь словно осветившей скучную обстановку его дома. Грегг вновь поймал себя на размышлениях о том, какие обстоятельства забросили это чудесное создание в такой дикий уголок мира.

— Рут будет через минуту, — сказал он. — Не хотите встретить ее?

— С удовольствием.

Морна улыбнулась, поднявшись, и подошла с ним к двери. Грегга немного удивило, что она даже не прикоснулась к волосам и не разгладила платье, — по его скромному опыту, первые встречи между женщинами бывали напряженными, — но потом он заметил, что ее незамысловатая прическа в полном порядке, а на синем платье нет ни одной морщинки, словно оно только что было снято с вешалки, — еще одно дополнение к досье любопытных фактов о загадочной гостье.

— Привет, Рут. Рад, что ты смогла выбраться.

Грегг остановил двуколку и помог Рут сойти.

— Еще бы, — сказала Рут. — Слыхал о Вольфе Кейли?

Грегг понизил голос:

— До меня доходили слухи, что он умирает.

— И что ты собираешься делать?

— А что я могу?

— Ты можешь выйти из дому, когда стемнеет, и чтоб духу твоего здесь не оставалось!.. Я, наверно, выжила из ума, предлагая такое, но.. Я могу остаться здесь и присмотреть за твоей подружкой.

— Это было бы нечестно. — Грегг медленно покачал головой. — Нет, я буду там, где нужен.

— А что, по-твоему, ты сможешь сделать, когда Джош Портфилд приведет сюда свою ораву?

— Рут, — сморщившись, прошептал он, — поговорим о чем-нибудь другом. Ты расстроишь Морну. А теперь идем. Я вас познакомлю.

Рут закатила глаза, но покорно пошла за ним в дом. Женщины молча пожали друг другу руки, а затем — совершенно неожиданно — обе начали улыбаться, как-то сразу распределив и приняв роли матери и дочки. Грегг понял, что они вступили в общение на таком уровне, который ему никогда не постичь, и благоговение перед женской мудростью укрепились в нем еще сильнее.

Его порадовало, что на Рут, явно ожидавшую подтверждения своих худших подозрений, Морна произвела большое впечатление. Этот факт, бесспорно, облегчит ему жизнь.

Женщины прошли в дом, а он тем временем разгрузил двуколку, внес в комнату плетеную корзину, прижимая ее к груди, чтобы не напрягать локти, и поставил на стол. Рут и Морна были поглощены разговором, и Рут молча указала ему на дверь, приказывая удалиться.

Грегг взял с полки пачку сигарет и, облегченно вздохнув, пошел в сарай, где готовилась пульке. Вообще-то он предпочитал самокрутки, но теперь, когда пальцы потеряли способность к тонкой работе, привык обходиться без них. Удобно устроившись на лавке, он закурил и стал с

удовлетворением обозревать медные змеевики, реторты и емкости с бродящим соком кактусов. Сознание, что в его доме находятся две женщины, одна из которых должна скоро родить, наполняло его новым, прежде не испытанным теплым чувством собственной значимости. Вдыхая тяжелый ароматный дух, Грегг погрузился в мечты, в которых Рут была его женой, Морна — его дочкой, а он вновь был способен выполнять мужскую работу и содержать свою семью...

— Не понимаю, как тут можно находиться... — Закутанная в шаль, на пороге стояла Рут. — Вряд ли этот смрад идет на пользу.

— Он никому еще не повредил, — сказал Грегг, поднимаясь на ноги. — Ферментация — часть природы.

— Как и коровьи лепешки.

Рут попятилась из сарайчика и остановилась, поджидая его снаружи. В красноватых лучах заходящего солнца она выглядела на удивление здоровой и привлекательной, преисполненной красотой зрелости и опыта.

— Мне пора возвращаться, — сказала она, — но утром я приеду и останусь до рождения малыша.

— Мне казалось, что суббота — самый тяжелый день у тебя в лавке.

— Так оно и есть, но Сэму придется обойтись без меня. Я не могу оставить это дитя одну. От тебя не много проку.

— Но что подумает Сэм?

— Что подумает Сэм — не имеет значения. Я скажу ему, что тебе нездоровится. — Рут помолчала. — Билли, как ты полагаешь, откуда она?

— Ума не приложу. Она толковала что-то о Новом Орлеане.

Рут задумчиво покачала головой:

— По ееговору не скажешь, что она из Луизианы. И у нее какие-то странные представления...

— Я заметил, — многозначительно произнес Грегг.

— Взять хотя бы то, что она постоянно твердит о сыне. Просто наотрез отказывается от мысли, что ребенок с таким же успехом может оказаться девочкой.

— Н-да... — Греггу пришли на память расспросы о технических характеристиках оружия. — Хотел бы я знать, от кого она убегает.

Лицо Рут смягчилось.

— Я читала немало книг о женщинах из знатных семей... всяких наследницах, которым не позволяли рожать, если отец ребенка простого происхождения.

— Рут Джефферсон, — широко улыбаясь, сказал Грегг, — я понятия не имел, что ты хозяйничаешь в своей маленькой лавке с головой, полной романтических бредней!

— Ничего подобного! — Рут покраснела. — Но только слепой не увидит, что Морна привыкла к роскоши. И вполне вероятно, что у нее нелады с родными.

— Возможно.

Грегг вспомнил ужас в глазах Морны. Интуиция подсказывала ему, что не родные причина такого дикого страха, но он решил не спорить. Он стоял и терпеливо слушал наставления Рут: как устроиться на ночь в соседней комнате и какой приготовить утроем завтрак.

— И не смей притрагиваться сегодня к спиртному! — закончила Рут. — Не хватало только, чтобы ты валялся пьяный, когда начнутся схватки. Ты меня понял?

— Понял, понял. Я все равно не собирался пить. Ты думаешь, что ребенок действительно родится в воскресенье?

— Почему-то — не знаю почему, — Рут взгромодилась на сиденье и взяла в руки поводья, — я склонна ей верить. До встречи, Билли.

— Спасибо, Рут.

Грегг проводил взглядом двуколку, пока та не скрылась из виду за скалой у подножия холма, на котором стоял его дом, и зашел внутрь. Дверь в спальню была закрыта. Из одеял, приготовленных для него Рут, он соорудил на полу постель, но сон не шел. Посмеиваясь от сознания вины, Грегг щедро плеснул себе кукурузной водки из каменного кувшина, стоящего в буфете, и со стаканом в руке устроился на самом удобном стуле. Тлеющий уголек солнца наполнял комнату мягким светом, и, потягивая из стакана, Грегг блаженно расслабился.

Он даже позволил себе надеяться, что Морна останется с ним дольше, чем на шесть запланированных дней.

Грегг очнулся на заре, все в той же позе с пустым стаканом в руке. Он хотел поставить стакан и чуть не в голос застонал, согнув больной локоть, — словно об обнаженный нерв крошили осколки стекла. Ночью, должно быть, похолодало, и незащищенные руки застыли больше обычного. Грегг с трудом поднялся и с досадой заметил, что рубашка и штаны безнадежно помяты. Ему в голову тут же пришло, что одинокому холостяку хорошо бы иметь несминаемые штаны из такой материи, как у...

Морна!

События прошедшего дня мгновенно ожили в его памяти. Грегг заспешил к плите и стал чистить ее, чтобы развести огонь. Рут велела подогреть молока, сварить на завтрак овсянку и принести ей в комнату тазик теплой воды. Отчасти из-за спешки, отчасти из-за неловкости пальцев он несколько раз ронял щипцы и не был удивлен, когда дверь в спальню отворилась. На пороге появилась Морна в цветистом халатике, который, очевидно, привезла для нее Рут.

Привычный женственный покррой одежды сделал Морну еще более привлекательной и доступной в глазах Грегга.

— Доброе утро, — сказал он. — Прошу прощения за шум. Надеюсь, я не...

— Я уже выпалась. — Она прошла в комнату, села за стол и положила второй слиток золота. — Это вам, Билли.

Он запротестовал:

— Того, что вы дали мне вчера, более чем достаточно за всю мою помощь.

Морна грустно улыбнулась, и Грегг внезапно осознал, что имеет дело не с юной хозяйкой, предлагающей деньги за домашние услуги.

— Вы рисковали ради меня своей жизнью. И думаю, если понадобится, снова станете на мою защиту. Да?

Грегг отвел взгляд.

— Ничего особенного я не сделал.

— Нет, сделали! Я наблюдала за вами, Билли, и видела, что вы боитесь. Но вы сумели справиться с собой, сдерживать свой страх и стали еще сильнее, а не слабее. А на это способны даже не все мои соотечественники.

Морна замолчала и прижала побелевшие костяшки пальцев к губам, словно боясь сказать лишнее.

— Нам следует подкрепиться. — Грегг повернулся к плите. — Сейчас разведу огонь.

— Вы не ответили на мой вопрос.

Он переступил с ноги на ногу.

— На какой?

— Если сюда кто-нибудь придет, чтобы убить меня и моего сына... вы станете защищать нас, даже подвергая свою жизнь опасности?

— Ерунда какая-то! — возмутился Грегг. — Кому придет в голову вас убивать!

Она перехватила его взгляд.

— Я жду ответа, Билли.

— Я... — Слова давались ему с трудом, словно он объяснялся в любви. — Разве на это нужно отвечать? Как по-вашему, неужели я убегу?

— Нет, — мягко произнесла она. — Лучшего ответа мне не надо.

— Очень приятно.

Слова прозвучали грубее, чем хотелось Греггу, потому что образ Морны-дочери то и дело сменялся образом Морны-жены, хотя он едва знал ее, хотя она носила под сердцем жизнь, зачатую другим мужчиной. Его угнетали греховность этих мыслей и страх выставить себя на посмеище, и в то же время он был глубоко тронут ее доверием. Ни простой мужчина, ни Принц, ни даже сам Князь Тьмы не причинят ей зла и не огорчат ее, пока он находится рядом. Разжигая огонь в плите, Грегг решил при первой же возможности проверить состояние своего «ремингтона» и старого «трантера», отобранного у Вольфа Кейли. Только бы не увидели Морна и Рут...

Словно угадав его мысли, Морна спросила:

— Билли, у вас нет длинноствольного оружия? Винтовки?

— И не было никогда.

— А почему? Длинный ствол позволит заряду передать пуле больше энергии, оружие будет эффективнее.

Грегг, умышленно не оборачиваясь, пожал плечами. Ему было неприятно слышать, как чистый высокий голос Морны произносит слова из лексикона оружейника.

— Не было нужды.

— Но почему? — настаивала Морна.

— Зачем мне? Даже со здоровыми кулаками я не очень-то ловко управлялся с винтовкой и поэтому вовсе ее не держал. Понимаете, в наших краях закона практически нет. Если один человек из револьвера убивает другого, то это в

порядке вещей и не считается преступлением при условии, что у того тоже был револьвер. Даже если покойнику не предоставили никакой возможности его вытащить, все равно это рассматривается как честная схватка. То же самое, если у обоих — винтовки, но винтовка не для меня. А я вовсе не хочу, чтобы меня могли ухлопать на расстоянии двухсот ярдов и заявить, что это самооборона.

Грегг давно уже не произносил такой длинной речи и свое раздражение выместил на золе, которую принялся ворошить с чрезмерной энергией.

— Понимаю, — задумчиво произнесла Морна. — Разновидность дуэли. Вы метко стреляете из револьвера?

В ответ Грегг с лязгом захлопнул печную дверцу.

Ее голос приобрел уже знакомую ему властность.

— Билли, вы метко стреляете из револьвера?

Он резко повернулся, выставив вперед руки таким образом, что стали видны бесформенные, распухшие локти.

— Прицеливаться я могу точно так же, как и раньше, но времени теперь у меня уходит столько, что я в подметки не гожусь любому сосунку. Ну, довольны?

— Мы не должны злиться друг на друга. — Морна поднялась и сжала его протянутые руки. — Вы любите меня, Билли?

— Да. — Ответ донесся до Грегга словно издалека, словно не он произнес это слово.

— Я горжусь этим... Подождите.

Морна удалилась в спальню, порылась в своей накидке и вернулась с предметом, на первый взгляд похожим на кусочек зеленого стекла. Когда же Морна приложила его к левому локтю, Грегг с удивлением почувствовал, что он эластичен, как оленья кожа. Грегг ощутил тепло, и по суставу забегали мурашки.

— Согните руку, — приказала Морна бесстрастным голосом армейского костоправа.

Грегг молча повиновался — и не почувствовал никакой боли, никаких крошащихся стеклянных игл. Пока он, не веря самому себе, сгибал и разгибал левую руку, Морна повторила операцию на правой руке с тем же чудодейственным результатом. Впервые за два года Грегг смог сгибать и разгибать руки, не испытывая никаких затруднений.

Морна улыбнулась:

— Ну как?

— Как новые. Просто как новые!..

— Они никогда не будут такими здоровыми и сильными, как прежде, — сказала Морна, — но боль не вернется, обещаю.

Она удалилась в спальню и вышла через минуту уже без удивительного стеклышка.

— По-моему, вы говорили о еде...

Грегг медленно покачал головой:

— Что-то тут неладно. Вы не та, за кого себя выдаете. Никто на свете не мог бы...

— Я ни за кого себя не выдаю, — оборвала его Морна.

— Быть может, я не так выразился...

— Не надо, Билли. Кроме вас, у меня никого нет.

Морна тяжело опустилась на стул и закрыла лицо руками.

— Простите.

Грегг хотел прикоснуться к ней, успокоить, и тут, впервые за все утро, обратил внимание на золотой браслет. Заключенный внутри лучик света по-прежнему указывал на восток, но вспыхивал определенно ярче и чаще, чем вчера. Грегг не мог избавиться от ощущения, что огонек предупреждает его о какой-то надвигающейся опасности...

* * *

Верная своему слову, Рут прибыла в самом начале дня.

Она привезла кое-какие запасы, включая кувшин мясного бульона, для сохранения тепла закутанный в одеяло. Грегг был рад ее видеть и благодарен за ту истинно женскую деловитость, с какой она взялась хлопотать по хозяйству, и все же он, к некоторой досаде, почувствовал себя лишним. Все больше и больше времени он проводил в сарайчике, в окружении перегонных аппаратов, и та светлая минута, когда он говорил с Морной о любви, стала казаться ему плодом воображения. Он не тешил себя надеждами, что она имела в виду любовь между мужем и женой. Может быть, даже не любовь между отцом и дочерью, но само упоминание этого слова на короткий момент озарило его жизнь, сделало ее осмысленной.

Рут, напротив, говорила преимущественно о ценах на продукты, о погоде, о местных новостях, и в окружающей атмосфере привычной повседневности Грегг не решился рассказать о чудесном исцелении рук. Он смутно опасался, что Рут откажется этому поверить и, отняв эту веру у него, сведет на нет волшебную магию. Рут зашла к нему в сарай в полдень, зажимая нос платком, но лишь для того, чтобы сообщить, что Кейли вряд ли протянет до вечера и что Джош Портфилд со своими людьми выехал из Соноры.

Грегг поблагодарил за информацию, и виду не подав, что она его касается. Однако при первой же возможности он вынес из дому «ремингтон» и «трантер» и порядком повозился с ними, прежде чем убедился в их работоспособности.

Портфилд всегда оставался для Грегга загадкой. Он унаследовал от отца все земли, приносящие немалый доход, и, казалось бы, ничто не толкало его на незаконные действия. Вкус к насилию он приобрел во время войны, и

вечно бурлящая территория Мексики, лежащая неподалеку к югу, притягивала его как магнитом. Время от времени он собирал пеструю компанию и отправлялся в очередной рейд за границу. При этом долгие месяцы Портфилд вел совершенно нормальный образ жизни, и его никак нельзя было назвать бешеным зверем. Просто у него, судя по всему, полностью отсутствовало всякое представление о добре и зле.

Так, он искренне считал, что поступил с Грегом милосердно, не убив его, а лишь искалечив руки за попытку помешать пьяному веселью. С тех пор, встречая Грегга где-нибудь на дороге или в Коппер-Кросс, он обращался к нему самым дружеским образом, искренне полагая, что заслужил его благодарность и уважение. Вот уж поистине, пришел к выводу Грегг, каждый человек живет в своем собственном мире.

Вполне возможно, что, узнав о происшествии с Кейли, Портфилд попросту пожмет плечами и отмахнется, дескать, любой его работник должен самостоятельно управляться со стареющим калекой. Такие случаи, когда Портфилд приходил к самым неожиданным заключениям, были известны. Но сейчас Грегг подозревал, что молот гнева Портфилда обрушится неумолимо и он, Грегг, окажется под ним. Каким-то непостижимым для него образом эти опасения питались и усиливались загадочными страхами Морны.

За трапезой, когда все трое сидели за грубым деревянным столом, он отмалчивался и предоставлял Рут вести беседу. Разговор в основном вертелся вокруг домашних дел, в которых Морна могла бы приоткрыть завесу тайны, но та искусно избегала ловушек Рут.

Поздно вечером у Морны начались схватки, и с этого момента Грегг был низведен Рут до положения всем меша-

ющего предмета мебели. Он безропотно смирился с таким отношением, хорошо зная о сдерживаемой неприязни к мужчинам и раздражительности женщин во время родов, и покорно выполнял все поручения. Лишь изредка задумчивый взгляд Морны напоминал ему о существовавшем между ними тайном соглашении, о котором Рут, несмотря на свою попечительскую уверенность, даже не подозревала.

Ребенок родился в воскресенье в полдень. Как и предсказала Морна — мальчик.

— Не позволяй Морне напрягаться, — сказала утром в понедельник Рут, садясь в двуколку.

Грегг кивнул:

— Не волнуйся. Я управлюсь сам.

— Уж постарайся. — Рут взглянула на него с внезапным интересом. — Как твои руки в последнее время?

— Лучше. Мне гораздо лучше.

— Отлично. — Рут подобрала поводья, но уезжать не спешила. Она медленно перевела взгляд на порог дома, где, укачивая ребенка, стояла Морна. — Ты небось не дождешься, пока я уеду и оставлю тебя с твоим готовым семейством...

— Ну, Рут, как можно... Тебе ли не знать, как я ценю все, что ты сделала. Ты ведь не ревнуешь?

— Ревную? — Рут покачала головой и посмотрела ему прямо в глаза. — Морна странная девушка. Она не похожа на меня и не похожа на тебя, но я чувствую, что между вами что-то происходит.

У Грегга вновь зашевелились смутные страхи перед ошибочной интуицией Рут.

— Вот заладила одно и то же, словно один из этих новых фонографов...

— Я имею в виду не то, что ты думаешь, — быстро сказала Рут. — Но тут определенно что-то есть. Мне ли тебя не знать?

— Я заеду через пару дней, чтобы оплатить счет. — Грегг поспешил перевести разговор. — Как только продам один из этих золотых слитков.

— Постарайся успеть до возвращения Джоша Портфилда.

Рут шелкнула поводьями и покатила вниз по склону. Грегг глубоко вздохнул и, прежде чем вернуться в дом, некоторое время задумчиво вглядывался в даль. Морна была все так же одета в пестрый домашний халатик и, убаюкивая на руках завернутого в шаль младенца, выглядела как всякая молодая мать. Облику не соответствовал лишь золотой браслет на запястье. Даже в ярких лучах утреннего солнца было видно, как пульсирует малиновый огонек. Его бег явно ускорился. В эти два дня невольного уединения Грегг немало думал о необычном украшении и пришел к выводу, что разгадал если не принцип действия, то по крайней мере назначение этого устройства. Он чувствовал, что настала пора откровенного разговора.

Морна вошла в дом вместе с ним. Роды прошли легко, но ее лицо все еще было бледным и напряженным, и в улыбке, с которой она взглянула на него, сквозило ожидание.

— Как странно, что мы снова вдвоем, — тихо сказала она.

— Очень странно. — Грегг показал на вспыхивающий браслет. — Похоже, это ненадолго.

Морна резко села, и ребенок, недовольный внезапным движением, поднял крохотную розовую ручонку. Она прижала его к груди и опустила голову, касаясь своим лбом лобика сына. Ее длинные волосы разметались, укрывая младенца золотыми прядями.

— Простите, — произнес Грегг, — но я должен знать, кто приближается к нам с той стороны, куда указывает стрелочка. Я должен знать, с кем драться.

— Я не могу сказать вам этого, Билли.

— Ясно... Я имею право быть убитым, возможно, но не имею право знать, кем или ради чего.

— Пожалуйста, не надо, — проговорила она. — Поймите... я ничего не могу вам сказать.

Грегг почувствовал укол раскаяния. Он подошел к Морне и опустился перед ней на колени.

— Почему бы нам вдвоем — то есть втроем не уехать отсюда прямо сейчас? Мы можем собраться за десять минут — и ищи нас!

Морна, не поднимая глаз, покачала головой:

— Это ничего не даст.

— Это много что даст для меня.

Морна подняла голову и посмотрела на него тревожным, полным участия взглядом.

— Тот человек — Портфилд — попытается вас убить?

— Рут нажаловалась? — Грегг раздраженно прищелкнул языком. — Ну зачем это она? У вас достаточно...

— Он попытается вас убить?

Грегг вынужден был сказать чистую правду.

— Ему и пытаться нечего. Он разъезжает в компании семи-восьми головорезов, и уж если они надумают кого-то прикончить, то это не доставит им хлопот.

— О! — Морна, казалось, обрела долю прежней решимости. — Мой сын еще не в состоянии переезжать, но я постараюсь подготовить его как можно скорее. Постараюсь изо всех сил.

— Ну и хорошо, — неуверенно сказал Грегг.

Он смутно чувствовал, что разговор каким-то образом вышел за пределы его понимания. Но он уже потерял инициативу и совершенно не мог противостоять женским слезам.

— Значит, договорились. — Он встал и взглянул на до нелепости крохотное существо. — Выбрали имя малышу?

Морна сразу успокоилась, лицо ее озарила счастливая улыбка.

— Слишком рано. Время именованья еще над ним.

— По-английски правильнее сказать, что будущее впереди нас, а не над нами, — мягко поправил Грегг.

— Но это подразумевает линейное... — Морна осеклась. — Вы правы, конечно, мне следовало сказать: время именованья еще впереди.

— Моя мама была школьной учительницей, — зачем-то сказал Грегг, вновь чувствуя, что они не понимают друг друга. — У меня есть кое-какая работа во дворе, но я буду поблизости, если понадобится.

Уже на пороге, закрывая за собой дверь, Грегг кинул взгляд в комнату. Морна опять склонилась над сыном, прижавшись к нему лбом. Он никогда не видел, чтобы так делали другие женщины. Грегг отмахнулся от этого, как от одной из наименее загадочных ее странностей.

Никакой неотложной работы во дворе не было, но всем своим существом он чувствовал, что настало время поглядывать за окрестностями. Грегг медленно поднялся на седловину холма, то и дело обходя валуны, напоминавшие пасущихся овец, и сел на восточном гребне. Глядя в подзорную трубу, он не обнаружил никаких признаков активности ни в направлении ранчо Портфилда, ни на тропе, что уходила на юг к Коппер-Кросс. Грегг перевел трубу на восток, к месту, где между северными оконечностями Сьерра-Мадре и горами Сакраменто несла воды невидимая отсюда Рио-Гранде.

«Не поддавайся страху, — с раздражением подумал он. — Ничто не может пересекать страну по прямой словно птица, — кроме птицы».

Остаток дня Грегг провел на своем наблюдательном пункте, время от времени спускаясь к дому, — надо было

посмотреть, как там Морна, приготовить нехитрую еду и вскипятить воду для стирки пеленок. Он с удовольствием отметил, что ребенок почти все время спит, значит, Морна может неплохо отдохнуть. Порой ему вспоминались слова Рут: «Твое готовое семейство», и он понял, насколько они верны. Даже в этих странных обстоятельствах было что-то трогательное, приносящее глубокое удовлетворение и радость, оттого, что под его крышей находятся женщина и ребенок, именно в нем, и ни в каком другом мужчине, ищут они свою безопасность и покой. Это делало его самого как-то больше, значительнее. Несмотря на все свои усилия, Грегг не мог отказаться от мысли, что если бы они с Морной бежали вместе на север, она, вероятно, никогда бы не вернулась к своей прежней жизни. Случись это, он и в самом деле мог бы приобрести готовую семью...

Впрочем, даже в мыслях нельзя заходить так далеко...

Поздно вечером, когда солнце утонуло за Мехикали, Грегг увидел одинокого всадника, приближающегося со стороны ранчо Портфилда. Всадник ехал не спеша, ленивым шагом, и тот факт, что он один, действовал успокаивающе, но Грегг решил не рисковать. Он спустился к дому, достал из тайника в сарае свой «ремингтон» и занял позицию за скалой на повороте тропы.

Всадник, сгорбившись, тяжело осел в седле, словно задремав. Шляпа была надвинута глубоко на глаза, защищая их от косых лучей солнца. Грегг узнал Кола Мэшэма, молодого ковбоя, с которым он разговаривал в городе в пятницу.

— Каким ветром тебя занесло в эти края, Кол? — крикнул он.

Мэшэм дернулся, резко выпрямился, челюсть его от удивления отвисла.

— Билли? Ты еще здесь?

— А что, не похоже?

— Черт подери, я полагал, что ты давно уже смотался.

— И решил посмотреть, что после меня осталось, — не так ли?

Мэшэм ухмыльнулся в длинные усы:

— Ну, если бы ты вдруг забыл свои кувшины с пульке, то с таким же успехом они могли бы достаться мне, а не кому-нибудь другому. В конце концов, именно я...

— Ты можешь выпить за мой счет в любое время, — твердо заявил Грегг, — только не сейчас. Лучше иди своей дорогой, Кол.

Такой тон Мэшэму не понравился.

— Сдается мне, не на того ты наставляешь свою винтовку. Ты знаешь, что Вольф Кейли мертв?

— Не слышал.

— Ну так я тебе говорю. А Большой Джош завтра будет дома. Сегодня днем прискакал Макс Тиббет и, как только узнал про Вольфа, сразу взял свежую лошадь и снова помчался на юг — сообщать Джошу. Ты зря здесь остался, Билли.

В голосе Мэшэма звучало участие. Казалось, он был искренне расстроен упрямством и глупостью Грегга.

Грегг задумался:

— Идем со мной. Только не шуми — у меня дома гостя и новорожденный ребенок. Я не хочу их тревожить.

— Спасибо, Билли.

Мэшэм спешился и пошел за Греггом. Он принял тяжелый каменный кувшин, с любопытством взглянул в сторону дома и уехал, прижимая к груди драгоценную добычу.

Грегг следил, пока он не скрылся из виду. Потом решил, что имеет право выпить, чтоб как-то нейтрализовать действие только что полученных вестей, и отложил «ремингтон» в сторону. Проходя по двору, посмотрел в окно,

чтобы узнать, в комнате ли Морна. Он собирался кинуть лишь беглый взгляд, но неожиданная картина остановила его на полушаге.

Морна была в своем синем платье, казалось, перешитом на ее теперь похудевшую фигуру, хотя Грегг не замечал ее или Рут за шитьем. Она расстелила на столе простыню, и на самой середине лежал голый ребенок. Морна стояла рядом, обеими руками сжимая головку сына. Глаза ее были закрыты, губы беззвучно двигались, бледное лицо окаменело, словно у жрицы, совершающей древний обряд.

Греггу страстно хотелось отвернуться, он стыдился своего непрошеного вмешательства, но во внешности Морны происходила перемена, и эта перемена буквально приковала его к месту. Золотистые волосы Морны начали шевелиться, словно зажив собственной жизнью. Ее голова оставалась совершенно неподвижной, но постепенно — прошло от силы десять секунд — волосы расправились, каждая прядь, каждый волосок стали прямыми, жесткими и образовали яркий грозный нимб. У Грегга пересохло во рту при виде кошмарного превращения молодой матери в подобие ведьмы. Морна стала сгибаться в поясе, пока ее лоб не коснулся лба младенца.

Наступил миг полной неподвижности — а потом ее тело стало прозрачным.

По спине Грегга пробежали ледяные мурашки, когда он понял, что смотрит сквозь нее. Морна по-прежнему находилась в комнате, и все же очертания стен и мебели отчетливо проступали сквозь ее тело, словно Морна была картинкой спроецированной на них волшебным фонарем.

Младенец беспорядочно размахивал ручонками, но, судя по всему, происходящее не оказывало на него никакого действия. Морна оставалась в том же состоянии — между вещественным и иллюзорным — еще несколько се-

кунд, потом неожиданно стала такой же реальной, как прежде. Она выпрямилась, пригладила волнисто улегшиеся волосы и повернулась к окну.

Грегг в страхе рванулся в сторону, согнувшись пополам, словно человек, уклоняющийся от ружейного огня, и помчался за укрытие повозки, которую оставил позади дома. Там он съежился, с трудом переводя дыхание, и замер, пока не убедился, что Морна его не заметила, затем вернулся на седловину холма, тяжело опустился на землю и закурил. Несмотря на успокаивающее действие сигареты, прошло немало времени, прежде чем его сердце перестало выскакивать из груди. Грегг не был суеверным человеком, но из немногих прочитанных книг он почерпнул сведения, что существуют женщины, которые умеют колдовать, и им часто приходится спасаться от преследования. Какая-то часть его ума восставала против применения слова «ведьма» к такому беззащитному созданию, как Морна, но того, что он видел, тоже нельзя было отрицать, как невозможно забыть и прочие странности гостыи.

Он провел на седловине еще час, выкурив несколько сигарет, а потом пошел домой. Ребенок мирно спал в корзине, которую привезла для него Рут, а Морна — румяная, душистая и красивая, как свежесдобитый яблочный пирог, — зажгла масляный фонарь и варила кофе. Она даже сняла свой золотой браслет, словно специально для того, чтобы стереть всякое напоминание о своей необыкновенности. Однако, когда Грегг заглянул в темную спальню, он увидел рубиновое мерцание. Огонек загорался так часто, что вспышки сливались в почти непрерывный сигнал тревоги.

Было уже далеко за полночь, когда Грегг наконец заснул.

Утром его разбудил слабый, жалобный крик младенца. Он прислушался, ожидая, что сейчас подбежит Морна, но

никаких других звуков из-за закрытой двери спальни не доносилось. Кем бы ни была Морна, она оказалась очень заботливой матерью, и то, что она не поспешила к ребенку, в первый момент удивило Грегга, а потом стало его беспокоить. Он поднялся, натянул штаны и постучал в дверь спальни. Ответа не последовало, лишь регулярно, словно с каждым вздохом, кричал ребенок. Он снова постучал, громче, и распахнул дверь.

Младенец копошился в корзине у кровати — Грегг видел, как он размахивает крохотными кулачками, — но Морны не было.

Не в силах поверить своим глазам, Грегг обошел всю комнату и даже заглянул под кровать. По отсутствию одежды, включая и накидку, он заключил, что Морна встала затемно, оделась и вышла из дома. Для этого ей надо было пройти всего в нескольких футах от того места, где на полу большой комнаты спал Грегг, а он был уверен, что это не под силу ни самому опытному вору, ни самому искусному индейскому следопыту. Но в конце концов — в его памяти всплыли события прошедшего дня — он мыслит в рамках нормального человеческого существа, а Морна...

Ребенок заходился криком, плотно сжав глаза, единственным доступным способом протестуя против отсутствия еды и материнской ласки. Грегг беспомощно глядел на него, и ему в голову пришло, что Морна покинула их насовсем, оставив младенца на его попечение.

— Держись, старина, — проговорил Грегг, сообразив, что не осмотрел окрестности вокруг дома.

Он вышел и закричал «Морна!». Голос, поглощенный застывшей утренней тишиной, растаял в воздухе, и только лошадь, щипавшая траву, на мгновение удивленно подняла голову. Грегг торопливо проверил оба строения — сарай с перегонным аппаратом и покосившуюся будку, служив-

шую туалетом, — и решил, что ребенка надо немедленно везти в город к Рут. Он не имел ни малейшего представления, сколько такой младенец может обходиться без пищи, и не хотел рисковать. Чертыхаясь про себя, Грегг повернулся к дому и застыл на месте, увидев на тропе серебристое искрение.

Закутанная в накидку, Морна появилась из-за скалы и шла к нему, неся в руке маленький голубой сверток. Облегчение, которое испытал Грегг при ее появлении, разом за глушило все страхи минувшей ночи, и он побежал ей навстречу.

— Где вы были? — закричал он издалека. — Что это вы вздумали убежать?

— Я не убегала, Билли. — Она устало улыбнулась. — Мне надо было кое-что сделать.

— Что вам такого надо было сделать? Ребенок плачет, хочет есть!

Юное лицо Морны застыло в неожиданно суровом выражении.

— Что такое голод? Можно и потерпеть.

— Мне странно слышать такие слова, — проговорил захваченный врасплох Грегг.

— Для вас будущего попросту не существует, не так ли? — Морна глядела на него со смесью жалости и гнева. — Вы никогда не загадываете вперед? Забыли, что у нас есть... враги?

— Я принимаю все, как оно есть. Чего загадывать?

Морна чуть не кинула в него сверток.

— Тогда принимайте!

— Что это? — Грегг взял пакет и тут же увидел, что он сделан не из бумаги, как ему показалось, а из тонкой прочной материи — гладкой на ощупь, более мягкой, чем клеен-

ка, и без характерной текстуры ее изнаночной стороны. — Из чего он?

— Новый водонепроницаемый материал, — нетерпеливо отмахнулась Морна. — Важно содержимое.

Грегг открыл пакет и вынул большой черный револьвер. Он был значительно легче, чем можно было бы предполагать по его размерам, и напоминал кольт, только с более мягкими очертаниями и с углублениями для пальцев на рукоятке. Греггу никогда еще не приходилось иметь дело с оружием, которое так удобно лежало бы в руке. Его внимание привлек рифленый барабан на шесть патронов, который выдвигался в сторону для облегчения перезарядки, — такого он тоже никогда прежде не встречал. Револьвер внешне был очень скромным, без украшений, но выделан был с удивительным совершенством, куда лучше, чем можно было себе вообразить. Грегг заметил гравировку сбоку длинного ствола.

— Кольт 44 магнум, — медленно произнес он. — Никогда не слышал. Откуда вы его взяли, Морна?

Она заколебалась:

— Я оставила его возле дороги, у того места, где мы впервые встретились. Пришлось встать пораньше, чтобы успеть сходить за ним.

Грегг не сомневался, что это выдумка, но все его внимание было приковано к револьверу.

— Я имею в виду, откуда вы его вообще достали? Где можно купить такое оружие?

— Это не имеет значения. — Морна зашагала к дому. — Главное — сумеете ли вы им пользоваться?

— Наверное, — сказал Грегг, заглянув в голубой пакет, где еще находилась картонная коробка с медными патронами. Крышки у коробки не было, и несколько патронов

выпало на дно пакета. — Очень красивая игрушка. Но вряд ли она много лучше моего «ремингтона».

— Мне бы хотелось, чтобы вы попробовали. — Морна шла так быстро, что Грегг едва за ней поспевал. — Посмотрите, сможете ли вы его зарядить.

— Сейчас? Вы не хотите взглянуть на малыша?

Они вышли на ровную площадку перед домом, куда доносились крики младенца.

Морна бросила взгляд на свое запястье, и Грегг увидел, что золотое украшение светится ровным малиновым светом.

— Мой сын может подождать. — Ее голос прозвучал ровно и твердо, и все же Грегг уловил в нем панику. — Пожалуйста, зарядите револьвер.

— Как угодно.

Грегг подошел к повозке, очистил площадку от соломы, положил оружие и под пристальным взглядом Морны осторожно высыпал патроны. Патроны были центрального боя и, как сам револьвер, отделаны с необыкновенным совершенством. Кончики пуль сияли, словно полированная сталь.

— Все становится чересчур шикарным и дорожает, — недовольно проворчал Грегг.

Немного повозившись, он сообразил, как откинуть ба-
рабан, и вставил шесть патронов. Коробка перевернулась, и на нижней стороне показалась бледно-синяя надпись: *Окт. 1978*. Грегг подобрал ее и протянул Морне:

— Интересно, что это значит?

Ее глаза слегка расширились, потом она равнодушно отвернулась.

— Пометка производителя. Просто номер партии.

— Похоже на дату, — вслух размышлял Грегг. — Только они ошиблись и поставили...

Он не закончил, потому что Морна вдруг выбила коробку из его рук.

— Да займитесь же делом, болван! — закричала она, топча коробку ногами. Ее бледное лицо искажала ярость, глаза жгли насквозь. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Потом ее губы задрожали. — Простите, Билли. Пожалуйста, простите меня... но над нами совсем нет времени... я боюсь.

— Ладно, ладно, все в порядке, — неловко пробормотал Грегг. — Я знаю, что часто бываю занудлив, — Рут вечно твердит мне об этом, кроме того, я так долго жил один...

Морна взяла его за руку:

— Не надо, Билли... Вы хороший, добрый человек, но я хочу, чтобы вы... сейчас же, немедленно... научились пользоваться этим оружием.

Иногда ее спокойный, сдержанный тон убедительнее действовал на Грегга, чем любой крик.

— Хорошо.

Он отвернулся от повозки, выискивая любую цель, и большим пальцем потянулся к ударнику револьвера.

— Это не обязательно, — сказала Морна. — Для быстрого огня достаточно просто спустить курок.

— Знаю — двойное действие.

Все же, желая продемонстрировать знание практики стрельбы, Грегг поступил по-своему и в качестве мишени выбрал полено, прислоненное к тяжелому каменному корыту шагах в двадцати. Он уже прицеливался, когда Морна вновь заговорила:

— Его надо держать обеими руками.

Грегг снисходительно улыбнулся:

— Морна, вы очень хорошо образованы, смею сказать, знаете всякие такие вещи, о которых я даже не слышал, — но, право, не стоит учить старого волка, как стрелять.

Он снова прицелился, затаил дыхание и нажал на курок. Раздался дикий грохот, словно раскат грома, и что-то со страшной силой ударило его в лоб, ослепив от боли. Первой мыслью было, что револьвер взорвался. Потом он обнаружил его нетронутым в своей руке, и тут до него дошло, что причиной всему была чудовищная отдача, которая, точно былинку, согнула его ослабленную руку и ударила револьвером в лицо. Грегг отер с глаз теплую струйку крови и посмотрел на оружие с большим уважением.

— Нет никакого дыма. Нет даже...

Он замолчал, когда отвел взгляд от револьвера и увидел, что каменное корыто, служившее подпоркой для его мишени, раздроблено. Обломки трехдюймовой толщины были разбросаны по треугольной площади, тянувшейся до тридцати ярдов вдаль. Не зная он, что произошло, Грегг решил бы, что корыто уничтожено пушечным выстрелом.

Морна разжала уши.

— Вы ранили себя... Я ведь предупреждала, что его надо держать обеими руками.

— Ничего, все в порядке... — Он не позволил ей дотронуться до своего лба. — Морна, где вы раздобыли это... это чудовище?

— Вы полагаете, что я отвечу на этот вопрос?

— Наверно, нет, но, право же, я хотел бы знать... Может быть, как раз это я в состоянии понять.

— Испытайте его на большом расстоянии и держите обеими руками.

Морна огляделась, явно успокоившись теперь, когда Грегг делал то, что от него требовалось. Она указала на беловатую скалу в трехстах ярдах вверх по склону:

— Попробуйте в нее.

— Она за пределами досягаемости винтовки, — терпеливо разъяснил Грегг. — А револьвер не может...

- Попробуйте, Билли.
- Ну хорошо — прицелюсь выше.
- Цельтесь прямо в нее, под верхушку.

Грегг пожал плечами и сделал, как ему велели, внезапно почувствовав саднящую боль в большом пальце правой руки. Он вторично выстрелил и испытал глубокое огорчение, которое понимают только охотники, увидев, как взметнулась в воздух пыль всего в ярде от скалы. Отдача вывернула револьвер назад, хотя Грегг держал его обеими руками, и теперь дуло смотрело почти вертикально в небо. Не дожидаясь подсказки, Грегг снова выстрелил, и от скалы полетели осколки.

Морна одобрительно кивнула:

- У вас здорово получается.
- Я никогда не видел лучшего оружия, — признался Грегг. — Но мне его не удержать. Мои руки не в силах справиться с отдачей.
- Тогда мы перевяжем вам локти.
- Слишком поздно, — с сожалением сказал он, указывая вниз.

Вдали показалось несколько всадников, и само их присутствие в еще совсем недавно пустынной местности потрясло Грегга больше, чем если бы он неожиданно наткнулся в прериях на корзину с провизией для пикника.

Он вполголоса проклинал себя за беззаботность, а из-за уступа появлялись все новые люди. Восемь человек ехали у подножия холма. Это была пестрая компания: кто сидел на пони, кто на лошадях, кто прижимался к холке, кто держался прямо, и одеты они были по-разному. Но Грегг знал, что они составляют крошечную армию, дисциплинированную и управляемую одним человеком. Он прищурил глаза от слепящего утреннего света и отыскал заметную фигуру Джоша Портфилда на гнедом жеребце.

Портфилд, по обыкновению, был в белой рубашке и костюме угольно-серого цвета и в этой одежде вполне мог сойти за проповедника, если бы не пара никелированных «смит-вессонов» на поясе.

— Я-то надеялся, что Большой Джош оставит нас в покое, — сказал Грегг. — Он, должно быть, в одном из своих праведных настроений.

Морна непроизвольно сделала шаг назад:

— Вы можете защититься от такого количества?

— Придется попробовать. — Грегг начал рассовывать по карманам пригоршни патронов. — Идите-ка вы лучше в дом да закройте дверь.

Морна посмотрела на него — опять появилось в ее глазах затравленное выражение, — затем нагнулась, подобрала что-то с земли и побежала к дому. Грегг удивился, зачем ей понадобилась растоптанная коробка из-под патронов, но его голова была занята куда более важным делом. Он отвел барабан, выбросил три пустые гильзы и вставил новые патроны. Испытывая скорее сожаление, чем боязнь, он сделал несколько шагов навстречу приближающимся всадникам. Расстояние между ними уменьшилось до двухсот ярдов.

— Эй, Джош, держись подальше! — закричал Грегг. — Это моя земля! Ты знаешь закон!

Портфилд привстал на стременах, и его сильный голос, несмотря на расстояние, отчетливо донесся до Грегга:

— Ты наглец, Билли, неблагодарный наглец. Из-за тебя я лишился хорошего работника. Ты заплатишься за все это, но прежде всего я накажу тебя за дерзость и отсутствие уважения.

Он опустил в седло и тихо скомандовал — что именно, Грегг не слышал. Через секунду Сигги Соренсон прищипорил лошадь и с револьвером в руке поскакал вверх по холму.

— Теперь я тоже вооружен, — закричал Соренсон. — Теперь схватка будет честной!

— Еще пару шагов, и я с тобой разделаюсь! — предупредил Грегг.

Соренсон захохотал:

— До меня чересчур далеко, старый осел! Ты совсем ослеп!

Он пустил свою лошадь в галоп, и тут же еще двое всадников стали заходить слева.

Грегг поднял револьвер и начал было прикидывать падение пули, потом вспомнил, что на таком расстоянии оно практически отсутствует у жуткого оружия, самой судьбой вложенного ему в руку. На сей раз стойка с двумя вытянутыми вперед руками и полусогнутыми коленями пришла к нему естественно. Он прицелился в Соренсона, выждал еще несколько секунд и спустил курок. Массивная фигура Соренсона, вырванная прямо из седла, перевернулась в воздухе и упала лицом на каменистую почву. Его лошадь рванулась в сторону и понесла. Сообразив, что он вот-вот утратит преимущество неожиданности, Грегг повернулся к двум всадникам, обходящим его с фланга. Второй выстрел свалил ближайшего на землю, третий — сделанный чересчур поспешно — убил лошадь оставшегося. Животное упало как подкошенное, а всадник кинулся под прикрытие лежащей лошади, волоча за собой окровавленную ногу.

Грегг посмотрел на тропу и вынужден был отдать должное умелым действиям противника. На виду оставались только лошади, людей не было. За время дарованной им короткой передышки они исчезли, укрылись за скалами, без сомнения захватив винтовки из седельных сумок. Почувствовав уязвимость своей позиции на вершине гребня, Грегг низко пригнулся и побежал к сараю. Припав к земле за его стеной, он быстро вытащил стреляные гильзы и за-

менил их, еще раз оценив удобство перезарядки этого оружия. Потом осторожно выглянул из-за угла, чтобы убедиться, что к нему никто не подбирается.

Внезапно прогремел выстрел, и черный дымок поднялся всего в двадцати ярдах от него. Что-то обожгло его ребра. Грегг отпрянул и ошеломленно уставился на проорванную и окровавленную рубашку. Он был на волосок от смерти.

— Ты слишком неповоротлив, мистер Грегг! — раздался голос совсем рядом с ним. — Твой старый пугач ничем тебе не поможет, раз ты так неповоротлив!

Грегг узнал говорящего. Это был Фрэнчи Мартин, головорез из канадских лесов, которого занесло в Коппер-Кросс годом раньше. Он стрелял из-за узенькой деревянной коробки, служившей Греггу примитивным туалетом. Грегг понятия не имел, каким образом Мартин ухитрился за считанные секунды пробраться так близко, и подумал, что пятидесятилетний мужчина не может противостоять юнцу в расцвете сил.

— Скажу тебе еще кое-что, мистер Грегг, — рассмеялся Мартин. — Ты слишком стар для такого сладенького кусочка, припрятанного...

Грегг шагнул в сторону и выстрелил в ветхое строение, продыравив дюймовые доски, словно бумажку. Раздался шум падающего тела, и в поле зрения выкатился револьвер. Грегг быстро шагнул назад под укрытие сарая, и в тот же миг вдалеке щелкнул винтовочный выстрел, и в дерево вонзилась пуля. Мысль о том, что его враги вооружены обычным оружием, едва ли успокаивала — настоящая битва только начиналась.

Мартин полагал себя в безопасности за двойной обивкой досок, но оставалось еще по крайней мере четверо, кто уже не сделает этой роковой ошибки. Скорее всего

они окружают Грегга, все время держась за скалами, и накроют его огнем издалека. Грегг не представлял, каким образом даже с этим чудовищным оружием смерти в руках сумеет пережить следующий час, особенно если учесть, что он истекал кровью.

Грегг опустил на колени, сложил в подушечку носовой платок и затолкал его под рубашку, пытаясь остановить кровотечение. Пока в него не стреляли, и он воспользовался передышкой, чтобы зарядить револьвер. Кругом воцарилась обманчивая тишина.

Грегг окинул взглядом залитый солнцем холм и валуны, похожие на пасущихся овец, прикидывая, откуда может прийти следующий выстрел. В глазах слегка расплывалось, и с каким-то вялым оцепенением он понял, что ничего не будет знать о выстреле, пока пуля не продырявит его тело. В ушах зазвенело — верный признак надвигающейся потери сознания. Грегг посмотрел на открытое пространство между собой и домом. Вряд ли удастся добежать невредимым, но если он все-таки доберется до дома, то, может, еще успеет перевязать грудь.

Грегг встал и с удивлением отметил, что, несмотря на усилившийся звон в ушах, он не испытывает головокружения. До него дошло, что этот мощный звук, словно от гигантского осинового роя, имеет объективную причину, и тут услышал чей-то хриплый натужный вой ужаса, а затем череду выстрелов. Он инстинктивно пригнулся, но свиста пуль не последовало. Грегг рискнул взглянуть на петляющую тропу, и от увиденного у него на лбу выступил холодный пот.

Вверх по холму шагала высокая, узкоплечая, закутанная в черный плащ фигура. Лицо скрывал черный капюшон. Фигуру окружало какое-то темное мерцание, словно

она обладала способностью отражать свет, и именно оттуда, казалось, исходил сотрясающий землю пульсирующий гул. За этим наводящим ужас явлением виднелись павшие лошади банды Портфилда.

На глазах Грегга из-за скал выступил сам Портфилд и еще один человек, они в упор стали стрелять в черную фигуру из винтовок.

По краям окружающего фигуру мерцания появились крошечные багряные вспышки. Без видимого вреда поглотив с десятков пуль, призрак широко взмахнул левой рукой. Портфилд и его товарищ повалились, как деревянные куклы. Расстояние было слишком велико, но потрясенному Греггу показалось, что плоть отпадала от их лиц, как лохмотья одежды. Лошадь Грегга тревожно заржала и шарахнулась вправо.

Еще один человек Портфилда, Макс Тиббет, движимый смелостью отчаяния, появился из-за укрытия по другую сторону тропы и стал стрелять фигуре в спину. По краям темного мерцания возникли новые багряные вспышки. Не оборачиваясь, видение повторило тот же небрежный жест рукой — распахивая черную накидку, словно крыло летучей мыши, — и Тиббет упал, корчась от боли. Если кто-то из окружения Портфилда и оставался в живых, то он не осмеливался выйти из-за укрытия.

Фигура в развевающемся плаще достигла вершины подъема, шагая с нечеловеческой скоростью на уродливых и непропорционально коротких ногах. Не глядя по сторонам, она направлялась прямо к двери дома, и Грегг понял, что перед ним тот преследователь, от которого бежала Морна. Рождаемое им гудение было таким громким, что ум отказывался воспринимать его.

Страх смерти, который он только что испытал, был ничто по сравнению с безысходным ужасом, завладевшим

душой Грегга, — древним, животным ужасом, отметававшим любые доводы рассудка, любую смелость, приказывающую ему закрыть глаза и съежиться в укрытии, пока не минует опасность. Он посмотрел на черное, маслянисто поблескивающее оружие в своих руках и потряс головой, стараясь избавиться от нежеланного голоса, который напоминал о сделке, скрепленной золотом, об обещании, данном таким человеком, каким он себя считал. «Это не в моих силах, — подумал Грегг. — Я ничем не могу тебе помочь, Морна».

И в ту же секунду почти против собственной воли, словно в кошмарном сне, он вышел из-за сарая. Его руки двигались спокойно и уверенно. Прицелившись, он нажал курок револьвера. Слепящая багряная вспышка пронзила темное мерцание мечом молнии, и существо пошатнулось с леденящим кровь криком. Оно стало поворачиваться, поднимая левую руку, словно крыло какой-то чудовищной птицы.

Грегг увидел это движение через треугольник собственных рук, отведенных назад, а затем вверх отдачей оружия. Револьвер нелепо и беспомощно задрался в небо. Целая вечность прошла, прежде чем Грегг успел вновь навести его на врага, наделенного дьявольской силой и скоростью. Он нажал на курок, еще одна вспышка, и фигуру швырнуло на землю. Грегг приближался к ней на непослушных ногах, подкашивающихся при каждом шаге, и снова и снова бил противника всей мощью своего оружия.

Невероятно, но темное создание вынесло эти страшные удары. Оно вскарабкалось на ноги — при этом мерцание вокруг него было странным образом искажено, словно увиденное в кривое увеличительное стекло, — и стало пятиться назад. У Грегга все плыло перед глазами, и ему казалось, что фигура с каждым шагом покрывает немис-

лимые расстояния, как будто она ступала по невидимой поверхности, которая сама скользила прочь с головокружительной скоростью; оглушительный гул стих до невнятного рокота и исчез. Грегг остался один в просторном, ярком, медленно качающемся мире.

Он сполз на колени, преисполненный благодарности за солнечное тепло. Потом опустил взгляд на свою грудь, отрешенно и словно со стороны удивился количеству проступившей сквозь одежду крови, почувствовал, что падает вперед, и больше уже ничего не мог сделать.

Я не имею права рассказывать тебе что-либо... мой бедный, отважный Билли... но ты так страдал из-за меня... Все равно мои слова, вероятно, будут лишены для тебя смысла — если ты вообще в состоянии их услышать.

Я хитростью втянула тебя — а ты позволил себе поддаться, — заставила принять участие в войне... в войне, которая тянется двадцать тысяч лет и может длиться вечно...

Были долгие периоды, когда Грегг лежал и бездумно смотрел на грубоватые доски потолка, пытаясь решить, потолок ли это на самом деле, или он каким-то образом подвешен высоко над полом. Он знал наверняка только то, что за ним ухаживает молодая женщина, приходящая и уходящая бесшумными шагами. Голос ее звучал мерно и успокаивающе, как тихий океанский прибой.

Мы равны по силе — мой народ и Другие, — но сила наша так же различна, как сами естества. Они в совершенстве владеют пространством, наша истинная стихия — время...

Существуют стоячие волны во времени... Ни одно настоящее не похоже на другое. «Теперь», в котором живешь ты, известно как Основное Настоящее и имеет больший потенциал, чем любое другое. Ты и Другие прикованы к нему.

Но умственные способности моего народа позволили нам разбить оковы, вырваться на свободу, убежать в другое время в отдаленном прошлом... в безопасность.

Иногда Грегг сознавал, что ему меняют повязки, смачивают прохладной водой губы и лицо. Над ним склонялось прекрасное юное лицо, в серых глазах светились внимание и забота, и тогда он пытался вспомнить связанное с этим лицом ускользавшее имя... Марта? Мери?

Для женщины моего народа период наибольшей опасности — последняя неделя беременности... особенно если ребенок мужского пола и наделен особым складом ума... При этих обстоятельствах ребенка можно притянуть к твоему «теперь», родному времени всего человечества, и мать притягивает вместе с ним... Обычно вскоре после рождения сына она в состоянии приобрести контроль и вернуться с ним во время, служащее ей прибежищем... Но бывали исключения, когда ребенок не поддавался попыткам воздействовать на его мыслительные процессы и вынужден был проводить всю жизнь в Основном Настоящем...

К счастью для меня, мой сын почти готов к путешествию... ибо Принц набрался опыта и скоро вернется...

Удовольствие, которое Грегг получил от вкуса супа, послужило первым признаком того, что организм его оправляется после потери крови, что силы его возвращаются, что он не умрет. Он чувствовал, как вливается в рот с ложки чудодейственная жидкость, а перед глазами стоял образ прекрасной дочери-жены, доброй и милосердной. Все мысли об угрожающем ей кошмарном темном преследователе он загнал в самые глубинные тайники своего мозга.

Прости меня... мой бедный, отважный Билли, мой сын и я должны уходить. Чем дольше мы остаемся, тем сильнее он будет привязан к Основному Настоящему... и мой народ бу-

дет привязан к Основному Настоящему... и мой народ будет тревожиться за нас.

Меня готовили к выживанию в твоём «теперь»... поэтому я могу разговаривать с тобой на английском... но мой корабль опустился не там, где предполагалось, все эти тысячи лет назад, и мои соотечественники будут опасаться, что я потерялась...

Момент прояснения. Грегг повернул голову и через открытую дверь спальни посмотрел в большую комнату. Морна стояла у стола, и её голову окружал дрожащий золотой нимб волос. Она наклонилась и опустила лоб к лицу младенца.

Потом они оба затуманились, стали прозрачными — и исчезли.

Грегг заставил себя сесть в кровати, потряс головой, протянул к ним свободную руку... Боль открывшейся раны обожгла грудь, и он упал на подушки, судорожно пытаясь вздохнуть, и его снова поглотила тьма. Через какое-то время он почувствовал на лбу прохладную влагу материи, и сокрушительный, давящий гнет утраты отпустил.

Он улыбнулся и сказал:

— А я боялся, что ты ушла.

— Как же я могу оставить тебя в таком состоянии? — ответила Рут Джефферсон. — Бога ради, объясни мне, что здесь произошло, Билл Грегг! Я нахожу тебя в постели, раненного, а снаружи как будто разыгралось целое сражение. Сэм и несколько его друзей теперь чистят то, что осталось после стервятников. Они говорят, что с войны не видели ничего подобного!

Грегг разлепил ресницы и решил дать ответ, которого она от него ждала:

— Ты прозевала хорошую потасовку, Рут.

— Хорошую потасовку! — Она всплеснула руками. — Ты куда глупее, чем я думала, Билл Грегг! Что случилось? Люди Портфилда перегрызлись между собой?

— Что-то вроде этого.

— Повезло тебе... А где тогда была Морна с ребенком? Где они сейчас?

Грегг порывлся в памяти, пытаясь отделить явь от кошмаров.

— Не знаю, Рут. Они... ушли.

— Как?

— Они ушли с друзьями.

Рут посмотрела на него с подозрением, а потом громко вздохнула.

— И все-таки мне кажется, что тут дело нечистое... Хитришь ты, Билл Грегг. Но, боюсь, я никогда не выясню, как все было на самом деле.

Грегг оставался в постели еще три дня, и все это время Рут ухаживала за ним. Ему казалось совершенно естественным, что они вернулись к старым планам пожениться. Все дни к ним тянулся постоянный поток посетителей, люди радовались, что он жив, а Джош Портфилд наказан по заслугам. Всех интересовали подробности сражения, быстро становившегося легендарным, но Грегг никак не опровергал сложившееся мнение, что люди Портфилда перестреляли друг друга во внезапной ссоре.

Оставшись наконец один в доме, он перерыл сго до дна и нашел за кувшином, где держал виски, шесть небольших слитков золота, завернутых в кусок материи. Однако, как он и ожидал, большой револьвер — чудовищное оружие смерти — пропал бесследно. Грегг знал, что Морна решила не оставлять его, а со временем ему даже казалось, он знает — почему. Были какие-то слова, полузабытый бред, объясняющие все происшедшее. Оставалось только вспомнить их, четко

проявить в памяти. И поначалу эта задача выглядела простой, скорее делом времени.

У Грегга было достаточно времени, но еще очень не скоро он смирился с тем, что, подобно летнему зною, сны могут лишь постепенно исчезать.

Невероятный дубликат*

Кобурн глядел на свою приятельницу с растущим чувством ужаса. Он, конечно, слышал, что бес порой вселяется в совершенно нормальных женщин, но всегда считал, что Эрика искушениям неподвластна.

— Раньше ты не говорила, что нам следует пожениться, — пролепетал он. — Кроме того, ты же зоолог.

— Значит, у меня блохи? Или бруцеллез? — Эрика выпрямилась во весь рост, уставившись зелеными глазами в лоб Кобурну. В этот момент ее мускулистое скандинавское тело было прекрасно как никогда, но Кобурну Эрика показалась коброй, угрожающе раздувшей капюшон.

— Нет, нет, — поторопился сказать он. — Я только имел в виду, что человек твоей профессии должен знать, насколько неестественно моногамное состояние для...

— Для животных... Ах, вот кем ты меня считаешь!

— Ну, ты, бесспорно, не минерал и не растение. — Кобурн отчаянно силился улыбнуться. — Это шутка, дорогая.

— Я так и поняла, глупыш. — Эрика, неожиданно смягчившись, придвинулась к нему. Кобурна буквально захлестнули ощущения: теплота, золотая канитель волос, запах духов, а также округлости и выпуклости, способные до-

---

* Unreasonable Facsimile.

© Перевод. Силакова С.В., 2003.

вести до амнезии. — Но признайся: ты ведь не прочь стать мужем такого здорового животного, как я?

— Ну, конечно, мне... — Сообразив, к чему клонится дело, Кобурн умолк. — Проблема в том, что я просто не могу на тебе жениться.

— Это почему же?

— Ну, видишь ли... — его разум заметался в поисках спасительной отговорки, — в общем, я, э-э-э... поступил на службу в Космическую Торговую Эскадру.

Эрика невольно отпрянула:

— Чтобы от меня сбежать!

— Нет. — Кобурн широко распахнул глаза, надеясь, что так больше будет похож на фанатика-звездoproходца. — Это высшая тяга, дорогая. Ничего не могу с ней поделаться. Незведанные дали зовут меня к себе. Моим ногам не терпится ступить на пыльные тропы чужих звезд.

— Планет, — язвительно поправила Эрика.

— Ну да, я и хотел сказать «планет».

— Тогда я тоже уеду. — Ее глаза наполнились слезами. — Чтобы забыть о тебе.

Природа наделила Кобурна добрым сердцем, и ему было неприятно видеть Эрику расстроенной. Но он утешался мыслью, что счастливо избежал супружеских уз, которые, как известно любому гражданину двадцать первого века, являются тягомотным анахронизмом.

Тем сильнее было его удивление, когда он обнаружил — спустя три дня после отъезда Эрики с экспедицией в какую-то немыслимую дыру, — что жизнь утратила для него интерес. Все удовольствия, которые так влекли его, пока Эрика толковала о свадьбе, не заслуживали теперь даже названия удовольствий.

В конце концов, придя к выводу, что невзгоды достигли апогея и хуже все равно не будет, Кобурн принял то единственное решение, которое подсказывала логика.

Он поступил на службу в Космическую Торговую Эскадру.

Спустя некоторое время судьба дала понять Кобурну, что вывод «хуже не будет» был слишком поспешным. Это внезапное озарение настигло его на четвертом месяце службы.

Хотя Кобурн не имел ни опыта управления звездолетом, ни особых способностей к этому, он успешно справился с двухнедельным начальным курсом — благодаря Универсальному Пульту Управления, этому практически идентичному элементу всех транспортных средств от автомобиля и самолета до подлодки и космического корабля. Универсальный Пульт позволял пилоту сосредоточиваться не на процессе передвижения, а на его цели.

Мысли Кобурна как раз и были заняты доставкой груза флюоресцирующих мехов из одной захолустной планетной системы в другую, когда в его затылок вдавилось что-то холодное и металлическое. Удивленный появлением «зайца» на борту своего одноместного корабля, Кобурн издал тихий возглас, который тут же перешел в панический вопль — Кобурн сообразил, что предмет, приставленный к его затылку, мог быть только пистолетом.

— Это пистолет, — подтвердил хриплый голос. — Будешь делать, что я тебе скажу, — останешься цел.

— Э-э-э... я хочу домой. Это вам подходит?

— Нет, не подходит. — Незванный гость, выйдя из-за кресла пилота, встал перед Кобурном. Это был крепко сбитый мужчина лет сорока, с бритой головой. Его череп и лицо покрывала рыжеватая щетина.

Кобурн понимающе кивнул:

— Если бы вы хотели попасть на нашу базу, то прятались бы до конца рейса?

— Вот именно.

— Следовательно, вы хотите, чтобы я совершил посадку где-то еще.

— Опять в точку, сынок. А теперь двигай ко второй планете Тонера. — Рыжий постучал пальцем по яркому мерцающему огоньку у самого края экрана переднего обзора.

— Не может быть! Вы уверены, что вам надо именно туда? Эта планета необитаема.

— Потому-то мне туда и надо, сынок. Я Пэтси Эккерт.

При звуке этого имени у Кобурна похолодело в груди. Эккерта нельзя было назвать выдающимся преступником — для этого он слишком часто попадался, — но его разыскивала полиция сотни планет. Он, по-видимому, был физически не способен и шагу ступить, не нарушая закона. Воровство, шантаж, изнасилования и убийства были для него таким же обычным, естественным образом жизни, как работа и отдых для других.

— Я думал, что вас... — пролепетал Кобурн.

— Казнили? Да нет пока. Мне удалось смыться, но теперь, похоже, придется на пару лет залечь на дно. В таком месте, где им и в голову не придет меня искать.

Кобурн, не будучи дураком, попытался перевести беседу в другое русло, пока гость не пришел к неминуемому выводу относительно его, Кобурна, дальнейшей судьбы.

— Но вы вполне можете найти убежище получше. — Он указал на кольцо экранов, опоясывающее рубку. — Вы только посмотрите на просторы галактики. Тысячи огоньков, и каждый из них — это планета...

— Звезда, — вмешался Эккерт, с любопытством уставившись на Кобурна.

— Ну да, я и хотел сказать «звезда». И наверняка где-то в этих бескрайних, пустынных просторах...

Эккерт поднял руку с пистолетом:

— Сынок, если ты не хочешь, чтобы в твоей башке стало слегка просторнее, давай правь, куда тебе говорят, ясно?

Кобурн мрачно кивнул и начал вводить в бортовой компьютер команды, которые должны были повернуть корабль к ближайшей звезде и произвести автоматическую посадку на ее второй планете. Само собой, Эккерт, сойдя с корабля, не позволит ему продолжать путь, и лучшее, на что мог надеяться Кобурн, — это жизнь «робинзона» на неисследованной планете. Единственной альтернативой была скоропостижная смерть после посадки. Кобурн в скорбном молчании следил за тем, как корабль совершает один подпространственный скачок за другим. Искомая планета на экране то расплывалась кляксой, то вновь появлялась, с каждым скачком становясь все больше. Наконец, выросшая до размеров блюдца вторая планета повисла над кораблем. То был ватно-белый шар, одетый сплошной облачной пеленой.

— Посадочных маяков тут нет, так что рассчитать прямой скачок не удастся, — сказал Кобурн. — Придется садиться линейно, через нормальное пространство.

— Не бойся — я к этой планете давно приглядываюсь. Под тучами сплошная травянистая равнина.

Пока Кобурн проверял точность его слов с помощью дальнодействующего радара, Эккерт снова встал у него за спиной и вдавил дуло пистолета во впадину у основания его черепа.

В тоске и отчаянии Кобурн предался думам об Эрике, о том, что жил бы сейчас беспечно и счастливо с молодой женой, когда б черт не дернул его покинуть теплую и безопасную Землю. «Вот оно, — сказал он себе, когда корабль нырнул в клубящуюся мглу атмосферы Тонера-2. — Это и есть апогей моих невзгод. Хуже просто быть не может».

И вновь оказался неправ.

Когда после скольжения корабль преодолел последний, нижний слой облачности, Кобурн увидел прямо перед но-

сом звездолета — там, где следовало бы находиться плоской равнине, — массивную, странно знакомую гору со снежной шапкой на вершине.

И едва он успел вскрикнуть, как корабль врезался прямо в каменистый склон.

Придя в себя, Кобурн обнаружил, что лежит на накренившемся, но неповрежденном полу своей рубки. Эккерт, как занавеска, свешивался с приборного щита. Вид у него был озадаченный и сокрушенный. Электронные датчики хором тревожно зывали к пилоту, но это обрадовало, а не испугало Кобурна. Ему казалось чудом, что после такой аварии хоть что-то подает признаки жизни. Слабо мотнув головой, он задумался о невероятности всего происшедшего. Но тут Эккерт, нажав пистолет, вновь навел его на Кобурна.

— Как ты это провернул? — прорычал он.

— Что «это»?

— Как ты подогнал скачки, чтобы мы сели на Земле?

— С чего вы взяли?

— Не придуривайся, сынок. Знаешь, во что мы чуть не врезались? В Эверест!

Кобурна мутило, он был напуган и разозлен — и вдруг ощутил, что плевать хотел на пистолет рыжего:

— Пойми своей дурьей башкой, что если б я придумал такую технику скачков, то был бы миллиардером, а не... — У Кобурна перехватило горло: в его голову забрела странная мысль. Чудовищное нагромождение скал, мельком увиденное им перед столкновением, действительно походило на Эверест. С трудом поднявшись на ноги, он взглянул на экран, но все панели обзора после аварии погрузились во тьму. В его мозгу зашевелилась одна мысль.

— И вот что я вам еще скажу, мистер: мы не то что «чуть не врезались» в эту гору — мы просто въехали в ее склон! От нас не должно было и мокрого места остаться.

Эккерт, набрав в грудь воздуха, зловеще нахмурился:

— Я-то знаю, что никаких гор на Тонере-2 нет...

Раздался пронзительный звонок — приборы оповещали, что смертоносное радиоактивное топливо льется сквозь поврежденные переборки в жилую часть корабля.

— Потом разберемся, — рассудил Кобурн. — Надо смыться.

Он взломал аварийную дверцу, из которой открылся вид на крутые белые склоны, и прыгнул с порога в снежный сугроб. Секундой позже ему на голову плюхнулся Эккерт. Они сели на корточки, вдыхая холодный, пахнущий смолой воздух и оглядываясь по сторонам. Звездолет покоился в длинной, мелкой ложбине, окруженный образовавшимися при падении снежными валами. Позади к свинцовому небу вздымались застывшие каменные громады. Кобурну снова пришел на ум Эверест — и это было не менее странно, чем тот факт, что он еще жив...

— Эта фигня теплая, — воскликнул Эккерт, зачерпнув пригоршню белых хлопьев. — На нормальный снег не похоже.

Кобурн поднес комочек белого вещества к глазам и увидел, что пушистые хлопья больше напоминают кусочки пенопласта. Сильный запах смолы, которым, казалось, насквозь был пропитан воздух Тонера-2, въедался в ноздри, ударял в голову.

— Лучше отойти от корабля подальше, — сказал Кобурн неуверенно. — А то вдруг взорвется.

Они побрели прочь от помятого корпуса звездолета, инстинктивно двинувшись по склону. Сильный ветер швырял в лицо струи снега и тумана, но время от времени землянам удавалось разглядеть далеко внизу что-то вроде серо-зеленой равнины.

— Похоже, это правда не Земля, — смирился Эккерт. — И все равно, чудные здесь дела творятся.

Прошел час. Они немного продвинулись вперед на своем пути к подножию горы — белое вещество под ногами, несмотря на все свое несходство с земным снегом, было таким же скользким и так же налипало комьями на обувь. Кобурн хранил скорбное молчание и, лишь оступаясь или падая, разжимал губы для короткого стога. Он с болью и тоской думал об Эрике, оставшейся на Земле, за барьером во много световых лет, и гадал, доведется ли ей когда-нибудь узнать о его таинственном исчезновении. Вдруг его слуха достиг далекий крик. Ветер тут же отнес в сторону этот ничтожный обрывок звука, но по лицу Эккерта было видно, что и он слышал.

— Туда, — сказал Эккерт, указав влево от себя. — Там кто-то есть.

Они двинулись поперек склона. Через несколько минут Кобурн различил сквозь мглу лимонно-зеленое сияющее пятно. Свет явно исходил от искусственного источника. Кобурн чуть не ринулся на сияние очертя голову, но Эккерт вновь выхватил пистолет.

— Не спеши, сынок, — рявкнул он. — Мне что-то неохота совать голову в петлю.

Они подошли к невысокому бугру, над которым и парило сияние, теперь очень яркое. Ползком — так распорядился Эккерт — они добрались до вершины бугра и боязливо заглянули вниз. Не более чем в ста шагах от них из снега торчали два черных столба, разделенных расстоянием фута в четыре. Оба столба были облеплены внизу железными ящиками и опутаны проводами. Прямоугольное пространство между столбами было словно задернуто мерцающим, потрескивающим, светящимся занавесом, непроходимым для глаза. Снег вокруг был истоптан множе-

ством ног. Все это почему-то напомнило Кобурну дверной проем, который забыли снабдить дверью.

Спустя несколько секунд это впечатление подкрепилось неожиданным появлением двух бурых, мохнатых горилл, которые вышли из сияющего прямоугольника и, пританцовывая на снегу, принялись выдирать из своей шерсти сосульки. Из прямоугольника за их спинами вырвался неистовый снежный шквал, хотя — как успел заметить Кобурн — в этот момент на Тонере-2 было относительно безветренно и снег не шел. По спине Кобурна поползли мурашки — он уже предчувствовал разгадку.

— Ну и уроды! — раздался шепот Эккерта. — Не знаешь, откуда они?

— В атласе Торговой Эскадры их нет, но ты сам знаешь, что Федерация Земли — лишь крошечная часть Галаккоммуны. Есть тысячи цивилизаций, о которых мы ничего не знаем...

— Чем меньше о таких рожах знаешь, тем лучше, — возразил Эккерт, слегка ошарашив Кобурна своим шовинизмом, впрочем, неудивительным в свете его антипатии ко всем устоям человеческого общества.

— Вон еще идут, — заметил Эккерт. — Слушай... эта штука, случайно, не передатчик материи?

Действительно, появилось еще четверо горилл. Двое несли треноги, слегка напоминающие геодезические теодолиты. Один из новоприбывших заговорил скрипучим голосом такого странного тембра, что Кобурн не сразу понял, что существо говорит на галалингве.

— ...от руководителя отдела Текущего Ремонта, — продолжала горилла. — Он сообщил, что небольшое судно земного типа неожиданно вошло в атмосферу планеты менее чем два часа тому назад. Поскольку поглощенные поля скрыли наше сооружение от его радаров, оно вреза-

лось в северный склон в самой середине Великого Ущелья, частично разрушило новую отопительно-охлаждающую систему и выскочило на поверхность на южном склоне, несколько выше ледника Кхумбу.

Другая горилла восторженно запрыгала:

— Насквозь пролетело! Значит, оно где-то здесь.

— Вот почему мы отозвали с Земли все геодезические партии. Вы должны присоединиться к поискам. Все строительные работы приостанавливаются, пока мы не удостоверимся, что команда мертва.

— Их что, надо убить?

— При необходимости. Затем потребуется найти корабль и удалить его из системы Тонера, пока его радиомаяк не запеленговали спасатели.

Вторая горилла от огорчения перестала подпрыгивать.

— И стоит так возиться с каким-то примитивным кораблем!

— Стоит. Ты только вообрази, что с нами сделает Комитет, если распространятся слухи об Эвересте-2! Двести лет труда на ветер!

Эккерт больно стиснул плечо Кобурна:

— Слышал, что он сказал? Он толковал про вызов геодезистов с Земли — с Земли, понял? А те уроды, что вышли из зеленого света, несли геодезические приборы! Помоему, это передатчики материи. Один шаг — и я на Земле!

— Я думал, ты хочешь укрыться где-нибудь в захолустье, — проговорил Кобурн в растерянности. Его голова была забита другими мыслями. Весьма тревожными.

— Если я доберусь до Земли в один момент, не оставив следов, это будет лучшее убежище на свете. Кто додумается меня там искать?

Кобурн нетерпеливо сбросил со своего плеча руку Пэтси:

— Ну и ладно. Слушай, я только что понял, почему мы врезались в вершину и остались живы, и почему здесь пахнет смолой, и почему этот снег ненастоящий.

— Ты чего, сынок? — покровительственно процедил Эккерт, жадно пожирая глазами сияющий зеленый прямоугольник.

— Разве ты еще не догадался? Эти существа строят из стекловолокна копию Эвереста!

— Мать их за ногу, — добродушно пробурчал Эккерт, даже не оглянувшись. Припав к земле, он следил за группой инопланетян. Те деловитым шагом направились прочь от ворот и прошли совсем близко от бугра, но землян никто из них не заметил. Как только гориллы скрылись за завесой снегопада, Эккерт, обернувшись к Кобурну, направил на него пистолет.

— Тут наши дорожки расходятся, — сказал он. — Я пойду сквозь зеленый свет.

— А как же я?

— Очень жаль, сынок, но ты единственный, кто мог бы меня заложить. Извини. — И он прицелился в Кобурна.

— Послушай, ведь если ты выстрелишь, наши мохнатые друзья услышат. Они могут оказаться со всех сторон. И тогда за тобой погонятся.

Эккерт призадумался:

— Твоя правда. Я лучше вот что сделаю — я разломаю черные ящики у столбов, когда пройду в ворота. Вот дверочка и захлопнется. А тебя мы на время стреножим. — Словно заправский боксер он ткнул Кобурна в солнечное сплетение дулом пистолета. Кобурн почувствовал, как из его легких изливается воздух. Он оставался в сознании, но парализованные мышцы отказывались сделать вдох. Кобурн до смерти перепугался. Вязкий, смешанный с пеной

хрип вырвался из его горла. Эккерт вскочил и, низко прыгнув рыжую голову, побежал к воротам.

Он почти достиг их, когда из сияющего облака появилась еще одна горилла. Эккерт выстрелил инопланетянину в живот. Тот грузно сел на снег, схватился за поясницу, потом мягко опрокинулся на спину. С той стороны, куда ушла первая группа инопланетян, слышались гортанные крики. Эккерт оглянулся по сторонам, прыгнул в зеленый прямоугольник и — только его и видели.

Кобурн внезапно почувствовал, что опасность этой планеты для его здоровья резко возросла. Это ощущение было таким сильным, что он, преодолевая паралич, хотел было на четвереньках поползти до ворот, но инопланетяне уже возвращались. Кобурн понял, что не успевает, и снова распластался на снегу. Из мглы вынырнули призрачные фигуры гуманоидов. Четверо из них принадлежали к уже знакомому типу гориллообразных, но у двоих других кожа была голая, зеленоватая. Они были одеты в желтые туники. Кроме того, они были гораздо хуже своих спутников. Их лысые головы сверкали, как тщательно вымытые яблоки.

Инопланетяне столпились вокруг распростертой на снегу убитой гориллы, вполголоса поговорили между собой и стали свирепо озиаться по сторонам. Их тяжелые взгляды могли обжечь камень. Кобурн вдруг обратил внимание на следы ботинок Эккерта, ведущие от ворот прямо к его укрытию на бугре. Секундой позже то же самое заметили и инопланетяне. Рассыпавшись по местности веером, они двинулись в сторону Кобурна. Он отчаянно пытался зарыться в неподатливый грунт, но тут всеобщее внимание было привлечено неожиданным происшествием.

Из сияющего прямоугольника ворот вывалился, шатаясь, Пэтси Эккерт.

Облепленный с головы до пят настоящим снегом, он так дрожал, что едва держался на ногах. Его лицо, насколько можно было разглядеть за сосульками и инеем, заливала мертвенная бледность. Одна из горилл тут же заметила Эккерта и подняла крик. Инопланетяне всем скопом ринулись к Эккерту. Тот попытался было поднять пистолет, но оружие вывалилось из его пальцев. Один из безволосых мастерской футбольной подножкой свалил Эккерта на снег, и рыжий пропал из виду за мельтешением инопланетных тел.

Меж тем Кобурн, притаившись в своем относительно безопасном убежище, успешно продолжал размышлять о синтетической копии Эвереста. Если его предположения верны, ворота вели не в любое, произвольное место на планете Земля — они должны были соединять копию с соответствующей точкой настоящего Эвереста, чтобы облегчить перенос результатов геодезических замеров. Следовательно, Эккерт вынырнул на склоне Эвереста посреди зимы, а в тамошних условиях не выживешь и минуты без защитной маски и костюма с подогревом. Гориллообразные инопланетяне, по-видимому, переносили этот адский холод благодаря своей длинной и густой шерсти, и если они тайно наведываются на Землю уже в течение двух столетий...

«О боже, — подумал Кобурн. — Я сподобился увидеть ужасного снежного чело­вечка! Да не одного, а сразу кучу».

Все давнишние непроверенные наблюдения, все необъяснимые отпечатки босых ног на снежных склонах Гималаев, все легенды об йети... и все из-за этих пришельцев с чужой планеты, которые, руководствуясь какими-то собственными соображениями, сооружают пластиковую копию высочайшей горы Земли.

Тайна предназначения Эвереста-2 грозила вызвать у Кобурна умственное переутомление, но, к счастью, его отвлек-

ло происходящее у ворот. Позабыв о бездыханном теле своего товарища, инопланетяне подхватили беспомощного Эккерта и понесли его в зеленоватую мглу. Они вновь прошли мимо бугра, но Кобурна не заметили. Способность дышать наконец вернулась к нему. Дорога к воротам была открыта. Но теперь Кобурн знал, что этим путем не спасешься. Он достал из сумки на поясе питательную пилюлю, задумчиво разжевал ее, потом двинулся вслед за группой инопланетян, держась от них на почтительном расстоянии.

Пройдя около километра по снежным склонам, они оказались среди голых скал, где были встречены отрядом из четырех безволосых. Те остановились посмотреть на Эккерта, еще трясущегося от холода. Один из них слишком низко наклонился к Пэтси, который не замедлил проявить свою неистребимую сноровку и ударил любопытного кулаком в переносицу. Сгорая от зависти к некоторым чертам характера рыжего рецидивиста, Кобурн подполз поближе к отряду, чтобы подслушать разговоры инопланетян. У него сложилось впечатление, что представители обоих видов были довольно близоруки, и он не особенно боялся приближаться к ним.

— ...судя по тому, что мы обнаружили на корабле, землян было двое, — гнусавил на галалингве один из новоприбывших зеленых гуманоидов. — До прибытия шефа мы должны найти второго.

— Похоже, вину опять свалят на нас, — пожаловалась самая малорослая горилла. — Я всегда говорил, что следует обзавестись орбитальным поясом обороны.

— И привлечь внимание? Ты же знаешь, как относится Комитет Галаигр к нарушению устава. Если нашу альпинистскую команду застигнут за отработкой восхождения на Эверест, нас дисквалифицируют как минимум на десять столетий.

Маленькая горилла не была удовлетворена ответом:

— А откуда известно, что они обязательно выберут Эверест?

— Ты что-то растерял всякую почтительность к старшим, Велло, — заявил безволосый. — Эверест — великолепная гора, отвечает всем требованиям для соревнований. Ты же знаешь, как трудно разведчикам из Комитета каждые пять столетий подыскивать новую подходящую гору. Они ведь могут выбирать лишь из планет, которые точно будут готовы к вступлению в Галакоммуну до следующих Игр. Это непросто, особенно когда туземцы бдительны, чуть что, начинают устраивать охоту на НЛО.

— И все равно мне кажется, что эта тренировочная модель не стоит таких затрат.

— Мой юный друг, ты явно еще не созрел умом, чтобы в полной мере оценить масштабность престижа и политического капитала, который обретает планета, выставившая сильнейшую команду.

В разговор вступили и остальные. Они прямо-таки наседали на маленькую гориллу. Пытаясь разобраться в многоголосом галдеже, Кобурн так увлекся, что неосмотрительно высунулся из-за синтетической скалы. По его спине тут же пробежали мурашки — он встретился взглядом с Эккертом, лежавшим у ног инопланетян. Однако Кобурн не находил причин бояться своего сотоварища-землянина, тем более что гориллы и безволосые в пылу жаркого спора позабыли обо всем и вся. Кобурн выставил из-за скалы руку и слегка пошевелил пальцами в знак дружеского приветствия. Пусть раньше Эккерт хотел его убить, но теперь они были равны — два землянина на чужой планете, в окружении врагов.

— Вот он, второй! — завопил Эккерт, указывая прямо на скалу Кобурна. — Вон там он прячется!

Среди инопланетян мгновенно воцарилось молчание. Близоруко шурясь, они смотрели в сторону Кобурна. Тот припал к грунту, мысленно проклиная Эккерта и шепча Эрике душераздирающие слова прощания. Что до Пэтси, то он воспользовался случаем, чтобы дать деру. Со звериным проворством он вскочил на ноги и пустился наутек. Двое инопланетян пытались его перехватить, но Эккерт, увернувшись, легко вспрыгнул на большой валун и соскочил с другой стороны. И с треском провалился. Там, где он только что стоял, зияла черная дыра с рваными краями, из которой доносился отчаянный, переходящий по закону Доплера в басистый стон, крик. Видимо, Эккерту было еще очень долго лететь до дна.

— Я так и знал, что здесь есть тонкие заплатки, — заметила одна из горилл. — Мильдо опять решил сэконо-
мить стройматериалы.

— Это к делу не относится, — раздраженно оборвал его безволосый. — Пойдемте-ка осмотрим те скалы.

Отряд, совсем как в прошлый раз, рассыпался по местности и двинулся на Кобурна. Это напоминало пластинки веера, сходящиеся к ручке. Кобурн неуклюже поднялся и побежал, инстинктивно держа курс на зеленое сияние ворот.

— Хватайте его! Убейте его! — закричал один из инопланетян. Кобурн нехорошо выругался, узнав гнусавый голос самого малорослого, которого уже успел окрестить про себя главным вредителем. Кобурн всегда хорошо бежал, но сейчас — подгоняемый страхом, что его схватят или что он провалится внутрь горы — он буквально летел по снежному склону, не чуя под собой ног. Инопланетяне плелись далеко позади, а зеленое сияние впереди все разгоралось, пока не обернулось уже знакомыми воротами. У одного из черных столбов по-прежнему лежала убитая горилла.

На первом этапе забега Кобурну казалось, что он вот так, не снижая скорости, может обежать вокруг всей планеты, но теперь — после первого же километра — силы быстро иссякали, а гиканье инопланетян слышалось прямо за спиной. Он доковылял до ворот, шагнул одной ногой за светящийся прямоугольник — и тут же выдернул ногу обратно. Гималайская зима голодным зверем впилась в его тело.

Шумно дыша и захлебываясь соленым потом от изнеможения, он опустился на снег. Выбирать ему особенно не из чего — либо весьма скорая смерть в холодных снегах Эвереста подлинного, либо очень скорая смерть от рук инопланетян на Эвересте поддельном. Кобурн избрал последнее, в основном потому, что это избавляло его от необходимости снова вставать. Крики преследователей становились все громче.

«Вот и все, Эрика, — думал он. — Я любил тебя».

Потухшими глазами он огляделся по сторонам, пытаясь настроиться на философски-стоический лад, но зрелище уродливого тела мертвой гориллы не особенно успокаивало. Длинные шерстинки безжизненно шевелились на ветру. Под ними блеснуло что-то медное. Украшения? Кобурн пополз до бездыханного тела, запустил руку в шерсть и обнаружил застежку-молнию, идущую от подбородка существа до его паха.

Его лицо просияло — он догадался. Подняв голову, он увидел скачущий по скалам авангард погони. Зеленокожие бежали впереди. У Кобурна было не больше минуты. Он расстегнул молнию на теле гориллы, сорвал с ее лица звериную маску и обнаружил внутри мстрового инопланетянина — такого же лысого и зеленокожего, как остальные. Шерстистый покров оказался маскировочно-защитным костюмом для нелегальных прогулок по Земле.

Подвывая от возбуждения и страха, Кобурн вытряхнул инопланетянина из его кокона. Крики преследователей, заметивших его действия, стали тревожнее. Еще миг — схватят. Кобурн влез в мешковатую шкуру, натянул на голову шлем с обезьяньей маской и, не застегивая молнии, нырнул в ворота как раз в тот момент, когда сильная зеленая рука попыталась ухватить его за шерсть на спине.

Ветер Гималаев, невероятно колючий и холодный, ворвался в распахнутую обезьянью шкуру. Кобурн неловко застегнул костюм руками в перчатках и поспешил ретироваться от ворот, которые с этой стороны представляли собой два обычных черных столба. Дул свирепый ветер, на неровном склоне было почти невозможно удержать равновесие, но убраться подальше было просто необходимо. Инопланетяне в костюмах, более неповоротливые, чем их одетые по-летнему собратья, еще не подоспели к воротам, но очень скоро они всем скопом ринутся ему вдогонку.

Кобурн побрел сквозь слепящие снежные вихри. Минут через десять он почувствовал, что ушел от погони, спустя час стал абсолютно уверен, что больше никогда не увидит зеленокожих инопланетян. Правда, он начал подозревать, что вообще больше никогда никого не увидит. То был Эверест, грозный царь Гималаев, вокруг бесновались торжествующие стихии, а у Кобурна не было ни снаряжения, ни знаний, чтобы найти дорогу к людям.

Он упрямо переставлял ноги, стараясь по возможности двигаться под гору и надеясь только на прочность отопительной системы костюма. Однако постепенно он начал выдыхаться. Он все чаще оступался и, упав, уже не торопился вставать. В конце концов дальнейшее продвижение стало бессмысленным. Кобурн сел на камень и стал ждать, пока снег заметет его с головой, и следа не оставив от его

жалкого, бесплодного существования. Он отрешенно приготовился погрузиться в вечный покой...

Не прошло и тридцати секунд вечного покоя, как сверху на него внезапно опустилась грубо сплетенная сеть. Его швырнуло на снег.

Кобурн с испуганным криком попытался высвободиться, но жесткие веревки еще крепче впились в его руки и ноги. Он понял, что все же попался в руки инопланетян и на этот раз его живым не отпустят. Импровизируя ругательства на галалингве, он отчаянно пытался встать на ноги, чтобы умереть стоя, как подобает мужчине, но сокрушительный удар по основанию черепа не позволил Кобурну осуществить даже это скромное желание. Погружаясь во тьму, он успел заметить, что атакующие были одеты в обычные земные горнолыжные костюмы...

О последующем временном отрезке Кобурн мало что помнил. Большую его часть он был без сознания, но иногда, полуочнувшись, понимал, что сеть с ним волокут по снегу. Когда к нему вернулся дар речи, он попытался было запротестовать, но обнаружил, что рот обезьяньей маски намертво захлопнулся и сказать что-либо членораздельно просто невозможно. Кобурн сдался и, откинувшись на спину, сосредоточил все усилия на том, чтобы уворачиваться от острых камней, в изобилии попадавших на дороге. Несколько минут спустя отряд остановился. Один из присутствующих откинул забрало своего лыжного шлема.

— Один есть! — крикнул он по-английски кому-то, кто был невидим Кобурну. — Мы поймали йети!

— Вот здорово! — отозвался женский голос.

Кобурн возмутился, что его считают животным и соответственно с ним обращаются, но при звуке этого голоса позабыл обо всем. Он сел и стал отчаянно дергать за язычок молнии.

Женщина опустилась на колени перед ним.

— Мой йети, — выдохнула она. — Мой собственный йети!

Кобурн, наконец-то справившись с молнией, сорвал с головы свою обезьянью маску.

— Эрика, — произнес он. — Моя собственная Эрика!

— Бог ты мой, — пробормотала она изумленно. Потом ее лицо расплылось в лучезарной улыбке, над которой не был властен даже холод. — Ах ты мой глупыш, ах ты мое чудо! А я ведь вправду поверила, что ты удрал в космос и позабыл обо мне.

— Ничего подобного, — ответил он, потянувшись к ней.

— Подожди, здесь не место. — Она помогла Кобурну подняться на ноги. — Надо доставить тебя под крышу, а то еще замерзнешь. И ты нам объяснишь, как так вышло, что ты пустился догонять мою экспедицию в обезьяньем наряде. Не сомневаюсь, у тебя уже заготовлена какая-нибудь невероятная история.

Кобурн обнял ее за талию:

— Постараюсь что-нибудь придумать.

Шутка Джоконды*

В то январское утро в мою контору вошла пепельная блондинка.

— Вы Фил Декстер, частный телепат? — спросила она, положив передо мной плоскую коробку.

— А что написано на двери, крошка?

Она холодно улыбнулась:

— «Эластичные корсеты Глоссопа».

— Я прибью этого бумагомараку! — прорычал я. — Он обещал сменить вывеску еще на прошлой неделе. Я сижу в этой конуре уже два месяца...

— Мистер Декстер, — прервала меня блондинка, — вы не будете возражать, если мы отвлечемся от ваших проблем и займемся моими? — Она начала развязывать веревку.

— Отнюдь. — Я придал лицу серьезное выражение. — Чем я могу вам помочь, мисс...

— Кэрол Колвин. — Она нахмурилась. — Я полагала, телепаты и так знают, о чем пойдет речь.

— Телепатия — особый дар, недоступный простым смертным, — подтвердил я и пустился в долгие объяснения, но Кэрол, похоже, меня не слушала, продолжая заниматься коробкой.

---

* The Giaconda's Caper.

© Перевод. Вебер В.А., 2003.

Наконец она сняла крышку и достала из нее старинный, написанный маслом портрет.

— Что вы можете сказать об этой картине? — последовал вопрос.

— Хорошая копия «Моны Лизы», — ответил я. — Очень приличная имитация, но... — Я замолчал, прислушиваясь к шестому чувству.

От картины веяло стариной, написали ее никак не меньше пятисот лет тому назад, и передо мной возникли странные образы: красивый мужчина с бородкой, в средневековом наряде, заросшие густыми лесами холмы, бронзовые скульптуры, кривые улочки древних городов. А за всем этом угадывалось какое-то темное помещение и возведенное в нем круглое деревянное сооружение, по-видимому, часть большой машины.

Кэрол с интересом следила за выражением моего лица. Неужели не копия? Я глубоко вздохнул.

— Мисс Колвин, я на девяносто процентов убежден, что картину написал сам Леонардо да Винчи.

— То есть это «Мона Лиза»?

— Ну... да.

— Но это невозможно, не так ли?

— Сейчас мы это проверим. — Я нажал клавишу компьютера.

— «Мона Лиза» находится в парижском Лувре?

— Я не могу ответить на этот вопрос.

— Недостаточно информации?

— Недостаточно денег. Пока вы не внесете плату за последние три недели, база данных для вас закрыта.

— Да кому ты нужен, — фыркнул я. — О такой краже писали бы все газеты.

— Тем более глупо спрашивать об этом у меня, — отпарировал компьютер.

Я отпустил клавишу и кисло улыбнулся, понимая, что не стоило затевать подобную дискуссию в присутствии клиента.

— Если вы закончили, — холодный тон Кэрол стал арктически ледяным, — я расскажу, как попала ко мне эта картина. Или вас это не интересует?

— Разумеется, интересует, — торопливо ответил я, чувствуя, что она вот-вот откажется от моих услуг.

— Мой отец торговал картинами. В Сакраменто у него была маленькая галерея. — Она присела на краешек стула. — Он умер два месяца тому назад, оставив мне и картины, и галерею. Я не слишком хорошо разбираюсь в живописи и решила все продать. Проводя инвентаризацию, я нашла в сейфе этот портрет.

— Вам повезло.

— С этим еще надо разобраться. С одной стороны, картина может стоить несколько миллионов, с другой — я могу получить пять лет тюрьмы. Поэтому сначала хотелось бы выяснить, что меня ждет.

— Поэтому вы пришли ко мне. Очень мудрое решение, мисс Колвин.

— А вот в этом я начинаю сомневаться. Для человека, обладающего шестым чувством, вы на редкость неуверенно владеете остальными пятью.

Я нахмурился:

— Ваш отец что-нибудь говорил об этой картине?

— Нет... потому я и думаю, что он приобрел этот портрет незаконным путем.

— Вы представляете себе, как картина попала к нему?

— В общем-то да. Прошлой весной он проводил отпуск в Италии, а вернувшись, очень изменился.

— В каком смысле?

— Стал нервным, замкнутым. Обычно с таким настроением из отпуска не приезжают.

— Интересно. Значит, вы полагаете, что он привез картину из Италии? Посмотрим, нельзя ли узнать что-нибудь еще. — Я протянул руку и коснулся шершавой поверхности холста. Перед моим мысленным взором возник лысый толстяк, несомненно, отец Кэрол, залитые солнцем городские площади. — Рим, — уверенно заявил я. — Ваш отец провел несколько дней в Риме, а затем перебрался в Милан.

— Верно. — Кэрол одобрительно кивнула. — Похоже, вы действительно телепат.

— Благодарю. — Я вновь увидел темное помещение, скорее, пещеру, а в ней — все то же круглое деревянное сооружение.

— А больше вы ничего не узнали?

— По-моему, мы и так достаточно продвинулись.

— Вы не ответили на главный вопрос: мог ли Леонардо написать Мону Лизу дважды?

— Вероятно, мог, мисс Колвин. Я, правда, не знаю, как это скажется на стоимости оригинала.

— Оригинала? — Я хотел сказать, другого портрета, того, что в Лувре. — Я всмотрелся в знакомый с детства портрет, и тут мне показалось... Та же знаменитая улыбка на губах, те же одежды, что на миллионах репродукций, но руки...

— Вы что, заснули? — прервал мои размышления возглас Кэрол.

— Разумеется, нет. — И я указал на руки Моны Лизы. — Вы не замечаете ничего необычного?

— Руки как руки. Или вы думаете, что можете нарисовать их лучше?

— Видите ли, на картине, что в Лувре, одна рука лежит на другой. А тут чуть приподнята.

— Возможно. Я же сказала вам, что ничего не смыслю в искусстве.

— Этим можно объяснить существование двух портретов. Вероятно, Леонардо нарисовал один, а потом решил изменить положение рук.

— В таком случае почему он просто не перерисовал руки на первом портрете?

— Э... ну... да. — Я мысленно выругал себя за то, что сам не додумался до такой ерунды. — Пожалуй, вы правы.

— Поехали. — Кэрол встала и убрала картину в коробку.

— Куда?

— Естественно, в Италию, — нетерпеливо ответила она. — Вы должны выяснить, каким образом попала картина к моему отцу, и вряд ли вам это удастся в Лос-Анджелесе.

Я уже открыл рот, чтобы возразить, но тут же захлопнул его, признав ее правоту. К тому же клиенты не ломились в мою контору, так что с деньгами было негусто. Да и сама картина заинтересовала меня. Какое отношение имела она к темной пещере и странному деревянному сооружению?

— Ну? — продолжила Кэрол. — Что вы на это скажете?

— Я согласен. Средиземноморское солнце мне не повредит.

Вечером следующего дня мы сидели в ресторане миланского отеля «Марко Поло». Вкусная еда и хорошая сигара настроили меня на благодушный лад. Я расслабился, любуясь точеными фигурками артисток варьете.

— Когда вы начнете отрабатывать полученный аванс? — нарушила идиллию Кэрол.

— А что я, по-вашему, делаю? Мы в отеле, где останавливался ваш отец, и скорее всего именно здесь он нашел продавца картины. Значит, рано или поздно, мы тоже выйдем на этого человека.

— Хорошо бы это сделать побыстрее, — заметила Кэрол.

— Телепатические способности не поддаются контролю, — отрезал я. — Пока мы сидим за этим столиком, невидимые сети мозгового поля, наброшенные на зал, позволяют...

— Позволяют что?

— Подождите. — Совершенно неожиданно в сети попала рыбка: высокий темноволосый официант, пронесший мимо поднос с бутылками, в недалеком прошлом, несомненно, имел дело с отцом Кэрол.

Я попытался связать его с «Моной Лизой» номер два, но не услышал ответной реакции. Тем не менее поговорить с ним стоило.

Кэрол проследила за моим взглядом.

— Мне кажется, вы уже достаточно выпили.

— Чепуха, я еще могу пройти по прямой. — Я поднялся и через двойные двери последовал за официантом в длинный коридор.

Услышав мои шаги, он обернулся и смерил меня взглядом.

— Извините, мне надо с вами поговорить, — объяснил я причину своего появления в коридоре.

— У меня нет времени, — отрезал он. — Кроме того, я плохо говорю по-английски.

— Но... — Тут я понял, чего от меня ждут, достал десятидолларовую купюру и сунул ее в карман его белого пиджака. — Это вам на учебу.

— Похоже, ко мне возвращаются школьные знания, — улыбнулся он. — Вам нужна женщина? Каких предпочитаете?

— Нет, женщина мне не нужна.

Он на мгновение задумался:

— Вы хотите сказать, что предпочитаете...

— Я хочу сказать, что женщина у меня уже есть.

— А! Так вы хотите продать женщину? Позвольте заметить, синьор, вы правильно сделали, обратившись ко мне. У меня есть связи на рынке живого товара.

— Нет, я не хочу продавать мою женщину.

— Вы в этом уверены? Если она белая, вы сможете получить за нее две тысячи.

Мне надоела бессмысленная болтовня.

— Послушайте, Марио, мне нужны кое-какие сведения.

— Откуда вам известно мое имя? — встревожился официант.

— У меня есть свои секреты.

— А-а-а, телепат. — Он понимающе кивнул. — Ну, конечно, синьор. Скажите, что вас интересует, и я назову цену.

— Но я уже заплатил тебе.

— До свидания, синьор. — Марио повернулся и зашагал по коридору.

— Вернись, — потребовал я. Он даже не обернулся. Я достал из кармана пачку хрустящих купюр. Марио, надо полагать, обладал феноменальным слухом, потому что мгновение спустя мы вновь стояли лицом к лицу. Я спросил, помнит ли он Тревера Колвина, который останавливался в этом отеле в апреле прошлого года.

— Да, — кивнул Марио, и по его растерянному взгляду я понял, что он не знает, сколько можно запросить за эти сведения.

— А почему ты запомнил мистера Колвина? У вас были... э... какие-то дела?

— Нет... он не просил привести женщину. Я лишь познакомил его с Сумасшедшим Джулио из Пачинопедюто, моей родной деревни.

— Зачем?

Марио пожал плечами:

— Синьор Колвин торгует картинами. Сумасшедший Джулио, у которого никогда не было в кармане и двух лир, как-то раз рассказал мне глупую историю о старой картине, найденной им на чердаке его развалюхи. Он хотел показать ее специалисту, по возможности иностранцу. Я понимал, что это пустая трата времени, но бизнес есть бизнес, а Джулио обещал оплатить мои услуги.

— Ты помогал им объясняться друг с другом? — спросил я, пытаюсь выяснить, что же ему известно.

— Нет. Джулио говорит по-английски. Не так уж и хорошо, он же чокнутый, но говорит.

— Ты не верил, что его картина может принести доход?

— Да что можно найти в его доме, кроме пустых бутылок из-под пепси?

— Понятно. Ты можешь отвезти нас к нему?

Марио помедлил с ответом:

— А почему вы хотите встретиться с Сумасшедшим Джулио?

— Мы же договорились, что ты отвечаешь на мои вопросы, а не наоборот. Ты сможешь отвезти нас к нему?

Марио протянул руку.

— Сто долларов, — безапелляционно заявил он.

— Вот тебе пятьдесят. — Я отсчитал пять десятидолларовых купюр. — Когда поедет?

— Завтра утром я могу взять мамину машину и отвезти вас в Пачинопедюто. Вас это устроит?

— Вполне.

Марио кашлянул.

— За машину придется заплатить отдельно. Мама — вдова, и деньги, полученные за прокат машины, оставшейся от отца, ее единственный источник дохода.

— Понятно, — кивнул я, подумав, что, возможно, слишком суров с бедным юношей.

Мы договорились встретиться около отеля, и, вернувшись за столик, я доложил Кэрол о своих успехах. А несколько минут спустя, допив кофе, мы разошлись по номерам.

Мы ждали минут десять, прежде чем у тротуара остановился забрызганный грязью «фиат». Я приехал в Италию впервые и почему-то считал, что там всегда тепло. И теперь дрожал как осиновый лист в легком дождевике, тогда как Кэрол чувствовала себя очень уютно в твидовом, отороченном мехом пальто. Увидев ее порозовевшее от ветра лицо, Марио уже не мог отвести от нее глаз.

— Три тысячи, — прошептал он, когда Кэрол села в машину. — Больше здесь никто не заплатит.

— Замолчи, гаденыш, — ответил я, наклонившись к его уху. — Мы, американцы, не торгуем своими женщинами. Поехали.

Марио вытянул руку:

— Двести километров по двадцать пять центов. С вас пятьдесят долларов.

Кипя от ярости, я заплатил и сел рядом с Кэрол. Громко заскрежетала несмазанная коробка передач, и «фиат» тронулся с места. Кэрол холодно посмотрела на меня:

— Вы чересчур легко сорите моими деньгами. За пятьдесят долларов я могла бы купить эту ржавую колымагу.

Я промолчал. Проехав два квартала, мы повернули за угол и въехали в гараж.

— Одну минуту. — Марио выскользнул из-за руля и залез под машину. Вскоре снизу донесся пронзительный вой. Я открыл дверцу, наклонился и заглянул под днище.

Марио отсоединил привод спидометра и закрепил его на электрической дрели.

— Марио! — проревел я. — Что ты делаешь?

— Зарабатываю на жизнь, синьор.

— Ты что, спятил?

— Я поклялся матери, что мы проедем не более двадцати километров, но утром она все равно взглянула на спидометр. Старая карга не верит даже сыну! Как вам это нравится? Каждый раз, когда я беру машину, приходится переводить спидометр назад. А не то она ограбит меня до нитки.

Чуть не задохнувшись от злости, я схватил Марио за ноги и выволок из-под машины.

— Даю тебе последний шанс. Или мы едем в Пачикак-ее-там, или...

— Хорошо, хорошо, к чему столько шума. — Марио оглядел гараж. — Между прочим, раз мы уже здесь, вас не интересуют наркотики? Марихуана, гашиш, кокаин...

— Где тут телефон? Я хочу позвонить в полицию. — Мои слова произвели магический эффект. Марио метнулся за руль, даже не отсоединив дрель. Она волочилась за нами метров тридцать, а потом покатила по асфальту. Кэрл удивленно взглянула на меня, но я покачал головой, предупреждая ее вопросы. Я хотел, чтобы Марио оставался в неведении относительно наших дел с Сумасшедшим Джулио. Иначе он вцепится в нас, как бульдог.

Два часа спустя мы приехали в Пачинопедюто.

— До фермы Джулио два километра очень плохой дороги, — обрисовал ситуацию Марио. — Вы и синьора можете попить кофе, а я схожу за Джулио.

— Нет. — Я покачал головой. — Ты останешься здесь, а мы с мисс Колвин поедem на ферму.

— Это невозможно, синьор. Если с машиной что-то случится, мама не получит страховку.

— Машина не застрахована, — отрезал я.

— Но вы не знаете дорогу.

— Не забывай, Марио, что ты имеешь дело с телепатом.

— Но я не могу доверять незнакомцу мамин автомобиль.

— Ну что ж. — Я огляделся. — Тогда начнем с полицейского участка.

— Будьте осторожны с тормозами. — Марио смиренно вылез из кабины. — А то машину заносит вправо.

— Благодарю. — Я сел за руль и включил первую передачу.

— Почему вы так грубы с бедным мальчиком? — возмутилась Кэрол.

— Если бедный мальчик не состоит в какой-нибудь банде, — отпарировал я, — то лишь потому, что его оттуда выгнали.

«Фиат» немилосердно трясло и бросало из стороны в сторону. Мы проехали мимо развалин средневекового замка и свернули направо, к небольшому домику, прилепившемуся к горному склону. Шестое чувство подсказало мне, что мы у цели.

— Здесь? — удивилась Кэрол. — Неужели в таком сарае можно найти картину Леонардо?

— Верится, конечно, с трудом, но лет пятьсот тому назад если не этот дом, то замок смотрелся иначе. Леонардо долго жил в Милане и вполне мог навещать в эти края.

— В эту развалюху?

— Нет, конечно, я говорю про замок. Тут должна быть пещера, и, вероятно, там Джулио нашел картину. — Мое сердце екнуло, так как передо мной вновь возникло круг-

лое деревянное сооружение. На нем стояли картины. — Я чувствую, их там много.

— Вы полагаете, Джулио нашел подземный склад?

— Я...

Из дома вышел старик, в дорогом, сером в полоску костюме, и направился к нам. Правда, впечатление портили мятая рубашка и грязные кроссовки. В руках он держал двуствольный дробовик.

Я опустил стекло:

— Привет, Джулио. Как поживаете?

— Что вам надо? — прорычал он. — Убирайтесь отсюда.

— Я бы хотел с вами поговорить.

Джулио поднял дробовик:

— Не о чем нам говорить.

— Я хочу лишь задать пару вопросов.

— Послушайте, мистер... Еще одно слово, и я начну стрелять.

— Вы продали «Мону Лизу» мистеру Колвину. Где вы взяли этот портрет?

— Я вам ничего не скажу.

— Прекрати, Джулио. — Я вышел из машины. — Где пещера?

У старика отвисла челюсть.

— Откуда вы знаете о пещере?

— У меня есть свои секреты, — уклонился я от прямого ответа.

— Так вы телепат?

— Правильно. И прошу в дальнейшем иметь это в виду. Так где пещера?

— А вы не заявите в полицию?

— Разумеется, нет. Наоборот, ты сможешь на этом заработать. Пещера там? — Руководствуясь шестым чувством,

я направился к оливковой рощице. Джулио и Кэрол последовали за мной.

— Я нашел ее три или четыре года назад и никому о ней не рассказывал, — объяснял на ходу Джулио. — А потом подумал: почему я не могу красиво одеваться? Почему модная одежда только у ловкача Марио? Но я продал одну картину. Только одну.

— А сколько картин в пещере?

— Пятьдесят. Или шестьдесят.

— Довольно глупо из такого разнообразия выбрать именно «Мону Лизу».

— Но, синьор, — Джулио всплеснул руками, — они все «Моны Лизы».

Я остановился как вкопанный:

— Что?

— Они *все* «Моны Лизы», — повторил Джулио.

— То есть в пещере пятьдесят или шестьдесят одинаковых картин?

Джулио переступил с ноги на ногу.

— Не совсем они одинаковые.

— Но какой в этом смысл? — Я посмотрел на Кэрол, но и та не могла сказать ничего вразумительного. — Пошли, разберемся на месте.

Мы вошли в рощицу, и Джулио, положив дробовик на землю, отбросил несколько листов ржавого железа. Перед нами открылась черная дыра с уходящими вниз каменными ступенями. Джулио пошел первым, мы — за ним. Лестница привела нас в подземный коридор. Стало совсем темно. Я дернул Джулио за рукав:

— Мы же ничего не увидим. У тебя есть фонарь?

— Я купил один на деньги, полученные от синьора Колвина, но в нем сели батарейки.

Он зажег спичку, а от нее — фитиль керосиновой лампы, стоящей на каменном полу. Дрожащий огонек осветил массивную деревянную дверь. Джулио повозился с замком и толкнул ее. Несмотря на почтенный возраст, она бесшумно отворилась и... Мы стояли на пороге большой пещеры. Я почти физически ощутил, как мимо меня проскальзывали закутанные в плащи люди, жившие здесь много веков тому назад. Я слышал шаги великого маэстро, тайком спускающегося по ступеням. Я видел таинственную машину, порожденную разумом гения.

— Чего вы ждете? — И Джулио, высоко подняв фонарь, вошел в пещеру.

Мы последовали за ним. В слабом свете керосиновой лампы пред нами предстало круглое сооружение, напоминающее обод лежащего на боку колеса. Под ободом виднелись шестерни и соединенный с ними длинный стержень с рукояткой на конце, похожий на коленчатый вал автомобиля. Сооружение выглядело как карусель, только вместо лошадок на ободе стояли картины, обращенные к центру. Там располагалась будка с тремя стенами, в одной из которых на уровне глаз я заметил две дырки.

И тут меня осенило. Леонардо да Винчи, величайший ум человечества, художник, инженер, философ, изобрел движущиеся картинки. Синематограф!

И машина, долгие столетия простоявшая в пещере, не что иное, как самое дорогое сокровище, когда-либо найденное человеком. Перед ней бледнела даже могила Тутанхамона. К тому же машина составляла лишь часть уникальной находки. Великий Леонардо, с его стремлением к совершенству, взял за основу самое знаменитое свое творение. «Мона Лиза», жемчужина мирового искусства, стала для него кадром первого в истории человечества фильма.

Едва дыша от волнения, я вошел в будку и прильнул к отверстиям. Я не ошибся. Сквозь линзы, спрятанные в дереве, я увидел еще один портрет флорентийской красавицы. В мерцающем свете керосиновой лампы она выглядела удивительно живой. Руки ее находились чуть выше, чем на двух портретах, виденных мною ранее, словно она хотела поднести их к шее. Отступив на шаг, чтобы хоть немного свыкнуться с увиденным, я заметил, что Джулио повесил лампу на крюк, торчащий из стены, и пошел вдоль обода, спичками зажигая остальные лампы. Покончив с этим, он взялся за рукоятку стержня.

— Разве механизм еще работает? — удивился я.

— Я смазал и почистил шестерни, так что теперь они как новенькие. — Он повернул рукоятку, и обод пришел в движение, медленно набирая скорость. Джулио махнул рукой, приглашая меня взглянуть в окуляры. Я шумно глотнул и вновь вошел в будку. Чудо следовало за чудом. Мне предстояло увидеть в действии шедевр Леонардо, прикоснуться к сотворенному им совершенству. И, быть может, раскрыть секрет загадочной улыбки Джоконды.

Благоговейно прильнул я к отверстиям в стене и увидел живуюдвигающуюся Мону Лизу.

Она подняла руки к шее, легким движением обнажила левую грудь, поведя плечиком, поправила платье и, сложив руки, улыбнулась.

— О боже! — прошептал я. — О боже, боже, боже!

Джулио крутил ручку, и я снова и снова смотрел этот удивительный фильм, не в силах оторвать глаз. Леонардо добился полной тождественности с реальностью.

Кэрол дернула меня за рукав:

— Пустите меня. Я тоже хочу посмотреть.

Я отступил в сторону, пропустив ее к окулярам. Джулио радостно крутил рукоятку. Через минуту она повернулась ко мне:

— Это невозможно. Я не слишком хорошо разбираюсь в искусстве, но Леонардо не мог пойти на такое...

— Все художники одинаковы, — возразил я. — Они делают то, что требует покупатель. Известно, что Леонардо часто приходилось выполнять капризы знати, а высокородные славились не столько умом, сколько пороком.

— Но такая работа...

— Возможно, у него были помощники. Создавая статую герцога Сфорца, он вполне мог тайком приезжать сюда и рисовать левую...

— Давайте обойдемся без пошлостей, — прервала меня Кэрол и повернулась к вращающейся машине. — Сколько, по-вашему, это стоит?

— Кто знает? Картин примерно шестьдесят. Если вывезти их из Италии, каждая будет стоить миллион. Может, десять миллионов. А может, и миллиард, особенно та...

— Я знал, что этот день будет для меня удачным, — слышался знакомый голос.

Я обернулся. У двери, с дробовиком в руках, стоял Марио. Оба ствола смотрели мне в живот.

— Что тебе надо? — рявкнул я и, поняв нелепость вопроса, добавил: — Почему ты угрожаешь мне?

— А разве вы не угнали мамин автомобиль? — Марио хмыкнул. — И не грозили мне полицией?

— Неужели ты принимал мои слова всерьез?

— Конечно, синьор, особенно когда вы заговорили о шестидесяти миллионах.

— Знаешь что... — Я шагнул к нему, но Марио остановил меня, подняв дробовик на пару дюймов.

— Да?

— Ты ведешь себя глупо. Денег хватит на всех. Я хочу сказать, что пятнадцать миллионов из шестидесяти — твои.

— Я предпочел бы получить все.

— Неужели ты убьешь нас из-за каких-то сорока пяти миллионов?

— Лицом к стене! Все трое! — скомандовал Марио. Мы безропотно подчинились. — А теперь я погляжу, что тут у вас творится.

Обод с картинами еще кружился на хорошо смазанных шестернях. Марио прошел в будку, прильнул к окулярам и вздрогнул от изумления. Коротко глянул на нас, вновь приник к окулярам. Наконец, с бледным как полотно лицом, вышел из будки и направился к нам. Я сжал руку Кэрол, ожидая выстрела.

Но Марио, казалось, нас не видел. Он снял с крюка керосиновую лампу и швырнул ее во вращающийся обод. Звякнуло стекло, и языки пламени заплясали на сухом дереве.

— Болван! — завопил я. — Что ты делаешь?

— Вы видите, что я делаю. — Держа меня на мушке, Марио разбил об обод все лампы. Одна за другой картины превратились в бесполезный пепел.

— Сумасшедший! — проревел я, перекрывая треск горящего дерева. — Что ты натворил?

— Ничего особенного, — спокойно ответил Марио. — Уничтожил порнографический фильм.

— Ты... — Я не находил слов. — Ты просто дьявол. Ты грабил меня с первой минуты нашего знакомства, ты обворовываешь свою несчастную мать, ты пытался продать мне женщину, ты хотел купить Кэрол, ты торгуешь наркотиками и минуту тому назад мог хладнокровно застрелить нас.

— Все так, — не без гордости ответил Марио, — и тем не менее сказанное вами не мешает мне оставаться патриотом своей страны. Несмотря на мои недостатки, я люблю Италию, и мне дорога ее честь.

— Ха! Да при чем тут твой патриотизм?

— Великий Леонардо — лучший художник всех времен и народов. Он — мой соотечественник, и скажите, синьор, что подумает об Италии весь мир, узнав про это безобразие? Что скажут о нации, величайший представитель которой растрачивал свой божественный дар на... — Душевное волнение не позволило Марио закончить фразу.

Я покачал головой. Пещеру наполнил едкий дым, Марио двинулся к двери:

— Пора уходить.

— Ты не убьешь нас?

— Это лишнее. Если кому-то из вас достанет глупости раскрыть рот, вам все равно никто не поверит.

— Наверное, ты прав. — Я пристально посмотрел на Марио. — Послушай, разве тебя не волнует потеря шестидесяти миллионов долларов?

Марио пожал плечами:

— День на день не приходится. Что-то теряешь, что-то находишь. Между прочим, если вы хотите добраться до Милана на мамином автомобиле, вам придется доплатить...

Теперь, глядя на загадочную улыбку Моны Лизы, я не могу не улыбнуться в ответ.

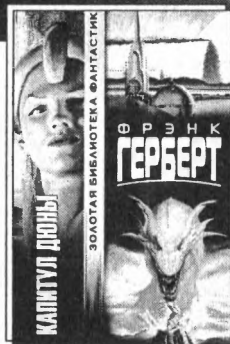
Содержание

БЕГЛЫЕ ПЛАНЕТЫ	5

РАССКАЗЫ

Предисловие	279
Темная ночь в Стране игрушек	281
Выбери себе вселенную!	296
Ловец гроз	316
Инопланетяне — не люди	323
Люби меня нежно	340
Точь-в-точь	358
Дивная новая планета	368
Проверенный способ похудеть	376
Облава	398
Воительницы века техники	405
Размякший дипломат	430
Третье желание	437
Луна-палач	445
Нестабильный две тысячи первый	462
Тень крыльев	467
Схватка на рассвете	506
Невероятный дубликат	565
Шутка Джоконды	585

ДЮНА

В серии

«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»

«Мессия Дюны»

«Дети Дюны»

«Бог-Император Дюны»

«Еретики Дюны»

«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Квином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

**Читайте в 2002 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
второй роман трилогии — «ДОМ ХАРКОННЕНОВ»!**

**По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»**

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя
около **50 издательств** и редакционно-издательских
объединений, предлагает вашему вниманию

более 10 000 названий книг

самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru   **http:** www.ast.ru

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Казань, Сибирский тракт, д. 11, тел. (8432) 78-23-20
- г. Казань, ул. Баумана, 13
- г. Новосибирск, ул. Б. Богатного, д. 260, тел. (3532) 10-17-86
- г. С.-Петербург, Невский пр., д. 116, тел. (812) 279-80-68
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Самара, пр. Ленина, д. 2
- г. Азов, б-р Петровский, д. 3
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Курган, ул. Гоголя, д. 61
- г. Курган, ул. Куйбышева, д. 87, тел. (3522) 22-36-23
- г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 50, тел. (3519) 37-55-65
- г. Магнитогорск, ул. Звениягина, д. 9
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Н. Новгород, ул. Литвинова, д. 25/32, тел. (8312) 77-99-44
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Новочеркасск, ул. Московская, д. 10, тел. (86352) 2-30-53
- г. Орел, Московское шоссе, д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18
- г. Ульяновск, ул. Врача Михайлова, д. 10
- г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 12
- г. Ульяновск, ул. Железной дивизии, д. 6
- г. Челябинск, ул. Кирова, д. 7
- г. Челябинск, пр. Ленина, д. 52
- г. Челябинск, пр. Ленина, д. 68
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Иркутск, ул. Ленина, д. 15, тел. (3953) 24-28-05
- г. Пермь, ул. Крупской, д. 42, тел. (3422) 22-91-17
- г. Тюмень, ул. Республики, д. 155, тел. (3452) 22-45-50
- г. Киров, ул. Комсомольская, д. 37
- г. Киров, ул. Пролетарская, д. 22а
- г. Н. Тагил, ул. Первомайская, д. 32, тел. (3435) 25-43-92
- г. Н. Тагил, ул. Дзержинская, д. 47

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10,
тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2,
тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Шоу Боб

Беглые планеты

Фантастический роман

Темные ночи

Рассказы

Художественный редактор О.Н. Адашкина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Компьютерная верстка: С.Б. Клещев

Технический редактор О.В. Панкрашина

Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77 99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано по заказу ЗАО НПП «Ермак»

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП
«Издательство «Самарский Дом печати»
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Перед вами — один из оригинальнейших миров за всю историю существования жанра научной фантастики.

Здесь вокруг друг друга вращаются две планеты, соединенные общей атмосферой...

Здесь межпланетные путешествия совершаются НА ВОЗДУШНЫХ ШАРАХ, а главным оружием в межпланетной войне являются ЛУК и СРЕЛЫ.

Здесь привычные нам вещи используются весьма НЕПРИВЫЧНЫМИ способами — и используются УДАЧНО!

Здесь происходит действие бесконечно увлекательной фантастической трилогии Боба Шоу!

Астронавты в лохмотьях

Деревянные космолеты

Беглые планеты

Темные ночи

ISBN 5-17-017534-5

9 785170 175345

БЕГЛЫЕ ПЛАНЕТЫ
ТЕМНЫЕ НОЧИ